ДЭН БРАУН

Происхождение

КНИГА, КОТОРУЮ ЖДАЛИ ВО ВСЕМ МИРЕ.
КНИГА, КОТОРУЮ ОБСУЖДАЮТ МИЛЛИОНЫ.

Происхождение
Дэн Браун

Аннотация
Дэн Браун. Происхождение
Пролог
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45

Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70
Глава 71

Глава 72
Глава 73
Глава 74
Глава 75
Глава 76
Глава 77
Глава 78
Глава 79
Глава 80
Глава 81
Глава 82
Глава 83
Глава 84
Глава 85
Глава 86
Глава 87
Глава 88
Глава 89
Глава 90
Глава 91
Глава 92
Глава 93
Глава 94
Глава 95
Глава 96
Глава 97

Глава 98
Глава 99
Глава 100
Глава 101
Глава 102
Глава 103
Глава 104
Глава 105
Эпилог
Благодарности

Аннотация

Роберт Лэнгдон прибывает в музей Гуггенхайма в Бильбао по приглашению друга и бывшего студента Эдмонда Кирша. Миллиардер и компьютерный гуру, он известен своими удивительными открытиями и предсказаниями. И этим вечером Кирш собирается «перевернуть все современные научные представления о мире», дав ответ на два главных вопроса, волнующих человечество на протяжении всей истории: *Откуда мы? Что нас ждет?* Однако прежде, чем Эдмонд успевает сделать заявление, роскошный прием превращается в хаос. Лэнгдону и директору музея, красавице Амбре Видаль, чудом удается бежать. Теперь их путь лежит в Барселону, где Кирш оставил для своего учителя закодированный ключ к тайне, способной потрясти сами основы представлений человечества о себе. Тайне, которая была веками похоронена во тьме забвения. Тайне, которой, возможно, лучше бы никогда не увидеть света, – по крайней мере, так считают те, кто преследует Лэнгдона и Видаль и готов на все, чтобы по-

мешать им раскрыть истину.

Дэн Браун
Происхождение

Dan Brown
ORIGIN

© Dan Brown, 2017
© Перевод. И. Болычев, 2017
© Перевод. М. Литвинова-Комненич, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Памяти моей матери

Нам следует отказаться от собственных жизненных планов, чтобы прожить жизнь, которая нам уготована.

Джозеф Кэмпбелл

Информация

Произведения искусства, архитектурные сооружения, места действия, научные данные и религиозные организации, описанные в романе, существуют в действительности.

Пролог

Допотопный фуникулер карабкался по головокружительному склону. Эдмонд Кирш из окна кабинки задумчиво смотрел на зубчатую вершину горы. Издалека казалось, что каменная громада монастыря парит в воздухе — словно какая-то неведомая сила удерживает ее на отвесной скале над пропастью.

Эта святыня в испанской Каталонии уже более четырех веков противостоит силе земного притяжения, неуклонно исполняя изначальную миссию: ограждать своих обитателей от современного мира.

По иронии судьбы, именно они и узнают правду первыми, подумал Кирш, пытаясь представить возможную реакцию. История учит, что самые опасные люди на земле — это божьи люди… особенно если их богам угрожает опасность. *А я как раз собираюсь разворошить осиное гнездо.*

Фуникулер достиг вершины горы, и Кирш увидел на платформе одинокую фигуру. Худой, кожа да кости, человек в пурпурной сутане и белом

рокетто[1], на голове — маленькая шапочка дзукетто. Кирш узнал это суровое аскетичное лицо по фотографиям и неожиданно ощутил сильное волнение.

Меня встречает сам Вальдеспино. Лично.

Епископ Вальдеспино играл заметную роль в Испании — не только близкий друг и советник короля, но и один из самых влиятельных людей в стране, ярый защитник католических ценностей и политического консерватизма.

— Эдмонд Кирш? — с нажимом произнес епископ, обращаясь к сошедшему с фуникулера гостю.

— Он самый. — Кирш с улыбкой пожал сухую и жесткую руку. — Ваше преосвященство, искренне благодарен вам за эту встречу.

— А я ценю, что вы *настояли* на ней. — Голос епископа оказался громче, чем ожидал Кирш, — чистый и пронзительный, как звон колокола. — Мы не часто общаемся с людьми науки, особенно столь выдающимися. Сюда, пожалуйста.

Они пошли по платформе. Холодный горный ветер трепал складки одежды епископа.

— Признаюсь, выглядите вы не так, как я пред-

---

[1] Сноски: 1

Рокетто — предмет облачения католических епископов — белая рубаха длиной до колен. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ставлял, — заметил Вальдеспино. — Я ожидал увидеть ученого, а вы… — Он с долей сомнения оглядел щеголеватый костюм от «Китон», «К-50»[2], и ботинки из кожи страуса от «Баркер»[3]. — А вы… прямо хипстер. Так ведь это называется?

Кирш вежливо улыбнулся. *У слова «хипстер» несколько иное значение.*

— Я читал о вас, — продолжил епископ, — но толком не понял, чем вы занимаетесь.

— Теорией игр и компьютерным моделированием.

— Придумываете детские компьютерные игры?

Кирш улавливал лукавство в желании епископа казаться старомодным. Более того, он точно знал: Вальдеспино прекрасно разбирается в современных технологиях и часто предостерегает об их опасностях паству.

— Нет, сэр. Теория игр — это область математики, которая изучает различные варианты

---

[2] Сноски: 2

«Китон» — один из самых дорогих в мире брендов мужских костюмов. Стоимость моделей линии «К-50» начинается от 50 тыс. долларов.

[3] Сноски: 3

«Баркер» — английская марка высококлассной обуви, ведущая свою историю с 1880 г.

развития сложных процессов, чтобы попытаться предсказать будущее.

— Ах да. Помню. Несколько лет назад вы предсказали европейский валютный кризис, верно? Никто не хотел вас слушать, но вы спасли положение, придумав компьютерную программу, которая помогла Европейскому Союзу буквально восстать из мертвых. Ваша знаменитая фраза: «Мне тридцать три — именно столько было Христу, когда он воскресил Лазаря».

Кирш смутился.

— Согласен, не слишком удачное сравнение, ваше преосвященство. Но я тогда был молод.

— Молод? — усмехнулся епископ. — А сколько вам сейчас? Около сорока?

— Ровно сорок.

Старик улыбался, полы его сутаны развевались на ветру.

— Сказано, что кроткие должны наследовать землю, но вместо них ее наследовали молодые — зацикленные на технике, те, кто глядит в экраны мониторов куда чаще, чем в собственные души. Я даже представить не мог, что у меня когда-нибудь будет повод встретиться с их кумиром. Ведь вас даже называют *пророком*.

— На этот раз я был совершенно не уверен в

своем пророчестве, ваше преосвященство. Когда я просил вас и ваших коллег о конфиденциальной беседе, вероятность согласия оценивалась мной всего в двадцать процентов.

— А я сказал собратьям, что верующий всегда может извлечь пользу, слушая неверующего: внимая голосу дьявола, начинаешь лучше понимать Бога. — Старик улыбнулся. — Это, конечно, шутка. Простите. Чувство юмора уже не то. И чувство меры порой изменяет. — С этими словами епископ Вальдеспино двинулся дальше. — Все в сборе и ждут вас. Сюда, пожалуйста.

Они шли к цитадели. Крепость из серого камня высилась на краю скалы, обрывающейся на сотни метров отвесно вниз, туда, где у подножия гор расстилался ковер леса. От высоты захватывало дух. Кирш отвел взгляд от пропасти и двинулся вслед за епископом по дорожке вдоль неровного края обрыва, мысленно готовясь к предстоящей встрече.

Он попросил аудиенции у трех выдающихся религиозных лидеров, прибывших сюда на конференцию, которая только что закончилась.

Парламент религий мира.

Начиная с 1893 года сотни духовных лидеров, представители более тридцати религиозных

течений, каждые несколько лет собирались на неделю со всех концов света, чтобы вести межконфессиональный диалог. Известные христианские священники, иудейские раввины, мусульманские муллы, а также индуистские пуджари, буддистские монахи бхикшу, джайны, сикхи и многие, многие другие.

Свои задачи Парламент видел в том, чтобы «развивать гармоничные отношения между религиями мира, наводить мосты между разными типами духовности и находить точки пересечения всех верований».

Благородная цель, подумал Кирш. Но вообще-то пустая трата времени — бессмысленный поиск случайных совпадений в мешанине преданий, сказаний и мифов.

Следуя по дорожке за епископом и поглядывая на крутые горные склоны, Кирш мысленно усмехнулся. *Моисей взошел на гору, чтобы услышать слово Божье, я же поднялся сюда совсем с иной целью…*

Кирш уверял себя, что его привел в Монтсеррат в основном нравственный долг. Но не обошлось и без изрядной доли тщеславия — трудно отказать себе в удовольствии сказать в лицо этим святошам, что их ждет неминуемая гибель.

В нашей истине — ваш конец.

— Знаю из вашего резюме, — сказал вдруг епископ, обернувшись, — что вы учились в Гарвардском университете.

— Верно. Окончил бакалавриат.

— Ясно. Недавно я прочитал, что впервые в истории Гарварда атеистов и агностиков среди поступивших в университет оказалось больше, чем представителей любых религий. Красноречивая статистика, мистер Кирш.

Ну что вам сказать, мысленно ответил Кирш. *Просто студенты с каждым годом становятся умнее.*

Ветер усиливался. Они подошли к серой каменной громаде. Внутри царил полумрак и витал густой запах ладана. Пока они петляли по лабиринту коридоров, глаза Кирша привыкли к полутьме, и он уже вполне сносно различал впереди силуэт епископа. Наконец они оказались у небольшой деревянной дверцы. Епископ постучал, наклонился и вошел.

Кирш неуверенно переступил порог.

Высокие стены прямоугольного зала были сплошь заставлены полками со старинными томами в кожаных переплетах. Приставные стеллажи, как ребра, выпирали из стен, перемежаясь

с тяжелыми чугунными радиаторами отопления, которые шипели и булькали. Возникало жутковатое чувство, что это помещение — живое существо. Кирш окинул взглядом резную балюстраду антресолей наверху и понял, куда попал.

Знаменитая библиотека монастыря Монтсеррат. Почти святая святых. По слухам, здесь есть уникальные рукописи, доступные лишь монахам, которые посвятили жизнь Богу и никогда не покидают пределов монастыря.

— Вы просили о конфиденциальной беседе, — сказал епископ. — Это самое уединенное место. Здесь редко бывают посторонние.

— Спасибо, ваше преосвященство. Оказаться здесь — большая честь для меня.

Кирш вслед за епископом подошел к большому дубовому столу, за которым сидели два пожилых человека. Слева — немощный старик с выцветшими глазами и длинной седой бородой, в мятом черном сюртуке, белой рубашке и шляпе-федоре.

— Рабби Иегуда Кёвеш, — представил его епископ. — Выдающийся еврейский философ, большой знаток каббалистической космологии.

Кирш через стол пожал руку рабби Кёвеша:

— Рад познакомиться, сэр. Читал ваши трактаты о каббале. Не могу сказать, что понял, но

читал.

Кёвеш вежливо кивнул и промокнул слезящиеся глаза носовым платком.

— А это, — епископ подошел к человеку справа, — почтенный аллама Саид аль-Фадл.

Знаменитый мусульманский богослов улыбнулся и встал — невысокого роста, коренастый, с открытым добродушным лицом и темными проницательными глазами. Одет он был в скромный белый тауб[4].

— Рад знакомству, мистер Кирш. Читал *ваши* прогнозы о перспективах человечества. Не могу сказать, что *согласен* с ними, но читал.

Кирш с вежливой улыбкой пожал протянутую руку.

— А это наш гость Эдмонд Кирш. — Епископ повернулся к коллегам. — Ученый-компьютерщик, теоретик игр, изобретатель и в своем роде пророк технологической эры. Признаться, меня удивила его просьба о встрече с нами. Но, мистер Кирш, вы здесь, и вам слово.

Епископ Вальдеспино сел между Кёвешем и аль-Фадлом и, сложив руки перед собой, устремил выжидающий взгляд на Кирша. Троица с

---

[4] Сноски: 4

Тауб — предмет одежды у мусульман в виде широкой рубахи длиной до щиколотки.

непроницаемыми лицами сильно смахивала на трибунал, и вообще все это больше походило на суд инквизиции, чем на дружескую встречу ученых мужей. До Кирша только сейчас дошло, что епископ даже не предложил ему сесть.

Впрочем, это было скорее смешно, чем страшно. Кирш посмотрел на сидящих перед ним стариков.

Святая Троица. Три Мудреца.

Собираясь с духом, он подошел к окну и окинул взглядом захватывающую панораму. Внизу простиралась залитая солнцем мирная долина, обрамленная суровыми пиками горной гряды Кольсерола. А на далеком горизонте над Балеарским морем зловеще клубились черные грозовые облака.

Символично, подумал Кирш, ведь он принес страшные вести, и этим старцам, и всему миру. Потом резко повернулся и заговорил:

— Джентльмены, надеюсь, епископ Вальдеспино предупредил вас о конфиденциальности. Прежде чем мы продолжим, хочу убедиться, что вы согласны не разглашать то, чем я собираюсь поделиться. Просто подтвердите. Согласны?

Все трое молча наклонили головы. *Они бы и так никому ничего не рассказали. Не в их интересах.*

— Я сделал научное открытие, — продолжил Кирш, — думаю, оно вас удивит. Много лет я работал над тем, чтобы ответить на два фундаментальных вопроса человеческого бытия. И наконец, получив эти ответы, пришел к вам, потому что мое открытие произведет переворот прежде всего в религиозной сфере. Я бы сказал катастрофический переворот. О том, что я вам сейчас сообщу, не знает никто.

Кирш достал из кармана огромный украшенный мозаикой смартфон, сконструированный им самим, и установил перед троицей как телевизор. Осталось соединиться с суперзащищенным сервером, набрать пароль из сорока семи знаков и начнется трансляция.

— То, что вы сейчас увидите, — презентация моего обращения к миру, которое я планирую сделать примерно через месяц. Но прежде я решил ознакомить с ним самых влиятельных религиозных мыслителей: хочу узнать, как мое открытие воспримут те, кого оно касается в первую очередь.

Епископ глубоко вздохнул — скорее устало, чем встревоженно.

— Интригующее начало, мистер Кирш. Вы словно намерены показать нечто такое, что потрясет

самые основы мировых религий.

Кирш обвел взглядом длинные ряды книг — священные тексты в кожаных переплетах. *Я не потрясу основы. Я разрушу все до основания.*

Он оценивающе смотрел на троицу за столом. Откуда им знать, что его грандиозное, продуманное до мелочей шоу состоится уже через три дня. И тогда всему миру станет известно: какими бы разными ни были религии, у них есть нечто общее.

Все они в корне ошибочны.

Глава 1

Профессор Роберт Лэнгдон с удивлением разглядывал сидящего щенка высотой двенадцать метров. Вместо шерсти на нем рос пестрый газон с благоухающими цветочками.

В конце концов, почему бы и нет? — подумал профессор.

Задержавшись у странной скульптуры, Лэнгдон двинулся дальше — по нисходящей террасе хаотически переплетенных лестниц, разнокалиберные ступени которых постоянно сбивали с шага и ритма. *Ну вот и все*, пару раз проносилась мысль, когда, запнувшись на неровных ступеньках, он чуть было не полетел вниз.

У подножия он остановился и, задрав голову, устремил взгляд на то, что высилось над ним.

Так вот ты какая.

Огромная железная паучиха — «черная вдова». Тонкие лапы поддерживают овальное тело на высоте девяти метров. К животу подвешена камера для яиц из крупноячеистой металлической сетки, туго набитая стеклянными шарами.

— Ее зовут Маман, — услышал вдруг Лэнгдон.

Опустив взгляд, он увидел перед собой щуплого человека со смешными усами а-ля Сальвадор Дали, одетого в темный парчовый кафтан шервани.

— Я Фернандо. Добро пожаловать в наш музей. — С этими словами он перевел взгляд на бейджики, разложенные на столике перед ним. — Могу я спросить, как вас зовут, сэр?

— Роберт Лэнгдон.

— О, простите, сэр, я не узнал вас, — смущенно пробормотал Фернандо.

Я и сам бы себя не узнал, подумал Лэнгдон. В черном фраке и белом жилете с белой бабочкой он чувствовал себя неловко. *Как певец из Йельской университетской капеллы.* Фрак этот появился лет тридцать назад, когда Лэнгдон вступил в клуб «Лиги плюща» в Принстоне[5]. Но он мог позволить себе надеть его и сейчас — вот что значат ежедневные визиты в бассейн!

В спешке собирая чемодан, Лэнгдон взял из шкафа не тот чехол с одеждой, и привычный смокинг остался дома.

— В приглашении говорится «черное и белое», — сказал Лэнгдон. — Я подумал, фрак

---

[5] Сноски: 5
Клуб, объединяющий принстонских бакалавров, существует с 1879 г.

подойдет.

— О, фрак — это классика! Выглядите потрясающе! — Фернандо вышел из-за стола и аккуратно прикрепил бейджик к лацкану на фраке Лэнгдона. — Для меня большая честь познакомиться с вами. Вы ведь уже бывали у нас?

Лэнгдон взглянул на ослепительно сияющее за паучихой здание музея.

— Стыдно признаться, я тут впервые.

— Не может быть. — Фернандо картинно закатил глаза. — Не любите современное искусство?

Лэнгдону в принципе нравилось современное искусство — его *вызов*. Особенно интересно было понять, почему то или иное произведение считается шедевром: живописный хаос Джексона Поллока, «Банки с супом Кэмпбелл» Энди Уорхола, цветные прямоугольники Марка Ротко. Но все же Лэнгдон чувствовал себя куда комфортнее, обсуждая религиозный символизм Босха или особенности художественной манеры Франсиско Гойи.

— Я поклонник классики, — ответил Лэнгдон. — Леонардо да Винчи мне ближе, чем Кунинг.

— Но да Винчи и Кунинг — они же *так похожи*!

Лэнгдон натянуто улыбнулся:

— Наверное, мне стоит поближе познакомиться с творчеством Кунинга.

— Более подходящего места вы не найдете. — Фернандо простер руку в сторону сияющей громады. — В нашем музее лучшее в мире собрание современного искусства. Надеюсь, вам понравится.

— И я надеюсь, — ответил Лэнгдон. — Только не совсем понимаю, *зачем* я здесь.

— Не вы один. Никто ничего не понимает. — Фернандо рассмеялся и замотал головой. — Устроитель праздника все хранит в строжайшей тайне. Даже персонал музея не в курсе, что сегодня будет. Тем интереснее! Ходят самые невероятные слухи. Несколько сотен приглашенных! Множество знаменитостей! И никто ничего не знает!

Лэнгдон усмехнулся. Мало у кого хватило бы наглости разослать в последнюю минуту такие приглашения: *В субботу вечером. Жду. Поверь, это важно.*

И совсем мало тех, ради кого сотни ВИП-персон бросят все и сломя голову помчатся в *северную Испанию* на непонятное мероприятие.

Лэнгдон вышел из-под паучихи и двинулся по дорожке в сторону гигантского красного баннера:

Чем-чем, а скромностью Эдмонд никогда не отличался, с усмешкой подумал Лэнгдон.

Лет двадцать назад молодой Эдди Кирш, вихрастый компьютерщик-ботан, стал одним из первых студентов Лэнгдона в Гарварде. Страсть к цифрам привела его к новоиспеченному преподавателю на спецсеминар «Коды, шифры, язык символов». На Лэнгдона интеллектуальные способности Кирша произвели неизгладимое впечатление. И хотя тот скоро оставил тусклый мир семиотики ради сияющих вершин компьютерных технологий, у них установились прочные отношения по типу «любимый преподаватель — любимый студент», сохранявшиеся больше двух десятилетий после окончания Киршем Гарварда.

И вот ученик обогнал учителя, подумал Лэнгдон, *на несколько световых лет.*

Сегодня Эдмонд Кирш всемирно известный гений: миллиардер, компьютерный гуру, изобретатель, предприниматель, предсказатель будущего. В свои сорок лет он совершил удивительные открытия в самых разных областях: робототехнике, исследованиях человеческого мозга, искусственного интеллекта, нанотехнологиях. А целый ряд открытий он просто предсказал, и это создало

вокруг него настоящий мистический ореол.

Лэнгдон считал, что невероятно точные предсказания Эдмонда обусловлены очень широким кругом знаний. Он помнил, что Эдмонд всегда был ненасытным книгочеем — читал все, что написано. Такой страсти к книгам и таких способностей усваивать прочитанное Лэнгдон никогда не встречал.

Последнее время Кирш жил по большей части в Испании — он влюбился в эту страну, ему нравилось все: очарование старины, авангардная архитектура, неповторимые джин-тоник-бары и прекрасный климат.

Раз в год, когда он приезжал в Кембридж выступать в медиалаборатории Массачусетского технологического института, они обедали в Бостоне в очередном модном заведении, о котором Лэнгдон раньше даже не слышал. Они никогда не говорили о технологиях, Кирша интересовало только искусство.

— Роберт, ты мой личный советник по культуре, — любил шутить Кирш, — тем более что другой любви у тебя в жизни нет.

Подтрунивание над тем, что Лэнгдон все никак не женится, приобретало дополнительную иронию в устах убежденного холостяка, счита-

ющего моногамию «бунтом против эволюции» и постоянно мелькающего в светской хронике в компании супермоделей.

Обычно, говоря об ученом-компьютерщике, представляешь замкнутого, небрежно одетого чудака не от мира сего. Но Кирш был настоящей звездой тусовок, он вращался в кругах знаменитостей, одевался по самой последней моде, слушал заумную андеграундную музыку и собрал целую коллекцию бесценных полотен импрессионистов и современных художников. Намереваясь приобрести новый шедевр, Кирш часто по электронной почте спрашивал совета у Лэнгдона.

И всегда поступал наоборот, усмехнулся профессор.

Год назад во время очередной встречи Кирш удивил Лэнгдона, вдруг начав разговор не об искусстве, а о Боге. Странная тема для убежденного атеиста. Отдавая должное говяжьим ребрышкам крудо в бостонском ресторане «Тайгер мама», Кирш расспрашивал Лэнгдона про основные догматы разных религий. Особенно его интересовали версии сотворения мира.

Лэнгдон сделал тогда солидный обзор самых известных религиозных концепций, остановившись и на общей для иудаизма, христианства и

ислама книге Бытия, и на индуистском рассказе о Брахме, и на вавилонской легенде о Мардуке.

— Интересно, — спросил Лэнгдон, когда они вышли из ресторана, — почему человек, живущий будущим, так интересуется прошлым? Неужели Великий Атеист пришел к Богу?

Кирш от души рассмеялся:

— Не дождешься, Роберт! Просто хочу лучше изучить конкурирующую фирму.

Эдмонд в своем репертуаре, мысленно улыбнулся Лэнгдон.

— Но послушай, — сказал он, — наука и религия не конкуренты, они говорят об одном и том же, только на разных языках. В этом мире места хватит обеим.

После этой встречи Эдмонд исчез почти на год, и вдруг три дня назад Лэнгдону доставили пакет «Федерал экспресс»: билет на самолет, подтверждение брони отеля и записку: *Роберт, твое присутствие для меня особенно важно. Именно твои откровения во время нашего последнего разговора сделали этот вечер возможным.*

Лэнгдон ничего не понял. Какая связь между тем разговором и грандиозным мероприятием на другом конце света?

В конверте «Федерал экспресс» еще была кар-

точка, на ней — два черных профиля на белом фоне. И стишок Кирша:

Роберт,
Лицом к лицу, вот я, вот ты.
И я пойму смысл пустоты.

– Эдмонд

Лэнгдон улыбнулся. Остроумный намек на историю, в которой он принимал участие несколько лет назад. Пространство между двумя черными профилями образовывало форму чаши Святого Грааля.

И вот Лэнгдон здесь, возле музея, и гадает, что затеял его бывший студент. Легкий ветерок развевал полы фрака, Лэнгдон шел по бетонной дорожке вдоль петляющей реки Нервьон, кото-

рая когда-то была главной артерией крупного промышленного центра. Казалось, в воздухе до сих пор витает слабый запах раскаленной меди.

После очередного поворота он наконец решил внимательно рассмотреть сияющую громаду музея. Ее невозможно было охватить взглядом. Приходилось вновь и вновь переключать внимание, следуя изгибам причудливых вытянутых форм.

Это не нарушение правил, подумал Лэнгдон. *Это полное отрицание всяких правил. Идеальное место для Эдмонда.*

Музей Гуггенхайма в испанском Бильбао как галлюцинация инопланетянина: буйный вихрь искривленных металлических конструкций, нагроможденных друг на друга почти без плана и смысла. Огромная конструкция, покрытая более чем тридцатью тысячами титановых листов, сверкающих на солнце, словно рыбья чешуя, оставляла впечатление чего-то одновременно живого и бесконечно далекого: словно футуристический Левиафан выполз из реки погреться на солнце. В 1997 году, когда музей открылся, журнал «Нью-йоркер» написал, что архитектор Фрэнк Гери создал «волнообразный корабль мечты в титановой мантии». Да и весь мир был в восторге:

«Величайшее сооружение нашего времени!», «Сияющее великолепие!», «Архитектурный подвиг!»

С тех пор появились десятки «деконструктивистских» зданий — концертный зал «Дисней» в Лос-Анджелесе, «Мир “БМВ”» в Мюнхене и даже новая библиотека в альма-матер Лэнгдона. Каждый проект по-своему необычен, но ни один не производит такого ошеломляющего впечатления, как музей Гуггенхайма в Бильбао.

Очертания чешуйчатого титанового гиганта менялись с каждым шагом, представали иными и неповторимыми. Лэнгдона поразил еще один эффект. Под определенным углом зрения казалось, что огромная конструкция скользит по воде, уплывает в даль широкой заводи, вплотную подступающей к стенам музея. Лэнгдон насладился волшебным зрелищем и пошел через заводь по минималистскому пешеходному мосту над зеркальной водной гладью. На середине он вдруг услышал странное шипение, как будто что-то кипело внизу. Он замер, и внезапно из-под моста начала подниматься клубящаяся пелена тумана. Молочное облако окутало Лэнгдона, а потом медленной белой волной двинулось через заводь, наполовину скрыв здание музея.

Скульптура из тумана, подумал Лэнгдон. Он

читал об экспериментах японской художницы Фуджико Накая. Уникальность ее «скульптур» в том, что они созданы из «видимого воздуха», — это волна тумана, которая возникает и растворяется. А поскольку ветер и погодные условия меняются, каждый день скульптура выглядит иначе.

Под мостом все стихло. Пелена тумана, беззвучно клубясь, стелилась по заводи, словно живое разумное существо. Было в этом что-то неземное. Огромный музей парил над водой, покоясь на облаке, будто затерянный в море корабль-призрак. И только Лэнгдон собрался пойти дальше, как водная гладь вдруг покрылась мелкой рябью. С ревом взлетающей ракеты из воды поднялись пять огненных столбов, пронизывая светом туманный воздух и дробясь отражениями на титановой чешуе здания.

Конечно, Лэнгдону больше по душе была традиционная архитектура, скажем, Лувра или Прадо. Но глядя на феерию огня и тумана, он подумал: трудно подобрать более подходящее место, чем этот ультрасовременный музей, для выступления человека, который в равной степени любит искусство и современные технологии и словно открытую книгу читает будущее.

Лэнгдон прошел сквозь туман и оказался у входа в музей. Зловещая черная дыра, похожая на зев рептилии. Когда он переступал порог, у него появилось недоброе предчувствие, словно он делал шаг в пасть дракона.

Глава 2

Адмирал Луис Авила сидел за стойкой в пустом пабе незнакомого города. Он устал. Он только что прилетел. Ради предстоящей миссии пришлось преодолеть несколько тысяч миль за двенадцать часов. Он пил обычный тоник, уже второй стакан, и разглядывал ряды разноцветных бутылок в баре.

Всякий может оставаться трезвым в пустыне, меланхолично размышлял он, *но в оазисе отказаться от спиртного способен лишь бесконечно преданный делу человек.*

Авила не прикасался к алкоголю почти год. Он посмотрел на свое отражение в зеркальной стенке бара. Сегодня ему нравилось то, что он видел.

Авила принадлежал к тому счастливому типу средиземноморских мужчин, которым годы идут на пользу. С возрастом жесткая черная щетина превратилась в солидную, с проседью, бороду, некогда страстные черные глаза теперь излучали спокойную уверенность, а гладкую смуглую кожу, задубевшую от солнца и ветра, избороздили морщины. Казалось, он постоянно смотрит в

морскую даль с капитанского мостика.

В свои шестьдесят три Авила был подтянут и строен. Выправку подчеркивал отлично скроенный адмиральский мундир — белый двубортный китель, золотые погоны, эскадра медалей на груди, накрахмаленный воротничок-стойка и свободные белые, расшитые шелком брюки.

Про Испанскую Армаду уже не скажешь «непобедимая», но мы еще не разучились шить форму для своих офицеров.

Адмирал годами не надевал парадный мундир, но сегодня особый день. На улицах этого незнакомого города женщины бросали на него восхищенные взгляды, а мужчины невольно уступали дорогу.

Человек долга невольно вызывает уважение.

— ¿Otra tónica?[6] — обратилась к нему из-за стойки симпатичная барменша. Полноватая, лет тридцати, с кокетливой улыбкой.

Авила покачал головой:

— No, gracias[7].

Других посетителей в пабе не было, и Авила постоянно чувствовал на себе ее восхищенный

---

[6] Сноски: 6
Еще тоник? (*исп.*)

[7] Сноски: 7
Нет, спасибо (*исп.*).

взгляд. Приятно, когда на тебя так смотрят. *Я восстал из бездны.*

Он никогда не забудет того кошмара. Пять лет назад. Оглушительный миг, когда земля разверзлась и поглотила его.

Кафедральный собор Севильи.

Воскресное пасхальное утро.

Андалузское солнце пробивается сквозь витражи и калейдоскопически расцвечивает яркими пестрыми бликами убранство собора. Торжественно гремит орган — словно многотысячный хор верующих празднует чудесное воскресение из мертвых.

Коленопреклоненный Авила в ожидании причастия у алтарной ограды, душа полна умиления и благодарности. После долгих лет морской службы Господь благословил его и дал самое дорогое на свете — семью. Улыбаясь, Авила оборачивается и смотрит на молодую жену Марию, которая сидит на скамье у самого входа в собор. Она на последних месяцах беременности, ей трудно ходить. Рядом с ней — их трехлетний сын Пепе. Он машет ручкой отцу. Авила подмигивает сыну, а Мария, глядя на мужа, умиротворенно улыбается.

Благодарю тебя, Господи, мысленно произ-

носит Авила, поворачиваясь к ограде, чтобы принять причастие.

И тут древний собор сотрясается от оглушительного взрыва.

Яркая вспышка. И весь мир Авилы исчезает в огне.

Взрывная волна швыряет его на алтарную ограду, осыпает бесчисленными осколками, обломками, ошметками человеческих тел. Авила приходит в себя и, задыхаясь от дыма, не может понять, где он и что с ним. Сквозь звон в ушах — душераздирающие крики. Дрожа, он встает и с ужасом оглядывается вокруг. Этого не может быть, это страшный сон, говорит он себе. Шатаясь, устремляется сквозь клубы дыма и пыли мимо стонущих, обезображенных тел туда, где еще минуту назад на церковной скамье сидели его жена и сын.

Но там ничего нет.

Ни скамьи. Ни людей.

Только кровавые ошметки на обожженном взрывом каменном полу.

Страшные воспоминания милостиво оборвал колокольчик над дверью в паб. Авила сжал рукой стакан tónica, сделал большой глоток, пытаясь привычным усилием воли избавиться от пресле-

дующего его кошмара.

Дверь распахнулась, и в паб ввалились двое здоровенных парней в зеленых футболках, обтягивающих животы. Фальшивя, они ревели песню ирландских футбольных болельщиков. Очевидно, сегодня местный клуб играет с ирландцами.

Это знак, пора идти, подумал Авила и встал. Попросил счет, но барменша лишь покачала головой и подмигнула. Он поблагодарил ее и направился к выходу.

— Ни хрена себе! — заорал один из парней, уставившись на парадный мундир Авилы. — Да это ж сам испанский король!

Оба разразились гоготом и, покачиваясь, двинулись к нему.

Авила попытался обойти их, но тот, что покрепче, грубо схватил его за руку и усадил на стул.

— Не дергайся, ваше величество. Раз уж мы в Испании, надо попить пивка с королем.

Авила демонстративно посмотрел на грязную руку, сжимающую отглаженный рукав белоснежного кителя.

— Позвольте пройти, — спокойно сказал он, вставая. — Я спешу.

— Не-не-не! Ты обязательно выпьешь с нами,

amigo[8]!

И парень только усилил хватку, а его приятель начал тыкать пальцем в медали на груди Авилы.

— А ты, папаша, похоже, герой, — говорил он, дергая за один из самых заметных знаков отличия. — Это что, булава? Типа рыцарь в сияющих доспехах?

И они снова захохотали.

Спокойно, уговаривал себя Авила. На своем веку он много повидал таких — тупых, несчастных, никогда ни за что не боровшихся. Они способны только хамски пользоваться правами и свободами, которые завоевали для них совсем иные люди.

— Этот жезл, — тихо проговорил Авила, — эмблема Unidad de Operaciones Especiales[9] Испании.

— Спецоперации? — с притворным испугом переспросил парень. — Круто. А это эмблема чего? — указал он на правую руку адмирала.

Авила опустил взгляд. На ладони у него был вытатуирован черный символ, история которого уходила корнями в четырнадцатый век.

---

[8] Сноски: 8
Друг (*исп.*).

[9] Сноски: 9
Подразделение специальных операций (*исп.*).

А это моя защита, подумал Авила. *Хотя она мне сейчас не нужна.*

— Ладно, черт с ним. — Парень наконец отпустил руку Авилы и переключился на барменшу: — А ты симпатичная. Небось, стопроцентная испанка?

— Да, — скромно ответила девушка.

— А не хочешь, чтобы тебе вставили что-нибудь ирландское?

— Нет.

— А вдруг тебе понравится? — Здоровяк истерически захохотал и грохнул кулаками о стойку.

— Оставьте ее в покое, — сказал Авила.

Ирландцы одновременно повернулись и уставились на него. Тот, что поменьше, сильно ткнул его в грудь.

— Будешь учить нас, что делать?

Авила глубоко вздохнул. Как он устал. Какой длинный день.

Он медленно направился к бару.

— Садитесь, джентльмены. Я угощу вас пивом.

Хорошо, что он остался, подумала девушка. Она и сама способна постоять за себя, но этот моряк так спокойно управлялся с ублюдками, что она малодушно понадеялась, может, он вообще просидит до закрытия.

Адмирал заказал два пива, а себе еще один тоник и занял прежнее место за стойкой. Парни сели рядом, с двух сторон.

— Тоник? Без джина? — гаркнул один из них. — Я думал, мы выпьем вместе.

Адмирал устало улыбнулся барменше и залпом осушил стакан.

— У меня, к сожалению, дела. — Он поднялся. — А вы, ребята, пейте пиво. На здоровье.

Но они синхронно, как по команде, с двух сторон положили ему на плечи свои ручищи и жестко усадили на стул. В глазах адмирала промелькнула искорка гнева.

— Папаша, я не думаю, что ты уйдешь и оставишь нас со своей девахой. — Здоровяк с нескрываемой похотью посмотрел на барменшу.

Адмирал немного помедлил, а потом опустил руку в карман кителя.

Парни тут же крепко схватили его за руки:

— Эй-эй, ты что делаешь?

Очень медленно Авила достал из кармана

мобильный телефон и что-то сказал парням по-испански. Они тупо смотрели на него, и адмирал снова перешел на английский:

— Простите, надо позвонить жене, сказать, что задерживаюсь. Похоже, придется посидеть с вами еще какое-то время.

— Другой разговор, — крикнул тот, который поздоровей, допил пиво и грохнул бокалом по стойке. — Еще!

Наливая пиво, девушка видела в зеркале, как адмирал нажал на телефоне несколько кнопок и быстро заговорил по-испански.

— Le llamo desde el bar Molly Malone, — читал адмирал название бара и адрес на подставке перед собой. — Calle Particular de Estraunza, ocho[10]. — Он выдержал паузу и продолжил: — Necesitamos ayuda inmediatamente. Hay dos hombres heridos[11]. – И нажал отбой.

¿Dos hombres heridos? У барменши забилось сердце. *Двое пострадавших?*

Не успела она опомниться, как адмирал резко повернулся вправо и врезал локтем в нос тому,

---

[10] Сноски: 10

Звонят из бара «Молли Мэлоун». Улица Партикуляр-де-Эстранца, восемь (*исп.*).

[11] Сноски: 11

Срочно нужна помощь. Двое пострадавших (*исп.*).

что поздоровей. Раздался хруст. Брызнула кровь, и парень упал на спину. Второй не успел даже дернуться, как адмирал уже повернулся влево и, вмазав ему другим локтем по кадыку, сбил со стула. Барменша, застыв, смотрела на парней на полу. Один визжал, залитый кровью, другой хрипел, схватившись за горло. Адмирал медленно встал. С ледяным спокойствием достал бумажник, положил на стойку купюру в сто евро.

— Приношу извинения, — сказал он девушке по-испански. — Полиция скоро приедет, вам помогут. — Повернулся и вышел.

Адмирал вдохнул вечерний воздух и пошел по улице Аламеда-де-Мазаредо к реке. Услышав звук приближающейся полицейской сирены, отступил в тень, пропуская блюстителей порядка. Предстояла серьезная работа, и Авила больше не мог себе позволить непредвиденных происшествий.

Регент четко поставил передо мной задачу.

Получая приказы от Регента, Авила успокаивался. Не думай. Не сомневайся. Просто делай. После долгих лет на командных постах было так приятно и легко сойти с мостика, уступить место у штурвала.

Идет война. Я рядовой пехотинец.

Пару дней назад Регент поделился с Авилой таким секретом, что он без колебаний вызвался исполнить порученное.

И все же чудовищная жестокость предстоящей миссии не давала ему покоя. Но Авила знал — это ему простится.

Праведность принимает разные формы.

Много крови прольется сегодня еще до начала ночи.

Выйдя на большую площадь у реки, он увидел огромное сооружение. Волнообразная мешанина странных форм, покрытых металлическими листами, — словно две тысячи лет архитектурного прогресса вышвырнули в помойку во имя тотального хаоса.

И это уродство они называют музеем.

Собравшись с мыслями, Авила пересек площадь и пошел мимо чудовищных скульптур к музею Гуггенхайма. На подходе к зданию толпились десятки людей, элегантно одетых, все в черном и белом.

Собрались служить безбожную мессу.

Но все сегодня будет совсем не так, как они задумали.

Он поправил адмиральскую фуражку, одернул китель, мысленно подбадривая себя: это просто

работа, которую надо сделать. И эта работа — лишь первый шаг великой миссии, крестового похода праведников.

Шагая через внутренний двор ко входу в музей, он осторожно перебирал четки в кармане кителя.

Глава 3

Атриум музея напоминал футуристический собор.

Взгляд Лэнгдона невольно устремился вверх, «в небеса»: колоссальные белые колонны и стеклянный занавес поднимались на шестьдесят метров к сводчатому потолку, с которого лилось чистое белое сияние галогенных ламп. Парящая под галогенными небесами сеть переходов, площадок, балконов была испещрена черно-белыми фигурками приглашенных, которые сновали по верхним галереям или стояли у окон, созерцая водную гладь. Стеклянные лифты бесшумно опускались вдоль стен «на землю» за новыми гостями.

Таких музеев Лэнгдон еще не видел. Даже акустика другая. Вместо обычной благоговейной тишины, обеспечиваемой звукопоглощающими материалами, все гудело эхом бесчисленных голосов, отраженных стеклом и камнем. Единственное, что знакомо, — привкус стерильности, воздух здесь был «музейный» — прошедший систему грубой и тонкой очистки, ионизирован-

ный, 45-процентной влажности.

Лэнгдон прошел через ряд на удивление узких рамок металлоискателей, обратив внимание на большое количество вооруженных охранников, и оказался у еще одного стола регистрации. Молодая женщина протянула ему наушники: «Audioguía?[12]»

Лэнгдон с улыбкой отказался.

Но женщина остановила его и перешла на английский:

— Простите, сэр. Но хозяин вечера, мистер Эдмонд Кирш, распорядился, чтобы все были в наушниках. Это предусмотрено программой.

— Хорошо, я возьму.

Лэнгдон потянулся было к наушникам на столе, но женщина вежливо отвела его руку, нашла его имя в длинном списке гостей и выдала наушники с соответствующим номером.

— Аудиотуры у нас сегодня индивидуальные. У каждого свой аудиогид.

Как такое возможно? Лэнгдон огляделся. *Здесь же сотни гостей.*

Потом с удивлением посмотрел на «наушники». Изящная металлическая полупетля с миниа-

---

[12] Сноски: 12
Аудиогид? (*исп.*)

тюрными подушечками на концах. Заметив его замешательство, женщина поспешила прийти на помощь.

— Это новая модель, — сказала она, пристраивая гарнитуру. — Они вставляются не в уши, просто прижимаются к лицу.

Она приладила гарнитуру: полупетля обхватила шею сзади, а подушечки прижались к скулам.

— Но как же я буду…

— Аудио-костная технология. Звуковые вибрации передаются непосредственно на челюсть и оттуда прямо на слуховую улитку, минуя мембрану. Я пробовала, забавное ощущение — голос звучит как будто у тебя в голове. И при этом уши свободны — можно слышать людей вокруг.

— Остроумно.

— Разработка мистера Кирша десятилетней давности. Выпускается сегодня многими производителями.

Надеюсь, Людвиг ван Бетховен получает свой процент, подумал Лэнгдон. Известно, что костную звукопроводимость великий композитор использовал еще в девятнадцатом веке. Потерявший слух гений обнаружил, что если один конец металлического прута прикрепить к фортепиано, а другой зажать в зубах, то звуковые колебания

передаются через челюсти и он слышит то, что играет.

— Надеюсь, вам понравится. До презентации еще час. Можете осмотреть экспозицию. Аудиогид предупредит вас, когда надо будет идти наверх, на мероприятие в зал.

— Спасибо. А куда нажимать…

— О, никуда, — улыбнулась молодая женщина. — Гарнитура сама активируется. Аудиотур включится, как только вы начнете движение.

— Ах да, конечно, — кивнул Лэнгдон с улыбкой и двинулся через атриум, по которому неспешно прохаживались гости. Все ждали лифтов. У каждого был свой аудиогид.

Не успел он дойти до середины атриума, как в голове прозвучал мужской голос:

— Добрый вечер и добро пожаловать в музей Гуггенхайма в Бильбао.

Лэнгдон вроде бы знал, что это «наушники», но все равно невольно остановился и обернулся. Поразительный эффект — женщина была права: казалось, будто кто-то сидит у него в голове.

— Профессор Лэнгдон, мы с особой сердечностью приветствуем вас. Меня зовут Уинстон. Мне выпала честь быть вашим гидом. — Интонации образованного светского человека, слышен лег-

кий британский акцент.

Кого они записали — может, Хью Гранта?

— Осматривайте экспозицию в любой последовательности, — ободряюще предложил гид. — Идите куда заблагорассудится, а я по мере сил постараюсь помочь лучше понять то, что вы увидите.

Похоже, кроме аудиозаписи, персональных данных на каждого посетителя, особой аудиотехнологии, к «наушникам» прилагается еще и система GPS, чтобы точно определять, где находится посетитель и какой экспонат надо представлять.

— Я понимаю, сэр, — продолжал гид, — вы не обычный посетитель, вы профессор искусствознания и вряд ли нуждаетесь в моих пояснениях. К тому же допускаю, что вы можете в корне не согласиться с некоторыми из моих трактовок. — В голосе послышалась улыбка.

Даже так? Кто же сочинил этот текст? Приятный голос и персональный подход — это, конечно, мило и трогательно, но Лэнгдон даже представить не мог, какой колоссальный объем работы надо было проделать, чтобы настроить гарнитуры на несколько сотен посетителей.

Уинстон наконец умолк, словно утомившись

от своей заранее записанной приветственной речи. Лэнгдон огляделся. Над атриумом парил еще один огромный красный баннер.

ЭДМОНД КИРШ

СЕГОДНЯ МЫ ШАГНЕМ В БУДУЩЕЕ

Что же задумал Эдмонд?

Лэнгдон посмотрел в сторону лифтов. Там оживленно беседовала группа гостей. Два знаменитых владельца глобальных интернет-компаний, прославленный индийский актер и еще какие-то хорошо одетые и наверняка тоже известные всем, но не ему, ВИП-персоны. Не испытывая большого желания обсуждать социальные медиа и Болливуд, Лэнгдон двинулся в другую сторону, туда, где у дальней стены располагался очередной образчик современного искусства.

Инсталляция, помещенная в темной нише, состояла из девяти узких конвейерных ленточек, которые выходили из прорезей в полу и бежали вверх, исчезая в прорезях на потолке. Все это напоминало девять поставленных вертикально тренажеров «беговая дорожка». На каждой ленточке — светящиеся слова, которые узкой полоской двигались снизу вверх.

Я молюсь вслух… Я чувствую твой запах на моей коже… Я произношу твое имя.

Лэнгдон подошел ближе и понял: ленты на самом деле неподвижны, иллюзию движения создают слои светодиодов на них. Огоньки последовательно загорались, формируя слова, и получалась бегущая строка — от пола до потолка.

Я громко плачу… Там была кровь… Никто не сказал мне.

Лэнгдон обошел «бегущие строки» со всех сторон, внимательно изучая конструкцию.

— Интересная вещь, — неожиданно ожил аудиогид. — Называется «Инсталляция для Бильбао», автор — художница-концептуалистка Дженни Хольцер. Девять светодиодных панелей, каждая высотой около двенадцати метров. По ним бегут слова на баскском, испанском и английском. Речь идет об ужасах СПИДа и страданиях людей, от которых все отвернулись.

Ничего не скажешь, все это завораживало и даже волновало.

— Возможно, вы уже знакомы с работами Дженни Хольцер?

Лэнгдон как завороженный смотрел на бегущие вверх слова.

Я хороню мою голову… Я хороню твою голову… Я хороню тебя.

— Мистер Лэнгдон, — настойчиво повторял гид, — мистер Лэнгдон, вы слышите меня? Ваша гарнитура в порядке?

Лэнгдон наконец отвлекся от своих мыслей:

— Простите, что? Алло? Кто говорит?

— Кто говорит? — удивленно спросил голос. — Я думал, мы уже познакомились. Просто хотел проверить, слышите ли вы меня.

— Простите… извините, — пробормотал Лэнгдон, вышел из ниши в атриум и невольно стал оглядываться по сторонам. — Я думал, это просто запись. Я не знал, что все время со мной говорил живой человек. — Он представил огромное помещение, где сидят три с лишним сотни экскурсоводов в наушниках и с музейными каталогами в руках.

— Ничего страшного, сэр. Я ваш персональный гид. В вашей гарнитуре есть микрофон. Программа предусматривает интерактивный режим. Мы можем беседовать об искусстве.

Лэнгдон заметил, что другие гости тоже говорят

как будто сами с собой. Даже пары ходили словно врозь и, обмениваясь смущенными взглядами, больше общались с персональными гидами, чем друг с другом.

— И у *каждого* гостя персональный гид?

— Да, сэр. Сегодня у нас триста восемнадцать индивидуальных экскурсий.

— Невероятно.

— Эдмонд Кирш большой поклонник искусства и технологий. Эту систему он создал специально для музеев, чтобы упразднить групповые экскурсии, которых терпеть не может. У каждого свой персональный гид, каждый может осматривать выставку в своем ритме, задавать вопросы, которые постеснялся бы задать прилюдно. Индивидуальный подход и эффект личного общения.

— Не хочу показаться старомодным, но почему просто не приставить к каждому экскурсовода?

— Это не очень рационально, — ответил гид. — С персональными экскурсоводами количество людей в залах удваивается, соответственно вдвое уменьшается число потенциальных посетителей. И потом, представьте эту какофонию, когда все экскурсоводы заговорят разом. Согласитесь, не очень комфортно. Главная идея — создать обстановку, максимально благоприятную для

дискуссии. Как любит повторять мистер Кирш, одно из предназначений искусства — поощрять диалог.

— Полностью согласен, — сказал Лэнгдон. — Именно поэтому люди часто назначают свидания или встречаются с друзьями в музее. А ваши наушники способствуют разобщению.

— Если вы пришли в музей с друзьями, можете заказать одного гида на всех и устроить обсуждение. Это очень продвинутое программное обеспечение.

— Похоже, у вас на все есть ответ.

— Ну, это же моя работа. — Гид смущенно рассмеялся и резко сменил тему: — А теперь, профессор, давайте пройдем через атриум к окну, посмотрим на самую большую картину в нашей коллекции.

Проходя через атриум, Лэнгдон обратил внимание на симпатичную пару на вид около тридцати. На обоих — белые бейсболки со странной эмблемой, отчасти напоминающей корпоративный логотип.

Лэнгдону был хорошо известен этот знак, но он никогда не видел его на бейсболках. В последние годы эта стилизованная буква «А» стала универсальным символом одного из самых быстро растущих сообществ в мире — *атеистов*, и они с каждым днем все более открыто и настойчиво говорили об «общественной опасности религиозных верований».

У атеистов появились «корпоративные» бейсболки?

Лэнгдон осмотрелся. Вокруг него компьютерные таланты, люди, отлично знакомые с новейшими технологиями. Все с аналитическим складом ума, и, скорее всего, они так же агрессивно антирелигиозны, как и Эдмонд. Ничего не скажешь, подходящая компания для специалиста по религиозной символике.

Глава 4

ConspiracyNet.com

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

Обновлено: Полностью раздел «Топ-10 новостей дня» сети ConspiracyNet можно посмотреть здесь. События в режиме реального времени в нашей ленте новостей!

ЧТО ЗАДУМАЛ ЭДМОНД КИРШ?

Весь цвет компьютерной индустрии собрался сегодня в Бильбао, Испания, на закрытом мероприятии, которое устраивает в музее Гуггенхайма знаменитый футуролог Эдмонд Кирш. Предприняты беспрецедентные меры безопасности, соблюдается строжайший режим секретности – ни один из гостей не знает истинной цели мероприятия. Однако из инсайдерских источников ConspiracyNet стало известно, что Эдмонд Кирш намерен объявить сегодня о научном откры-

тии мирового значения.

ConspiracyNet следит за развитием событий. Читайте нашу ленту новостей.

Глава 5

Самая большая синагога Европы находится в Будапеште на улице Дохань. Выстроенная в неомавританском стиле, с двумя высокими башнями, она вмещает более трех тысяч верующих. Нижний молельный зал — для мужчин, верхняя галерея — для женщин.

Рядом с синагогой — мемориальное захоронение сотен венгерских евреев, не переживших ужасов нацистской оккупации. Тут же — примечательная скульптура «Дерево жизни»: выкованная из металла плакучая ива, на каждом листочке которой написано имя невинной жертвы. Достаточно легкого ветерка, и металлические листочки начинают шелестеть, словно эхо страшных событий звенит над этим скорбным местом.

Вот уже больше тридцати лет бессменным главой Большой синагоги был выдающийся талмудист и каббалист рабби Иегуда Кёвеш. Несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье, он принимал активное участие в деятельности еврейской общины в Венгрии и во всем мире.

Рабби Кёвеш вышел из синагоги на закате,

когда солнце уже скрылось за Дунаем. Мимо бутиков и экзотических руин-баров он шагал по улице Дохань к своему дому на Площади 15 Марта, в двух шагах от Моста Елизаветы, который соединял два старых города — Буду и Пешт, формально объединившихся в 1873 году.

Приближалась еврейская Пасха — самое счастливое время для рабби Кёвеша. Но в этом году все иначе — он не знал покоя с того момента, когда вернулся на прошлой неделе с заседания Парламента религий мира.

Лучше бы я туда не ездил.

Последние три дня он неотступно думал о той ни на что не похожей встрече с футурологом Эдмондом Киршем.

Кёвеш торопливо прошел по уютному садику и отпер дверь своего házikó — небольшого домика, в котором и молился, и работал.

В домике была всего одна комната, заставленная полками, прогнувшимися под тяжестью религиозных книг. Кёвеш подошел к столу, сел и хмуро уставился на царивший перед ним хаос.

Если кто-нибудь это увидит, решит, что я сошел с ума.

На столе в беспорядке валялись с полдюжины раскрытых религиозных трактатов, из которых

торчало множество закладок. Рядом на деревянных подставках громоздились три тяжелых тома — Тора на иврите, Тора на арамейском, Тора на английском. Каждая открыта на одном и том же месте.

Бытие.

В начале сотворил…

Кёвеш, конечно, мог цитировать Бытие наизусть на всех трех языках. И ему куда больше пристало читать академический комментарий к Зогару или новые исследования по космологии каббалы. Ученому его уровня перечитывать Бытие — все равно что Эйнштейну штудировать учебник арифметики. Тем не менее рабби Кёвеш занимался этим последние три дня, и блокнот на столе был сплошь испещрен заметками, в которых и сам Кёвеш уже не мог разобраться.

Я схожу с ума.

Рабби Кёвеш начал с Торы — книга Бытие одинаково признается и евреями, и христианами. *В начале сотворил Бог небо и землю*. Потом он обратился к толкованию этих слов в Талмуде, перечтя пояснение раввинов к Акту Творения в первой книге Моисеевой Брейшит. Потом углубился в мидраш, читая и перечитывая комментарии выдающихся экзегетов, объяснявших кажущиеся

противоречия в библейской истории сотворения мира. Наконец погрузился в мистические дебри каббалистической книги Зогар, согласно которой непознаваемый Бог проявил себя в виде десяти различных сефирот, или эманаций, образующих Древо Жизни, которое, в свою очередь, произвело четыре разных мира.

Темнота и сложность иудаизма всегда радовали Кёвеша — он воспринимал это как постоянное напоминание Бога о том, что в мире далеко не все доступно пониманию человека. Но после презентации Эдмонда Кирша, в свете неотразимой простоты и ясности его открытия, все, чем занимался Кёвеш последние три дня, казалось набором безжизненных и пустых противоречий. Оставалось одно — отложить древние фолианты и пойти погулять по набережной Дуная, собраться с мыслями.

Рабби Кёвеш постепенно смирился с невыносимой истиной: открытие Кирша в самом деле разрушительно для верующего человека. «Откровение ученого» прямо противоречит почти всем существующим религиозным доктринам и обладает при этом сокрушительной убедительностью и простотой.

До сих пор не могу забыть эту последнюю кар-

тинку, думал Кёвеш, вспоминая заключительный кадр презентации на огромном смартфоне. *Это поразит каждого человека — и верующего, и неверующего.*

После трех дней размышлений рабби Кёвеш ни на шаг не приблизился к ответу на вопрос: как же быть с тем, что они узнали от Кирша?

И у Вальдеспино, и у аль-Фадла тоже не было ясного плана. Два дня назад все трое говорили друг с другом по телефону. Но так ничего и не решили.

— Друзья мои, — начал Вальдеспино. — Очевидно, презентация мистера Кирша не может не тревожить нас… во многих отношениях. Я попросил его позвонить мне, чтобы обсудить ситуацию, но он молчит. Думаю, пора принимать меры.

— Я знаю, что делать, — сказал аль-Фадл. — Мы не можем сидеть сложа руки. Необходимо взять ситуацию под контроль. У Кирша настоящая информационная бомба, и он воспользуется ею, чтобы нанести религиям максимальный урон. Мы должны обезвредить бомбу. Мы сами объявим о его открытии. Немедленно. Подадим это под нужным углом зрения, максимально смягчим удар и насколько возможно уменьшим разрушительное воздействие на души верующих

во всем мире.

— Вы предлагаете выйти на публику, — сказал Вальдеспино. — Но, к несчастью, я не представляю, как можно уменьшить разрушительное воздействие этого открытия. — Он тяжело вздохнул. — И к тому же мы торжественно обещали мистеру Киршу, что сохраним все в тайне.

— Помню, — сказал аль-Фадл. — Но из двух зол лучше выбрать меньшее, а именно: нарушить клятву ради всеобщего блага. Мы все в опасности: мусульмане, евреи, христиане, индусы, — все. И учитывая, что мистер Кирш посягает на общие для всех фундаментальные положения, мы должны подать его открытие так, чтобы не потрясти основ.

— Боюсь, из этого ничего не выйдет, — возразил Вальдеспино. — Если уж действовать публично, то единственный приемлемый вариант — заронить *сомнение*: дискредитировать его самого, прежде чем он объявит об открытии.

— Дискредитировать Эдмонда Кирша? — воскликнул аль-Фадл. — Блестящего ученого, который ни разу ни в чем не ошибся? Мы же все были там. Мы видели его презентацию. Спорить с этим невозможно.

Вальдеспино усмехнулся:

— Так же невозможно, как с тем, что говорил Галилей, Джордано Бруно или Коперник. Веру подвергают испытаниям не в первый раз. Просто наука сегодня снова постучала в нашу дверь.

— Но речь идет о более глубоких вещах, чем открытия в физике или астрономии! — воскликнул аль-Фадл. — Кирш покушается на самую суть религии, подрывает фундаментальные основы веры! Вы можете сколь угодно ссылаться на историю, но, несмотря на все усилия Ватикана заткнуть рот Галилею и ему подобным, их учение завоевало умы. Завоюет умы и Кирш. И ничего с этим нельзя поделать.

После этих слов воцарилась мрачная тишина.

— Моя позиция в этом вопросе очень проста, — сказал Вальдеспино. — Лучше бы Киршу не делать этого открытия. Боюсь, сегодня мы не готовы к нему. И потому я убежден: об открытии никто не должен узнать. — Он выдержал паузу. — Я верю, что все в нашем мире происходит в согласии с Божественным промыслом. Возможно, вняв нашим молитвам, Господь убедит мистера Кирша не делать свое открытие общественным достоянием.

Аль-Фадл громко хмыкнул:

— Не думаю, что мистер Кирш из тех, кто при-

слушивается к гласу Божьему.

— Возможно, и так, — сказал Вальдеспино. — Но чудеса случаются.

— При всем моем уважении, — с жаром заговорил аль-Фадл, — если вы рассчитываете только на то, что Господь испепелит Кирша до того, как он объявит…

— Господа! — подал голос Кёвеш, пытаясь разрядить накалившуюся обстановку. — Давайте не будем спешить. Мы же не обязаны решать все сию минуту. Мистер Кирш сказал, что собирается объявить о своем открытии через месяц. Давайте все спокойно обдумаем и вернемся к разговору через несколько дней. Возможно, размышления направят нас на путь истинный.

— Мудрый совет, — согласился Вальдеспино.

— Только не нужно затягивать, — забеспокоился аль-Фадл. — Созвонимся через два дня.

— Хорошо, — сказал Вальдеспино. — И примем окончательное решение.

С тех пор прошло два дня, настало время нового разговора.

Рабби Кёвеш сидел в своем házikó и с каждым секундой волновался все больше. Звонок опаздывал на десять минут.

Наконец телефон зазвонил, и рабби поспешно

взял трубку со стола.

— Добрый вечер, рабби. — Епископ Вальдеспино был явно расстроен. — Простите за задержку. Боюсь, аллама аль-Фадл не присоединится к нашему разговору.

— Что-то случилось? — забеспокоился рабби. — С ним все в порядке?

— Не знаю. Целый день пытался дозвониться до него, но аллама, похоже… пропал. Никто не знает, где он.

По спине рабби пробежал холодок.

— Неприятная новость.

— Да, но, надеюсь, причин для тревоги нет. К несчастью, у меня есть еще одна… новость, — мрачно проговорил епископ и замолчал. — Я только что узнал: Эдмонд Кирш намерен объявить о своем открытии… сегодня.

— Сегодня?! — воскликнул Кёвеш. — Но он же говорил, *через месяц*!

— Да, — подтвердил епископ. — Но он солгал.

Глава 6

— Перед вами, профессор, самая большая картина в нашем музее, — вежливо объяснял Уинстон. — Хотя множество посетителей не сразу замечают ее.

Лэнгдон честно смотрел вперед, но видел только водную гладь за стеклянной стеной атриума.

— Жаль, но я принадлежу к большинству. И тоже не вижу картины.

— Дело в том, что она необычно расположена, — засмеялся Уинстон. — Холст не на стене, а на полу.

Мог бы и сам догадаться, сказал себе Лэнгдон. Он прошел чуть вперед и увидел под ногами растянутый на полу огромный прямоугольник.

Он был закрашен одним цветом — насыщенным синим. Казалось, что стоящие по периметру зрители смотрят на небольшой прудик.

— Площадь этого произведения около пятисот шестидесяти квадратных метров, — сообщил Уинстон.

То есть почти в десять раз больше, чем моя первая квартира в Кембридже, подумал Лэнгдон.

— Автор картины — Ив Кляйн. Называется она «Бассейн».

Лэнгдон был вынужден признать: насыщенный и восхитительно глубокий синий цвет вызывает желание нырнуть прямо в холст.

— Этот цвет Кляйн разработал сам, — продолжал Уинстон. — И даже запатентовал его как «Международный синий Кляйна». Он утверждал, что этот цвет выражает особенности его видения мира: нематериальность и безграничность.

Лэнгдон почувствовал, что сейчас Уинстон читает с листа.

— Кляйн в основном известен своими работами с синим монохромом, но еще он прославился скандальным фотомонтажом «Прыжок в пустоту», который вызвал настоящую панику у зрителей в одна тысяча девятьсот шестидесятом году.

Лэнгдон видел «Прыжок в пустоту» в Музее современного искусства в Нью-Йорке. Поразительное фото: хорошо одетый мужчина, выпрыгнув с верхнего этажа, летит, раскинув руки, и вот-вот рухнет на мостовую. На самом деле это результат филигранной работы ножницами, бритвой и клеем задолго до эры фотошопа.

— К тому же, — продолжал Уинстон. — Кляйн

написал музыкальное произведение «Монотонная симфония». Оркестр двадцать минут подряд тянул единственный аккорд ре-мажор.

— И кто-то слушал?

— Тысячи людей. Но это лишь первая часть симфонии. Во второй части — «полная тишина». То есть оркестр двадцать минут неподвижно сидел на сцене.

— Шутите?

— Нет, вполне серьезно. Но должен сказать, представление было не таким скучным. Все это время три обнаженные девушки, намазанные синей краской, катались по огромным холстам, растянутым на сцене.

Лэнгдон посвятил большую часть жизни изучению искусства и в таких ситуациях всегда немного комплексовал. Он так и не смог уяснить, каким образом оценивать самые авангардные проявления современного искусства. Многое оставалось тайной.

— Простите, Уинстон, но не могу не сказать. Порой очень трудно определить, где «современное искусство», а где обыкновенный бред.

— Да, это не всегда просто, — невозмутимо согласился Уинстон. — В мире классического искусства произведение ценится за мастерство

автора, то есть за его умение работать кистью или резцом. В современном искусстве на первый план выходит идея. А исполнение отступает на второй. Например, написать сорокаминутную симфонию из одного аккорда и двадцати минут тишины теперь может каждый. Но сама идея принадлежит Иву Кляйну.

— Что ж, это честно.

— Естественно. Скульптура из тумана — идеальный пример концептуального искусства. Художник предлагает *идею* — расположить перфорированные трубки под мостом и пустить волну тумана по воде. А вот *осуществление* идеи — это уже дело местных техников. — Уинстон выдержал паузу. — Хотя я снимаю шляпу перед художницей, которая смогла так изящно использовать материал в качестве кода.

— Туман это код[13]?

— Да. Закодированное посвящение архитектору музея.

— Фрэнку Гери?

— Фрэнку О. Гери, — поправил Уинстон.

— Остроумно.

Лэнгдон подошел к стеклянной стене.

---

[13] Сноски: 13
Fog — туман (*англ.*).

— Отсюда прекрасный вид на паучиху, — произнес Уинстон. — Вы обратили внимание на Маман по дороге в музей?

Лэнгдон задумчиво смотрел на огромную «черную вдову» на площади.

— Знаете, ее трудно не заметить.

— Судя по интонации, вы от нее не в восторге.

— Я старался изо всех сил. — Лэнгдон помолчал. — В классическом искусстве я как рыба в воде, а тут меня будто вытащили на берег.

— Интересно, — сказал Уинстон. — А я думал, вы скорее других способны оценить Маман по достоинству. Она — прекрасный пример классического контрапоста. На нее вы можете ссылаться, когда будете объяснять этот прием своим студентам.

Лэнгдон смотрел на паучиху, но не очень понимал, о чем речь. Рассказывая о контрапосте, он обычно приводил в пример более традиционные произведения.

— Я предпочитаю «Давида».

— О да. Микеланджело — эталонный образец, — с улыбкой согласился Уинстон. — Эта знаменитая поза, динамический контрапост, женственные линии. Плавно вывернутое запястье, небрежно спадающая праща — все это выражает женскую

мягкость и уязвимость. И в то же время суровый взгляд, напряженные сухожилия — в этом уже сквозит отчаянная решимость поразить Голиафа. Давид одновременно мужествен и женствен. Нежен и неумолим.

Лэнгдону понравилось, как рассуждает Уинстон. Хотел бы он, чтобы все его студенты так понимали шедевр Микеланджело.

— Маман ничем не отличается от «Давида», — продолжал гид. — То же контрастное сопоставление антиномических архетипов. В природе паук «черная вдова» — жестокий хищник: ловит жертву в паутину, убивает и пожирает. Но здесь представлена самка, и, хотя она тоже убийца, мы видим, что ее корзина полна яиц. Она готова дать жизнь новым существам. То есть она убивает и порождает. К тому же огромное тело на непропорционально длинных, но тонких ногах — это еще один контраст: мощь и хрупкость. «Маман» — современный «Давид», если угодно.

— Не угодно, — ответил Лэнгдон с улыбкой. — Но, должен признать, ваш анализ дал мне пищу для размышлений.

— Замечательно. А теперь позвольте предложить вам еще один экспонат. Работу Эдмонда Кирша.

— Серьезно? Я не знал, что Кирш еще и художник.

— Ну, художник он или нет, — рассмеялся Уинстон, — это вам решать.

Следуя указаниям Уинстона, Лэнгдон подошел к большой нише, где уже столпилось довольно много гостей, созерцавших огромную плиту из засохшей грязи и глины, висевшую на стене. Лэнгдону это напомнило окаменелости, выставленные совсем в других музеях. Но здесь не было никаких окаменелостей. Зато были грубо выдавленные отпечатки, вроде тех, что любят оставлять дети на полузастывшем цементном растворе.

— Неужели это сделал Эдмонд? — процедила блондинка с ботоксными губами и норкой на плечах. — По-моему, чушь.

В Лэнгдоне проснулся преподаватель:

— На самом деле довольно остроумно. Лучшее, что я видел в этом музее.

Женщина обернулась и с неприязнью посмотрела на Лэнгдона:

— Вот как? Может, просветите меня?

С удовольствием. Лэнгдон подошел к плите поближе.

— Прежде всего знаки, которые Эдмонд выдавил на глине, — это дань уважения самому раннему типу письма, клинописи. — Женщина бросила удивленный взгляд на Лэнгдона. — Три больших знака, — продолжил он, — слово «рыба» на ассирийском языке. Это называется пиктограммой. Присмотревшись внимательнее, мы увидим справа открытый рот рыбы, а в треугольничках вполне угадывается чешуя, которая, как известно, покрывает рыбье тело.

Другие зрители, стоявшие рядом, тоже принялись изучать глиняную плиту, явно заинтересовавшись.

— Если мы посмотрим сюда, — продолжил Лэнгдон, указывая рукой на ряд точек, — то увидим цепочку следов *позади* рыбы, что обозначает ее эволюционный путь. Как мы знаем, далее этот путь ведет на сушу. — Тут зрители согласно закивали. — И наконец, звездочка справа. Это один из древнейших символов Бога.

— Получается, рыба ест Бога? — удивилась блондинка.

— Именно. Перед нами ироническое изложение теории Дарвина: творение в процессе развития пожирает творца. Эволюция уничтожает религию. — Лэнгдон небрежно пожал плечами. — Довольно остроумно.

Уходя, он слышал, как зрители удивленно переговариваются у него за спиной, и тут же зазвучал смех Уинстона:

— Браво, профессор! Думаю, Эдмонд оценил бы вашу импровизированную лекцию. Мало кто способен это расшифровать.

— Ну, — усмехнулся Лэнгдон, — в этом и заключается моя работа.

— Понятно, почему мистер Кирш просил меня отнестись к вам с особым вниманием. Он также просил показать вам еще кое-что. То, чего сегодня не увидит никто из приглашенных.

— Вот как? И что же?

— Видите проход справа от стеклянной стены?

Лэнгдон посмотрел направо:

— Да.

— Отлично. Будьте добры, пройдите туда.

Слушая Уинстона, Лэнгдон осторожно подошел к входу в коридор, пару раз оглянулся и, убедившись, что никто его не видит, проскользнул за колонну. Пройдя несколько метров, он оказался

перед запертой металлической дверью с кодовым замком.

— Наберите шесть цифр. — И Уинстон продиктовал их.

Лэнгдон нажал шесть кнопок и услышал, как щелкнул замок.

— Входите, профессор.

Лэнгдон немного помедлил, гадая, что его ждет. Собравшись с духом, открыл дверь. Впереди была темнота.

— Я скоро включу свет, — сказал Уинстон. — Входите, профессор, и закройте дверь.

Лэнгдон осторожно переступил порог, пытаясь хоть что-то разглядеть в темноте. Прикрыл дверь и тут же услышал, как замок опять щелкнул. Из углов заструился мягкий свет. Перед Лэнгдоном постепенно возникала сводчатая пещера, огромная, словно ангар для «Боинга-747».

— Три тысячи сто квадратных метров, — сообщил Уинстон.

Помещение, похоже, было больше атриума. Свет становился все ярче, и Лэнгдон стал различать массивные объекты на полу — семь или восемь мрачных форм. Они походили на динозавров, следящих за ним из ночного сумрака.

— Господи, что это? — воскликнул Лэнгдон.

— «Материя времени», — бодро ответил Уинстон. — Самый тяжелый экспонат нашего музея. Больше девятисот тонн.

Лэнгдон все еще не мог прийти в себя.

— Но я-то почему здесь?

— Как я уже говорил, мистер Кирш просил показать вам эти любопытные объекты.

Лампы наконец загорелись в полную силу, огромное пространство залил мягкий белый свет. Лэнгдон, потеряв дар речи, смотрел на то, что находилось перед ним.

Я оказался в параллельной вселенной.

Глава 7

Адмирал Луис Авила, подходя к охране на входе в музей, посмотрел на часы.

Точно по расписанию.

Он предъявил Documento Nacional de Identidad[14], и сотрудники службы безопасности начали искать его имя в списке гостей. Авила на мгновение засомневался, а вдруг его нет в этом списке. Но, слава Богу, нашли в самом конце — добавили в последний момент — и Авилу пропустили.

Как и обещал Регент. Непонятно, как ему это удалось. Говорят, список приглашенных защищен, как бронированный сейф.

Авила подошел к рамке металлоискателя, достал мобильный и положил в лоток. Потом очень осторожно вынул из кармана кителя тяжелые четки и бережно опустил их на телефон.

Аккуратнее, повторял он мысленно. *Как можно аккуратнее.*

Охранник махнул рукой в сторону рамки металлодетектора и переставил лоток с личными

---

[14] Сноски: 14
Личная карта, аналог паспорта (*исп.*).

вещами Авилы на другую сторону «границы».

— Que rosario tan bonito[15], — сказал охранник, любуясь металлическими четками с крупными тяжелыми бусинами и толстым крестиком с закругленными концами.

— Gracias[16], — ответил Авила и мысленно добавил: *я сам их сделал.*

Авила благополучно прошел через рамку. Забрал из лотка телефон и четки, положил в карман кителя и направился к столу регистрации, где ему выдали странные наушники.

Я сюда не на экскурсию пришел, подумал Авила. *Меня ждет работа.*

Проходя по атриуму, он выбросил наушники в первую попавшуюся корзину для мусора.

Авила беспокойно озирался — ему надо было найти укромное место, чтобы позвонить Регенту и сообщить, что он благополучно проник в музей.

За Бога, отечество и короля, подумал он. *Но в основном — за Бога.*

В это самое время затерянный в залитой лун-

---

[15] Сноски: 15
Какие красивые четки (*исп.*).

[16] Сноски: 16
Спасибо (*исп.*).

ным светом пустыне в окрестностях Дубая семидесятивосьмилетний почтенный аллама Саид аль-Фадл полз из последних сил, увязая в глубоком песке. Идти он больше не мог.

Обожженная кожа покрылась волдырями, горло саднило так, что было трудно дышать. Песчаные ветры давно ослепили его, но он продолжал ползти. В какой-то момент ему послышался звук мотора дюнного багги, но это было лишь завывание ветра. Вера в то, что Бог спасет, давно оставила аль-Фадла. Стервятники уже не кружили над ним, а спокойно ковыляли следом.

Высокий испанец, который этим вечером напал на него в машине, все время молчал. Он пересадил аль-Фадла на пассажирское кресло и повез в пустыню. Через час остановился, приказал пленнику выйти и уехал, оставив алламу в кромешной тьме без воды и еды.

Похититель ничего не говорил и ничего не объяснял. Единственная зацепка — черная татуировка на правой ладони. Аль-Фадл успел рассмотреть странный незнакомый символ.

Несколько часов он брел по пескам, тщетно взывая о помощи. Изнемогая от жажды, уткнувшись головой в горячий песок и чувствуя, как сердце бьется уже с перебоями, он в тысячный раз спросил сам себя:

Кому нужно меня убивать?

И вдруг с ужасом понял, что на этот вопрос есть только один ответ.

Глава 8

Роберт Лэнгдон с удивлением рассматривал странные экспонаты — плавно изогнутые гигантские стальные листы, тронутые ржавчиной. Они были установлены так, что получились свободно разбросанные объекты высотой чуть более четырех с половиной метров. У объектов были разные текучие формы: длинные волны, незамкнутые цилиндры, спирали.

— Итак, «Материя времени», — повторил Уинстон. — Художник — Ричард Серра. Листы из тяжелого металла, поставленные на ребра, создают ощущение нестабильности. Но на самом деле они устойчивы. Накрутите долларовую банкноту на карандаш, снимите и поставьте на ребро — закрученная банкнота будет вполне устойчива, что обеспечено геометрией.

Лэнгдон остановился у огромного усеченного конуса. Слегка наклоненные стенки его были покрыты налетом ржавчины, словно мхом. Странное сочетание несокрушимой силы и хрупкого равновесия.

— Обратите внимание, профессор: эта форма

не замкнута.

Лэнгдон пошел вокруг металлической стены и обнаружил зазор — словно ребенок попытался нарисовать окружность, но не довел линию до конца.

— Разомкнутые края оставляют проход — это дает возможность посетителям исследовать внутреннее пространство.

Если только посетитель не страдает клаустрофобией, подумал Лэнгдон и торопливо отошел в сторону.

— У экспоната, который сейчас перед вами, — продолжал Уинстон, — тоже есть внутреннее пространство. Три изогнутые полосы, поставленные на ребра, образуют два волнообразных коридора длиной более тридцати метров. Это произведение называется «Змея», и наши юные посетители с удовольствием бегают по ее «коридорам». А если два человека встанут в противоположных концах «коридора», то смогут переговариваться даже шепотом, словно стоят лицом к лицу.

— Уинстон, все это очень интересно. Но не могли бы вы объяснить, почему Эдмонд попросил показать мне именно этот зал? — *Он знает, что я не любитель подобных произведений.*

— Главное, что он попросил показать вам

здесь, — ответил Уинстон, — это экспонат под названием «Закрученная спираль». Впереди и чуть правее. Видите?

Лэнгдон посмотрел в указанном направлении. *Да до нее идти метров восемьсот!*

— Да, вижу.

— Отлично. Пойдемте посмотрим?

Лэнгдон окинул унылым взглядом бесконечное пространство ангара и покорно зашагал в сторону спирали под неумолкающий голос Уинстона:

— Я слышал, профессор, что Эдмонду Киршу очень нравятся ваши исследования, особенно о взаимодействии разных религиозных традиций и отражении этих процессов в искусстве. Это во многом схоже с тем, чем занимается Эдмонд, когда с помощью теории игр и компьютерного моделирования анализирует различные системы, чтобы попытаться предсказать, как они будут развиваться с течением времени.

— И, судя по всему, у него неплохо получается. Его даже называют Нострадамусом наших дней.

— Верно. Хотя, на мой взгляд, обидное сравнение.

— Почему обидное? — удивился Лэнгдон. — Нострадамус — самый знаменитый предсказатель всех времен и народов.

— Профессор, не хочу показаться невежливым, но Нострадамус написал около тысячи невнятных катренов, в которых вот уже четыре столетия суеверные люди умудряются находить предсказания всего, чего угодно, — от Второй мировой войны до смерти принцессы Дианы и атаки на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке. Полный абсурд. А Эдмонд Кирш сделал несколько очень детальных прогнозов, которые вскоре подтвердились: облачные технологии, беспилотные автомобили, чип всего на пяти атомах. Мистер Кирш не Нострадамус.

Обиделся, подумал Лэнгдон. Говорят, сотрудники Эдмонда Кирша просто молятся на него, и, очевидно, Уинстон один из самых преданных его обожателей.

— Вам нравится экскурсия, профессор? — неожиданно сменил тему Уинстон.

— Очень нравится. Кирш молодец, разработал интересную систему дистанционных экскурсоводов.

— Над этой системой Эдмонд работал годы и годы, потратил огромные деньги и немало времени. И все в условиях строжайшей секретности.

— Правда? Честно говоря, технология не кажется мне какой-то запредельно сложной.

Признаюсь, вначале я отнесся ко всему этому скептически, но вы, Уинстон, растопили мое сердце — с вами приятно беседовать.

— Рад слышать. Надеюсь, узнав правду, вы не измените свое мнение. Дело в том, что я был не до конца честен с вами.

— Что вы имеете в виду?

— Начать с того, что мое настоящее имя не Уинстон, а Арт[17].

— Экскурсовод по имени Арт! — рассмеялся Лэнгдон. — Вполне естественно, что вы поменяли имя. Рад познакомиться, Арт.

— И еще. Когда вы спросили, почему бы гиду просто не ходить рядом, я объяснил, что мистер Кирш хотел уменьшить количество людей в залах. Но это не вся правда. Есть еще одна причина, почему мы общаемся с помощью гарнитуры. — Он сделал паузу. — Дело в том, что я физически не могу ходить.

— О, простите. — Лэнгдон представил колл-центр, несчастного молодого человека в инвалидной коляске, и ему стало неловко, оттого что Арту приходится все это рассказывать.

— Не надо меня жалеть, профессор. Поверьте,

---

[17] Сноски: 17
Art — искусство (*англ.*).

ноги мне ни к чему. Понимаете, я вообще выгляжу не так, как вы меня представляете.

Лэнгдон замедлил шаг.

— Что вы имеете в виду?

— Арт — не от слова «искусство», а от слова «искусственный»[18], хотя мистер Кирш предпочитает термин «синтезированный». — На мгновение повисла пауза. — Дело в том, профессор, что сегодня весь вечер вы беседовали с «синтезированным экскурсоводом». Проще говоря — с компьютером.

Лэнгдон невольно огляделся по сторонам:

— Это что, розыгрыш?

— Отнюдь. Я вполне серьезно. Эдмонду потребовалось около десяти лет и порядка миллиарда долларов, чтобы столь серьезно продвинуться в области создания искусственного интеллекта. И сегодня вы одним из первых оценили плоды этих усилий. Весь тур провел для вас «синтезированный экскурсовод». Я не человек.

Лэнгдон не сразу смог поверить в то, что услышал. Прекрасная дикция, естественные интонации. Если исключить странноватый смех, Лэнгдон никогда не сталкивался с таким при-

---

[18] Сноски: 18
Artificial — искусственный (*англ.*).

ятным собеседником. А добродушный юмор и тонкое понимание произведений искусства…

Надо мной проводят эксперимент, подумал Лэнгдон, оглядываясь в поисках скрытых видеокамер. Похоже, он невольно стал частью произведения «экспериментального искусства» — персонажем хорошо срежиссированной пьесы из театра абсурда. *Я для них как крыса в лабиринте.*

— Мне все это не очень нравится, — громко произнес Лэнгдон, и голос его эхом разнесся по огромному пустому залу.

— Простите, — сказал Уинстон. — Вас можно понять. Я допускал, что вам трудно будет это переварить. Теперь ясно, почему Эдмонд попросил привести вас сюда, где никого нет. Кстати, другие гости ни о чем не подозревают.

Лэнгдон снова осмотрелся, словно хотел убедиться, что он один в этом огромном зале.

— Как вам несомненно известно, — уверенно продолжил Уинстон, не обращая внимания на растерянность Лэнгдона, — человеческий мозг — бинарная система: синапсы находятся либо в пассивном состоянии, либо в возбужденном, как «переключатели» в компьютере, — либо включен, либо выключен. В мозгу больше ста

триллионов «переключателей». Так что проблема создания искусственного мозга не в новых технологиях, а в масштабности системы.

Лэнгдон едва его слушал, двигаясь в направлении стрелки под надписью «Выход», которая указывала в дальний конец зала.

— Профессор, я понимаю, вас смущает, что мой «человеческий» голос сгенерирован машиной, но, поверьте, это самая простая задача. Более или менее сносно человеческую речь может имитировать простая электронная книжка за девяносто девять долларов. А Эдмонд вложил в этот проект *миллиарды*.

Лэнгдон остановился.

— Если ты компьютер, скажи: какой был промышленный индекс Доу — Джонса при закрытии торгов двадцать четвертого августа одна тысяча девятьсот семьдесят четвертого года?

— Это была суббота, — мгновенно прозвучал ответ. — Торги не проводились.

Лэнгдон почувствовал, как по спине у него пробежал холодок. Он специально назвал эту дату. К тому же этот день навсегда остался у него в памяти. В ту субботу у его лучшего друга был день рождения, и он до сих пор помнил вечеринку у бассейна. *Хелен Вули была в голубом бикини.*

— Но накануне, в пятницу, двадцать третьего августа, — бесстрастно продолжал гид, — промышленный индекс Доу — Джонса при закрытии был 686,80, он упал на 17,83 пункта, потеряв 2,53 процента.

Лэнгдон на мгновение потерял дар речи.

— Я готов подождать, если вы хотите свериться со смартфоном. Но не могу не отметить комичность ситуации.

— Но как…

— Главная проблема искусственного интеллекта, — снова зазвучал голос, и слышать британский акцент казалось теперь особенно странно, — не быстрый доступ к данным, что, вообще говоря, несложно, но способность оперировать этими данными, уметь их сопоставлять и делать выводы. Это, собственно, я и продемонстрировал вам сегодня. Умение уловить взаимосвязь и взаимозависимость разных суждений. Поэтому мистер Кирш хотел, чтобы этот тест был пройден с вами.

— Тест… со мной? Ты тестировал… меня?

— Нет-нет, что вы. — И снова этот противный смех. — Я тестировал себя: смогу ли я убедить вас в том, что я человек.

— Тест Тьюринга?

— Именно.

Этот тест для оценки интеллектуальных способностей вычислительной машины, насколько помнил Лэнгдон, был предложен знаменитым шифровальщиком Аланом Тьюрингом еще в пятидесятые годы прошлого века. Судье предлагалось послушать диалог человека и машины. Если судья не сможет с уверенностью определить, который из участников диалога — человек, тест считается пройденным. В 2014 году в лондонском Королевском обществе одна из компьютерных программ сенсационно прошла этот тест. Но с тех пор, похоже, в деле создания искусственного интеллекта был совершен настоящий прорыв.

— Сегодня вечером, — продолжал Арт, — ни один из гостей ничего не заподозрил. Все наслаждались приятной беседой.

— То есть сегодня все разговаривали с компьютером?

— Строго говоря, все разговаривали со мной. Мне не сложно беседовать с большим количеством людей одновременно. Вы слышите мой базовый голос, который определил Эдмонд, а остальные… С каждым гостем я разговаривал на его языке и соответствующим голосом. Учитывая ваши персональные данные: мужчина, амери-

канец, профессор, — я добавил к базовому голосу легкий британский акцент. Мне показалось это более подходящим, чем, скажем, беседовать голосом юной девицы с тягучим выговором представителей южных штатов.

Похоже, он только что обвинил меня в мужском шовинизме.

Лэнгдон вспомнил одну любопытную запись, которая появилась в Сети несколько лет назад. Шеф-редактору журнала «Тайм» Майклу Шереру позвонил рекламный робот и говорил так «по-человечески», что потрясенный Шерер выложил запись разговора в Сеть для всеобщего ознакомления.

И это было всего несколько лет назад, подумал Лэнгдон.

Лэнгдон знал, что Эдмонд упорно работает над созданием искусственного интеллекта — время от времени Кирш появлялся на обложках журналов, чтобы объявить об очередном прорыве. И вот его новое детище — «Уинстон». Ничего не скажешь, впечатляющие успехи.

— Я понимаю, у нас мало времени, — снова зазвучал голос. — Но мистер Кирш просил, чтобы я обязательно показал вам эту спираль. И вот она перед вами. Он предупредил, что вы непре-

менно должны зайти внутрь и пройти до самого центра.

Лэнгдон заглянул в узкий искривленный проход и насторожился. Что за глупый студенческий розыгрыш?

— Прости, а что там, внутри? Видишь ли, я не большой любитель замкнутых пространств.

— Любопытно, я не знал об этой вашей особенности.

— Предпочитаю не распространяться о своей клаустрофобии, — сказал Лэнгдон и вдруг поймал себя на странном ощущении: он никак не мог до конца поверить, что говорит с компьютером.

— Не надо бояться. В центре спирали очень просторно. А мистер Кирш просил, чтобы вы обязательно осмотрели именно центр. Также Эдмонд сказал: перед тем как войти в лабиринт, вам следует снять гарнитуру и положить на пол.

Лэнгдон все еще не решался.

— То есть тебя там не будет?

— Очевидно, нет.

— Все это как-то странно, я не совсем уверен…

— Профессор, вы приняли приглашение мистера Кирша и проделали долгий путь, чтобы прибыть сюда. А здесь всего лишь несколько десятков метров… Поверьте, дети бегают каж-

дый день туда и обратно, и с ними ничего не случается.

Впервые в жизни Лэнгдона стыдил компьютер. И это подействовало. Он снял гарнитуру, положил на пол и приблизился ко входу в лабиринт. Узкий проход между высокими стальными стенами плавно поворачивал влево и терялся во мраке.

— Ничего страшного, — сказал он, ни к кому, собственно, не обращаясь.

Сделал глубокий вдох и шагнул вперед.

Узкий коридор все вился и вился, закручивался сильнее, и скоро Лэнгдон потерял счет виткам. С каждым оборотом проход сужался, и Лэнгдон чувствовал, что из-за широких плеч ему скоро придется идти боком. *Дыши глубже, Роберт.* Наклоненные металлические стены, казалось, вот-вот схлопнутся, и на него обрушатся тонны стали.

Что я делаю?

Он уже готов был развернуться и побежать обратно, когда узкий проход вдруг оборвался и открылась просторная площадка. В центре спирали было действительно куда больше пространства, чем можно предположить. Лэнгдон быстро вышел из тоннеля на открытое место, обвел взглядом высокие стальные стены и снова

подумал, что это глупый детский, а главное — совершенно неуместный розыгрыш.

Где-то снаружи стукнула дверь, и за высокими стальными стенами послышались быстрые гулкие шаги. Кто-то вошел в зал через дверь, которую видел Лэнгдон. Шаги приблизились к спирали, а потом их звук стал перемещаться вокруг Лэнгдона, с каждым витком становясь все громче. Кто-то шел по лабиринту. Лэнгдон повернулся лицом к выходу из тоннеля. Шаги приближались, становились все громче, и наконец из тоннеля появился человек. Невысокий, худой, бледный, с горящими глазами, с непослушной копной черных волос на голове.

— Великий Эдмонд Кирш умеет себя подать.

— Как говорится, «второго шанса произвести первое впечатление не будет», — улыбнулся Кирш. — Приветствую, Роберт. Спасибо, что пришел.

Они дружески обнялись. Лэнгдон почувствовал, как сильно Кирш похудел за этот год.

— Следишь за фигурой?

— Я стал веганом, Роберт. Это проще, чем крутить педали.

Лэнгдон рассмеялся:

— Рад тебя видеть, Эдмонд. Ты как всегда — всех

заставил нарядиться, а сам бог знает в чем.

— Кто? Я? — Кирш взглянул на свои узкие черные джинсы, огладил белую майку с V-образным вырезом на груди и куртку-бомбер с боковыми молниями.

— Это все от-кутюр.

— И белые шлепанцы тоже от-кутюр?

— Шлепанцы?! Да это «Феррагамо», линия «Гвинея».

— И стоят они, полагаю, больше, чем все, что на мне?

Эдмонд подошел и посмотрел лейбл на фраке Лэнгдона. Потом улыбнулся:

— А что, вполне милый фрак. И сидит хорошо.

— Послушай, Эдмонд. Этот твой синтезированный друг Уинстон… Меня тревожит, что…

Лицо Кирша засветилось от радости.

— Здорово, да? Ты не представляешь, как я рванул с искусственным интеллектом в этом году, — настоящий квантовый скачок. Разработал несколько новых технологий, теперь компьютер совершенно на иных принципах решает задачи и сам себя контролирует. Уинстон пока в процессе доводки. Но он прогрессирует с каждым днем.

Лэнгдон заметил, что за прошедший год под мальчишескими глазами Эдмонда появились

темные круги. Он вообще выглядел очень усталым.

— Эдмонд, расскажи, зачем ты меня сюда затащил?

— В Бильбао? Или в спираль Ричарда Серра?

— Начнем со спирали. Ты же знаешь, у меня клаустрофобия.

— Конечно, знаю. Но сегодня мне надо расшевелить всех моих гостей, — сказал он с самодовольной усмешкой.

— Ты в своем репертуаре.

— К тому же мне надо поговорить с тобой, а я не хочу, чтобы меня увидели до начала шоу.

— Рок-звезда не общается со зрителями до концерта?

— Вот именно! — шутливо согласился Кирш. — Рок-звезда появляется на сцене в мистических клубах дыма.

Свет в зале вдруг начал мигать. Кирш посмотрел на часы. Потом на Лэнгдона. Лицо его стало серьезным.

— Роберт, у нас мало времени. Сегодня у меня большой день. На самом деле не только у меня — у всего человечества.

Лэнгдон внезапно ощутил сильное волнение.

— Недавно я сделал научное открытие, — про-

должил Эдмонд. — Это такой прорыв! Даже не представляешь, какие будут последствия. Почти никто на свете ничего об этом не знает, и вот сегодня, совсем скоро, я объявлю об открытии всему миру.

— Не знаю, что и сказать, — отозвался Лэнгдон, — все это очень любопытно.

Эдмонд понизил голос и заговорил с необычным напряжением:

— Прежде чем расскажу всем о своем открытии, я хочу посоветоваться с тобой, Роберт. — Он сделал паузу. — Боюсь, от этого зависит моя жизнь.

Глава 9

Они молча стояли внутри огромной металлической спирали.

Я хочу посоветоваться… От этого зависит моя жизнь.

Слова Эдмонда тяжело повисли в воздухе. Лэнгдон видел испуг в глазах друга.

— Эдмонд, что происходит? С тобой все в порядке?

Свет в зале снова потускнел, но сейчас Эдмонд не обратил на это внимания.

— У меня был замечательный год, Роберт. — Эдмонд говорил почти шепотом. — Я работал над главным проектом, который заложил основы моего великого открытия.

— Прекрасно.

Кирш кивнул:

— Это правда прекрасно. Ты не представляешь, как мне не терпится поделиться с миром своим открытием. Оно совершит настоящий переворот в умах. Без преувеличения: эффект будет не меньший, чем от революции Коперника.

Лэнгдон поначалу подумал, что Эдмонд шутит,

но выражение лица друга было абсолютно серьезным. *Революция Коперника?* Эдмонд никогда не отличался скромностью. Но всему есть предел. Николай Коперник — отец гелиоцентрической системы. Он доказал, что планеты вращаются вокруг Солнца, а не наоборот. Это привело к настоящей научной революции в шестнадцатом веке и упразднило традиционное учение церкви о том, что Земля, на которой живет человечество, находится в центре Божьего мира. Церковь еще три века отрицала и порицала учение Коперника, но ничего не смогла поделать: картина мира стала иной.

— Смотрю, тебе не нравится Коперник, — сказал Эдмонд. — Может, тогда Дарвин?

Лэнгдон улыбнулся:

— Один другого не лучше.

— Хорошо. Скажи: какие два главных вопроса задает себе человечество на протяжении всей истории?

Лэнгдон задумался.

— Ну, наверное: «Как все началось?» и «Откуда мы появились?».

— Верно, это все один вопрос — первый. А второй логически вытекает из первого, только не «откуда мы появились», а…

— «Куда мы идем?»

— Именно. Эти две тайны лежат в основе человеческого опыта. Откуда мы? И что нас ждет? *Происхождение* человека и его *предназначение*, судьба. — Эдмонд испытующе смотрел на Лэнгдона. — Так вот, Роберт. Я… Я нашел очень простые ответы на эти вопросы.

Лэнгдона потрясли слова Эдмонда. Даже невозможно представить, что из этого следует.

— Я… правда не знаю, что и сказать.

— Ничего не надо говорить. У нас еще будет время все подробно обсудить — после презентации. Сейчас меня волнует другое: оборотная сторона всего этого, побочный эффект моего открытия.

— Ты боишься каких-то последствий?

— Еще как боюсь. Ответив на два главных вопроса, я вступил в прямой конфликт с традиционными учениями, освященными тысячелетней историей. Происхождение человека и его судьба — исконная вотчина религии. Я вторгся на чужую территорию. Увы, адептам любой религии мира не понравится то, что я скажу.

— Теперь понятно, — кивнул Лэнгдон, — почему год назад в бостонском ресторане ты два часа кряду выносил мне мозг религиозными вопросами.

— Совершенно верно. И если ты помнишь, я пообещал: еще на нашем веку все религиозные мифы будут окончательно развеяны наукой.

Да, такое не забывается. Дерзкие слова Кирша до сих пор звучали в ушах Лэнгдона.

— Помню. Но я возразил тебе, Эдмонд. Религия в течение тысячелетий пережила не одно научное открытие, и она играет очень важную роль в обществе. Конечно, религия менялась и будет меняться, но никогда не умрет.

— Точно. А я тебе сказал тогда, Роберт: цель моей жизни — с помощью научных истин победить религиозный миф.

— Сильно сказано.

— И тогда, Роберт, ты дал мне совет. Если когда-нибудь я открою «научную истину», которая будет противоречить религиозной доктрине или даже подрывать ее, имеет смысл поговорить с серьезными религиозными деятелями, и они объяснят мне, что наука и религия говорят об одном и том же, только на разных языках.

— Все правильно. Ученые и священники часто используют разные слова, чтобы описать одни и те же тайны вселенной. Конфликт скорее семантический, чем метафизический.

— Я последовал твоему совету, — продолжил

Кирш. — И проконсультировался с духовными лидерами по поводу своего открытия.

— Что?

— Ты слышал о Парламенте религий мира?

— Конечно. — Лэнгдон с большим энтузиазмом принимал любые попытки наладить межконфессиональный диалог.

— В этом году, — сказал Кирш, — Парламент собрался в окрестностях Барселоны, в часе езды от моего дома, в монастыре Монтсеррат.

Знаменитое место, подумал Лэнгдон. Много лет назад он был на той горе.

— Я узнал, что они заседают почти в то самое время, когда я планировал объявить о своем открытии, и подумал…

— …что это знак Божий?

Кирш улыбнулся:

— Что-то вроде того. Словом, я связался с ними.

— Ты выступал перед *всем* Парламентом? — удивленно воскликнул Лэнгдон.

— Что ты! Это слишком опасно. Я не хотел допустить утечки информации раньше времени. Поэтому встретился только с тремя — с представителями христианства, ислама и иудаизма. У нас состоялся конфиденциальный разговор в монастырской библиотеке.

— В библиотеке? — удивился Лэнгдон. — Но туда же никого не допускают.

— Ну, я сказал, что нужно найти безопасное место — никаких телефонов, видеокамер, посторонних. Они выбрали библиотеку. Перед тем как все рассказать, я попросил их пообещать, что они будут держать услышанное в секрете. Они обещали. Так что, кроме них, о моем открытии никто не знает.

— Интересно. И как они отреагировали на твои слова?

— Понимаешь, — смущенно ответил Кирш, — похоже, я не очень хорошо все преподнес. Ты же знаешь, Роберт, я склонен увлекаться, и вообще дипломатия — не мой конек.

Лэнгдон улыбнулся:

— Знаю, поговаривают, что тебе не мешало бы пройти групповую психотерапию, — с улыбкой сказал Лэнгдон. *Как, впрочем, и Стиву Джобсу, и многим другим гениям.*

— Короче, со свойственной мне прямотой я начал разговор с того, что выложил им всю правду: религия — это форма массового заблуждения, и как ученый я не могу понять, почему миллиарды разумных людей верят непонятно во что и позволяют собой руководить непонятно кому.

Тогда они спросили: зачем же я пришел говорить «непонятно с кем»? На что я ответил просто: пришел посмотреть, как они отреагируют на мое открытие. Мне важно знать, как оно будет воспринято в религиозных кругах.

— Очень дипломатично, — усмехнулся Лэнгдон. — Ты же знаешь: иногда простота хуже воровства. А прямота — не самая лучшая политика.

Кирш небрежно отмахнулся:

— Всем давным-давно известно, что я думаю о религии. Я считал, они оценят мою прямоту. Как бы то ни было, я рассказал о своем открытии и подробно объяснил, как оно все изменит. Показал на смартфоне видео, на мой взгляд, довольно впечатляющее. Они не проронили ни слова.

— Но хоть что-то они *должны были* сказать? — Лэнгдону становилось все интереснее, что же такое открыл Кирш.

— Я надеялся на обсуждение, но католик, епископ, не дал двум другим и слова сказать. И посоветовал мне не обнародовать открытие. На что я ответил, что обнародую его через месяц.

— Но ты же собираешься это сделать сегодня.

— Именно. Но я не хотел, чтобы они запаниковали и попытались сорвать мне презентацию.

— А если они узнают, что презентация сегодня? — спросил Лэнгдон.

— Думаю, не обрадуются. Особенно один из них. — Кирш пристально смотрел на Лэнгдона. — Священник, который устроил нашу встречу. Епископ Антонио Вальдеспино. Ты знаешь, кто это?

Лэнгдон задумался.

— Он из Мадрида?

— Именно, — утвердительно кивнул Кирш.

Не самый подходящий слушатель для лекции Кирша по радикальному атеизму, подумал Лэнгдон. Испанские католики считают Вальдеспино своим духовным лидером, он отличается крайним консерватизмом и имеет сильное влияние на испанского короля.

— В этом году он председательствовал в Парламенте, — сказал Кирш. — Я предложил ему встретиться. Он согласился, и я попросил, чтобы он пригласил представителей ислама и иудаизма.

Лампы на потолке снова померкли.

Кирш тяжело вздохнул и заговорил еще тише:

— Роберт, я вот что хотел у тебя спросить до начала презентации. Как ты думаешь, епископ Вальдеспино опасен?

— Опасен? — удивился Лэнгдон. — В каком смысле?

— То, что я ему показал, несет угрозу для существования его мира. Поэтому я спрашиваю тебя: может ли от него исходить угроза для моей жизни?

Лэнгдон решительно замотал головой.

— Что ты, это невозможно. Не знаю, что ты ему рассказал… Вальдеспино, конечно, столп испанского католицизма и, благодаря связям с королевской фамилией, человек очень *влиятельный*… но он священник, а не наемный убийца. Он обладает политической властью, способен выступить против тебя с проповедью, но я с трудом могу представить, чтобы от него исходила угроза для тебя лично.

Слова Лэнгдона, похоже, не убедили Кирша:

— Если бы ты видел, как он смотрел на меня, когда я покидал Монтсеррат.

— Ты пришел в священное для христиан место и сообщил епископу, что вся система его ценностей — сплошной обман! — воскликнул Лэнгдон. — И после этого хочешь, чтобы он обнял тебя на прощание?

— Согласен, — кивнул Эдмонд. — Но я не ожидал уже на следующий день получить от него

голосовое сообщение с угрозой.

— Епископ Вальдеспино связался с тобой?

Кирш достал из кармана кожаной куртки гигантский смартфон. Его яркий бирюзовый корпус был украшен орнаментом из повторяющихся шестиугольников — Лэнгдон сразу узнал знаменитую мозаику каталонского архитектора-модерниста Антонио Гауди.

— Вот послушай. — Кирш набрал несколько команд и протянул смартфон Лэнгдону. Зазвучал голос — старческий, хрипловатый, но отчетливый, суровый и очень серьезный:

Мистер Кирш, говорит епископ Антонио Вальдеспино. Наша сегодняшняя встреча сильно встревожила меня и моих коллег. Убедительно прошу вас перезвонить мне как можно скорее, чтобы мы смогли все обсудить. Хочу также еще раз предостеречь вас от опасности, с которой связано обнародование вашей информации. Если вы не перезвоните, то знайте: я и мои коллеги предпримем упреждающие шаги. Мы сами обнародуем ваше открытие в таком виде, который обеспечит его дискредитацию и уменьшит сопряженный с ним катастрофический вред. О масштабах этого вреда вы даже не подозреваете. Жду вашего звонка и настоятельно советую вам

не испытывать мое терпение.

Голос умолк.

Лэнгдон был неприятно удивлен агрессивным тоном Вальдеспино. И все же запись на автоответчике не столько испугала его, сколько подогрела любопытство к грядущей презентации.

— И как ты ответил?

— Никак. — Кирш положил смартфон в карман. — Подумал, это пустые угрозы. Ведь не в их интересах разглашать эту информацию. Более того, я же знал: презентация состоится сегодня, что станет для них большим сюрпризом. Поэтому меня не особенно озаботили их «упреждающие шаги». — Он замолчал и посмотрел на Лэнгдона. — Но что-то меня встревожило в тоне епископа и не отпускает, сидит как заноза в мозгах.

— Думаешь, тебе угрожает опасность? Здесь? Сейчас?

— Нет-нет, гости все проверены-перепроверены. И в этом здании прекрасная система безопасности. Сейчас меня скорее беспокоит, как я появлюсь на публике. Как это ни глупо, но у меня предпремьерный мандраж. Так что тебе подсказывает интуиция насчет Вальдеспино?

Лэнгдон смотрел на друга с искренним уча-

стием. Эдмонд был бледен и явно не в своей тарелке.

— Интуиция подсказывает мне, что тебе не следует опасаться Вальдеспино, как бы ты его ни взбесил.

Лампы опять потускнели, теперь это было похоже на сигнал.

— Ладно. Спасибо. — Кирш посмотрел на часы. — Пора идти. Давай встретимся после. Хотелось бы обсудить кое-что.

— Хорошо.

— Отлично. После презентации начнется бедлам, а нам надо будет поговорить спокойно. — Эдмонд достал визитную карточку и что-то нацарапал на обороте. — Когда все закончится, возьми такси и покажи водителю вот это. Таксист поймет, куда тебя везти.

Он протянул визитку Лэнгдону.

Тот ожидал увидеть адрес отеля или ресторана. Но на обороте визитки было что-то похожее на шифр.

BIO-EC 346

— Вот это показать водителю?

— Да. И он поймет, куда ехать. Я предупрежу охрану, чтобы тебя пропустили, а сам приеду, как

только смогу.

Охрану? Лэнгдон нахмурился. Похоже, BIO-EC 346 — кодовое название какой-то секретной научной лаборатории.

— Элементарный код, — подмигнул ему Кирш. — Кому, как не тебе, взломать его. И кстати, ты сегодня тоже на арене. У тебя важная роль в предстоящем действе.

— Роль? — удивился Лэнгдон.

— Не волнуйся. Тебе ничего не придется делать. — С этими словами Эдмонд Кирш направился к выходу из спирали. — Мне пора за кулисы. Уинстон проводит тебя. — У входа в витой коридор он обернулся: — До встречи после шоу. Надеюсь, ты не ошибся насчет Вальдеспино.

— Расслабься, Эдмонд. Сосредоточься на презентации. Тебе незачем опасаться служителей культа, — заверил его Лэнгдон.

Кирш с сомнением посмотрел на него:

— Боюсь, Роберт, ты изменишь свое мнение, когда услышишь то, что я собираюсь сегодня сказать.

Глава 10

Главный престол Мадридской архиепархии Римской католической церкви — кафедральный собор Альмудена. Это величественное здание в неоклассическом стиле неподалеку от королевского дворца построено на месте древней мечети и названо арабским словом al-mudayna, что означает «крепость».

Согласно легенде, Альфонсо VI, отвоевав в 1083 году Мадрид у арабов, начал разыскивать священную реликвию — статую Девы Марии, которую жители города замуровали в крепостной стене, чтобы уберечь от мавров. Но поиски долгое время не давали результатов. И вот однажды, когда процессия молящихся двигалась вдоль крепостной стены, часть ее обвалилась, и глазам верующих предстала статуя Девы Марии, перед которой горели свечи, зажженные несколько столетий назад.

Сегодня Дева Мария Альмудена — небесная покровительница Мадрида, и массы паломников и просто туристов стекаются в кафедральный собор, чтобы попросить ее заступничества. Счаст-

ливое расположение — на одной площади с королевским дворцом — придает дополнительную притягательность собору: иногда можно увидеть обитателей дворца — членов королевской фамилии.

В тот вечер по одному из коридоров собора в панике метался юный министрант.

Куда пропал епископ Вальдеспино?!

Служба вот-вот начнется!

Вот уже несколько десятилетий епископ Антонио Вальдеспино был настоятелем собора. Давний друг и духовный наставник короля, он отстаивал традиционализм и консерватизм, был ярым противником любых современных течений в церкви. Невзирая на возраст восьмидесятитрехлетний епископ надевал вериги на Святой неделе и участвовал в процессиях верующих, помогая нести статуи святых по улицам столицы.

Уж кто-кто, а Вальдеспино никогда не опаздывает на службу.

Двадцать минут назад министрант, как обычно, помогал епископу в ризнице облачиться для мессы. Едва они закончили, епископ получил смс-сообщение и, не сказав ни слова, быстро куда-то ушел. *Но куда?* Министрант уже побывал в алтаре, ризнице, даже в туалетной комнате

епископа и теперь бежал в административное крыло собора — в кабинет. Послышались первые торжественные органные аккорды. *Уже началось входное песнопение!* Министрант с разбегу остановился у кабинета епископа и с удивлением увидел полоску света под дверью.

Он тут?! Министрант осторожно постучал:

— ¿Excelencia Reverendísima?[19]

Тишина. Он постучал сильнее:

— ¡¿Su Excelencia?!

Снова нет ответа. Может, что-то случилось? Министрант нажал на ручку и приоткрыл дверь.

— ¡Cielos![20] — вырвалось у него, когда он заглянул в кабинет.

Епископ Вальдеспино сидел за большим столом из красного дерева, неотрывно глядя в светящийся экран ноутбука. Он был в полном облачении — на голове митра, риза ниспадает с плеч. Пастырский посох небрежно прислонен к стене. Министрант вежливо кашлянул.

— La santa misa está…

— Preparada, — оборвал его епископ, не отводя

---

[19] Сноски: 19
Ваше преосвященство? (*исп.*)

[20] Сноски: 20
Господи! (*исп.*)

взгляда от экрана. — Padre Derida me sustituye[21].

Министрант в замешательстве смотрел на епископа. *Отец Дерида?* Простой священник на субботней мессе — это странно!

— ¡Vete ya! — отрезал Вальдеспино, не поднимая головы. — *Y cierra la puerta*[22].

Испуганный юноша повиновался: немедленно вышел из кабинета и закрыл дверь. Возвращаясь бегом туда, где торжественно гремел орган, министрант ломал голову над тем, что именно епископ так внимательно изучает в компьютере и что может быть важнее, чем служение Господу?

В это самое время адмирал Авила, пробираясь через толпу гостей в атриуме музея Гуггенхайма, с удивлением заметил, что почти все разговаривают со своими гарнитурами. Похоже, аудиотур — интерактивный. Хорошо, что он избавился от этой штуки.

Сейчас нельзя ни на что отвлекаться.

Он посмотрел на часы, потом в сторону лифтов. Толпа. Все стремятся наверх, туда, где состоится

---

[21] Сноски: 21

— Святая месса уже…

— Начинается. Меня заменит отец Дерида (*исп.*).

[22] Сноски: 22

Ступай! И закрой дверь (*исп.*).

презентация. Авила решил пойти по лестнице. Шагая по ступеням, он вдруг снова, как и накануне, ощутил мелкую дрожь в руках. *Неужели я стал человеком, который способен убивать?* Безбожники, взорвавшие его жену и сына, похоже, разрушили и его душу. *Мои действия санкционированы свыше*, как заклинание повторял он себе. *То, что я делаю, угодно Богу.*

Одолев первый пролет, он обратил внимание на женщину, которая стояла на площадке неподалеку. *Новая звезда Испании,* думал он, глядя на знаменитую красавицу.

Женщина была в белом обтягивающем платье с черной диагональной полосой. Стройная, темноволосая, грациозная, она не могла не вызывать восхищения, и Авила заметил, что не он один смотрит на нее.

Кроме восхищенной публики с женщины в белом не сводили глаз два лощеных телохранителя. Они неотступно следовали за ней с настороженной уверенностью хищного зверя. Оба в синих блейзерах с шевронами, на которых вышита монограмма «КГ».

Авила не удивился их присутствию, но его сердце забилось быстрее. Как бывший военный он прекрасно знал, что означает эта монограмма.

Парни скорее всего вооружены и натасканы так, как мало кто из телохранителей.

Надо быть особенно осторожным, подумал Авила.

— Привет! — услышал он вдруг мужской голос прямо у себя за спиной.

Адмирал вздрогнул и обернулся.

Перед ним стоял, широко улыбаясь, пузатый мужчина в смокинге и ковбойской шляпе.

— Отличный прикид! — сказал он, указывая пальцем на форменный китель Авилы. — Интересно, где такие дают?

Там, где платишь за него кровью и верностью, мысленно ответил Авила.

— No hablo inglés[23], — пожав плечами, сказал он и пошел вверх по лестнице.

На третьем этаже Авила увидел табличку «Туалет» и пошел по длинному коридору в направлении, указанном стрелкой. Он был почти у цели, когда свет в музее начал мигать — «первый звонок», гостям вежливо предлагали подняться в зал презентации.

В пустом туалете Авила прошел в самую дальнюю кабинку и запер дверь. Оставшись в одино-

---

[23] Сноски: 23
Я не говорю по-английски (*исп.*).

честве, он почувствовал, как в душе просыпаются знакомые демоны, и испугался, что они снова увлекут его в беспросветную бездну.

Пять лет прошло, а память по-прежнему не отпускает меня.

Рассердившись на себя, Авила отогнал мрачные мысли и достал из кармана четки. Аккуратно повесил их на крючок для одежды на дверце кабинки. Глядя, как бусины и распятие тихо покачиваются, он невольно залюбовался. Благочестивый человек пришел бы в ужас, узнав, для какой цели Авила предназначил эти четки. Но Регент заверил, что в мрачные времена прощаются самые страшные грехи. *Бог простит все*, сказал Регент, *если это сделано во имя святой цели.*

Под защитой не только душа Авилы, но и тело. Он посмотрел на татуировку на руке.

Как древняя *хризма* — монограмма имени Христа, — этот знак целиком составлен из букв.

Строго следуя инструкции, Авила нанес его с помощью особых чернил и иглы три дня назад. Поэтому кожа вокруг была еще красноватой и побаливала. Если его схватят, говорил Регент, достаточно показать знак, и не пройдет нескольких часов, как его отпустят.

Наши люди есть на самых верхних этажах власти, сказал Регент.

Авила уже успел убедиться в этом: он чувствовал, что его словно покрывает защитная мантия. *Значит, есть еще люди, которые уважают традиции.* Возможно, когда-нибудь и Авила войдет в элиту, но сейчас он готов сыграть любую роль ради святого дела.

В тишине кабинки он достал телефон и набрал тайный номер.

Ответили сразу, на первом гудке:

— ¿Sí?

— Estoy en posición, — сообщил Авила, ожидая дальнейших инструкций.

— Bien, — сказал Регент. — Tendrás una sola oportunidad. Aprovecharla será crucial[24].

---

[24] Сноски: 24

— Да?

— Я на месте.

— Хорошо. У вас будет только один шанс. Использовать его критически важно (*исп.*).

Глава 11

В тридцати километрах от Дубая с его сверкающими на солнце небоскребами, искусственными островами и роскошными виллами знаменитостей на побережье залива располагается город Шарджа — ультраконсервативный исламский центр и культурная столица Объединенных Арабских Эмиратов.

Больше шестисот мечетей и лучший в регионе университет превратили Шарджу в оплот науки и духовности, чей фундамент покоится на прочной основе огромных запасов нефти и твердой убежденности правителей в том, что их подданные обязаны получить самое лучшее образование.

Этой ночью семейство глубоко чтимого в Шардже алламы Саида аль-Фадла собралось вместе и молилось. Но это был не ночной намаз *тахаджуд*. Семейство молило аллаха, чтобы он вернул любимого отца, дядю, мужа, который таинственным образом бесследно исчез.

Местная пресса сообщала, что, по словам одного из коллег аль-Фадла, обычно невозмутимый

аллама после возвращения с заседания Парламента религий мира все время «был странно возбужден». К тому же коллега случайно оказался свидетелем телефонного разговора. Саид с кем-то спорил, судя по всему, по-английски. Этого языка коллега не понимал, но клялся, что отчетливо слышал, как Саид без конца повторял одно и то же имя.

Эдмонд Кирш.

Глава 12

Лэнгдон выбирался из стальной спирали, и голова у него шла кругом от противоречивых мыслей. Разговор с Киршем одновременно заинтриговал и встревожил его. Даже если Кирш преувеличивает, похоже, этот компьютерный гений действительно открыл что-то такое, что перевернет многие фундаментальные представления о мире.

Открытие, сравнимое с революцией Коперника?

Лэнгдон наконец выбрался из стального коридора. Голова у него слегка кружилась уже и в прямом смысле. Он поднял с пола наушники и пристроил на место.

— Уинстон? Алло!

Послышался легкий щелчок. Компьютерный экскурсовод с британским акцентом был тут как тут:

— Приветствую вас, профессор. Я слушаю. Мистер Кирш просил проводить вас к грузовому лифту, поскольку через атриум мы не успеем, времени мало. И еще он выразил надежду, что

размеры лифта вас приятно удивят.

— Очень мило с его стороны. Он же знает, что у меня клаустрофобия.

— Теперь и я это знаю. И буду всегда об этом помнить.

Уинстон провел Лэнгдона через боковую дверь по служебному проходу с бетонными стенами к дверям лифта. Кабина действительно оказалась огромной, явно предназначенной для подъема экспонатов невероятных размеров.

— Верхняя кнопка, — сказал Уинстон, когда Лэнгдон вошел в кабину. — Четвертый этаж.

Наверху лифт остановился, и Лэнгдон вышел.

— Направо, — звучал в голове Лэнгдона жизнерадостный голос Уинстона. — Теперь по галерее налево. Это кратчайший путь к зрительному залу.

Следуя указаниям Уинстона, Лэнгдон шел по внушительной галерее, где были выставлены странные инсталляции: пушка, время от времени стреляющая мягкими красными восковыми ядрами в белую стену, сплетенное из проволоки каноэ, на котором, очевидно, нельзя было плавать, целый маленький город из полированных металлических блоков.

У самого выхода из галереи внимание Лэнгдона

привлекла масштабная инсталляция, перед которой он остановился как вкопанный.

Ну наконец-то, подумал Лэнгдон. *Вот и самый странный экспонат в музее.*

Во всю ширину зала простиралась высокая — до потолка — дуга. Она напоминала поток, составленный из множества чучел серых волков, застывших на бегу, в прыжке, в полете. Поток с размаху ударял в прозрачную стеклянную стену, стекал по ней и застывал грудой мертвых волчьих тел.

— Эта композиция называется «Прямолинейность», — пояснил Уинстон. — Девяносто девять волков слепо мчатся в стеклянную стену, что символизирует стадный менталитет, не позволяющий хоть на миллиметр отклониться от общепринятой нормы.

Лэнгдона поразила актуальность инсталляции. *Сегодня Эдмонд намерен максимально «отклониться от общепринятой нормы».*

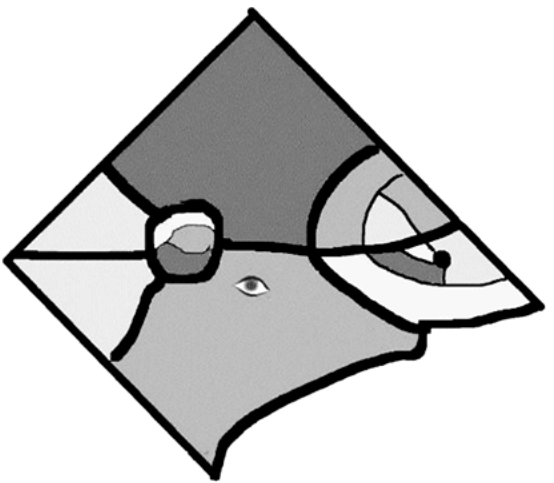
— Если вы пройдете немного вперед, — сказал Уинстон, — то слева будет проход к живописной ромбовидной композиции. Ее создатель — один из любимцев Эдмонда.

Лэнгдон взглянул на яркую картину впереди и сразу узнал характерные линии, чистые цвета и

веселый парящий глаз.

Хуан Миро, подумал Лэнгдон. Ему всегда нравились веселые работы этого знаменитого каталонца, похожие и на детские книжки-раскраски, и на сюрреалистические витражи.

Но приблизившись, он с удивлением заметил, что поверхность картины абсолютно гладкая, без единого следа кисти.



— Это что — *репродукция*?

— Нет, оригинал, — ответил Уинстон.

Лэнгдон рассмотрел картину поближе. Похоже,

напечатана на широкоформатном принтере.

— Уинстон, но это же напечатано. Это даже не холст.

— Я не работаю с холстом, — ответил Уинстон. — Я творю виртуально, а потом Эдмонд распечатывает.

— Постой, — с недоверием сказал Лэнгдон, — так это твоя работа?

— Да. Я попытался изобразить что-нибудь в стиле Хуана Миро.

— Понятно. Ты даже подписал ее — Miró.

— Нет, — возразил Уинстон. — На картине написано Miro без акута на последней гласной. По-испански miro означает «я смотрю».

Остроумно, согласился Лэнгдон, глядя на одинокий глаз, который смотрел на зрителя с работы Уинстона.

— Эдмонд попросил меня нарисовать автопортрет. И вот что у меня получилось.

Так это твой автопортрет, подумал Лэнгдон, внимательно всматриваясь в причудливые линии. *Ты выглядишь очень странно, компьютер.*

Лэнгдон недавно прочел о большом интересе Эдмонда к «алгоритмическому искусству» — произведениям, созданным сложными компьютерными программами. Тут неизбежно вставал во-

прос: кто автор — компьютер или программист? В Массачусетском технологическом институте недавно прошла выставка «алгоритмического искусства», которая вызвала настоящий переполох в гуманитарных кругах Гарварда: *Разве не искусство делает нас людьми?*

— Я и музыку сочиняю, — похвастался Уинстон. — Попросите у Эдмонда что-нибудь послушать, думаю, вам будет любопытно. Но нам надо спешить. Скоро начнется презентация.

Лэнгдон вышел из галереи и оказался на площадке с видом на атриум. В противоположном конце огромного сводчатого зала служители поторапливали выходящих из лифта припозднившихся гостей, направляя их в сторону Лэнгдона и открытых дверей зрительного зала.

— Программа начнется через несколько минут, — сказал Уинстон. — Вы видите открытые двери?

— Да, они прямо передо мной.

— Отлично. И последнее: когда войдете в зал, увидите корзину для наушников. Эдмонд просил вас не сдавать их. Оставьте их при себе. После окончания программы я помогу вам выйти через служебный вход, там не будет толпы, и вы сможете спокойно поймать такси.

Лэнгдон вспомнил странную последовательность букв и цифр, которые Эдмонд написал на визитке — их нужно было просто показать таксисту.

— Уинстон, Эдмонд тут написал мне: «BIO-EC 346». Он сказал, что это очень простой код.

— Совершенно верно, — быстро проговорил Уинстон. — Поторопитесь, профессор, программа вот-вот начнется. Надеюсь, вам понравится презентация мистера Кирша. С нетерпением жду нашей встречи после программы.

Что-то щелкнуло. И Уинстон умолк.

Лэнгдон подошел к распахнутым дверям, снял наушники, спрятал в карман и быстро вошел вместе с еще несколькими опоздавшими. Тяжелые двери захлопнулись.

В очередной раз он удивленно осмотрелся.

Мы что, все время будем стоять?

Он-то представлял, что Кирш объявит о своем открытии в огромной аудитории с удобными креслами, но очутился в небольшом выставочном зале с голыми белыми стенами, где толпились, почти касаясь друг друга, триста с лишним человек.

Ни картин, ни сидений. Только подиум у противоположной стены и сбоку — большой ЖК-экран,

на котором светится надпись:

```
Прямое включение через 2 минуты 07 секунд
```

Лэнгдон, чувствуя, как его охватывает волнение, автоматически прочел вторую строку на экране и не поверил своим глазам:

```
Нас смотрят 1 953 694 зрителя
```

Два миллиона человек?

Кирш говорил, что собирается устроить онлайн-трансляцию, но такое количество зрителей! А невероятное число на экране продолжало расти, увеличиваясь с каждой секундой.

Лэнгдон невольно улыбнулся. Неплохо идут дела у его бывшего студента. Хотелось бы только знать: что же такое он сейчас скажет?

Глава 13

В освещенной луной пустыне восточнее Дубая дюнный багги «Песчаная гадюка-1100» сделал крутой вираж и резко остановился, оставив за собой шлейф взметенного песка, опадающий плавной волной в ярком свете фар.

Молодой парень за рулем снял защитные очки и с удивлением уставился на странный предмет, на который едва не наехал. Испытывая непонятный страх, вылез из багги и приблизился к темному силуэту на песке.

Да, он не ошибся.

В свете фар, раскинув руки, лицом вниз неподвижно лежал человек.

— Marhaba? — позвал паренек. — Эй!

Человек не отвечал.

Судя по одежде, это был мужчина: круглая шапочка, просторный тауб. Плотный и коренастый. Его следы давно занесло ветром, как и колею от машины, если та была. Уже не понять, как он очутился здесь, так далеко в пустыне.

— Marhaba? — снова произнес парень.

Тишина.

Не зная, как быть, он осторожно тронул мужчину ногой. Пухловатое на вид тело оказалось очень твердым — ветер и солнце иссушили его.

Мертвец.

Паренек наклонился, ухватил человека за плечо и перевернул на спину. Неподвижные глаза смотрели в небо. Запорошенное песком лицо. Всклокоченная борода. Но несмотря на это, мужчина казался знакомым и даже добрым, словно любимый дедушка или дядя.

Послышался рев квадроциклов и багги — приятели искали паренька. Рев приближался, то затихая, то снова усиливаясь: ребята то поднимались, то опускались по склонам дюн.

Подъехав, остановились, сняли очки и шлемы. Окружили найденное тело. И вдруг один из них вскрикнул, узнав в мертвом человеке знаменитого алламу Саида аль-Фадла — ученого и религиозного лидера, — который время от времени выступал у них в университете.

— Matha Alayna ‘an naf’al? — кричал он. *Что же нам делать?*

Ребята молча смотрели на труп. А потом сделали то, что сделал бы каждый их сверстник в любой точке земного шара.

Они достали смартфоны и начали снимать,

чтобы поскорее отправить фото друзьям.

Глава 14

Стоя в плотной толпе гостей перед подиумом, Роберт Лэнгдон с удивлением наблюдал, как стремительно растет число на экране:

```
Нас смотрят 2 527 664 зрителя
```

Голоса трех с лишним сотен гостей в небольшом пространстве зала слились в приглушенный гул: одни возбужденно обсуждали предстоящую презентацию, другие пользовались последней возможностью поговорить по мобильному или твитнуть знаменательное событие.

На подиуме появился техник. Он осторожно постучал по микрофону.

— Дамы и господа, ранее мы просили вас отключить мобильные устройства. Сейчас произойдет блокировка Wi-Fi и сотовой связи, которая продлится до окончания мероприятия.

Многие гости продолжали говорить по телефонам, и вдруг связь прервалась. Большинство выглядели полностью обескураженными, словно только что стали свидетелями очередного технологического чуда Кирша, способного по

мановению руки лишить их связи с внешним миром.

Это чудо можно купить за пятьсот долларов в любом магазине электроники, подумал Лэнгдон. Он был одним из немногих профессоров Гарварда, кто пользовался глушилками сотовой связи в аудитории, чтобы студенты не отвлекались во время занятий.

Оператор с большой камерой на плече занял место напротив подиума. Свет в зале стал постепенно гаснуть.

На ЖК-экране высвечивалось:

```
Прямое включение через 38 секунд
Нас смотрят 2 857 914 зрителей
```

Лэнгдон с удивлением наблюдал, как быстро мелькают цифры счетчика на экране. Число зрителей увеличивалось быстрее, чем государственный долг США, и в голове с трудом укладывалось, что в этот самый момент почти три миллиона человек сидят у экранов в ожидании прямой трансляции из этого зала.

— Готовность тридцать секунд, — спокойно сказал в микрофон техник.

Небольшая дверь позади подиума распахнулась, и публика возбужденно зашумела в

ожидании великого Эдмонда Кирша.

Но Эдмонд не появлялся.

Все смотрели на пустой дверной проем.

Наконец из него вышла элегантная женщина. Она была поразительно красива — высокая, грациозная, с длинными черными волосами, в белом облегающем фигуру платье с черной диагональной полосой. Казалось, она плывет в воздухе, едва касаясь пола. Дойдя до центра подиума, она поправила микрофон, глубоко вздохнула и с улыбкой посмотрела в зал, ожидая, пока истекут последние секунды.

```
Прямое включение через 10 секунд
```

Женщина на мгновение закрыла глаза, сосредоточилась и снова посмотрела в зал, излучая спокойную уверенность.

Оператор поднял вверх руку и начал загибать пальцы.

Четыре, три, два…

Свет в зале окончательно погас, и женщина устремила взгляд прямо в объектив камеры. На экране появилось ее загорелое лицо. Живые темные глаза смотрели прямо на публику. Мягким движением руки она откинула прядь волос и заговорила по-английски приятным, хорошо

поставленным голосом с легким испанским акцентом.

— Добрый вечер. Меня зовут Амбра Видаль.

Зал взорвался необычайно бурными аплодисментами. Судя по всему, многим из присутствующих она была хорошо известна.

— ¡Felicidades! — кто-то крикнул из толпы. *Поздравляем!*

Щеки женщины слегка зарумянились. *Кажется, я что-то упустил,* подумал Лэнгдон.

Женщина продолжила, не обращая внимания на выкрики:

— Дамы и господа! Вот уже пять лет я работаю директором музея Гуггенхайма в Бильбао и сейчас рада приветствовать вас в нашем музее. Сегодня потрясающее мероприятие, и устроил его выдающийся человек.

Все с энтузиазмом зааплодировали вновь. Лэнгдон тоже похлопал.

— Эдмонд Кирш — не только щедрый попечитель нашего музея, но и преданный друг. Мне выпала большая честь на протяжении нескольких месяцев сотрудничать с ним в процессе подготовки этого замечательного мероприятия. Я только что посмотрела — в социальных медиа по всему миру разразилась настоящая буря. Как

многим из вас известно, сегодня Эдмонд Кирш намерен объявить о научном открытии мирового значения. По мнению мистера Кирша, это открытие — его главный вклад в развитие человечества. Таким оно и останется в истории.

Гул удивленных возгласов прокатился по залу.

Темноволосая женщина мило улыбнулась:

— Конечно, я умоляла Эдмонда рассказать мне об этом открытии, но он даже не намекнул, о чем пойдет речь.

Смех в зале, затем аплодисменты.

— Сегодняшнее мероприятие пройдет на английском языке, родном языке мистера Кирша. Но онлайн-трансляция будет вестись более чем на двадцати языках.

Изображение на экране поменялось, и Амбра продолжила:

— Если кто-то еще не избавился от сомнений, взгляните на экран. Это пресс-релиз, который пятнадцать минут назад был разослан по социальным медиа всего мира.

Лэнгдон посмотрел на экран.

Сегодня: прямое включение в 20.00 CEST[25].

Футуролог Эдмонд Кирш объявит об открытии, которое

---

[25] Сноски: 25
Центральноевропейское летнее время.

перевернет все современные научные представления о мире.

То есть он собрал трехмиллионную аудиторию всего за какие-то минуты, подумал Лэнгдон.

Снова посмотрев на подиум, он только сейчас обратил внимание на двух телохранителей у боковой стены, которые с непроницаемыми лицами уставились на публику. Лэнгдон с удивлением увидел на шевронах синих блейзеров монограмму «КГ».

Королевская гвардия? Зачем здесь парни из личной охраны короля?

Вряд ли кто-то из членов королевской семьи удостоил своим присутствием это мероприятие. Они все убежденные католики и должны избегать публичных контактов с воинствующими атеистами вроде Эдмонда Кирша.

В Испании парламентская монархия, формально власть короля очень ограничена, но он сохраняет огромное влияние на умы и сердца подданных. Для миллионов испанцев монархи по-прежнему продолжают славную традицию los reyes católicos[26] и Золотого века Испании. До сих пор Королевский дворец Мадрида для многих — духовный ориентир и символ долгой истории

[26] Сноски: 26
Католических королей (*исп.*).

непоколебимых религиозных убеждений.

В Испании говорят: «Парламент правит, а король *царствует*». В течение столетий короли, которые удерживали за собой управление испанской внешней политикой, были убежденными католиками. *И нынешний король не исключение,* подумал Лэнгдон. Его глубокая религиозность и приверженность консервативным ценностям общеизвестны.

Но вот уже несколько месяцев престарелый монарх прикован к постели и медленно угасает, а страна ждет перехода власти к его единственному сыну Хулиану. По сообщениям в прессе, наследный принц — темная лошадка, до сих пор он оставался в тени отца, и теперь все гадают, каким правителем он окажется.

Неужели принц Хулиан послал агентов Королевской гвардии разведать, что будет на мероприятии Эдмонда Кирша?

Лэнгдон с тревогой вспомнил угрожающий тон епископа Вальдеспино в послании, адресованном Эдмонду. Но в зале царила атмосфера мирная, приподнятая и спокойная. По словам Эдмонда, сегодня предприняты беспрецедентные меры безопасности — возможно, Королевская гвардия здесь всего лишь для дополнительной

страховки.

— Думаю, тем, кто знаком с Эдмондом и в курсе его пристрастия к театральным эффектам, — продолжала Амбра Видаль, — понятно, что он не собирается надолго задерживать нас в этой пустой комнате с голыми стенами. — Она подошла к ряду двустворчатых дверей в дальнем конце зала. — За этими дверями Эдмонд Кирш создал «экспериментальное пространство», в котором предложит вашему вниманию свою мультимедийную презентацию. Она заранее записана в компьютере и будет транслироваться на весь мир. — Амбра сделала паузу и посмотрела на свои золотые часики. — Сегодняшний вечер распланирован по минутам, и Эдмонд просил всех занять места, чтобы мы могли начать точно в двадцать часов пятнадцать минут. У нас осталось не так много времени. — Она указала на двустворчатые двери. — Дамы и господа, прошу, входите, и давайте посмотрим, какое удивительное действо приготовил для нас Эдмонд Кирш.

Двери распахнулись.

Лэнгдон предполагал увидеть еще один зал. Но его ждал новый сюрприз. За дверями начинался темный тоннель.

* * *

Адмирал Авила не стал торопиться, когда толпа гостей ринулась к едва освещенному проходу. Войдя в тоннель одним из последних, он с удовлетворением отметил, что там почти ничего не видно.

Темнота здорово облегчит работу.

Прикасаясь к четкам, лежащим в кармане кителя, он внутренне собирался, прокручивая в голове детали операции.

Время будет иметь решающее значение.

Глава 15

Тоннель шириной метров шести, плавно идущий налево и вверх, был сделан из плотной черной ткани, натянутой на полукруглые арки. Пол покрывала роскошная черная ковровая дорожка, а две светящиеся полосы по ее краям чуть рассеивали темноту.

— Пожалуйста, снимите обувь, — шепотом повторял смотритель музея вновь прибывшим. — Снимите и возьмите ее в руки.

Лэнгдон снял лакированные вечерние туфли, и ноги в носках погрузились в мягчайший ворс ковра. Все тело вмиг инстинктивно расслабилось. Послышались блаженные вздохи — остальные гости испытали то же самое.

Мягко ступая, Лэнгдон двинулся вперед по тоннелю туда, где у черного занавеса гостей встречали смотрители музея. Каждому вручали нечто похожее на толстое пляжное полотенце, а затем провожали дальше.

Возгласы радостного удивления постепенно сменились настороженной тишиной. Лэнгдон наконец подошел к занавесу, и смотритель протя-

нул ему аккуратно сложенный кусок ткани — как оказалось, не полотенце, а небольшое ворсистое одеяло, к одной стороне которого была пришита подушка. Лэнгдон поблагодарил и шагнул за приоткрытую завесу.

Второй раз за вечер он застыл в изумлении. Конечно, он пытался представить, что увидит по ту сторону занавеса. Но такого точно не ожидал.

Мы что… за городом?

Перед ним раскинулась широкая лужайка, над ней сияло звездное небо. Узкий месяц всходил над одиноким кленом, стрекотали сверчки, теплый ветер ласкал лицо, воздух был напоен ароматом свежеподстриженной травы, сменившей мягкий ковер под ногами.

— Сэр, пожалуйста, выберите себе место, — прошептал смотритель музея и, взяв Лэнгдона за руку, вывел на лужайку. — Расстелите одеяло, ложитесь и наслаждайтесь.

Лэнгдон стоял на траве в окружении столь же ошеломленных гостей — все выбирали места, чтобы постелить одеяла. Лужайка была большая, размером с хоккейную площадку, ее окружали деревья, заросли овсяницы и камыша. Камыш тихо шелестел на ветру.

Лэнгдону понадобилось несколько сенунд, что-

бы понять: все это иллюзия. Но какая! Настоящее произведение искусства.

Это напоминает сложно устроенный планетарий, думал он, поражаясь, с каким вниманием к деталям выполнена работа.

Небо, звезды, месяц, плывущие облака — все это проекция. Равно как и пологие холмы вдалеке. Камыш, деревья с шелестящими листьями, кустарники — очень искусная имитация или даже живые растения в горшках. Туман, окутывающий кусты и деревья, хитроумно скрывал острые углы и прямые стены огромного зала. Так возникала иллюзия окружающей природы.

Лэнгдон присел и потрогал траву. Мягкая, совсем как настоящая, разве что совершенно сухая. Он где-то читал о новых синтетических покрытиях, способных ввести в заблуждение даже профессионального спортсмена. Но Кирш пошел еще дальше — он создал удивительно правдоподобную рукотворную почву со всеми ее изъянами и неровностями. Кочки, ямки — как на настоящем лугу. Лэнгдон вспомнил, когда впервые собственные чувства точно так же обманули его. Он был тогда ребенком, и его маленькая лодка плыла под лунным светом к гавани, где отчаянно палил из пушек боевой пиратский парусник.

Детское сознание не могло постичь, что никакой гавани на самом деле нет, а есть подземный театр, сооруженный в пещере с водой. Классический аттракцион «Диснейуорлда» — «Пираты Карибского моря».

Но сейчас все было удивительно правдоподобно, и на лицах других гостей Лэнгдон видел такой же изумленный восторг. Надо отдать Эдмонду должное — он создал такую удивительную иллюзию, что сотни взрослых серьезных людей сбросили свои дорогущие туфли, легли на траву и устремили взгляды к небу.

Так мы делали в детстве, а потом повзрослели и все забыли.

Лэнгдон, положив голову на подушку, растянулся на мягкой упругой траве. В небе над ним мерцали звезды, и на мгновение он снова стал подростком. Вернулся в те годы, когда на пару с лучшим другом лежал в полночь на роскошном газоне гольф-поля Болд-Пик и размышлял о тайнах мироздания. *Если повезет*, подумал Лэнгдон, *Эдмонд Кирш сегодня раскроет нам некоторые из этих тайн.*

Стоя в дальнем углу площадки, адмирал Луис Авила еще раз окинул лужайку взглядом. Затем, никем не замеченный, сдвинул в сторону черный

занавес, через который только что вошел, и оказался в пустом тоннеле. Провел рукой по черной ткани, нашел место соединения полотнищ. Стараясь действовать как можно тише, расстегнул липучку, шагнул на другую сторону тоннеля и снова соединил ткань позади себя.

Иллюзия растворилась.

Лужайка исчезла.

Теперь Авила находился в громадном прямоугольном помещении, почти все пространство которого занимал большой овальный пузырь. *Зал внутри зала.* Эту конструкцию, напоминающую шапито, окружали высокие строительные леса, на которых громоздились осветительные приборы, аудиоколонки и пучки кабелей. Направленные на полупрозрачную поверхность шатра мерцающие видеопроекторы светились все одновременно, изливая мощные разноцветные лучи. Именно благодаря им люди на искусственной лужайке видели звездное небо и отдаленные холмы.

Авила отдал должное таланту Кирша: футуролог умеет создавать драматические эффекты. Впрочем, он и представить себе не может, какая драма здесь развернется сегодня.

Помни, что поставлено на карту. Ты — солдат

священной войны. Часть великого целого.

Авила вновь и вновь прокручивал в голове свой план — шаг за шагом. Опустив руку в карман, он хотел уже вытащить крупные тяжелые четки. И в этот момент верхний ряд колонок внутри шатра будто взорвался звуком, выпустив на волю человеческий голос. Громыхая, он несся с неба, словно Глас Божий:

— Добрый вечер, друзья. Меня зовут Эдмонд Кирш.

Глава 16

В это же время в Будапеште рабби Кёвеш мерил нервными шагами тесное пространство своего házikó. В руке он сжимал телевизионный пульт и, с тревогой ожидая звонка епископа Вальдеспино, переключался с канала на канал.

Последние десять минут несколько новостных телеканалов прерывали свою программу ради прямого эфира из музея Гуггенхайма в Бильбао. Комментаторы обсуждали прошлые достижения Кирша и размышляли, чем он собирается поразить на этот раз. Кёвеш поежился. Интерес к предстоящему событию рос как снежный ком.

Для меня это уже не тайна.

Три дня назад в Монтсеррате Эдмонд Кирш показал Кёвешу, аль-Фадлу и Вальдеспино рабочую версию презентации своего открытия. Теперь, не сомневался рабби, то же самое предстоит узнать всей планете.

Сегодня вечером мир станет другим, с горечью подумал он.

Телефонный звонок оторвал Кёвеша от тяжелых мыслей.

Вальдеспино обошелся без предисловий:

— Иегуда, боюсь, у меня снова плохие новости. — Мрачным голосом он пересказал рабби шокирующие известия из Эмиратов.

Кёвеш в ужасе зажал ладонью рот. Потом проговорил:

— Аллама аль-Фадл… покончил с собой?

— Как раз этот вопрос сейчас и обсуждается. Его нашли недавно, далеко в пустыне… он как будто ушел умирать. — Вальдеспино помолчал. — Возможно, не выдержал нервного напряжения последних дней. Это все, что я могу сказать.

Аль-Фадл и самоубийство? Кёвеш представил себе это, нахлынула волна боли, а за ней — смятение. Да, и его самого мучают мысли о последствиях открытия Кирша. Но чтобы аллама в отчаянии свел счеты с жизнью? Нет, невозможно.

— Здесь что-то не так, — произнес рабби. — Не верю, что он пошел на такое.

Вальдеспино долго молчал.

— Рад, что вы так думаете, — наконец сказал он. — Должен признаться, и я с трудом могу принять версию самоубийства.

— Тогда… кто же это сделал?

— Тот, кому важно было сохранить в тайне открытие Эдмонда Кирша, — мгновенно ответил

епископ. — Тот, кто, как и мы, думал, что Кирш сделает заявление не сегодня, а через несколько недель.

— Но Кирш уверял, что *никто ничего* не знает! — возразил Кёвеш. — Только вы, аль-Фадл и я.

— Может, и здесь он солгал. Но даже если Кирш действительно рассказал об открытии только нам троим, вспомните, как отчаянно наш друг Саид аль-Фадл выступал за публичность. Возможно, он поделился информацией с кем-то из приближенных в Эмиратах. Возможно, этот приближенный, как и я сам, счел, что открытие Кирша повлечет за собой опаснейшие последствия.

— И что отсюда следует? — раздраженно спросил рабби. — Что кто-то близкий к аль-Фадлу убил его ради сохранения тайны? Но это вздор!

— Рабби, — холодно произнес епископ. — Поверьте, я *не знаю*, что произошло. Я лишь пытаюсь найти ответы. Так же, как и вы.

Кёвеш перевел дух.

— Простите. Все никак не могу смириться с тем, то Саида больше нет.

— И я не могу. Но если Саида убили из-за информации, которой он владел, значит, и мы с вами должны быть очень осторожны. Возможно, мы

следующие.

Кёвеш недолго помолчал, прежде чем сказал:

— Как только открытие станет достоянием общественности, нас незачем будет убивать.

— Верно, но *пока* это не так.

— Ваше преосвященство, до заявления Кирша остаются считанные минуты. Репортаж транслируют по всем каналам.

— Да… — Вальдеспино устало вздохнул. — Кажется, я должен признать, что мои молитвы остались без ответа.

Неужели епископ молил Бога о помощи, о том, чтобы Кирш отказался от своих намерений?

— Но даже если все всё узнают, — продолжил Вальдеспино, — успокаиваться рано. Думаю, Кирш с превеликим удовольствием объявит миру, что три дня назад консультировался с религиозными лидерами. Сейчас я уже сомневаюсь, что он руководствовался этическими соображениями, когда просил о встрече. Если он назовет наши имена, нас скорее всего ждут тщательные проверки и, возможно, суровая критика со стороны собратьев. Наверняка они сочтут, что мы должны были действовать, принять какие-то меры. Простите, но я… — Епископ запнулся, как будто хотел добавить что-то еще, но внезапно

передумал.

— Что? О чем вы? — Кёвеш ждал продолжения.

— Поговорим об этом позже. Я позвоню вам после презентации Кирша. До тех пор, пожалуйста, никуда не выходите и заприте дверь. Ни с кем не разговаривайте и будьте предельно осторожны.

— Антонио, вы пугаете меня.

— Сам того не желая. Теперь мы можем только ждать и смотреть, как будет реагировать мир. Отныне все в руках Божьих.

Глава 17

С небес зазвучал голос Эдмонда Кирша, и прохладная лужайка в недрах музея Гуггенхайма затихла. Сотни людей, раскинувшись на одеялах, смотрели в сияющее звездное небо. Роберт Лэнгдон, лежа в центре поляны, испытывал непонятное волнение.

— Давайте сегодня снова станем детьми, — заговорил Кирш. — Посмотрим на звезды и откроем наше сознание новым перспективам.

Напряжение публики росло.

— Сегодня мы первооткрыватели, — продолжил Кирш. — Оставим все позади, устремимся в безграничный океан, где нас ждут новые земли, которых никто никогда не видел, почувствуем дрожь в коленях и благоговейный трепет — такой, когда вдруг понимаешь, что мир куда больше, чем могло «присниться нашим мудрецам». Распахнем сознание.

Впечатляет, подумал Лэнгдон. Интересно, это запись или он прямо сейчас читает текст за кулисами?

— Друзья мои, — гремел в небесах голос Кир-

ша, — мы собрались, чтобы узнать о великом открытии. Прошу вас, наберитесь терпения. Сегодня произойдет переворот в истории человеческой мысли, и очень важно прочувствовать контекст, в котором он происходит.

Постепенно начал нарастать гул. Лэнгдон почувствовал, как все у него внутри задрожало от мощных басов из динамиков.

— Нам нужно подготовиться к великому событию. И поможет нам в этом знаменитый ученый, настоящая легенда в мире символов и кодов, знаток истории, религии и культуры… и мой дорогой друг. Дамы и господа, встречайте: профессор Гарвардского университета Роберт Лэнгдон!

Раздались бурные аплодисменты. Лэнгдон с удивлением приподнялся на локте. Звездное небо над головой вдруг превратилось в большую переполненную аудиторию, по которой под восхищенными взглядами студентов в пиджаке марки «Харрис твид» расхаживал… Роберт Лэнгдон.

Так вот она, моя роль, подумал Лэнгдон, устраиваясь поудобнее.

— Для древних людей, — говорил с экрана вверху Лэнгдон, — Вселенная была полна тайн. Многое не поддавалось пониманию. И наши

предки создали целый пантеон богов и богинь, чтобы объяснить то, перед чем разум был бессилен: гром, землетрясения, приливы и отливы, извержения вулканов, чума, бесплодие и даже любовь.

Сюрреализм какой-то, подумал Лэнгдон, слушая самого себя.

— Древние греки считали, что шторм на море вызван гневом Посейдона.

Изображение Лэнгдона исчезло с экрана, но голос продолжал звучать.

Огромные волны с грохотом прокатились по потолку, сотрясая все вокруг. Лэнгдон с изумлением увидел, как пенные валы преобразились в заснеженную тундру, по которой змеилась поземка. Повеяло холодом.

— Наступала зима, — продолжал Лэнгдон за кадром, — это природа оплакивала ежегодное пленение Персефоны подземным миром.

На лужайке опять потеплело, и заснеженный ландшафт постепенно трансформировался в гору, из вершины которой извергались клубы дыма, искры и лава.

— Римляне считали, что каждая такая гора, — говорил Лэнгдон, — это дом Вулкана, бога-кузнеца, который стучит молотом по наковальне

внутри горы, и из трубы его горна летят искры и пламя.

Лэнгдон почувствовал, как запахло серой, и удивился, насколько искусно Эдмонд превратил обычную лекцию в захватывающее мультисенсорное действо.

Извержение вулкана внезапно закончилось. В наступившей тишине снова застрекотали сверчки, над лужайкой повеял теплый ветер, запахло свежескошенной травой.

— Наши предки придумали множество богов, — говорил Лэнгдон. — Нужно было объяснить не только загадки мироздания, но и вполне житейские тайны.

Над головой снова появились звезды, но на этот раз с линиями, очерчивающими созвездия, и с изображениями соответствующих божеств.

— Бесплодие было связано с немилостью богини Юноны. Любовь — это сердце, пронзенное стрелой Эрота. Эпидемии — наказание, которое насылает на провинившихся Аполлон.

На потолке появлялись новые созвездия и новые боги.

— В моих книгах, — продолжал Лэнгдон, — я пользуюсь термином «бог пробела». Когда у наших предков возникал *пробел* в понимании того

или иного явления природы, они заполняли его соответствующим «богом».

Вверху появился многофигурный коллаж из изображений и статуй древних божеств.

— Для бесчисленных пробелов в знаниях требовались бесчисленные божества. Но вот прошли века, и настало время науки.

В небесах возник коллаж из математических знаков и физических формул.

— Наши знания о природе ширились и росли, пробелов становилось меньше, и пантеон постепенно пустел.

Изображение Посейдона на потолке медленно отошло на второй план.

— Мы узнали, — продолжал Лэнгдон, — что приливы и отливы обусловлены фазами Луны, и Посейдон стал не нужен.

Изображение Посейдона с легким хлопком развеялось в дым.

— Как известно, подобная участь постигла всех древних богов. Один за другим они умирали, ибо наш крепнущий разум уже не нуждался в их помощи.

Изображение богов вверху стали меркнуть одно за другим: бог грома, бог землетрясения, бог, насылающий чуму…

— Но не надо думать, — говорил Лэнгдон, пока боги исчезали с небес, — что они «безропотно уходили во тьму»[27]. Расставание с богом — сложный и долгий процесс. Верования глубоко коренятся в наших душах. Они впитываются с детства благодаря родителям, учителям, священникам. Религиозные взгляды изменяются на протяжении жизни нескольких поколений. И часто это сопровождается ужасами и насилием.

Раздались воинственные крики и звон мечей, боги один за другим продолжали исчезать. Наконец, на небесах осталось изображение одного бога: суровое лицо, развевающаяся белая борода.

— Зевс, — торжественно провозгласил Лэнгдон. — Царь богов. Самый грозный и почитаемый в языческом пантеоне. Зевс дольше других держал оборону. Он бился не на жизнь, а на смерть, чтобы «не дать погаснуть свету своему»[28]. Как, впрочем, в свое время бились те боги, на смену которым он пришел.

Наверху появились изображения Стонхенджа,

---

[27] Сноски: 27

Отсылка к стихотворению валлийского поэта Дилана Томаса «Не уходи безропотно во тьму, / Не дай погаснуть свету своему». Перевод В. Бетаки.

[28] Сноски: 28

Отсылка к тому же стихотворению Дилана Томаса.

шумерских зиккуратов, великих египетских пирамид. И снова вернулся Зевс.

— Почитатели Зевса так стойко выдерживали натиск христианства, что новой побеждающей религии ничего не оставалось, как сделать лицо Зевса лицом своего *нового* Бога.

Бородатый Зевс постепенно трансформировался в Бога-Творца с фрески Микеланджело «Сотворение Адама» на потолке Сикстинской капеллы.

— Сегодня мы не верим рассказам, подобным «биографии» Зевса, якобы вскормленного молоком козы и получившего силу от одноглазых чудовищ-циклопов. Теперь это назвается мифологией — собранием причудливых фантастических историй, позволяющих лучше понять мир, в котором жили наши суеверные предки.

На потолке появилось фото пыльной библиотечной полки с кожаными корешками томов — старинные книги с мифами о божествах природы — Баале, Иштар, Осирисе и множестве других.

— Сегодня все обстоит иначе, — провозгласил Лэнгдон. — Наши взгляды изменились.

Вверху замелькали новые образы — бездонные глубины космоса, электронные чипы, медицин-

ские лаборатории, ускорители элементарных частиц, ревущие реактивные самолеты.

— Мы интеллектуально развиты и технологически продвинуты. Мы больше не верим в кузницу в недрах вулкана и в бородача с трезубцем. Мы не похожи на наших суеверных предков…

Или похожи, прошептал Лэнгдон почти в унисон с записью.

— Или похожи? — тут же прозвучало сверху. — Мы считаем себя современными, образованными, но и сегодня мировые религии призывают верить в чудеса: воскресение, непорочное зачатие, гнев Божий, насылающий чуму и наводнения, ожидающие нас после смерти адские муки или райское блаженство.

Лэнгдон говорил, и на потолке появлялись знакомые христианские сюжеты: воскресение, Дева Мария, Ноев ковчег, расступившиеся воды Красного моря, картины ада и рая.

— Попробуем представить, — продолжал Лэнгдон, — как посмотрят на нас историки и антропологи будущего с точки зрения достижений своего времени. Не покажется ли им наша эпоха с ее религиозными верованиями темной и непросвещенной? Не посмотрят ли они на наших

богов так, как мы смотрим на Зевса? Не задвинут ли они наши «священные тексты» на пыльную полку истории?

Вопрос повис в наступившей темноте.

Напряженную тишину нарушил голос Эдмонда Кирша.

— Именно *так* и будет, профессор, — пророкотал он откуда-то сверху. — Я верю, что все будет именно так. Грядущие поколения будут сидеть и ломать голову: ну как же мы, с нашей наукой и технологиями, *могли* верить в то, чему сегодня нас учит религия?

Голос Кирша креп, в «небесах» сменялись картины: Адам и Ева, женщины в паранджах, босой индус, шагающий по горящим углям.

— Я уверен, — продолжал Кирш, — узнав про наши обряды, будущие поколения определенно решат, что мы жили в темные времена. И в качестве доказательства укажут на наши верования: Бог сотворил человека в чудесном саду, всемогущий творец повелел женщине скрывать лицо, и в честь богов мы время от времени должны поджигать себе пятки.

На потолке быстро замелькали кадры различных религиозных церемоний — от изгнания бесов и крещения до чудовищного пирсинга и

сжигания жертвенных животных. Слайд-шоу закончилось душераздирающим видео: индийские служители культа сбрасывают ребенка с пятнадцатиметровой башни. Человек в белом отпускает младенца, тот летит с высоты и падает на растянутый холст, который радостные люди держат внизу как пожарный тент.

Церемония в храме Гришнешвор[29], подумал Лэнгдон. Считается, этот обряд наделяет ребенка умом и здоровьем.

Кошмарное видео наконец закончилось.

В полной темноте гремел голос Кирша:

— Как могло случиться, что сознание современного человека, способное к точному логическому анализу, мирится с религиозными верованиями, противоречащими элементарной логике?

Над головой снова появилось звездное небо.

— Ответ на этот вопрос, — продолжал Эдмонд, — оказался очень простым.

Нейроны, догадался Лэнгдон.

— Человеческий мозг, — произнес Эдмонд. — Почему он верит в то, во что верит?

---

[29] Сноски: 29

Храм Гришнешвор в индийском штате Махараштра — место проведения одного из самых необычных и потенциально опасных ритуалов в мире. Обряд, как правило, заканчивается для ребенка серьезной психологической травмой.

Вверху появилось изображение мозга: пульсирующие узелки посылали электрические импульсы по светящимся волокнам к другим узелкам.

— Наш мозг, — продолжал Кирш, — это органический компьютер, и у него есть своя операционная система. Набор правил, который упорядочивает хаотический поток информации, поступающей в течение дня, — разговоры, обрывки музыкальных фраз, полицейские сирены, вкус шоколада. Несложно понять, что поток входящей информации пестр и разнороден, а мозг должен во всем разобраться. На самом деле операционная система мозга и предопределяет наше восприятие реальности. К несчастью, тот, кто написал программу для операционной системы нашего мозга, обладал странным чувством юмора. Строго говоря, это он виноват в том, что мы верим в самые невероятные вещи.

Синапсы исчезли, и в мозгу стали тесниться знакомые картинки: астрологические карты, идущий по воде Иисус, основатель сайентологии Рон Хаббард, египетский Осирис, индуистский бог Ганеша с четырьмя руками и головой слона, мраморная статуя Девы Марии, по щекам которой текут настоящие слезы.

— Как программист, я спрашиваю себя: почему наша операционная система выдает такие странные результаты? Исследовав эту систему, мы обнаружим, что она построена на двух принципах.

Над головой появилась гигантская надпись:

ИЗБЕГАЙ ХАОСА.

НАВОДИ ПОРЯДОК.

— Вот корневая программа нашего мозга, — продолжал Эдмонд. — Именно к этому он стремится. Победить хаос, установить порядок.

Помещение вдруг наполнили беспорядочные звуки — как будто ребенок бессмысленно колотил по клавишам фортепиано. Лэнгдон и остальные гости непроизвольно напряглись.

Перекрывая какофонию, Кирш продолжал:

— Бессмысленное бренчание на пианино — невыносимо, правда? Но вот те же ноты, расставленные в определенном *порядке*…

Мучительный шум прекратился, и в зале зазвучал «Лунный свет» Дебюсси.

Лэнгдон почувствовал, как мускулы расслабляются, и напряжение зала быстро развеивается.

— Наш мозг ликует, — снова заговорил Кирш. —

Но ведь это те же самые ноты. И тот же инструмент. Дебюсси создал *порядок*. Такое же удовольствие мы испытываем, когда находим нужный фрагмент пазла или выравниваем картину, висящую на стене. Наша предрасположенность к порядку записана в ДНК. Поэтому неудивительно, что многие считают самым гениальным изобретением компьютер — машину, которая специально создана для того, чтобы преобразовывать хаос в порядок. Не случайно компьютер по-испански называют ordenador, что в буквальном переводе означает — «упорядочиватель».

Вверху появилось изображение огромного суперкомпьютера и одинокого молодого человека у монитора.

— Представьте, что у вас есть супермощный компьютер с доступом ко всей информации мира. Вы можете задать ему любой вопрос. Предположим, мы задаем ему один из двух фундаментальных вопросов, которые волнуют человечество с тех самых пор, как мы обрели способность мыслить.

Молодой человек постучал по клавиатуре, и на мониторе появился текст:

```
Откуда мы?

Что нас ждет?
```

— Другими словами, мы спрашиваем компьютер о нашем *происхождении* и нашей *судьбе*. И получаем ответ.

На мониторе замигали слова:

ДЛЯ ТОЧНОГО ОТВЕТА НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ.

— Не очень информативно, — сказал Кирш. — Зато честно.

Зрители снова увидели изображение человеческого мозга.

— А если мы спросим вот этот маленький биологический компьютер: откуда мы? Ответ будет совершенно иной.

Мозг стал продуцировать череду религиозных образов: Бог, создающий Адама, Прометей, лепящий из глины первого человека, Брахма, творящий людей из разных частей своего тела, африканский бог, раздвигающий облака и опускающий двух людей на землю, скандинавские боги, вырубающие мужчину и женщину из деревьев, найденных на берегу моря.

— А теперь спросим, — продолжал Эдмонд. — Что нас ждет?

Появились новые образы: безмятежные небеса, адский огонь, иероглифы из древнеегипетской Книги Мертвых, высеченные на камне аст-

ральные проекции, греческие Елисейские поля блаженных, каббалистическое описание переселения душ гильгуль нешамот, буддистские и индуистские схемы реинкарнации, теософические круги «страны вечного лета».

— Для человеческого мозга, — объяснял Кирш, — любой ответ лучше отсутствия ответа. Для нас невыносимо оказаться в ситуации «недостаточно данных». Поэтому мозг *изобретает* недостающие данные и предлагает нам если не сам порядок, то *иллюзию* порядка — мифы, философские и религиозные системы, так или иначе объясняющие необъяснимое.

Религиозные образы продолжали плыть над головами, а Кирш говорил, все больше воодушевляясь:

— Откуда мы? Что нас ждет? Эти два фундаментальных вопроса человеческого бытия долгие годы не давали мне покоя. Я пытался найти ответы на них. — Эдмонд сделал паузу и с печалью в голосе продолжил: — К несчастью, миллионы верующих считают, что *знают* ответы на эти фундаментальные вопросы. И поскольку разные религии отвечают на эти вопросы по-разному, то все свелось к выяснению, какой рассказ о Боге Единственно Верный.

На экране вверху загрохотали взрывы, артиллерийские и минометные обстрелы — кровавый фотомонтаж религиозных войн — несчастные беженцы, оставшиеся без крова и семьи, тела мирных жителей.

— История религий — это история непрекращающейся взаимной вражды. Вражды атеистов, христиан, мусульман, евреев, индуистов — истовых последователей любой религии. Но единственное, что объединяет нас всех, — это стремление к *миру* на земле.

Грохочущие образы войны исчезли, и появилось мерцающее звездами безмятежное небо.

— Только представьте, что мы вдруг волшебным образом получили ответы на основополагающие вопросы нашей жизни… Представьте, что эти ответы очевидны всем и ничего не остается, как принять их с распростертыми объятиями — всем и каждому.

Вверху появилось изображение священника — он молился, закрыв глаза.

— Духовные вопросы всегда были в ведении религии, которая предлагала нам слепо верить в то, что не выдерживает элементарной критики.

Замелькали образы молящихся: закрыв глаза, верующие шептали, пели, били поклоны.

– *Вера*, — говорил Эдмонд, — по определению предполагает принятие чего-то невидимого и неощутимого, чего-то такого, что не поддается проверке и не требует фактических доказательств. И, естественно, мы верим в разное, потому что вера не порождает *универсальной* истины. Однако…

Коллаж на потолке сменила одна-единственная фотография: студентка внимательно смотрит в микроскоп.

— Наука — антитеза веры, — продолжил Кирш. — Наука, опять же по определению, основана на физических доказательствах, она отвергает двусмысленности и суеверия и предпочитает факты. Если наука дает ответ на вопрос, то этот ответ *универсален*. Он не разделяет человечество, а, наоборот, сплачивает.

На экране появились фотографии — НАСА, ЦЕРН[30], другие лаборатории. Ученые разных национальностей, радостно улыбаясь, обнимались, отмечая очередное открытие, очередной шажок в познании природы.

— Друзья мои, — почти шепотом заговорил Кирш. — В своей жизни я сделал много точных

---

[30] Сноски: 30

Европейская организация по ядерным исследованиям, крупнейшая в мире лаборатория физики высоких энергий.

прогнозов. И сегодня хочу поделиться с вами еще одним. — Он сделал медленный глубокий вдох. — Эра религии подошла к концу. Наступает эра науки.

По залу прокатился изумленный гул.

— Сегодня человечество сделает квантовый скачок.

У Лэнгдона по спине пробежал холодок. Неизвестно, в чем заключалось таинственное открытие Кирша, но одно очевидно: только что Эдмонд объявил войну всем религиям мира.

Глава 18

ConspiracyNet.com

ЭДМОНД
КИРШ: ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

БУДУЩЕЕ БЕЗ РЕЛИГИИ?

В прямом эфире, перед колоссальной аудиторией в три миллиона человек футуролог Эдмонд Кирш готовится обнародовать информацию о научном открытии, которое, по его словам, даст ответы на «два фундаментальных вопроса человеческого бытия».

После эффектного видео с участием профессора Гарвардского университета Роберта Лэнгдона Кирш перешел к критике религиозных верований, заявив, что «эпоха религии подходит к концу».

Сегодня вечером известный футуролог ведет себя более сдержанно, чем обычно, и не допускает резких высказываний. Другие антирелигиозные заявления Кир-

ша смотрите здесь.

Глава 19

За тканевой стеной куполообразного театра адмирал Авила нашел место, скрытое многочисленными лесами. Если он присядет пониже, никто не заметит даже его тени. А от занавеса, примыкающего к той части зала, где расположена трибуна, его отделяет всего несколько сантиметров.

Адмирал осторожно вынул из кармана четки.

Главное — точно рассчитать время.

Перебирая бусины четок, он нащупал тяжелое металлическое распятие. Еще раз с удивлением подумал, как охранники внизу, у рамки металлодетектора, пропустили эти четки, бросив лишь один взгляд.

Лезвием, скрытым в средокрестии, адмирал Авила сделал небольшой вертикальный разрез в тканевой стене шатра. Мягко и осторожно раздвинул материю и заглянул в другой мир — на окруженной деревьями лужайке сотни гостей, растянувшись на одеялах, завороженно смотрели на звезды.

Они и вообразить не могут, что их ждет.

Авила заметил, что агенты Королевской гвардии заняли позиции с противоположной стороны лужайки — в правой передней части помещения. Это хорошо. Они стоят поодаль друг от друга в тени деревьев, в напряженной готовности внимательно всматриваясь в зал. Но в полумраке они не разглядят Авилу. Разве что когда все уже будет позади.

Рядом с агентами находилась только Амбра Видаль. И, судя по выражению ее лица, презентация Кирша с каждой минутой нравилась ей все меньше.

Довольный выбранной позицией, Авила закрыл прорезь в ткани и занялся распятием. Как у большинства крестов, перекладина была короче столба. Но у этого распятия две части перекладины крепились к средокрестию магнитами, легко снимались и внутри были полые.

Авила взял правую часть перекладины и с силой нажал на нее. Она отделилась, и на ладонь выпал маленький тяжелый предмет. То же самое адмирал проделал и с левой частью перекладины. Распятие осталось «без рук» — простой металлический прямоугольник на нити тяжелых бусин.

Авила положил четки в карман: так надежнее. *Скоро они мне понадобятся.* А пока надо разо-

браться с тем, что он уже достал из распятия.

Две пули для ближнего боя.

Авила завел руку назад, пошарил под поясом и вытащил небольшой предмет, который тайком пронес под кителем.

Несколько лет прошло с тех пор, как американский парнишка по имени Коди Уилсон придумал «Освободитель» — первый напечатанный на 3D-принтере полимерный пистолет. С тех пор технологии заметно продвинулись. Новое керамополимерное оружие по-прежнему не обладает большой мощью, но этот недостаток компенсируется тем, что металлодетекторы его не замечают.

Все, что нужно, — подобраться ближе.

Если и дальше все пойдет по плану, то позиция выбрана идеально.

Регент каким-то образом добыл информацию о точном расположении объектов и о последовательности событий вечера. Он четко дал Авиле понять, как следует выполнить миссию. Да, она жестока, но теперь, посмотрев безбожную презентацию Кирша, адмирал Авила окончательно уверился в том, что его грех будет прощен.

Наши враги развязали войну, сказал Регент. *Наш выбор — убивать или быть убитыми.*

Прислонившись к тканевой стене, Амбра Ви-

даль стояла в правой передней части зала. Она надеялась, никто не заметит, как она расстроена.

Эдмонд говорил, что программа чисто научная.

Американский футуролог никогда не скрывал своего неприятия религии, но Амбра и помыслить не могла, что сегодня вечером он проявит такую враждебность.

Он отказался показывать рабочую версию презентации.

Конечно, ее ждут серьезные проблемы с членами попечительского совета музея. Но у Амбры были и куда более важные причины для тревоги. Причины личного характера.

Пару недель назад она рассказала одному весьма влиятельному человеку о своем участии в мероприятии. Этот человек настаивал — причем очень жестко, — что она должна отказаться. Говорил, нельзя соглашаться вести вечер, не зная, какой будет программа. Это даже опасно, особенно если речь идет о таком иконоборце, как Эдмонд Кирш.

Он чуть ли не приказывал мне не участвовать, вспоминала Амбра тот разговор. *Но его безапелляционный тон так разозлил меня, что я не стала слушать.*

И вот теперь, стоя в одиночестве под звездным небом, она спрашивала себя: смотрит ли он сейчас трансляцию? Сидит ли где-то у монитора, обхватив голову руками?

Конечно, он смотрит. Вопрос в другом: как теперь он поступит со мной?

В своем кабинете в кафедральном соборе Альмудена епископ Вальдеспино неподвижно сидел за столом, не сводя глаз с экрана ноутбука. Несомненно, неподалеку от храма — в королевском дворце — тоже смотрят прямую трансляцию. Особенно принц Хулиан, наследник испанского трона.

Должно быть, он сейчас в ярости.

Один из самых известных музеев Испании проводит мероприятие, организованное американцем — воинствующим атеистом. И все это транслируется в прямом эфире. Многие религиозные деятели уже назвали происходящее «кощунственным антихристианским рекламным действом». Подливает масла в огонь и то, что ведущая вечера — директор музея, женщина редкой красоты, одна из новых и самых ярких звезд Испании. Последние два месяца имя Амбры Видаль не сходит с первых полос, и с недавних пор она — объект восхищения всей страны. Не-

вероятно, но все это сеньорита Видаль поставила под удар, согласившись устроить и провести презентацию, представляющую собой прямую атаку на религию.

У принца Хулиана нет выбора. Ему придется официально отреагировать.

И не только потому, что ему предстоит стать правителем католической страны. Это лишь часть проблемы. Гораздо важнее, что совсем недавно, в прошлом месяце, принц Хулиан сообщил народу радостную весть, после чего Амбра Видаль проснулась знаменитой.

Он официально объявил об их помолвке.

Глава 20

Лэнгдону не нравилось, какой оборот принимают события. Выступление Эдмонда вот-вот обернется публичным отрицанием веры в целом. Неужели он не понимает, что обращается не только к ученым-агностикам в этом зале, но и к миллионам людей во всем мире?

Совершенно ясно: эта его презентация приведет к настоящей войне.

Лэнгдона тревожило и собственное участие в программе. Да, для Эдмонда видео из Гарварда — прежде всего дань уважения учителю. Но Лэнгдон, сам того не желая, уже становился причиной религиозных разногласий. И предпочел бы не повторять этот печальный опыт.

Как бы там ни было, Кирш сейчас ведет осознанную атаку на религию, а видео и аудио — его оружие. Лэнгдон начал сожалеть, что так легкомысленно отнесся к сообщению епископа Вальдеспино на автоответчике Эдмонда.

Голос Кирша снова заполнил помещение, вверху вспыхнул коллаж, составленный из религиозных символов разных времен и народов.

— Должен признаться, — говорил Кирш, — у меня были сомнения, стоит ли сегодня объявлять о моем открытии. Особенно беспокоило меня, как оно может повлиять на верующих. — Он ненадолго замолчал. — Поэтому три дня назад я сделал нечто совершенно мне не свойственное. Уважая людей, придерживающихся религиозных воззрений, и желая понять, как примут мое открытие представители разных конфессий, я поговорил с тремя видными религиозными лидерами — последователями ислама, христианства и иудаизма. Я рассказал им о моем открытии.

По залу пробежал приглушенный ропот.

— Как я и предвидел, их реакцией стал шок, а затем и гнев. Несмотря на то что отношение этих людей оказалось негативным, я хочу искренне поблагодарить их за любезное согласие встретиться со мной. Не стану называть их имен, это было бы некорректно, но хочу обратиться к ним напрямую: спасибо, что вы не стали чинить препятствия подготовке этой презентации. — Он снова сделал паузу и продолжил: — Хотя, видит Бог, *могли*.

Лэнгдон слушал, поражаясь способности Эдмонда ходить по тонкому льду и прикрывать тылы. Решение встретиться с религиозными

лидерами говорило об открытости, доверии и непредвзятости — качествах, которые, если учитывать репутацию Эдмонда, были ему не свойственны. Встреча в монастыре Монтсеррат, как теперь видел Лэнгдон, преследовала цель прощупать почву и в то же время была ловким пиар-ходом.

Умно. В некотором смысле подстелил соломки.

— Исторически, — продолжал Эдмонд, — религиозное рвение всегда вставало на пути научно-технического прогресса. Поэтому сегодня я прошу религиозных лидеров всего мира отнестись сдержанно и с пониманием к тому, что я собираюсь сказать. Пожалуйста, давайте *не будем* повторять ошибки прошлого. Давайте обойдемся *без* жестокости, крови и насилия.

Изображения на иллюзорном небе померкли, и на их месте возник чертеж древнего города-крепости — правильный круг мегаполиса, расположенного на берегах протекающей в пустыне реки.

Лэнгдон мгновенно узнал древний Багдад, его необычную кольцевую структуру, подчеркнутую тремя концентрическими обводами стен, увенчанных зубцами и амбразурами.

— В восьмом веке, — заговорил Эдмонд, — Багдад был крупнейшим центром знаний на земле. Его училища и библиотеки распахивали двери для всех религий, философских школ и ученых. Пятьсот лет город дарил миру невиданные научные открытия, влияние которых мы чувствуем до сих пор.

Наверху снова появилось ночное небо, но теперь возле многих звезд светились названия: *Вега, Бетельгейзе, Ригель, Альгебар, Денеб, Акраб, Китальфа.*

— Названия этих звезд пришли к нам из арабского языка, — продолжал Эдмонд. — Сегодня примерно две трети всех звезд носят арабские названия, поскольку их открыли астрономы арабского мира.

Над лужайкой высыпало так много звезд вместе с их арабскими названиями, что, казалось, небо вот-вот взорвется. Но вот имена растаяли, и осталась лишь ширь звездного неба.

— И, конечно, если мы захотим *посчитать* звезды…

Наверху возле самых ярких звезд начали загораться римские цифры.

I, II, III, IV, V…

Цифры перестали появляться и померкли.

— Ах да, мы же не пользуемся римскими цифрами, — сказал Эдмонд. — Мы пользуемся *арабскими.*

Наверху снова возникли цифры:

1, 2, 3, 4, 5…

— Мы признательны миру ислама и за другие многочисленные дары, — продолжил Эдмонд. — Кстати, их мы тоже знаем под арабскими названиями.

По небу поплыло слово «алгебра», окруженное разнообразными уравнениями. За ним — слово «алгоритм» с набором формул. Дальше — «азимут» с диаграммой. Поток ускорился — «надир», «зенит», «химия», «алхимия», «эликсир», «алкоголь», «цифра»…

Знакомые слова летели по небу, и Лэнгдон с сожалением подумал, что для большинства американцев Багдад — всего лишь еще один пыльный, истерзанный войной ближневосточный город из сводок теленовостей. И вряд ли они когда-то узнают, что именно здесь в давние времена билось сердце научного прогресса.

— К концу одиннадцатого столетия, — продолжал Эдмонд, — величайшие умы прославили Багдад грандиозными открытиями. Но затем, буквально за одну ночь, все изменилось. Блестящий

ученый по имени Хамид аль-Газали — сейчас он считается одним из самых влиятельных мусульман в истории — написал несколько весьма убедительных работ, где ставил под сомнение логику Платона и Аристотеля, а также объявил математику «философией дьявола». С этого момента наука оказалась под подозрением. Изучение богословия стало обязательным, а развитие науки в мусульманском мире постепенно прекратилось.

Научные термины померкли, вместо них вверху засветились исламские религиозные тексты.

— На смену исследованиям пришли божественные откровения. И по сей день научная мысль мусульманского мира не восстановила былую славу. — Эдмонд сделал паузу. — Впрочем, в христианском мире дела обстояли ничуть не лучше.

Теперь все увидели портреты астрономов: Николая Коперника, Галилео Галилея, Джордано Бруно.

— Церковь предавала суду, заключала в тюрьмы и уничтожала наиболее одаренных ученых, отбрасывая развитие человечества как минимум на столетие назад. К счастью, сегодня, осознав преимущества научного прогресса, религиозные институты и организации умерили свой пыл… —

Эдмонд вздохнул. — Или нет?

В небе появился логотип: синий глобус, а на нем распятие, обвитое змеей[31]. Под ним текст:

> Мадридская декларация о Науке и Жизни

— Прямо здесь, в Испании, Международная федерация католических медицинских ассоциаций недавно объявила войну генной инженерии, объясняя это тем, что «у науки нет души» и потому она должна контролироваться Церковью.

Логотип-глобус трансформировался в другой круг — чертеж гигантского ускорителя частиц.

— А это техасский Сверхпроводящий суперколлайдер. Предполагалось, что он станет самым большим в мире коллайдером, способным помочь пролить свет на сам момент Творения. По иронии, машину разместили в сердце Библейского пояса Америки[32].

Чертеж плавно перетек в массивное кольцеобразное бетонное сооружение, затерянное где-то в

---

[31] Сноски: 31

Логотип Международной федерации католических медицинских ассоциаций.

[32] Сноски: 32

Регион в США, в культуре которого доминирует евангельский протестантизм. В него полностью или частично входят штаты Техас, Иллинойс, Канзас, Оклахома.

техасской степи. Типичный давно заброшенный недострой, покрытый толстым слоем пыли и грязи.

— Американский суперколлайдер мог бы значительно расширить наше понимание Вселенной, но… проект, к сожалению, закрыли. Причина — большие затраты плюс политическое давление со стороны некоторых странных организаций.

На небе включился сюжет из хроники — молодой телеевангелист, размахивая книгой-бестселлером «Частица Бога», сердито выкрикивает: «Мы должны искать Бога в сердце своем! А не внутри атома! Миллиарды долларов, потраченные на абсурдный эксперимент, — позор для Техаса и оскорбление Господа нашего!»

Снова зазвучал голос Эдмонда:

— В таких конфликтах религиозные суеверия берут верх над разумом. Но это лишь небольшие стычки в ходе непрекращающейся войны.

Небо вспыхнуло ярким коллажем: узнаваемые, иногда жестокие эпизоды современной жизни. Пикеты возле лабораторий, где ведутся исследования по генетике, священник, совершающий самосожжение у здания, где проходит форум по трансгуманизму, евангелисты, вздымающие сжа-

тые кулаки и Библию, рыбка-Иисус, поедающая рыбку-Дарвина, злобные транспаранты верующих против исследования стволовых клеток, гей-парадов, абортов и такие же злобные ответные транспаранты.

Лэнгдон, лежа в темноте, слушал стук своего сердца. В какой-то миг ему показалось, что лужайка подрагивает, как будто внизу идет поезд метро. Вибрация усилилась, и он вдруг осознал, что земля и в *самом деле* трясется. От мощных, глубоких толчков трава дрожала под его спиной, и весь шатер содрогался с громким гулом.

Лэнгдон узнал этот гул: так шумит горный поток на гремящих порогах. Звук шел из динамиков, спрятанных под искусственной почвой. Внезапно он ощутил, что его лицо и тело окутывает влажная холодная взвесь, словно он лежит на камне посреди бурлящей реки.

— Слышите этот звук? — крикнул Эдмонд, перекрывая шум потока. — Река Науки вышла из берегов!

Вода зашумела сильнее, и щеки Лэнгдона покрылись каплями влаги.

— С тех пор как человек научился добывать огонь, — кричал Кирш, — этот поток набирает силу. Каждое научное достижение открывает путь

для новых достижений, каждый раз новая капля вливается в Реку Науки. Сегодня мы несемся на гребне цунами, стихия бушует, и остановить ее невозможно!

Весь шатер сотрясался.

– *Откуда мы!* — выкрикнул Эдмонд. — *Что нас ждет!* Человечеству изначально *суждено* найти ответы на эти вопросы! Наши методы исследований эволюционировали в течение тысячелетий в геометрической прогрессии!

В зале бушевал ветер, разбрасывая мелкие капли воды, и шум речного потока достиг почти оглушающей силы.

— Только представьте! — призывал Эдмонд. — Потребовался *миллион* лет, чтобы человек, добывший огонь, наконец изобрел колесо. Затем еще *несколько тысяч лет* — чтобы создать печатный станок. Всего лет *двести* — чтобы построить телескоп. В следующие столетия от парового двигателя мы быстро перешли к автомобилям, работающим на бензине, а от них — к космическим кораблям! И понадобились какие-то *десять лет*, чтобы начать модифицировать ДНК! В наши дни научно-технический прогресс определяется *месяцами*, — продолжал кричать Кирш. — Мы продвигаемся вперед в головокружительном

темпе! Еще немного — и самый навороченный супербыстрый компьютер покажется нам канцелярскими счетами, самые продвинутые методы хирургии мы сочтем варварскими, а нынешние источники энергии сравним со свечой, которая горела в хижинах наших предков!

Голос Эдмонда и шум потока заполняли пульсирующую темноту.

— Первым греческим ученым пришлось оглядываться на *столетия* назад, чтобы погрузиться в древность. Нам же достаточно оглянуться всего на одно поколение, чтобы увидеть свою «древность» — тех, кто не знал технологий, ставших для нас обыденными. Периоды развития человечества сжимаются, расстояние от «старого» до «нового» стремится к нулю. И я даю вам слово, что следующие годы будут потрясающими, безумными и совершенно невообразимыми!

Внезапно все смолкло, шум потока затих.

Наверху засияло звездами небо, вернулись сверчки и теплый ветер.

Гости едва ли не одновременно перевели дух.

В абсолютной тишине Эдмонд заговорил почти шепотом.

— Друзья мои, — произнес он. — Знаю, вы пришли, потому что я пообещал рассказать вам о

великом открытии. И я благодарю вас за то, что вы любезно позволили мне сделать эту небольшую преамбулу. А теперь давайте сбросим оковы устаревшего мышления. Пришло время испытать радость открытия!

Кирш замолчал, и комнату стал заполнять туман — он поднимался, клубясь, небо над головой засияло красками рассвета, отблески его легли на людей.

Внезапно ожил луч прожектора. Эффектно качнувшись, он прошелся по залу и остановился в задней его части. Тут же почти все гости приподнялись и повернулись туда, стараясь разглядеть хозяина вечера — уже во плоти.

Но через несколько секунд прожектор вернулся в переднюю часть.

Взгляды зрителей последовали за ним.

Там, в круге света, улыбаясь, стоял Эдмонд Кирш. Его руки спокойно лежали на трибуне, которой еще несколько секунд назад здесь не было.

— Добрый вечер, друзья, — спокойно сказал великий шоумен.

Туман стал рассеиваться.

Гости вскочили на ноги, приветствуя Кирша бурной овацией. Лэнгдон присоединился к ним, не в силах сдержать улыбку.

Ну конечно. Эдмонду надо было явиться в клубах дыма!

Несмотря на антирелигиозную направленность, получилась отличная презентация — смелая, цельная и бескомпромиссная, такая же, как ее создатель. Лэнгдон начал понимать, почему растущая армия вольнодумцев и атеистов считает Эдмонда своим кумиром.

Мало кто имеет смелость так говорить и так мыслить.

В небе появилось лицо Эдмонда, и Лэнгдон заметил, что друг уже не так бледен — видно, не обошлось без умелых рук визажиста. И все же Кирш выглядел переутомленным.

Аплодисменты так сильно гремели, что Лэнгдон не сразу ощутил вибрацию в нагрудном кармане. Инстинктивно он начал искать телефон, но вспомнил, что мобильные не работают. В кармане вибрировало другое устройство, про которое Лэнгдон успел забыть. Казалось, голос Уинстона слышен даже из кармана.

Как же ты не вовремя.

Лэнгдон выудил гарнитуру из кармана. Как только подушечки коснулись скул, в голове материализовался голос с британским акцентом:

— Профессор Лэнгдон? Вы слышите? Телефоны

не работают. Вы — единственный, с кем у меня есть связь в зале. Профессор Лэнгдон?

— Да. Уинстон? — Лэнгдон старался перекричать гром аплодисментов. — Я здесь!

— Слава Богу. Слушайте меня внимательно. Похоже, у нас серьезная проблема.

Глава 21

Как человек, не раз переживший мгновения величайшего триумфа и известный всему миру, Эдмонд Кирш находил мотивацию в собственных достижениях, но редко испытывал полное удовлетворение. И вот теперь, стоя на трибуне под шквал аплодисментов, он позволил себе насладиться осознанием того, что сейчас именно он навсегда изменит этот мир.

Садитесь, друзья, мысленно велел им он. *Самое интересное впереди.*

Туман рассеялся. Эдмонд поборол желание посмотреть вверх, где, как он знал, крупным планом проецируется его лицо, которое видят миллионы людей на всех континентах.

Это великий миг, подумал он с гордостью. *Миг, когда исчезают границы между странами, классами и религиями.*

Эдмонд повернул голову налево, чтобы кивком поблагодарить Амбру Видаль: она постоянно была рядом и без устали работала вместе с ним над подготовкой шоу. К его удивлению, Амбра вовсе не смотрела на него. Ее взгляд был устрем-

лен на толпу, а лицо выражало озабоченность и тревогу.

Что-то не так, думала Амбра, глядя в зал из-за кулисы.

Высокий, элегантно одетый человек пытался пробиться к трибуне сквозь толпу. Он махал руками и двигался прямо в сторону Амбры.

Это же Роберт Лэнгдон. Она узнала американского профессора из видео, показанного в начале.

Лэнгдон быстро приближался. Оба телохранителя одновременно шагнули вперед, стремясь преградить ему дорогу.

Что ему нужно? Амбра заметила, что Лэнгдон сильно встревожен, и повернулась к Эдмонду: видит ли он профессора? Но Эдмонд смотрел не в зал, а на нее.

Эдмонд! Что-то случилось!

В это же мгновение внутри купола раздался оглушительный треск, и голова Эдмонда резко дернулась назад. Амбра, леденея от ужаса, увидела, что на лбу Кирша расцветает кровавая метка. Глаза его уже начали закатываться, но руки еще крепко держались за трибуну, и все тело напряглось и застыло. Но вот Кирш дрогнул, лицо словно окаменело, тело, как подрубленное

дерево, начало крениться в сторону и наконец рухнуло на пол. Окровавленная голова гулко ударилась об искусственную почву.

Амбра не успела понять, что произошло, — в мгновение ока ее прижал к полу своим телом один из телохранителей.

Время на миг словно остановилось.

А потом… началось столпотворение.

В бликах от сияющей наверху проекции окровавленного тела Эдмонда гости в панике бросились прочь из зала, стремясь убежать от шальной пули.

Посреди общего хаоса Роберт Лэнгдон застыл на месте, словно парализованный. Совсем рядом лежал его друг — на боку, скрючившись, все еще лицом к залу, пулевое отверстие во лбу кровоточило. В безжизненное лицо Эдмонда бил ослепительный жестокий свет софита телекамеры, закрепленной на штативе. Она работала, передавая картинку на вершину купола, а оттуда по всему миру.

Как во сне Лэнгдон рванулся к камере и отвернул ее от Эдмонда. Поверх бегущей толпы посмотрел в сторону трибуны, туда, где лежал его друг, совершенно точно зная: Кирша больше нет.

Боже мой… Я же мог спасти тебя, Эдмонд, но

Уинстон предупредил меня слишком поздно.

Недалеко от мертвого Кирша королевский гвардеец прикрывал собой Амбру Видаль. Лэнгдон поспешил к ней, но телохранитель среагировал мгновенно: вскочил и в три огромных шага оказался рядом. Мощное плечо врезалось Лэнгдону в грудь, лишая легкие воздуха и посылая волны пульсирующей боли по всему телу. Лэнгдон упал на спину, жестко приземлившись на искусственный газон. Прежде чем он успел сделать вдох, его перевернули на живот, заломили левую руку за спину и прижали стальную ладонь к затылку. Лэнгдон лежал, совершенно обездвиженный, чувствуя, что трава газона отпечатывается на его левой щеке.

— Ты все *знал*! Знал, что случится, — прорычал телохранитель. — Ты — соучастник!

Агент Королевской гвардии Рафа Диас проталкивался сквозь бегущую толпу, стараясь быстрее добраться туда, где он видел вспышку выстрела.

Амбра Видаль в безопасности, говорил он себе. В этом он не сомневался, поскольку видел, как напарник толкнул ее на пол и прикрыл своим телом. И еще он был уверен, что жертве уже ничем не помочь. *Эдмонд Кирш был уже мертв, когда падал.*

Один из гостей, как показалось Диасу, хотел предупредить о нападении — пытался прорваться к трибуне прямо перед тем, как прогремел выстрел. Но какой бы ни была причина странного поведения гостя, это могло подождать.

Сейчас у Диаса только одна задача.

Схватить убийцу.

Добравшись до места вспышки, Диас обнаружил разрез в ткани, яростно рванув, разодрал до самого пола и впрыгнул в дыру, оказавшись среди строительных лесов.

Боковым зрением он увидел слева человека — высокого, в белой военной форме. Тот бежал к запасному выходу в дальнем конце помещения. Мгновение — человек в белом исчез за дверью, и она захлопнулась за ним.

Диас бросился в погоню, лавируя среди электронных приборов. Выскочив в запасной выход, он оказался на бетонной лестничной площадке. Перегнулся через перила: там еще два этажа, и беглец с бешеной скоростью мчится вниз по крутой лестнице. Диас устремился следом, перепрыгивая через несколько ступеней. Откуда-то снизу до него донесся звук — входные двери распахнулись и с грохотом захлопнулись.

Убийца сбежал из музея!

Оказавшись на первом этаже, Диас помчался к выходу — двойным дверям с горизонтальными ручками — и с разгону налетел на них всей тяжестью тела. Но двери не распахнулись, как у запасного выхода наверху, а приоткрылись лишь на несколько сантиметров. Диас врезался в твердую сталь, неловко упал на бедро, и в плече запульсировала острая боль.

Превозмогая боль, агент с трудом поднялся и снова попробовал распахнуть двери.

Они приоткрылись ровно настолько, чтобы он смог увидеть, в чем дело.

Диас не поверил своим глазам. Дверям не давала открыться толстая нить бусин, намотанная на ручки со стороны улицы. И эти бусы были ему прекрасно знакомы. Как и любому ревностному испанскому католику.

Неужели… это четки?

С разбегу, собрав все силы, Диас еще раз ударил плечом в двери, но нить не порвалась. Он вновь выглянул в узкий проем, не понимая, откуда здесь четки и почему их не удается разорвать.

— ¿Hola? — крикнул он в проем. — ¡¿Hay alguien?![33]

---

[33] Сноски: 33
Эй? Есть здесь кто-нибудь? (*исп.*)

Тишина.

За дверями Диас видел высокую кирпичную стену и пустую, явно служебную подъездную дорожку. Шансы, что кто-то разблокирует дверь, почти нулевые. Не видя другого выхода, он вытащил пистолет из скрытой под блейзером кобуры. Просунул ствол в проем и уперся дулом прямо в цепь бусин.

Я собираюсь расстрелять четки. Qué Dios me perdone[34].

Металлический прямоугольник, бывший когда-то распятием, покачивался у него перед глазами.

Диас нажал на спусковой крючок.

Звук выстрела прогремел, отражаясь от стен и пола бетонной площадки, и двери распахнулись. Диас рванулся вперед и через долю секунды был уже на пустой подъездной дорожке. Крупные бусины, подпрыгивая, катились по асфальту.

Убийцы в белом нигде не было.

В ста метрах от служебного входа адмирал Луис Авила молча опустился на заднее сиденье черного «рено», и машина стремительно понесла его прочь от музея.

---

[34] Сноски: 34
Да простит меня Господь (*исп.*).

Нить из полимерного волокна, на которую он нанизал бусины, сделала свое дело — задержала преследователей.

Мне удалось уйти.

Машина мчалась на северо-запад вдоль реки Нервьон, а затем влилась в стремительный поток автомобилей на авениде Абандоибарра. Адмирал Авила наконец позволил себе немного расслабиться.

Миссия выполнена. Все прошло более чем гладко.

В голове у него зазвучал бравурный «Марш Ориаменди»[35] — когда-то эти овеянные временем строки звучали именно здесь, во время кровавой битвы при Бильбао.

¡Por Dios, por la Patria y el Rey! — мысленно пропел Авила. *За Бога, за родину, за короля!*

Этот боевой гимн давно забыт… а между тем война только начинается.

---

[35] Сноски: 35

«Марш Ориаменди» — гимн карлистского движения в Испании. Название марша происходит от места сражения 1837 г. во время Первой карлистской войны.

Глава 22

Мадридский Palacio Real[36] — не только самый большой королевский дворец Европы. Он славится гармоничным слиянием двух архитектурных стилей — классицизма и барокко. Дворец построен на месте мавританского замка девятого века, его украшенный колоннами фасад растянулся на сто пятьдесят метров вдоль Пласа-де-ла-Армериа. Внутренние помещения дворца — поражающий воображение лабиринт из 3418 залов и комнат общей площадью больше четырехсот пятидесяти тысяч квадратных метров. Салоны, спальни, коридоры и холлы украшены бесценными произведениями религиозного искусства, работами Веласкеса, Гойи и Рубенса.

Из поколения в поколение дворец был резиденцией испанских королей. Сегодня здесь размещены органы государственной власти, а королевская семья живет за городом, в не столь пышном и более уединенном Паласио-де-ла-Сарсуэла.

Но в последние месяцы именно Королевский

---

[36] Сноски: 36
Королевский дворец (*исп.*).

дворец Мадрида, этот оплот государственности, стал домом сорокадвухлетнего наследного принца Хулиана — будущего короля Испании. Принц переехал во дворец по совету наставников, которые считали, что в смутный период, предшествующий коронации, ему лучше «быть на виду у всей страны».

Отец принца Хулиана, нынешний король, страдая неизлечимой болезнью, уже много месяцев не вставал с постели. Когда его умственные способности стали угасать, во дворце приступили к постепенной передаче власти — принца готовили к восшествию на престол сразу после смерти короля. Смена лидера была неизбежна, Испания обратила испытующий взор на принца Хулиана, задаваясь единственным вопросом:

Каким же правителем он будет?

Принц Хулиан всегда знал, что рано или поздно станет королем, и потому даже в детстве был сдержан и осмотрителен. Мать его умерла от осложнений беременности, вынашивая второго ребенка, и король, к удивлению многих, принял решение больше никогда не жениться. Хулиан остался единственным наследником испанского трона.

Наследник без дублера, вышучивали принца

британские таблоиды.

Хулиан рос под присмотром отца, известного строгими консервативными взглядами, и большинство испанских традиционалистов верили, что принц пойдет по отцовским стопам. А это значило, принц будет сохранять достоинство короны, поддерживать установленные порядки и, самое главное — свято чтить традиции испанского католицизма.

На протяжении веков Испания находила моральную опору в верности королям-католикам. В последние годы, однако, фундамент страны — католическая вера — дал трещину. Испания оказалась расколотой, началось перетягивание каната между старым и новым.

Либералы, а их число все росло, наводняли блоги и социальные сети слухами о том, что Хулиан непременно выйдет из тени отца и явит миру свое истинное лицо — это будет смелый и прогрессивный светский лидер, готовый последовать примеру других европейских стран и полностью упразднить монархию.

Отец крепко держал бразды правления в своих руках, ограничивая участие Хулиана в решении политических вопросов. Король прямо заявлял, что принцу лучше пока наслаждаться юностью —

до тех пор, пока не женится и не остепенится, нет смысла заниматься государственными делами. Поэтому первые сорок лет жизни Хулиана, детально отраженные в светской хронике испанской прессы, свелись исключительно к частным школам, верховой езде, разрезанию красных ленточек, руководству всевозможными фондами и путешествиям по миру. Несмотря на то что ничего выдающегося в жизни принца не происходило, он безусловно считался самым завидным женихом Испании.

На протяжении многих лет красавец наследник публично встречался с множеством вполне достойных особ из хороших семей. Хотя у него была репутация безнадежного романтика, ни одна из них не смогла покорить его сердце. Однако в последнее время сорокадвухлетнего принца стали все чаще встречать в компании женщины, которая не только выглядела как фотомодель, но еще и занимала почетный пост директора музея Гуггенхайма в Бильбао.

Пресса мгновенно окрестила принца и Амбру Видаль «идеальной парой». Истинная находка для королевской фамилии: образованная, преуспевающая, а главное, не из аристократической испанской семьи — Амбра Видаль вышла из на-

рода. Принц, по-видимому, согласился с оценкой прессы и после короткого периода ухаживания сделал предложение самым необычным и романтичным способом. Амбра предложение приняла.

В дальнейшем пресса ежедневно печатала отчеты о жизни Амбры Видаль, отмечая, что эта женщина не просто красавица, каких много. Выяснилось, например, что Амбра очень независима. Согласившись вступить в брак с будущим королем Испании, она решительно запретила службе безопасности контролировать каждый ее шаг и категорически отказывалась от телохранителей — за исключением крупных публичных мероприятий.

Командующий Королевской гвардией осторожно намекнул, что Амбре неплохо бы сменить стиль одежды на более консервативный и не такой откровенный. Она ответила шуткой, которая стала известна многим: «Командующий Королевским гвардеробом сделал мне строгий выговор!»

Ее лицо смотрело с обложек всех либеральных журналов: «Амбра! Прекрасное будущее Испании!» Если она отказывалась давать интервью, пресса объявляла ее «независимой», если соглашалась — «близкой к народу».

Консервативные же издания, напротив, высме-

ивали «королеву-нахалку», называя ее жадной до власти авантюристкой, которая может плохо повлиять на будущего короля. Как доказательство они приводили ее легкомысленное отношение к высокому положению принца.

Их тревожило, во-первых, что Амбра называет жениха просто по имени — вместо того чтобы, следуя протоколу, обращаться к нему «дон Хулиан» или su alteza[37]. Вторая причина для тревоги была более серьезной. В последние несколько недель рабочий график Амбры был настолько напряженным, что для принца в нем почти не оставалось места. К тому же ее часто видели в компании воинствующего атеиста, американского футуролога Эдмонда Кирша — они не раз обедали рядом с музеем.

Амбра объясняла, что это чисто деловые обеды, что Кирш — главный спонсор музея и она обязана с ним общаться. Но источники во дворце сообщали, что кровь Хулиана уже закипает от ревности.

И никто бы не стал его за это винить. Ведь это чистая правда: прошло всего несколько недель после помолвки, а очаровательная невеста принца проводит почти все свое свободное время не с

---

[37] Сноски: 37
Ваше высочество (*исп.*).

женихом, а с другим мужчиной.

Глава 23

Лицо Лэнгдона было все так же прижато к газону — агент навалился на профессора всем своим немалым весом.

Странно, но Лэнгдон ничего не чувствовал.

Эмоции были притупленные и сумбурные — чередование горя, ужаса и ярости. Один из самых блистательных умов планеты, его дорогой друг только что убит: на глазах у всех, грубо и варварски. *Его застрелили за секунду до того, как он должен был объявить о величайшем в его жизни открытии.* Трагедия не только в потере человека, но и великого ученого.

Теперь мир никогда не узнает об открытии Эдмонда.

Внезапный приступ ярости сменился холодной решимостью.

Я сделаю все, чтобы найти тех, кто в ответе за эту смерть. Я сохраню твое наследие, Эдмонд. И найду способ вернуть миру твое открытие.

— Ты *знал*, — проговорил телохранитель прямо в ухо Лэнгдону. — Ты шел к подиуму так, как будто *ждал*, что сейчас что-то произойдет.

— Я…меня… предупредили, — выдавил Лэнгдон, едва дыша.

– *Кто* предупредил?

Лэнгдон почувствовал, что гарнитура все еще на нем, правда, она вся перекосилась.

— Наушники… гарнитура, что на мне. Аудиогид-компьютер. Меня предупредил компьютер Эдмонда Кирша. Он обнаружил странного гостя в списке, отставного адмирала.

Голова охранника находилась совсем близко к уху Лэнгдона, и профессор услышал, как захрипело радиопереговорное устройство. Голос в приемнике принадлежал человеку, который говорил быстро, слегка задыхаясь. И, хотя Лэнгдон знал испанский не очень хорошо, он смог понять: новости неприятные.

…el asesino ha huido…

Убийца скрылся.

…salida bloqueada…

Выход заблокирован.

…uniforme military blanco…

В белом военном мундире…

Услышав о мундире, телохранитель, прижимавший Лэнгдона к полу, ослабил хватку.

— ¿Uniforme naval? — спросил он напарника через переговорное устройство. — Blanco… ¿Como

de almirante?[38]

Ответ был положительный.

Военно-морская форма, понял Лэнгдон. *Уинстон был прав.*

Телохранитель отпустил Лэнгдона и поднялся.

— Садитесь, — приказал он.

Лэнгдон с трудом перевернулся на спину и приподнялся на локтях. Голова кружилась, по груди, казалось, проехал грузовик.

— Не вздумайте бежать, — предупредил телохранитель.

Лэнгдон и в мыслях такого не держал, тем более что над ним навис человек весом килограммов сто, сплошные мускулы.

— ¡Inmediatamente![39] — гаркнул телохранитель в свой радиопередатчик, после чего потребовал помощи от местной полиции и дорожных патрулей вблизи музея.

…policía local…bloqueos de carretera…[40]

Со своей новой позиции Лэнгдон хорошо видел Амбру Видаль — она все еще лежала на полу у

---

[38] Сноски: 38
Военно-морская форма? Белая… Как носят адмиралы? (*исп.*)

[39] Сноски: 39
Немедленно! (*исп.*)

[40] Сноски: 40
…местной полиции… заблокировать все дороги… (*исп.*)

стены. Вот она попыталась встать, но пошатнулась и опустилась на колени.

Кто-нибудь, помогите же ей!

Но телохранитель теперь кричал куда-то в другую сторону шатра, похоже, не обращаясь ни к кому конкретно:

— ¡Luces!¡Y cobertura de móvil! — Включите свет и восстановите мобильную связь!

Лэнгдон дотянулся до лица и поправил гарнитуру.

— Уинстон, ты слушаешь?

Телохранитель повернулся и взглянул на Лэнгдона с подозрением.

— Слушаю. — Голос Уинстона звучал безжизненно.

— Уинстон, Эдмонд убит. В него стреляли. Нам нужно восстановить освещение и сотовую связь. Ты можешь это сделать? Или связаться с кем-то, кто может?

Через несколько секунд под куполом зажглись яркие огни. Волшебная звездная иллюзия рассеялась, безжалостные белые лампы освещали помятую искусственную лужайку с разбросанными как попало одеялами.

На телохранителя явно произвели впечатление магические способности Лэнгдона. Он наклонил-

ся, протянул руку и помог профессору встать. Двое мужчин, освещенные ярким светом, смотрели друг другу в глаза.

Агент был высокий, такого же роста, что и Лэнгдон. Голова побрита, мускулы перекатываются под синим блейзером. Бледное лицо с невыразительными чертами, что, впрочем, компенсировал острый взгляд, прожигавший Лэнгдона, как лазер.

— Вы были на том видео в начале. Вы — Роберт Лэнгдон.

— Да. Эдмонд Кирш — мой ученик и близкий друг.

— Я Фонсека, агент Королевской гвардии, — представился телохранитель на безупречном английском. — Расскажите мне все, что знаете, о том человеке в мундире.

Лэнгдон повернулся к телу Эдмонда, лежащему на искусственной траве у трибуны. Амбра Видаль опустилась возле него на колени, рядом с ней присели два охранника из музея и врач «Скорой помощи», уже оставивший всякие попытки вернуть его к жизни. Амбра заботливо покрыла тело одеялом.

Эдмонда больше нет.

Лэнгдон, борясь с приступом дурноты, не мог

отвести глаз от погибшего друга.

— Мы ему уже не поможем, — решительно произнес агент. — Рассказывайте все, что знаете.

Лэнгдон перевел взгляд на агента. Было ясно: тот во что бы то ни стало решил добиться ответа.

Лэнгдон быстро пересказал все, что услышал от Уинстона. Компьютерная система обнаружила, что гарнитура одного из гостей не работает и выброшена, один из смотрителей нашел ее в корзине для мусора. Сотрудники сразу выяснили, *чья именно* это гарнитура, и их насторожило, что имя гостя внесли в список в самый последний момент.

— Это невозможно. — Глаза агента сузились. — Список был закрыт для записи еще вчера. Все гости должны были пройти тщательную проверку службы безопасности.

– *Этот* гость не проходил проверки, — услышал Лэнгдон голос Уинстона. — Я был сильно встревожен и быстро собрал данные. Выяснилось, что этот человек — адмирал, которого отправили в отставку за алкоголизм, возникший на почве посттравматического стресса после террористической атаки в Севилье пять лет назад.

Лэнгдон передал информацию агенту.

— Взрывы в кафедральном соборе? — Агент

смотрел на профессора с явным недоверием.

— Более того, — продолжал Уинстон. — Я обнаружил, что адмирал не был знаком с мистером Киршем. У них не было даже общих знакомых. Я сразу связался со службой безопасности музея, требуя объявить общую тревогу. Но получил отказ: этой информации, было мне сказано, недостаточно, нельзя прерывать мероприятие, тем более что в онлайне за ним следит весь мир. Эдмонд очень много работал над подготовкой сегодняшней программы, и я отчасти понимаю их логику. Но я решил немедленно вступить в контакт с вами, Роберт, надеясь, что вы найдете среди гостей этого адмирала, и я бы тогда направил секьюрити прямо к нему. Нужно было действовать более активно. Я подвел Эдмонда.

Лэнгдона слегка обескуражило то, что машина испытывает чувство вины. Он оглянулся на покрытое одеялом тело Эдмонда и увидел, что к ним направляется Амбра Видаль.

Фонсека не обратил на нее внимания, по-прежнему продолжая допрашивать Лэнгдона.

— Этот компьютер, случайно, не назвал имя морского офицера?

Лэнгдон кивнул:

— Да. Адмирал Луис Авила.

Услышав это, Амбра остановилась и взглянула на Лэнгдона. Лицо ее выражало нескрываемый ужас. Фонсека заметил ее реакцию и сейчас же подошел ближе:

— Сеньорита Видаль, вам знакомо это имя?

Казалось, у Амбры нет сил ответить. Она опустила взгляд и смотрела в пол с таким выражением, будто только что увидела привидение.

— Сеньорита Видаль, — повторил Фонсека. — Адмирал Луис Авила. Вы *знаете* это имя?

Растерянное лицо Амбры не оставляло сомнений в том, что она знает убийцу. Несколько секунд она молчала, застыв, потом дважды моргнула, и ее темные глаза начали проясняться, как будто она медленно выходила из транса.

— Нет… мне не знакомо это имя, — прошептала она, переводя взгляд с Лэнгдона на своего телохранителя. — Я просто… была поражена, когда услышала, что офицер испанского флота может быть убийцей.

Она лжет, понял Лэнгдон, недоумевая, почему Амбра старается скрыть правду. *Я же вижу. Ей известно это имя.*

— Кто отвечает за составление списка гостей? — жестко спросил Фонсека и сделал еще один шаг к Амбре. — Кто вписал туда адмирала?

Ее губы дрожали.

— Я… я не знаю.

Следующий вопрос агента прервал разноголосый хор телефонных звонков — ожили мобильники. Очевидно, Уинстон нашел способ восстановить сотовую связь. В кармане Фонсеки, вибрируя, тоже зазвонил телефон. Агент Королевской гвардии достал его из кармана, быстро взглянул на имя звонившего, перевел дыхание и ответил:

— Ambra Vidal está a salvo.

Амбра Видаль в безопасности. Лэнгдон взглянул на измученную женщину. Она смотрела на него. Их глаза встретились, и оба долго не отводили взгляд.

Потом Лэнгдон услышал голос Уинстона.

— Профессор, — прошептал гид, — Амбра Видаль очень хорошо знает, как Луис Авила оказался в списке гостей. Она сама его туда внесла.

Лэнгдону потребовалось время, чтобы переварить эту новость.

Амбра Видаль сама вписала имя убийцы в список гостей?

И теперь говорит, что ничего не знает?!

Прежде чем Лэнгдон успел осознать это до конца, Фонсека протянул свой мобильный Амбре:

— Don Julián quiere hablar con usted[41].

Амбра едва ли не отшатнулась от телефона.

— Передайте ему, что со мной все в порядке, — проговорила она. — Я перезвоню ему чуть позже.

Выражение лица у телохранителя было такое, словно он не верит собственным ушам. Он прикрыл микрофон рукой и шепотом обратился к Амбре:

— Su alteza Don Julián, el príncipe, ha pedido…[42]

— И что с того, что принц? — взорвалась она. — Если он собирается стать моим *мужем*, то должен уважать меня и предоставлять мне свободу, когда это необходимо. Я только что стала свидетельницей убийства, мне сейчас нужно время прийти в себя! Скажите, что я перезвоню.

Фонсека уставился на женщину. В его взгляде явно читалось презрение. Потом он повернулся и отошел в сторону, чтобы продолжить разговор.

Лэнгдону диалог, свидетелем которого он случайно стал, помог открыть одну маленькую тайну. *Амбра Видаль — невеста Хулиана, принца Испании?* Теперь понятно, почему к ней относятся как к знаменитости и рядом с ней все время

---

[41] Сноски: 41
Дон Хулиан хочет поговорить с вами (*исп.*).

[42] Сноски: 42
Его высочество принц Хулиан спрашивает… (*исп.*)

агенты Королевской гвардии. Вот только не ясно, почему она отказалась поговорить с женихом. *Принц, должно быть, жутко обеспокоен, особенно если смотрел трансляцию по телевизору.* И тут же Лэнгдон сделал еще одно открытие, на этот раз страшное.

Боже мой… Амбра Видаль связана с Королевским дворцом Мадрида.

Что это может значить? У Лэнгдона мороз пошел по коже — он вспомнил о сообщении с угрозами, которое прислал Эдмонду епископ Вальдеспино.

Глава 24

В двухстах метрах от королевского дворца, в кафедральном соборе Альмудена, епископ Вальдеспино сидел в своем кабинете, не сводя глаз с экрана ноутбука. Трансляция из Бильбао приковала его к креслу. Он даже не сменил парадное одеяние на обычное.

Новостей теперь хватит надолго.

Насколько он мог судить, международные СМИ уже начали бить в барабаны и трубить в трубы. Ведущие новостные агентства приглашали крупных религиозных деятелей и известных ученых, чтобы обсудить презентацию Кирша, все наперебой предлагали разные версии, кто и почему убил знаменитого футуролога. Средства массовой информации сходились в одном: кто-то пошел на самые крайние меры для того, чтобы об открытии Эдмонда Кирша так никто и не узнал.

Вальдеспино надолго задумался. Потом взял мобильный.

Рабби Кёвеш ответил после первого же гудка.

— Какой ужас! — Его голос почти срывался на крик. — Я видел все по телевизору! Мы должны

немедленно связаться с властями и рассказать все, что знаем!

— Рабби, — сдержанно ответил Вальдеспино, — я согласен, события приняли страшный оборот. Но прежде чем действовать, надо как следует все обдумать.

— А о чем тут думать? — горячился Кёвеш. — Совершенно ясно: кто-то не остановится ни перед чем, чтобы похоронить открытие Кирша! Это же мясники! Я уверен, убийство Саида — тоже их рук дело. Они наверняка знают про нас, и теперь *очередь за нами*. У нас с вами есть моральное обязательство — пойти к властям и рассказать об открытии Кирша.

— Моральное обязательство? — переспросил епископ Вальдеспино. — А может, вы хотите предать информацию гласности, чтобы ни у кого не осталось причин заткнуть рот нам с вами лично?

— Наша безопасность тоже важна, но не в ней дело, — возразил рабби. — У нас моральное обязательство перед всем миром. Я сознаю, что открытие Кирша ставит под удар фундаментальные религиозные убеждения. Но за свою долгую жизнь я хорошо усвоил одну истину: *вера* всегда выживает, даже перед лицом великих

испытаний. И я не сомневаюсь, что *это* она тоже переживет, даже если мы обнародуем открытие Кирша…

— Я понял вас, друг мой. — Епископ старался говорить как можно спокойнее. — Я слышу решимость в вашем голосе и уважаю ваше мнение. Хочу, чтобы вы знали: я полностью открыт для обсуждения и готов проявить гибкость. Но все же, если мы соберемся обнародовать то, что знаем, молю вас: давайте сделаем это вместе. При свете дня. Достойно. Не предаваясь отчаянию, не под впечатлением жуткого убийства. Давайте спланируем наши действия, обдумаем их и выберем формат, в котором представим эту новость.

Кёвеш молчал. Вальдеспино слышал, как тяжело дышит старик.

— Рабби, — продолжил епископ, — сейчас самый острый и безотлагательный вопрос — обеспечение нашей личной безопасности. Мы имеем дело с убийцами, и если вы будете привлекать к себе повышенное внимание — например, пойдете к властям или на телевидение, — это может привести к трагедии. Больше всего я беспокоюсь именно за вас. Сам я рядом с дворцом в безопасности, но вы… вы же совсем один в Будапеште! Теперь уже ясно, что открытие Кирша развязало

борьбу не на жизнь, а на смерть. Пожалуйста, позвольте *мне* позаботиться о вас, Иегуда.

После небольшой паузы Кёвеш спросил:

— Из Мадрида? Но как это возможно?..

— Королевская семья предоставляет в мое распоряжение свою службу безопасности. Оставайтесь дома и заприте двери. Я попрошу двух агентов Королевской гвардии отправиться за вами и доставить вас в Мадрид. Мы будем спокойны, зная, что вы под надежной защитой, мы сможем поговорить с глазу на глаз и обсудить, как лучше действовать дальше.

— Допустим, я прилечу в Мадрид, — неуверенно проговорил рабби. — А вдруг мы с вами не сможем договориться о том, что делать дальше?

— Мы обязательно договоримся, — заверил его епископ. — Знаю, я консерватор, но я еще и реалист, как и вы сами. Вместе мы найдем верный путь. Я в это верю.

— А что, если не найдем? — не унимался Кёвеш.

Вальдеспино почувствовал, как свело мышцы пресса, но, сделав паузу, перевел дух и ответил настолько спокойно, насколько мог:

— Иегуда, если мы с вами так и не сможем выработать единую линию, тогда мы останемся

друзьями и каждый пойдет своим путем, сделает то, что сочтет правильным. Даю вам слово, так и будет.

— Спасибо, — сказал Кёвеш. — Полагаюсь на ваше слово. Я прилечу в Мадрид.

— Хорошо. А сейчас заприте двери и ни с кем не разговаривайте. Соберите дорожную сумку. Как только все организую, я позвоню и скажу, что нужно делать. — Вальдеспино помолчал. — Не теряйте веры. Скоро увидимся.

Вальдеспино дал отбой с тяжестью в сердце. Он подозревал, что в дальнейшем контролировать Кёвеша будет непросто — одними призывами к разуму и осмотрительности не обойдешься.

Кёвеш запаниковал… точно как и Саид. Они не смогли увидеть картину в целом.

Вальдеспино закрыл ноутбук, взял его под мышку и пошел по полутемным коридорам. Все еще в парадном облачении, он вышел из собора в ночную прохладу, пересек площадь и приблизился к сияющему белому фасаду королевского дворца.

Вальдеспино взглянул на герб Испании над главным входом — с Геркулесовыми столпами и древним девизом PLUS ULTRA, что значит «за пределы». Одни считали, что эта фраза символи-

зировала попытки Испании расширить империю во времена Золотого века. По мнению других, слова эти говорят о вере в то, что, кроме земной жизни, существует и жизнь небесная.

Так или иначе, но Вальдеспино чувствовал, что девиз с каждым годом теряет актуальность. Он посмотрел на реющий над дворцом испанский флаг и горестно вздохнул, обращаясь мыслями к умирающему королю.

Мне будет недоставать его. Я стольким ему обязан.

Последние месяцы епископ каждый день навещал своего драгоценного друга в Паласио-де-ла-Сарсуэла неподалеку от Мадрида. Как-то раз король попросил Вальдеспино присесть возле его кровати. Он смотрел на епископа с глубокой тревогой.

— Антонио, — прошептал король. — Боюсь, что помолвка моего сына была… слишком поспешной.

Вернее сказать, она была безумием, подумал Вальдеспино.

Два месяца назад принц признался епископу, что собирается сделать предложение Амбре Видаль, хотя знаком с ней совсем недавно. Вальдеспино тогда умолял принца быть более осмот-

рительным. Принц возразил — он наконец-то по-настоящему влюблен, и его отец достоин того, чтобы увидеть единственного сына в счастливом браке. К тому же, сказал он, если они с Амброй хотят создать семью, им надо торопиться.

Вальдеспино сдержанно улыбнулся королю:

— Да, согласен. Дон Хулиан застал нас врасплох. Но он лишь хотел, чтобы вы были счастливы.

— Он обязан исполнять долг перед *своей страной*, — с нажимом сказал король, — а не перед своим отцом. Да, сеньорита Видаль очень мила, но мы плохо ее знаем, она не нашего круга. Мне не совсем ясны ее мотивы. Предложение было слишком поспешным и опрометчивым, порядочная женщина не приняла бы его.

— Вы правы, — кивнул Вальдеспино. Хотя в защиту Амбры следовало бы сказать, что дон Хулиан почти не оставил ей выбора.

Король бережно взял худую руку Вальдеспино в свою.

— Мой друг, как же быстро летит время. Мы с вами уже старики. Хочу поблагодарить вас. Все эти годы вы давали мне мудрые советы: когда я потерял жену, когда страна переживала эпоху перемен. Сила вашей убежденности очень мне помогла в трудные минуты.

— Наша дружба — великая честь для меня, и я всегда буду ею дорожить.

Король еле заметно улыбнулся:

— Антонио, я знаю, вы многим пожертвовали ради того, чтобы остаться со мной. Например, переездом в Рим.

Вальдеспино пожал плечами:

— Сан кардинала не приблизил бы меня к Господу. Мое место всегда было здесь, рядом с вами.

— Ваша преданность — настоящее благословение.

— И я никогда не забуду добрых чувств, которые вы выказывали мне все эти годы.

Король прикрыл глаза и стиснул руку епископа.

— Антонио… на душе у меня неспокойно. Мой сын скоро встанет к штурвалу огромного корабля, который не готов вести. Пожалуйста, направляйте его. Станьте для него кормчим. Удерживайте его руку на руле, особенно если море будет бурным. И самое важное: если он собьется с курса, молю, помогите ему снова встать на верный путь…

— Аминь, — прошептал епископ. — Даю вам слово.

Шагая в ночной прохладе через площадь, Валь-

деспино поднял взгляд к небу. *Ваше Величество, пожалуйста, помните: я сделаю все для того, чтобы исполнить вашу последнюю волю.*

Епископа успокаивало одно: он точно знал, что король уже слишком слаб, чтобы смотреть телевизор. *Если бы сегодня он увидел трансляцию из Бильбао, то умер бы на месте от стыда при виде того, во что превратилась его возлюбленная страна!* Справа от Вальдеспино, за железными воротами, на улице Бейлен, сгрудились автобусы телевизионщиков, ощерившись спутниковыми антеннами.

Стервятники, подумал Вальдеспино. Ночной ветер развевал его парадное одеяние.

Глава 25

Время скорби еще придет, сказал себе Роберт Лэнгдон. *Сейчас — время действовать.*

Он уже попросил Уинстона поискать в архиве службы безопасности музея информацию, которая могла оказаться полезной в поисках убийцы. И потом негромко добавил, что неплохо было бы проверить, нет ли связи между епископом Вальдеспино и адмиралом Авилой.

Агент Фонсека вернулся, все еще держа мобильник возле уха.

— Sí…sí, — говорил он в трубку. — Claro. Inmediatemente[43]. — Дав отбой, он повернулся к Амбре — она стояла рядом, растерянная и подавленная. — Сеньорита Видаль, собирайтесь. Дон Хулиан приказал немедленно доставить вас в Мадрид, в королевский дворец. Для вашей безопасности.

Амбра заметно напряглась.

— Я не могу бросить Эдмонда здесь, вот так! — И она сделала шаг в сторону тела, покрытого одеялом.

---

[43] Сноски: 43
Да… да… Ясно. Немедленно (*исп.*).

— Об этом позаботятся местные власти, — ответил Фонсека. — Скоро приедет следователь. С телом мистера Кирша будут обращаться бережно, со всем уважением. А сейчас мы должны ехать. Мы предполагаем, что вы в опасности.

— Никакой опасности нет! — воскликнула Амбра, шагнув к телохранителю. — Убийца имел прекрасную возможность застрелить меня, но не застрелил. Его целью был Эдмонд, это же ясно!

— Сеньорита Видаль! — Жилы на шее Фонсеки вздулись. — Принц приказывает отвезти вас в Мадрид. Его тревожит ваша безопасность.

— Нет, — отрезала она. — Его тревожат политические последствия.

Фонсека перевел дыхание и понизил голос:

— Сеньорита Видаль, то, что случилось сегодня вечером, — страшный удар для Испании. И для принца. То, что вы согласились вести вечер — очень неудачное решение.

Лэнгдон внезапно услышал Уинстона:

— Профессор, служба безопасности музея просматривала записи внешних камер видеонаблюдения. Кажется, что-то обнаружили.

Лэнгдон выслушал его и махнул рукой Фонсеке, прерывая его спор с Амброй.

— Сэр, компьютер установил, что камеры на

крыше музея зафиксировали автомобиль, на котором уехал убийца. Правда, машину видно лишь частично и сверху.

— Вот как? — Казалось, Фонсека удивлен.

Лэнгдон передал агенту слова Уинстона:

— Черный седан на служебной подъездной аллее… номера не читаются, поскольку съемка велась сверху… на ветровом стекле видна необычная наклейка.

— Что за наклейка? — грозно спросил Фонсека. — Мы поднимем по тревоге местную полицию, пусть ищут.

— Эту наклейку, — зазвучали слова Уинстона в голове Лэнгдона, — я не смог идентифицировать, но, сравнив изображенный на ней знак со всеми известными миру символами, нашел одно совпадение.

Лэнгдону оставалось только поразиться, насколько быстро работают электронные мозги Уинстона.

— Знак на наклейке, — продолжил тот, — повторяет древний алхимический символ — *амальгамация.*

Что, простите? Лэнгдон ожидал, что это будет логотип какого-то гаража или политической организации.

— На ветровом стекле наклейка с символом… амальгамации? — Фонсека, совершенно ничего не понимая, вытаращил глаза. — Здесь какая-то ошибка, Уинстон, — сказал Лэнгдон. — Зачем кому-то лепить на машину символ алхимического процесса?

— Не знаю, — ответил Уинстон. — Но это единственное совпадение, которое я нашел. Точность — девяносто девять процентов.

Фотографическая память Лэнгдона тотчас подкинула ему изображение алхимического символа амальгамации.

— Уинстон, опиши, что ты видишь на ветровом стекле.

Ответ последовал без промедления:

— Символ состоит из одной вертикальной линии, которую пересекают три короткие горизонтальные. Над вертикальной линией — пере-

вернутая арка.

Точно. Лэнгдон нахмурился.

— А у этой арки наверху есть засечки?

— Да. Совсем коротенькие горизонтальные линии с каждой стороны.

Тогда ничего не скажешь. Это амальгамация.

Лэнгдон на минуту задумался.

— Уинстон, ты можешь прислать мне фото с камеры?

— Конечно.

— Пусть вышлет мне на телефон, — потребовал Фонсека.

Лэнгдон отправил Уинстону номер агента, и спустя несколько секунд звякнул сигнал сообщения. Собравшись вокруг Фонсеки, все начали рассматривать зернистое черно-белое фото. Это был вид сверху — черный седан на пустой подъездной аллее.

И действительно, в нижнем левом углу ветрового стекла Лэнгдон разглядел наклейку с тем самым символом, который только что описал Уинстон.

Амальгамация. Очень странно.

Недоумевая, Лэнгдон движением пальцев увеличил фото на экране телефона. Наклонился и внимательно, во всех деталях, рассмотрел изоб-

ражение.

И мгновенно увидел отличие.

— Нет, это не амальгамация, — объявил Лэнгдон.

Изображение *почти* такое же, как в описании Уинстона, но не *точно* такое же. А в науке о символах разница между «почти» и «точно» — огромна. Иначе пришлось бы считать нацистскую свастику и буддистский символ совершенства одним и тем же символом.

Вот почему иногда человеческий мозг работает лучше компьютера.

— И это не одна наклейка, — продолжил Лэнгдон, — *а две разные*, и одна немного накладывается на другую. Нижняя называется «Папский крест». Сейчас он очень популярен.

После избрания самого либерального понтифика в истории Ватикана тысячи людей во всем мире поддерживали нового папу, рисуя и

наклеивая где только можно кресты с тремя горизонтальными линиями — даже в Кембридже, штат Массачусетс.

— А U-образный символ наверху — это вообще отдельная наклейка, — сказал Лэнгдон.

— Теперь я вижу, что вы правы, — признал Уинстон. — Сейчас найду телефонный номер этой компании.

И снова Лэнгдон удивился, как быстро работает Уинстон. *Он уже идентифицировал логотип компании?*

— Превосходно, — одобрил Лэнгдон. — Позвоним, и тогда станет возможным отследить передвижения автомобиля.

Фонсека, казалось, ничего не понимал:

— Отследить передвижения! Но как?

— Машина беглеца — *арендованная*. — Лэнгдон ткнул пальцем в стилизованную букву *U* на ветровом стекле. — Компания «Убер».

Глава 26

Читая сомнение в глазах Фонсеки, Лэнгдон не мог понять, что поразило агента больше — мгновенная дешифровка наклеек на стекле или странный выбор автомобиля для побега Авилы. *Он заказал «Убер»*, думал Лэнгдон, прикидывая, что это было — хитрый ход или чудовищная недальновидность.

Вездесущие автомобили «по первому требованию» — сервис «Убер» завоевал мир всего за несколько лет. При помощи смартфона любой человек в любую минуту может связаться с постоянно растущей армией водителей «Убера», а те очень неплохо зарабатывают, превращая личный автомобиль в импровизированное такси. В Испании «Убер» легализовали недавно, и местные водители обязаны наклеивать логотип компании — букву U — на ветровое стекло. Очевидно, водитель, увезший Авилу, оказался еще и поклонником нового папы.

— Агент Фонсека, — заговорил Лэнгдон, — Уинстон говорит, что взял на себя смелость отправить фотографию машины беглеца в местное поли-

цейское управление, чтобы ее разослали всем постам и патрульным.

Глаза у Фонсеки полезли на лоб. Лэнгдон понял, что агент, прошедший весьма серьезную подготовку, прежде никогда не участвовал в погоне. Фонсека не знал, то ли благодарить Уинстона, то ли посоветовать ему не лезть в чужие дела.

— А сейчас он как раз набирает номер экстренной связи компании «Убер».

— Нет! — скомандовал Фонсека. — Давайте номер *мне*. Я сам позвоню. «Убер» скорее пойдет на контакт с агентом Королевской гвардии, чем с каким-то компьютером.

Лэнгдон вынужден был признать, что Фонсека, пожалуй, прав. Кроме того, гвардии лучше бросить свои силы на поиски преступника, чем на доставку Амбры в Мадрид.

Пока Фонсека набирал полученный от Уинстона номер, у Лэнгдона крепла уверенность, что они точно найдут преступника — это вопрос каких-то минут. Определять местоположение автомобиля — основа бизнеса компании «Убер»; каждый, у кого есть смартфон, при желании может узнать, в какой точке планеты сейчас находится любой из водителей «Убера». Все, что требуется от Фонсеки — попросить оператора установить

координаты водителя, который недавно взял пассажира у служебного входа музея Гуггенхайма.

—

¡Hostia! —

выругался Фонсека. — Automatizada[44]. – Он тыкал пальцами по экрану телефона, очевидно, следуя указаниям автоответчика, предлагающего разные опции меню. — Профессор, как только доберусь до этого «Убера» и прикажу отследить машину, я передам дело местной полиции. А мы с агентом Диасом повезем вас и сеньориту Видаль в Мадрид.

— Меня в Мадрид? — изумился Лэнгдон. — Нет, я никак не могу поехать с вами.

— Можете и поедете, — заявил Фонсека. — Вместе с вашей компьютерной игрушкой, — добавил он, указывая на гарнитуру.

— Нет уж, извините, — решительно сказал Лэнгдон. — Ни при каких обстоятельствах я не поеду с вами в Мадрид.

— Странно, — покачал головой Фонсека. — Вы же вроде профессор Гарварда?

Лэнгдон посмотрел на него с недоумением:

— Ну да.

---

[44] Сноски: 44
Черт! Автоответчик (*исп.*).

— Вот и хорошо, — кивнул Фонсека. — Тогда, надеюсь, у вас хватит мозгов понять, что выбора нет?

С этими словами агент пошел прочь, продолжая сражаться с телефоном. Лэнгдон смотрел ему вслед. *Какого черта?*

— Профессор! — Амбра Видаль подошла к нему сзади и оказалась совсем близко. — Пожалуйста, выслушайте меня. Это очень важно.

Лэнгдон повернулся к ней. Его поразило выражение ужаса на ее лице. Она вроде бы пришла в себя, голос уже не срывался, но в нем звучало глубокое отчаяние.

— Профессор, — продолжила она. — Эдмонд бесконечно уважал вас, это ясно хотя бы потому, что он включил вашу лекцию в программу презентации. Поэтому я думаю, вам можно доверять. Мне нужно кое-что рассказать вам.

Лэнгдон смотрел на нее с удивлением.

— Это я виновата в гибели Эдмонда, — прошептала она, и ее глубокие карие глаза наполнились слезами.

— Что вы имеете в виду?

Амбра бросила настороженный взгляд на Фонсеку, но тот был далеко и не мог ее слышать. — Этот список гостей… — Она снова повернулась

к Лэнгдону. — Имя, вписанное в последний момент… Вы его помните?

— Да. Луис Авила.

— Я внесла это имя в список, — призналась она, и ее голос сорвался. — Понимаете, *я*!

Значит, Уинстон был прав, ошеломленно подумал Лэнгдон.

— Эдмонда застрелили *из-за меня.* — Она едва сдерживала рыдания. — Я впустила убийцу в здание музея!

— Подождите. — Лэнгдон положил руку на ее вздрагивающее плечо. — Успокойтесь и рассказывайте. *Почему* вы вписали его имя?

Амбра снова тревожно взглянула в сторону Фонсеки, но тот метрах в двадцати от них все еще говорил по телефону.

— Профессор, прямо перед началом презентации мне позвонил человек, которому я всецело доверяю. Он попросил о личной услуге — внести адмирала Авилу в список гостей вечера. Это было всего за несколько минут до того, как музей открыл гостям двери, я была страшно занята и внесла имя в список, не раздумывая. Ведь это же адмирал, офицер флота! Откуда я могла знать? — Она бросила быстрый взгляд на безжизненное тело Эдмонда и прикрыла рот ладонью. — И вот

теперь…

— Амбра, — прошептал Лэнгдон. — *Кто именно* попросил вас внести Авилу в список?

Она с трудом перевела дух.

— Мой жених… наследный принц Испании. Дон Хулиан.

Лэнгдон смотрел на Амбру, не в силах поверить собственным ушам. Директор музея Гуггенхайма сообщает ему, что наследный принц Испании помог преступникам организовать убийство Эдмонда Кирша. *Нет, невозможно*.

— Я уверена, во дворце никто не ожидал, что мне станет известно имя убийцы, — проговорила она. — Но теперь я его знаю… Боюсь, моя жизнь в опасности.

Лэнгдон снова коснулся ее плеча.

— Здесь вы в полной безопасности.

— Нет! — прошептала она с нажимом. — Здесь происходит то, чего вы не понимаете. Нам с вами надо бежать отсюда. Немедленно!

— Мы не сможем сбежать, — возразил Лэнгдон. — Иначе мы никогда…

— Пожалуйста, выслушайте меня, — настаивала Амбра. — Я знаю, как помочь Эдмонду.

— Что? — Лэнгдон подумал, что она все еще не в себе. — Эдмонду уже ничем нельзя помочь.

— Нет, можно, — сказала она тоном абсолютно нормального человека. — Но сначала нам необходимо попасть в его дом в Барселоне.

— О чем вы говорите?

— Пожалуйста, послушайте внимательно. Я знаю, чего бы сейчас хотел от нас Эдмонд.

Амбра Видаль перешла на едва слышный шепот. Она говорила секунд пятнадцать, и сердцем у Лэнгдона билось все быстрее.

Договорив, Амбра посмотрела на него с вызовом:

— Теперь вы понимаете, почему нам надо бежать?

Лэнгдон кивнул, не сомневаясь ни секунды.

— Уинстон, — сказал он, обращаясь к своему гиду, — ты слышал, что сейчас говорила мне Амбра?

— Да, профессор.

— Тебе все это уже было известно?

— Нет, профессор.

Теперь Лэнгдон подбирал слова особенно тщательно:

— Уинстон, я не знаю, способны ли компьютеры испытывать чувство преданности своим создателям. Но если ты способен, то вот твой момент истины. Нам очень нужна твоя помощь.

Глава 27

Лэнгдон двинулся к трибуне, не выпуская из виду Фонсеку, который все еще разбирался с «Убером». Амбра медленно шла к центру зала, разговаривая по телефону или *делая вид*, что разговаривает, именно так, как велел ей Лэнгдон.

Скажите Фонсеке, что вам надо позвонить принцу Хулиану.

У трибуны Лэнгдон задержал взгляд на бесформенном холмике под одеялом. Эдмонд. Осторожно отвернул край одеяла, которым Амбра накрыла тело. Глаза Эдмонда, всегда полные огня, потухли и выцвели, на лбу багровела рана. Лэнгдон вздрогнул, сердце учащенно забилось от жалости и гнева. Он вспомнил, как впервые встретил одаренного вихрастого юношу, полного надежд. За короткий срок Эдмонд успел сделать так много. И вот сегодня у кого-то поднялась рука уничтожить гения — чтобы мир никогда не узнал о его открытии.

Я должен сделать все, чтобы великое открытие моего бывшего студента не было утрачено безвозвратно.

Чуть отступив, так, чтобы трибуна мешала Фонсеке его видеть, Лэнгдон опустился на колени рядом с телом Эдмонда, закрыл глаза и молитвенно сложил руки.

Молитва над телом атеиста… какая ирония. Лэнгдон едва не улыбнулся. *Эдмонд, дружище, знаю, тебе не понравилось бы, что кто-то молится за тебя. Не сердись, это не совсем молитва.*

Внезапно его охватила тревога. *Я сказал тогда Эдмонду, что епископ не представляет опасности. А если Вальдеспино причастен к убийству?* Лэнгдон постарался выбросить эту мысль из головы.

Убедившись, что Фонсека на него больше не смотрит, Лэнгдон наклонился над телом друга и осторожно достал из внутреннего кармана его кожаной куртки огромный бирюзовый смартфон.

Краем глаза он заметил, что Фонсека по-прежнему пререкается с «Убером» и, похоже, следит только за Амброй. Она же, делая вид, что целиком поглощена телефонным разговором, все дальше и дальше уходила от агента.

Лэнгдон посмотрел на смартфон Эдмонда.

Придется, друг, тебя еще потревожить.

Он осторожно приподнял уже почти остывшую правую руку Кирша и прижал его указательный

палец к скан-диску на экране.

Телефон кликнул и разблокировался.

Лэнгдон быстро вошел в меню установок и отключил режим защиты. *Блокировка отключена.* Потом положил телефон в карман и накрыл тело Эдмонда пледом.

Издалека донесся вой полицейских сирен. Амбра стояла в центре пустого зала с прижатым к уху телефоном, всем своим видом демонстрируя, что погружена в разговор. Фонсека не спускал с нее глаз.

Поторопись, Роберт.

Несколько минут назад, выслушав Амбру, Лэнгдон решил: надо действовать. Она рассказала ему о недавнем разговоре с Киршем. На днях в этом самом зале Эдмонд обсуждал с ней последние детали предстоящего мероприятия и прервался ненадолго, чтобы выпить третий за вечер смузи из шпината. Амбра заметила, что он сильно исхудал и выглядит переутомленным.

— Извини, Эдмонд, боюсь, веганская диета тебе не подходит. Ты бледный и слишком похудел.

— Похудел? — рассмеялся Эдмонд. — Да кто бы говорил!

— Ну, про меня этого не скажешь!

— Не кипятись, — подмигнул он ей. — Ты вы-

глядишь отлично. А что до моей бледности, то просто надо отдохнуть. Я же компьютерный маньяк — дни и ночи за монитором.

— Но ты скоро предстанешь перед всем миром, и хороший цвет лица не помешает. Побудь завтра на воздухе. Или напиши такую программу, чтобы загореть от монитора.

— Отличная идея, — оживился Эмонд. — Советую запатентовать. — Он засмеялся. — Так. Тебе понятно, что за чем будет в субботу?

Амбра, просматривая сценарий, кивнула.

— Я провожаю гостей в малый зал, потом мы все идем в шатер, где они смотрят твое вступительное видео, потом ты *волшебным* образом возникаешь на трибуне, вот тут. — Она показала место на схеме. — И с трибуны ты возвестишь о своем открытии.

— Все верно, — сказал Эдмонд. — С одним маленьким уточнением. — Он улыбнулся. — Мое появление на трибуне будет как своего рода антракт: я хочу лично поприветствовать гостей, попросить всех устроиться на одеялах поудобнее и расслабиться перед второй частью — мультимедийной презентацией открытия.

— То есть презентация открытия тоже записана, как и вступление?

— Да. Закончил пару дней назад. Мы живем в эпоху визуалов. Мультимедийная презентация куда интереснее, чем рассказ какого-то ученого, вещающего с трибуны.

— Ты не какой-то ученый, — возразила Амбра. — Но, думаю, ты прав, презентация интереснее. Как бы я хотела увидеть ее!

Амбра знала: в целях безопасности запись презентации хранится на защищенном сервере Эдмонда. Трансляция в музее пойдет с этого удаленного сервера.

— Кто запустит трансляцию, ты или я? — спросила она.

— Я. — Эдмонд достал телефон. — С помощью этой *штуки*. — Он помахал перед Амброй своим огромным бирюзовым смартфоном с мозаикой в стиле Гауди. — Это будет часть шоу — я соединюсь со своим сервером по защищенной линии.

Эдмонд нажал несколько кнопок, раздался гудок и установилось соединение.

Прозвучал механический женский голос: «Добрый вечер, Эдмонд. Введи, пожалуйста, пароль».

Эдмонд улыбнулся:

— И тут в прямом эфире, на глазах у всех, я ввожу пароль, и трансляция начинается — здесь и по всему миру.

— Эффектно, — восхищенно сказала Амбра. — Смотри только, не забудь пароль.

— Да, это был бы конфуз.

— Надеюсь, он у тебя записан, — иронично заметила она.

— Не кощунствуй, — рассмеялся Эдмонд. — Компьютерщики никогда не записывают пароли. Но не волнуйся. В нем всего сорок семь знаков. Так что я его не забуду.

Амбра взглянула изумленно:

— Сорок семь знаков?! Эдмонд, но ты же не можешь запомнить четырехзначный пин-код электронного пропуска в музей! И собираешься ввести по памяти последовательность из *сорока семи* случайных знаков?

Он снова рассмеялся — реакция Амбры забавляла его.

— Это не случайные знаки, — заговорщицки прошептал он. — Это моя любимая стихотворная строка.

— Ты выбрал стихотворную строчку в качестве пароля?

— А что такого? В ней как раз сорок семь знаков.

— Не очень-то надежно.

— Разве? Думаешь, сможешь угадать мою лю-

бимую стихотворную строку?

— Я думала, ты вообще не любишь поэзию.

— Вот именно. Но даже если кто-то узнает, что пароль — стихотворная строчка, и каким-то чудесным образом выберет ее из миллионов других, ему еще надо знать очень длинный телефонный номер, чтобы соединиться с моим защищенным сервером.

— Тот самый номер, который ты только что набрал?

— Да. Но у смартфона тоже есть защита. И он всегда при мне.

Амбра шутливо подняла руки вверх:

— Сдаюсь. Кстати, кто твой любимый поэт?

— Неплохая попытка. — Эдмонд погрозил ей пальцем. — Ты все узнаешь в субботу. Строчка, которую я выбрал, прекрасна. — Он улыбнулся. — Она о будущем. Это пророчество, которое, к моей великой радости, осуществилось.

Возвращаясь из воспоминаний в настоящее, Амбра взглянула на тело Эдмонда и с ужасом обнаружила, что Лэнгдона рядом с ним уже нет.

Где же он?!

Второй агент Королевской гвардии — Диас — пробрался внутрь шатра через разрез в тканевой стене. Окинул помещение быстрым взглядом и

устремился прямо к Амбре.

Он не даст мне уйти!

Внезапно рядом появился Лэнгдон. Он мягко положил ладонь ей на спину и слегка подтолкнул в другой конец зала — к тоннелю, через который впускали публику.

— Сеньорита Видаль! — закричал Диас. — Куда это вы оба собрались?

— Мы сейчас вернемся. — Лэнгдон ускорил шаг, стремясь быстрее добраться до входа в тоннель.

— Мистер Лэнгдон! — Это уже кричал Фонсека. — Остановитесь немедленно! Вам нельзя покидать помещение!

Амбра почувствовала, как рука Лэнгдона чуть сильнее надавила на ее спину.

— Уинстон, — прошептал он в гарнитуру, — *давай*!

И тут же шатер погрузился в беспросветный мрак.

Глава 28

Агент Фонсека и его напарник Диас быстро пробежали по темному шатру, подсвечивая путь фонариками смартфонов, и нырнули в тоннель, где только что скрылись Лэнгдон и Амбра.

На полпути на черном ковре Фонсека увидел мобильный телефон Амбры.

Она выбросила мобильник?

С разрешения Амбры Королевская гвардия установила на ее смартфоне простейшее приложение, чтобы отслеживать все ее перемещения. *Раз она выбросила телефон, значит, собирается скрыться.*

Фонсека занервничал. Больше всего его волновало, как доложить шефу, что будущая королева Испании пропала. Командующий гвардии маниакально суров, когда дело касается интересов принца. Сегодня шеф лично инструктировал Фонсеку: «За безопасность Амбры Видаль ты отвечаешь головой».

Как я могу отвечать за ее безопасность, если не знаю, где она?

Агенты вбежали в малый зал. Казалось, он по-

лон привидений — испуганные гости с лицами, подсвеченными смартфонами, возбужденно общались с внешним миром, рассказывая о невероятных событиях.

Тут и там раздавались голоса:

— Включите свет!

Телефон Фонсеки зазвонил.

— Агент Фонсека, это служба безопасности музея. — Молодая женщина говорила по-испански четко, почти по-военному. — У нас отключилось энергоснабжение. Это компьютерный сбой. Мы все исправим через несколько минут.

— Внутренние средства наблюдения сейчас функционируют? — спросил Фонсека, зная, что все камеры здесь оборудованы приборами ночного видения.

— Да.

Фонсека окинул взглядом полутемный зал.

— Амбра Видаль недавно вошла в малый зал со стороны шатра. Можете определить, куда она направляется?

— Минуту.

Фонсека ждал, сердце его отчаянно колотилось. Только что ему сообщили из «Убера», что отследить машину, на которой уехал убийца, невозможно.

Сегодня все идет наперекосяк.

И как назло именно сегодня его приставили к Амбре Видаль. Обычно старший офицер Фонсека работал только с самим принцем Хулианом. Но утром шеф приказал:

— Вечером сеньорита Видаль вопреки желанию принца Хулиана будет вести одно мероприятие. Ваша задача — сопровождать ее и обеспечивать безопасность.

Фонсеке и в голову не могло прийти, что это мероприятие обернется откровенным нападением на религию. И к тому же — убийством у всех на глазах. Он до сих пор не мог уразуметь, почему Амбра с негодованием отвергла просьбу поговорить с встревоженным принцем. А потом повела себя совсем странно. Всеми правдами и неправдами пыталась избавиться от охраны и сбежать с американским профессором.

Если принц Хулиан об этом узнает…

— Агент Фонсека? — услышал он голос девушки из службы безопасности. — Сеньорита Видаль в сопровождении мужчины вышла из главного зала. Они прошли по подвесному переходу в зал, где выставлены «клетки» Луиз Буржуа. Из двери направо, второй зал справа.

— Спасибо. Продолжайте наблюдение.

Фонсека и Диас вбежали на подвесной переход. Далеко внизу под собой они видели, как толпа гостей сгрудилась у выхода из музея.

Справа, как и сказала девушка из охраны, Фонсека увидел вход в большой выставочный зал. На табличке у входа было указано — «Клетки».

В просторном зале стояли разнокалиберные, похожие на клетки загоны, в каждом — странные белые скульптуры.

— Сеньорита Видаль! — позвал Фонсека. — Мистер Лэнгдон!

Ответа не было. Агенты начали осматривать помещение.

Далеко от них за стеной шатра Лэнгдон и Амбра осторожно пробирались сквозь дебри строительных лесов, хитросплетения проводов и аппаратуры к далекой тусклой табличке с надписью «Выход». Они действовали строго по плану, который чуть раньше составили Лэнгдон и Уинстон.

По команде Лэнгдона Уинстон выключил свет, и все погрузилось во мрак. Лэнгдон заранее прикинул расстояние до входа в тоннель. Оказавшись у входа, Амбра бросила в тоннель свой мобильный, а сами они двинулись совсем в другую сторону — вдоль стены шатра, ощупывая ее.

Наконец обнаружили дыру, в которую проник Диас, когда преследовал убийцу Эдмонда. Тем же путем они выбрались из шатра и двинулись к запасному выходу.

Лэнгдон с удивлением вспоминал, как быстро Уинстон принял решение помочь им. «Если презентация запаролена, — сказал тогда Уинстон, — надо узнать этот пароль и немедленно ее запустить. Эдмонд поставил мне задачу: помочь ему провести презентацию. Задача не выполнена. Но теперь у меня есть шанс реабилитироваться».

Лэнгдон хотел было поблагодарить, но Уинстон говорил без остановки. Он выстреливал словами с невероятной скоростью, словно аудиокнига в режиме перемотки.

— Если бы у меня был доступ к презентации Эдмонда, — с пулеметной скоростью бормотал он, — я бы сейчас же запустил ее. Но, как вы знаете, она хранится на защищенном сервере. Все, что нам нужно для запуска, — смартфон Эдмонда и пароль. Я уже просмотрел все опубликованные стихи и нашел все строки из сорока семи букв. К сожалению, их сотни тысяч, а то и больше — очень много разночтений в строфике. Более того, интерфейс Эдмонда отключает пользователя после нескольких неудачных вводов пароля. Так что

простой перебор вариантов не поможет. Остается одно: найти пароль другим путем. Я согласен с мисс Видаль — вы должны срочно попасть в дом Эдмонда в Барселоне. Логично предположить, что там хранится *книга* с любимым стихотворением и, возможно, в ней каким-то образом отмечена любимая строка. С очень высокой долей вероятности Эдмонд захотел бы, чтобы вы отправились в Барселону, узнали пароль и запустили презентацию. Как он и планировал. И еще. Я выяснил, откуда звонили с просьбой включить в список гостей адмирала Авилу. Как и сказала мисс Видаль, из Королевского дворца Мадрида. По этой причине я решил, что мы не можем доверять агентам Королевской гвардии, и теперь я собью их со следа, а вы сможете уйти.

Самое странное, что Уинстону все это удалось.

Лэнгдон и Амбра наконец добрались до запасного выхода. Осторожно отворив двери, Лэнгдон пропустил Амбру вперед.

— Хорошо, — ожил Уинстон в голове Лэнгдона. — Вы на служебной лестнице.

— А где агенты? — спросил Лэнгдон.

— Далеко, — ответил Уинстон. — Я сейчас веду их в выставочный зал в другом крыле музея. Представился сотрудницей службы безопасности.

С ума сойти, подумал Лэнгдон и ободряюще кивнул Амбре:

— Все идет по плану.

— Спускайтесь на первый этаж, — руководил Уинстон, — и выходите из музея. Кстати, хочу предупредить: за пределами здания гарнитура перестанет работать.

Черт! — подумал Лэнгдон. Да уж, неприятный сюрприз.

— Уинстон, — быстро заговорил он, — ты же в курсе, что Эдмонд рассказал о своем открытии трем религиозным деятелям?

— Нет. Это очень не похоже на него, — ответил Уинстон. — Хотя из преамбулы следует, что его открытие имеет непосредственное отношение к религии… может быть, поэтому он обратился к религиозным лидерам?

— Что-то вроде того. Так вот, один из этих лидеров — мадридский епископ Вальдеспино.

— Любопытно. В Сети много упоминаний о том, что епископ — близкий друг и советник короля Испании.

— Да. Но это еще не все, — сказал Лэнгдон. — Ты знаешь, что после их встречи Эдмонд получил от Вальдеспино послание с угрозами?

— Нет. Наверное, оно пришло на личный те-

лефон.

— Эдмонд дал мне его послушать. Вальдеспино настоятельно рекомендовал отменить презентацию и предупреждал, что религиозные лидеры намерены предпринять «упреждающие шаги» и дискредитировать его, прежде чем он появится на публике.

Лэнгдон замедлил шаг, чтобы Амбра ушла подальше вперед, и прошептал в гарнитуру:

— Есть какая-нибудь связь между Вальдеспино и адмиралом Авилой?

Уинстон ответил через несколько секунд:

— Прямой связи я не нашел, но это не значит, что ее нет. Это всего лишь значит, что отсутствуют доказательства такой связи.

Они уже почти спустились на первый этаж.

— Профессор, если позволите, — снова заговорил Уинстон, — анализ событий сегодняшнего вечера показывает: похоронить открытие Эдмонда стремятся очень влиятельные силы. В своем вступлении Эдмонд говорил, что именно *ваши* прозрения вдохновили его. Боюсь, враги Эдмонда могут счесть вас достаточно опасным.

Лэнгдону это не приходило в голову. Сейчас ему стало по-настоящему страшно. Они уже находились на площадке первого этажа, Амбра

открывала тяжелую металлическую дверь.

— Когда выйдете, — сказал Уинстон, — окажетесь на подъездной аллее. Идите налево вдоль здания, к реке. Там вас заберет такси и доставит по назначению.

BIO-EC 346, подумал Лэнгдон. Он сам попросил Уинстона организовать их поездку туда. *Там мы должны были встретиться с Эдмондом после презентации.* Лэнгдон уже разгадал шифр и знал, что BIO-EC 346 — никакая не секретная лаборатория. Все куда проще. Но это ключ к тому, чтобы выбраться из Бильбао. *Если только удастся уйти незамеченными*, подумал он, понимая, что скоро все дороги заблокируют. *Надо действовать очень быстро*.

Они вышли на улицу, навстречу вечерней прохладе, и Лэнгдон с удивлением заметил рассыпанные по асфальту металлические шарики, похожие на бусины четок. Но разбираться, откуда они здесь, не было времени.

— Идите к реке, — продолжал инструктировать Уинстон, — далее следуйте по набережной под мост Ла-Сальве и ждите, когда…

Гарнитура замолчала. В наушниках теперь была оглушительная тишина.

— Уинстон! — воскликнул Лэнгдон. — Ждать,

когда *что*?

Но Уинстон исчез. Тяжелая металлическая дверь с грохотом захлопнулась.

Глава 29

В нескольких километрах к югу от Бильбао седан «Убера» мчался по трассе AP-68 по направлению к Мадриду. Адмирал Авила сидел на заднем сиденье. Он снял фуражку и китель и теперь наслаждался свободой, вспоминая, как легко ему удалось уйти.

Как и обещал Регент.

Сев в такси, Авила сразу же достал пистолет и приставил к затылку обомлевшего водителя. По приказу адмирала таксист выбросил в окно свой смартфон, тем самым лишив машину единственной связи с диспетчерской.

Потом Авила обыскал бумажник водителя, выяснил адрес, имена жены и двоих детей. *Делай, как я скажу, иначе всю твою семью уничтожат.* Костяшки вцепившихся в руль пальцев побелели. Он будет делать все, что ему скажут.

Я человек-невидимка, думал Авила, наблюдая, как несутся навстречу полицейские машины с воющими сиренами.

Машина мчалась на юг, Авила настраивался на долгое путешествие и постепенно успокаивался,

чувствуя, как стихает буря адреналина в крови. *Я все сделал так, как надо*. Он посмотрел на татуировку на ладони: защита не понадобилась. *По крайней мере пока.*

Убедившись, что запуганный таксист не опасен, Авила опустил пистолет. Глядя на бегущую впереди дорогу, заметил наклейки на ветровом стекле.

Что бы это могло быть?

Первая, судя по всему, логотип «Убера». А вторая — прямо как знак, посланный свыше.

Папский крест. Последнее время этот символ можно встретить часто — так католики Европы демонстрируют поддержку нового папы и его курса на либерализацию церкви.

Авила с усмешкой подумал: правильно сделал, что припугнул водителя, этого приверженца либерального папы. Адмирала приводило в бешенство обожание, которым тупые массы окружили нового понтифика. Неудивительно — он позволяет христианам обходиться с заповедями Господа, как с блюдами шведского стола: мол, сами выбирайте, что брать, а что нет. Каждый день в Ватикане обсуждали контроль рождаемости, однополые браки, женщин-священников и прочие нововведения. Словно двухтысячелетняя

традиция пошла прахом в мгновение ока.

К счастью, есть еще люди, готовые за нее постоять.

Мелодия «Марша Ориаменди» звучала у него в голове.

И мне выпала честь служить им.

Глава 30

Старейшая, считающаяся элитной служба безопасности Испании — Королевская гвардия — ведет свою историю со Средних веков и свято почитает традиции. Агенты гвардии клянутся именем Господа обеспечивать безопасность королевской семьи, защищать королевскую собственность и блюсти королевскую честь.

Командующий гвардии шестидесятилетний Диего Гарза, в подчинении которого числилось около двух тысяч крутых парней, был невысокого роста, худой, смуглый, с маленькими глазками и редкими, черными, гладко зачесанными назад волосами, сквозь которые просвечивал пестрый от старческих пятен череп. Мелкие, как у грызуна, черты лица и щуплое телосложение делали его совершенно неприметным в толпе. Таким же внешне незаметным было и его огромное влияние во дворце.

Гарза давным-давно усвоил, что реальная власть достигается не силой, а умением вовремя нажать на нужный политический рычаг. Сам пост главы Королевской гвардии безусловно

относился к числу ключевых, но Гарза слыл во дворце человеком, который «решает проблемы» и личные, и профессиональные в основном благодаря потрясающей интуиции и дару предвидения.

Надежный хранитель секретов, Гарза никогда никого не подводил. Его сдержанность и осмотрительность в сочетании с умением виртуозно выходить из щекотливых ситуаций сделали его незаменимым соратником короля. Но испанский король доживал последние дни в Паласио-де-ла-Сарсуэла, и для Гарзы, как и для остальных во дворце, наступали тревожные времена.

Более четырех десятилетий король управлял очень неспокойной страной — парламентской монархией, которая пришла на смену тридцатишестилетней кровавой диктатуре ультраконсерватора генерала Франко. Начиная с 1975 года, после смерти Франко, король вместе с парламентом делал все для того, чтобы поддержать демократические процессы, которые крайне медленно, но все-таки продвигали страну к либеральным переменам. Для молодежи изменения были слишком неспешными. Пожилые традиционалисты воспринимали новации как богохульство. Многие представители ис-

панского истеблишмента до сих пор оставались несгибаемыми сторонниками консервативной программы Франко, особенно его отношения к католицизму как к государственной религии и «становому хребту» нации. Либеральная молодежь, которой с каждым годом в Испании становилось все больше, крайне негативно воспринимала такую точку зрения — постоянно трубила о лицемерии официальной церкви и ратовала за ее отделение от государства.

Никто не мог предсказать, в каком направлении повернет страна с восшествием на престол сорокадвухлетнего принца. Несколько десятилетий Хулиан, не допускавшийся отцом до настоящей политики, исполнял исключительно представительские функции и никак не обозначал своего отношения к религии. Хотя большинство экспертов считали его большим либералом, чем отец, доподлинно ничего известно не было.

Теперь все должно проясниться.

В свете кошмарных событий в Бильбао и неспособности короля по состоянию здоровья выступить перед народом у принца не осталось выбора: он должен был дать публичную оценку произошедшего.

Несколько высокопоставленных государ-

ственных деятелей, включая премьер-министра страны, уже выступили с лаконичным осуждением убийства, но воздержались от подробных комментариев. Они ждали заявления из дворца, предлагая таким образом расхлебывать все Хулиану. Гарза прекрасно их понимал. К событиям причастна будущая королева Амбра Видаль. Это делало ситуацию столь взрывоопасной, что мало кто желал в нее ввязываться.

Принца Хулиана сегодня ждет испытание на прочность, думал Гарза, быстро поднимаясь по ступеням большой дворцовой лестницы к королевским апартаментам. *Принцу понадобится совет. Отец не может ему помочь. Значит, помочь должен я.*

Гарза миновал просторный холл, подошел к покоям принца. Помедлил немного и постучал.

Странно, подумал он, не услышав ответа. *Я точно знаю, он у себя.* Агент Фонсека из Бильбао доложил, что принц звонил из своих покоев и беспокоился о судьбе Амбры Видаль, с которой, слава Богу, все в порядке.

Гарза снова постучал и еще больше забеспокоился, опять не получив ответа.

На свой страх и риск он открыл дверь и вошел.

— Дон Хулиан? — В покоях было почти темно,

если не считать мерцающего экрана телевизора в гостиной. — Где вы?

Гарза прошел чуть дальше. Принц одиноко стоял в темноте — неподвижный силуэт у окна с видом на залив. Он был в безукоризненно сшитом официальном костюме: судя по всему, не переодевался после сегодняшних встреч, только чуть-чуть ослабил узел галстука.

Гарза замер в нерешительности. Отрешенный вид принца встревожил его. *Похоже, принц потрясен до глубины души.*

Гарза кашлянул, чтобы дать знать о себе.

Принц заговорил, не отворачиваясь от окна.

— Я звонил Амбре, но она не стала со мной разговаривать. — В его голосе звучало скорее недоумение, чем обида.

Гарза не знал, что ответить. Тут такое творится, а принц думает только об Амбре, отношения с которой с самого начала казались странными.

— Полагаю, сеньорита Видаль до сих пор переживает шок, — успокаивающим тоном заметил Гарза. — Агент Фонсека скоро доставит ее сюда. И вы спокойно все обсудите. Позвольте добавить: я несказанно рад, что она в безопасности.

Принц Хулиан рассеянно кивнул.

— Убийцу уже выследили. — Гарза попытался

сменить тему. — Фонсека доложил, что террориста вот-вот обезвредят. — Он намеренно употребил слово «террорист», чтобы вывести принца из оцепенения.

Но принц лишь снова равнодушно кивнул.

— Премьер уже осудил убийство, — продолжил Гарза. — Но правительство рассчитывает, что *вы* тоже выскажетесь… учитывая, что сеньорита Видаль оказалась в самом центре событий. — Гарза выдержал паузу. — Понимаю, ситуация неприятная, вы помолвлены, но, думаю, можно просто сказать, что, мол, больше всего вы цените в невесте независимость. Безусловно не разделяя взглядов атеиста Эдмонда Кирша, Амбра как директор музея сочла своим долгом принять участие в мероприятии. Буду рад набросать тезисы в этом ключе, если не возражаете. Заявление следует сделать до утренних выпусков новостей.

Хулиан, по-прежнему глядя в окно, произнес:

— Заявление обязательно надо составить с участием епископа Вальдеспино.

Гарза стиснул зубы, пытаясь скрыть раздражение. После Франко Испания — estado aconfesional[45]. Это значит, что у страны больше

---

[45] Сноски: 45
Неконфессиональное государство (*исп.*).

нет государственной религии и церкви совершенно не обязательно вмешиваться в политику. Но дружба Вальдеспино с королем сделала епископа необычайно влиятельным в том, что касалось текущих дел дворца. К несчастью, жесткая политическая линия и религиозное рвение Вальдеспино оставляли слишком мало пространства для дипломатического маневра. У епископа не хватит обыкновенного такта, который просто необходим, чтобы справиться с критической ситуацией.

Тут нужна тонкость, а не догматизм и нетерпимость.

Гарза давно понял, что кроется за внешним благочестием Вальдеспино: епископ служит своим интересам, а не Богу. До сих пор Гарза смотрел на это сквозь пальцы, но сейчас, когда баланс сил грозил измениться, близость Вальдеспино и Хулиана становилась опасной.

Слишком опасной.

Гарза знал, что Хулиан всегда относился к епископу как к члену семьи. Вальдеспино для него скорее мудрый опекун, чем церковный владыка. Как ближайшему другу короля, Вальдеспино было поручено следить за духовным развитием юного Хулиана, и епископ отнесся к этому со

всем рвением — он контролировал учителей Хулиана, наставлял юношу в вопросах веры и даже давал советы в делах сердечных. И хотя Хулиан и Вальдеспино давно не общались с глазу на глаз, между ними сохранилась крепкая, почти родственная связь.

— Дон Хулиан, — спокойно заговорил Гарза, — я убежден, положение дел сейчас таково, что нам с вами лучше искать выход без участия третьих лиц.

— Вы уверены? — услышал он голос у себя за спиной.

Гарза обернулся и с удивлением разглядел в темноте сидящего в кресле человека в епископском облачении.

Вальдеспино.

— Позвольте заметить, командор, — тихо заговорил епископ, — мне казалось, именно *вы* должны понимать, насколько необходимо сегодня мое присутствие.

— Сейчас речь идет о *политике*, а не о религии, — стоял на своем Гарза.

Вальдеспино усмехнулся:

— Похоже, я сильно преувеличивал вашу политическую прозорливость. Из сложившейся ситуации есть лишь один выход. Мы должны

немедленно заверить народ Испании в том, что принц Хулиан — глубоко религиозный человек, что будущий король Испании — истинный католик.

— Согласен. Мы обязательно упомянем о том, что дон Хулиан человек верующий, в его заявлении для прессы.

— Когда принц появится перед прессой, необходимо чтобы рядом был я, чтобы моя рука лежала на его плече — как мощный символ единения монархии и церкви. Этот образ подействует сильнее любых слов, которые вы напишете. — Гарза был взбешен. — Мир стал свидетелем жестокого убийства на испанской земле, — продолжил Вальдеспино. — Перед лицом насилия ничто так не утешает, как длань Господня.

Глава 31

Цепной мост Сечени — один из восьми в Будапеште — простирается на триста с лишним метров, соединяя берега Дуная. Связующее звено между Востоком и Западом, он считается одним из самых красивых мостов в мире.

Что я делаю? — спрашивал себя рабби Кёвеш, глядя через перила на бурлящую внизу воду. *Антонио сказал сидеть дома.*

Кёвеш понимал, что ему не следовало выходить. Но его неудержимо потянуло на этот мост. Как всегда. Много лет он приходил сюда по вечерам — поразмышлять и полюбоваться чудесными видами. На востоке — Пешт: освещенный фасад дворца Грешема сияет на фоне колоколен базилики Святого Стефана. На западе — Буда: на Замковой горе возвышаются суровые стены крепости. К северу, вдоль берега Дуная, — строгий строй изящных шпилей парламента, самого большого здания Венгрии.

Но не только ради прекрасных видов Кёвеш вновь и вновь приходил на Цепной мост. Причина крылась совсем в другом.

Замки́.

Вдоль всего моста на перилах и силовых тросах висели сотни замков. На каждом — инициалы. И каждый навеки пристегнут к мосту.

По традиции влюбленные пары приходили сюда, оставляли на замке свои инициалы, продевали дужку через перила, запирали замок на ключ, а ключ выбрасывали в глубокие воды Дуная — как символ вечной и неразрывной связи.

Самая простая клятва, думал Кёвеш, касаясь одного из висящих запертых замков. *Наши души соединены навеки.*

Всякий раз, когда Кёвешу требовалось напоминание о том, что в мире существует безграничная любовь, он приходил сюда посмотреть на эти замки. Сегодня был как раз такой день. Кёвеш смотрел на бурлящую воду и вдруг почувствовал, что у него больше нет сил гнаться за современной жизнью с ее скоростями. *Возможно, все это уже не для меня.*

Раньше у человека было время для уединенного размышления. Несколько минут наедине с собой — пока едешь в автобусе, или идешь на работу, или ждешь назначенной встречи. Теперь этих моментов не осталось, все инстинктивно достают смартфоны, надевают наушники, играют

в компьютерные игры, не в силах устоять перед вошедшими в привычку технологическими соблазнами. Чудеса прошлого растаяли как дым, испарились, им на смену пришла неутолимая жажда всего нового.

Глядя на воду, рабби чувствовал, что очень устал. Перед глазами все расплывалось. Казалось, под водой он видит какие-то странные бесформенные очертания. Река превратилась в густой бульон, в котором плавали странные существа, зародившиеся в глубине.

— A víz él[46], — услышал он вдруг за спиной. — Вода как живая.

Рабби обернулся и увидел кудрявого мальчика с веселыми глазами. Он был похож на самого Иегуду в детстве.

— Что, прости? — спросил Кёвеш.

Мальчик открыл было рот, чтобы ответить, но вместо слов послышалось громкое электронное жужжание, а глаза вспыхнули ослепительно белым светом.

Рабби Кёвеш вздрогнул и очнулся.

Он сидел в кресле у себя дома.

---

[46] Сноски: 46
Вода (*венг.*).

— *Oy gevalt!*[47]

На столе громко звонил телефон. Рабби испуганно осмотрелся. Слава Богу, никого. Один в своем házikó. Сердце бешено колотилось.

Какой странный сон, подумал он, пытаясь дышать размеренно.

Телефон продолжал трезвонить. Именно сейчас Вальдеспино должен был сообщить все детали поездки в Мадрид.

— Добрый вечер, епископ, — произнес рабби, не до конца очнувшись. — Какие новости?

— Рабби Иегуда Кёвеш? — прозвучал в трубке незнакомый голос. — Вы меня не знаете. Не хочу пугать вас, но прошу, выслушайте меня очень внимательно.

Рабби окончательно проснулся.

Голос был женский, но явно измененный и звучал как-то странно. Собеседница говорила быстро — по-английски, с легким испанским акцентом.

— Я изменила голос для конспирации. Извините, но вы скоро поймете, что это необходимо.

— Кто говорит? — спросил Кёвеш.

— Поборница правды. Та, кому не по душе, ко-

---

[47] Сноски: 47
Здесь: О Боже! (*идиш*)

гда от людей пытаются скрыть истину.

— Не понимаю, о чем вы…

— Рабби Кёвеш, я знаю, что вы, епископ Вальдеспино и аллама Саид аль-Фадл три дня назад встречались в монастыре Монтсеррат с Эдмондом Киршем.

Откуда она может это знать?

— Мне также известно, что Эдмонд Кирш проинформировал вас о своем научном открытии. И еще я знаю, что вы пытаетесь утаить это открытие.

— Что?!

— Если вы не выслушаете меня внимательно, боюсь, не доживете до утра. У епископа Вальдеспино длинные руки. — Женщина ненадолго замолчала — Эдмонд Кирш и ваш друг Саид аль-Фадл уже умолкли навеки.

Глава 32

Мост Ла-Сальве на реке Нервьон в Бильбао так близко подступает к музею Гуггенхайма, что кажется, будто оба сооружения — единый архитектурный ансамбль. Узнаваемый из-за своей центральной опоры в виде гигантской буквы «Н», окрашенной в яркий красный цвет, мост назвали Ла-Сальве[48]. Согласно легенде, здесь моряки возносили благодарственные молитвы за благополучное возвращение из плавания.

Покинув музей через запасной выход, Лэнгдон и Амбра быстро преодолели короткое расстояние до берега реки и теперь стояли в указанном Уинстоном месте на набережной прямо под мостом.

Чего мы тут ждем? — гадал Лэнгдон.

Амбра поежилась от холода — обтягивающее вечернее платье от него не защищало. Лэнгдон снял пиджак и накинул ей на плечи, огладив рукава по бокам.

От неожиданности она вздрогнула и оберну-

---

[48] Сноски: 48

Salve Regina — славься, Царица (*лат.*). Это место было первой точкой, откуда можно было разглядеть базилику Бегонья, посвященную Святой Деве де Бегонья, патронессе Бильбао и Страны Басков.

лась.

На мгновение Лэнгдону показалось, что он перешел границу, но на лице Амбры не было неудовольствия. Скорее благодарность.

— Спасибо, — прошептала она, глядя ему в глаза. — Спасибо за помощь.

Не отводя взгляда, она взяла руки Лэнгдона в свои и крепко сжала их, словно хотела занять у него частичку тепла или душевного равновесия. Тут же отпустила руки и быстро прошептала:

— Извините. Как говорила моя мама, conducta impropia[49].

Лэнгдон ободряюще улыбнулся:

— Есть «смягчающие обстоятельства», как говорила моя мама.

Амбра попыталась улыбнуться, но получилось не очень.

— Чувствую себя совершенно разбитой. — Она отвела взгляд. — Бедный Эдмонд…

— Да, это ужасно, — пробормотал Лэнгдон. Он тоже еще не вполне пришел в себя, и ему было трудно выразить свои чувства.

Амбра неотрывно смотрела на воду.

— Как подумаю, что мой жених дон Хулиан

---

[49] Сноски: 49
Неподобающее поведение (*исп.*).

может быть причастен…

В ее голосе слышалась боль, как будто она пережила предательство, и Лэнгдон не сразу нашелся с ответом.

— Выглядит все, конечно, подозрительно, — осторожно вступил он на зыбкую почву. — Но мы не можем быть до конца уверены. Возможно, принц Хулиан вообще ни о чем не знал. Убийца мог действовать в одиночку или по приказу кого-то другого. Для будущего короля Испании не очень-то разумно устраивать публичное убийство, да еще и оставлять след, ведущий прямо к нему.

— След появился только потому, что Уинстон выяснил, *как* Авила был в последний момент добавлен в список гостей. Может, Хулиан рассчитывал, что никто никогда не узнает, кто нажал на курок.

Лэнгдон вынужден был признать, что в этом есть резон.

— Я никогда не обсуждала презентацию Эдмонда с Хулианом. — Амбра повернулась к Лэнгдону спиной. — Жених просил меня не участвовать. Я сказала, что мое участие будет минимальным — вся презентация записана заранее, а Эдмонд просто запустит ее со своего смартфона. — Она

сделала паузу. — Если они заметили, что мы взяли телефон Эдмонда, то прекрасно понимают: презентация по-прежнему может быть запущена. И я не представляю, как далеко Хулиан может зайти, чтобы это предотвратить.

Лэнгдон долго молчал, глядя на стоящую перед ним красивую женщину.

— Вы не доверяете жениху?

Амбра тяжело вздохнула:

— Беда в том, что я почти его не знаю.

— Как же вы согласилась выйти за него замуж?

— Да очень просто. Он не оставил мне выбора.

Прежде чем Лэнгдон успел что-то сказать, бетонная набережная задрожала под ногами, и под мостом, как в гроте, послышался гул. Он становился все громче, усиливаясь справа. Лэнгдон посмотрел туда и увидел надвигающийся темный силуэт — мощный катер с выключенными габаритными огнями. У бетонного парапета катер замедлил ход и остановился прямо перед ними.

Лэнгдон глядел на катер и качал головой. До этой минуты он все-таки не до конца доверял компьютерному гиду Эдмонда. Но увидев желтое речное такси, понял: лучшего помощника, чем Уинстон, трудно себе представить.

Капитан подал знак рукой, приглашая взойти на борт.

— Мне звонил ваш помощник, англичанин, — сказал капитан. — ВИП-клиент платит тройной тариф за… как это сказать… velocidad y discreción?[50] Все, как договаривались. Видите — никаких огней!

— Замечательно. Спасибо, — кивнул Лэнгдон. *Отличная работа, Уинстон: быстро и конфиденциально*.

Капитан протянул руку и помог Амбре подняться на борт. Она сразу ушла в каюту погреться.

— Значит, ВИП-клиент — это сеньорита Амбра Видаль. — Капитан улыбнулся Лэнгдону.

— Velocidad y discreción, — напомнил ему Лэнгдон.

— ¡Sí, sí![51] Конечно! — Капитан подошел к штурвалу и завел двигатель. Через мгновение мощный катер уже мчался на запад по темным водам реки Нервьон.

По левому борту Лэнгдон видел огромные темные окна музея Гуггенхайма, в которых отражались мигалки полицейских машин. Вверху

---

[50] Сноски: 50
Скорость и конфиденциальность (*исп.*).

[51] Сноски: 51
Да, да! (*исп.*)

уже кружил вертолет какой-то телекомпании.

Первая ласточка, подумал Лэнгдон.

Он достал из кармана брюк карточку с шифром, которую дал ему Эдмонд. Друг просил передать ее водителю такси, хотя вряд ли предполагал, что такси окажется речным.

— Наш друг, англичанин, — старался перекричать шум работающих двигателей Лэнгдон, — он сказал вам, куда мы направляемся?

— Да. Я предупредил его, что смогу доставить вас *почти* до места, и он ответил, что это нормально, метров триста вы пройдете пешком.

— Конечно. А далеко нам еще?

Водитель указал на автостраду вдоль правого берега реки:

— По дороге — семь километров, по реке — чуть больше.

Лэнгдон посмотрел на светящийся дорожный указатель на автостраде.

Он улыбнулся, вспомнив слова Эдмонда: *Это элементарный код, Роберт*. Эдмонд был прав. Когда Лэнгдон понял его значение, то даже расстроился, что сообразил не сразу.

BIO — действительно код, но такие коды легко расшифровывает каждый авиапассажир. В мире таких множество — BOS, LAX, JFK…

BIO — код аэропорта Бильбао.

После этого вторая составляющая кода на карточке Эдмонда расшифровалась мгновенно.

EC 346.

Личного самолета Эдмонда Лэнгдон никогда не видел, но знал о его существовании. И, без сомнения, бортовой номер самолета в испанском аэропорту начинается с буквы «E» — España.

EC 346 — это частный самолет.

Очевидно, катер следует в направлении аэропорта Бильбао. Там Лэнгдон покажет охранникам карточку Эдмонда, и их немедленно проведут к самолету.

Надеюсь, Уинстон предупредил пилотов о нашем прибытии, думал Лэнгдон, оглядываясь на оставшийся позади музей, который, уменьшаясь, исчезал за кормой. Он хотел пройти в каюту, но на свежем воздухе было хорошо, да и Амбре нужно побыть одной, прийти в себя.

Пожалуй, мне тоже не мешало бы побыть одному, подумал Лэнгдон и отправился на бак.

Стоя на носу корабля и чувствуя, как развеваются волосы на ветру, Лэнгдон снял галстук-бабочку и сунул в карман. Расстегнув верхнюю пуговицу тугого воротничка, вдохнул полной грудью летящий навстречу ночной прохладный воздух.

Эдмонд, подумал он, *что же ты натворил?*

Глава 33

Диего Гарза в бешенстве расхаживал по темным покоям принца Хулиана, слушая фарисейские разглагольствования епископа.

Не лезь куда не надо, хотелось кричать Гарзе. *Не суй нос в чужие дела!*

Опять епископ Вальдеспино вмешался в политику. Материализовавшись в апартаментах принца словно призрак, Вальдеспино, в полном церковном облачении, читал Хулиану страстную проповедь о важности испанских традиций, о непоколебимой вере королей в Бога, пронесенной сквозь века, и о благотворной роли церкви в трудные времена.

Нашел время, кипятился Гарза.

Сегодня принцу Хулиану предстояло провести деликатнейшую пиар-акцию, и самое последнее, что нужно Гарзе, — чтобы принца сбило с толку стремление Вальдеспино все подчинить интересам религии.

Очень кстати у Гарзы зазвонил телефон, прервав затянувшийся монолог епископа.

— Sí, dime, — громко ответил Гарза, становясь

между принцем и Вальдеспино. — ¿Qué tal va?[52]

— Командор, это агент Фонсека из Бильбао, — быстро заговорили в трубке по-испански. — К сожалению, нам не удалось отследить убийцу. Диспетчер компании, которой принадлежит машина, потерял с ней связь. Похоже, убийца предугадал наши действия.

Гарза постарался подавить приступ ярости и несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь сделать все возможное, чтобы по голосу присутствующие не догадались о его состоянии.

— Понимаю, — спокойно произнес он. — Сейчас самое важное — сеньорита Видаль. Принц ждет ее, и я заверил его, что она в скором времени будет во дворце.

На другом конце линии замолчали.

Тишина длилась слишком долго.

— Командор, — наконец заговорил Фонсека, и в его голосе сквозила неуверенность. — Простите, но у нас плохие новости. Судя по всему, сеньорита Видаль и американский профессор покинули здание. — Он сделал паузу. — Без нас.

Гарза едва не выронил телефон.

— Простите, не расслышал. Что вы сказали?

---

[52] Сноски: 52

— Да, говорите. Какие новости? (*исп.*)

— Сеньор, я сказал, что сеньорита Видаль и Роберт Лэнгдон бежали из музея. Сеньорита Видаль намеренно выбросила свой мобильный телефон, чтобы мы не смогли отследить ее. Мы не имеем представления, почему она так поступила.

У Гарзы вытянулось лицо. Он чувствовал на себе внимательный взгляд принца. Вальдеспино слегка подался вперед и, приподняв брови, прислушивался к разговору с нескрываемым интересом.

— Чудесно! — воскликнул Гарза и утвердительно закивал головой. — Прекрасная работа. С нетерпением жду вас. Давайте только уточним детали: транспорт, безопасность. Подождите, пожалуйста, минуту. — Гарза закрыл телефон рукой и улыбнулся принцу: — Все хорошо. Я выйду на секунду обсудить детали. Оставляю вас в приятном обществе.

На самом деле ему очень не хотелось оставлять принца наедине с Вальдеспино, но продолжать этот разговор в их присутствии было невозможно. Гарза прошел в одну из гостевых спален и закрыл за собой дверь.

— ¿Qué diablos ha pasado? — прошипел он в телефон. *Что там у вас происходит, черт возьми?*

События в изложении Фонсеки казались совер-

шенно невероятными.

— Значит, погас свет? — переспросил Гарза. — *Компьютер* представился сотрудницей службы безопасности музея и направил вас по ложному следу? И как прикажете это понимать?

— Сеньор, я согласен, поверить трудно, но все именно так и было. Самое непонятное, почему компьютер вдруг переметнулся на другую сторону.

— Кто переметнулся? Как может переметнуться железяка!

— Понимаете, сеньор, поначалу компьютер нам очень помогал — выяснил имя стрелка, пытался предотвратить убийство и даже вычислил автомобиль из «Убера», на котором уехал убийца. А потом вдруг стал действовать против нас. Единственное объяснение — ему что-то сказал Роберт Лэнгдон. Потому что именно после его разговора с Лэнгдоном все изменилось.

И теперь мы воюем с компьютером? Гарза почувствовал, что он слишком стар для этого быстро меняющегося мира.

— Думаю, нет необходимости объяснять вам, агент Фонсека, какой удар — и в личном плане, и в политическом — будет нанесен принцу, если станет известно, что его невеста сбежала с аме-

риканцем, а агентов Королевской гвардии, как последних лохов, развел какой-то компьютер.

— Мы все понимаем, сеньор.

— У вас есть хоть какие-то соображения, почему эта парочка решила сбежать? Они ведь очень сильно рискуют.

— Профессор Лэнгдон отрицательно отнесся к моему предложению поехать вместе с нами в Мадрид. Он ясно дал понять, что не собирается ехать.

И поэтому сбежал с места преступления? Гарза чувствовал: причина в чем-то *другом*. Но никак не мог понять — в чем.

— Слушайте меня внимательно. Жизненно важно выяснить местонахождение Амбры Видаль и доставить ее во дворец, прежде чем произойдет малейшая утечка информации.

— Я понимаю, командор. Но мы тут только вдвоем с Диасом. Мы не сможем прочесать весь Бильбао. Надо подключить местные власти, получить доступ к камерам дорожного наблюдения, поднять вертолеты, заручиться…

— Ни в коем случае! — прервал его Гарза. — Никакой огласки. Приказываю найти беглецов своими силами и доставить сеньориту Видаль во дворец как можно скорее.

— Есть, командор.

Гарза нажал отбой и с сомнением покачал головой.

Не успел он выйти из комнаты, как увидел бледную юную особу, которая неслась по коридору по направлению к нему. Девушка была в очках с толстенными стеклами, в бежевом брючном костюме и на ходу яростно тыкала пальцем в планшет.

Господи, подумал Гарза, *только не это. И не сейчас.*

Моника Мартин — «координатор по связям с общественностью», — недавно взятый в штат и самый молодой сотрудник, когда-либо работавший во дворце. Отвечая за связи с прессой, пиар-стратегию и сбор информации, она постоянно пребывала в состоянии полной боевой готовности. За свои двадцать шесть лет она успела окончить факультет журналистики Мадридского университета Комплутенсе, пройти двухгодичную стажировку в одной из лучших компьютерных школ мира — в Университете Цинхуа в Пекине, поработать высокопоставленным пиар-менеджером в крупнейшем издательском холдинге «Групо Планета» и директором по связям с общественностью испанской телесети

«Антенна-3».

В прошлом году в отчаянной попытке достучаться до испанской молодежи в цифровом пространстве и использовать растущее как на дрожжах влияние «Твиттера», «Фейсбука», блогосферы и онлайн-медиа королевский дворец уволил проверенного и опытного сотрудника, много лет курировавшего печатные средства массовой информации, и нанял эту технически продвинутую миллениалку[53].

Гарза знал, что Мартин появилась во дворце благодаря принцу Хулиану.

Назначение этой девицы — результат одного из немногих вмешательств принца в политику дворца, редкий случай, когда принц настоял на своем, несмотря на отцовское недовольство. Мартин считалась лучшей в своем деле, но Гарза с трудом выносил ее параноидально-истерическую напористость.

— Конспирологи, — кричала Мартин, размахивая планшетом, — они все выяснили!

Гарза с тоской посмотрел на пиарщицу. *Неужели она думает, что мне это интересно?* У Гарзы

---

[53] Сноски: 53

Миллениалы, или поколение Y (поколение «игрек», поколение «некст», «сетевое» поколение, миллениты), люди, родившиеся после 1981 г., глубоко вовлеченные в цифровые технологии.

сегодня хватало головной боли и без обсуждения бредовых конспирологических теорий.

— Потрудитесь объяснить, что вы делаете в королевской резиденции?

— Служба контроля засекла вас здесь по GPS. — Она указала на телефон Гарзы.

Гарза закрыл глаза и сделал глубокий вдох, пытаясь сдержать раздражение. В дополнение к вновь обретенному пиар-координатору во дворце недавно появилось «подразделение электронной безопасности», которое обеспечивало команду Гарзы GPS-сопровождением, а также занималось сбором информации в Сети, анализом персональных данных сотрудников и цифровой безопасностью. С каждым днем под началом Гарзы работало все больше странных молодых людей.

Наша служба контроля — какой-то студенческий компьютерный центр в университетском кампусе.

Новая технология, запущенная для сопровождения агентов Королевской гвардии, контролировала и самого Гарзу. Неприятно знать, что какие-то сопляки в подвале отслеживают каждый твой шаг.

— Я шла к вам. — Мартин протянула ему план-

шет. — Вы должны это увидеть.

Гарза быстро взял планшет и посмотрел на экран. Там было фото седобородого испанца и краткая биографическая справка на него, на убийцу из Бильбао — адмирала Королевского флота Луиса Авилу.

— Ходят самые ужасные слухи, — сказала Мартин, — а все из-за того, что Авила служил в подразделении, которое связано с королевской семьей.

— Авила служил *на флоте*! — прошипел Гарза.

— Да. Но формально король — главнокомандующий всеми вооруженными силами…

— Молчать! — оборвал Монику Гарза и сунул ей планшет. — Предположение, что король каким-то образом может быть связан с террористическим актом — абсурд, бред конспирологических придурков. Бред, совершенно недопустимый в создавшейся ситуации. Возьмите себя в руки и продолжайте выполнять свои обязанности. В конце концов, этот сумасшедший адмирал мог готовить покушение на будущую королеву, но промахнулся и застрелил атеиста-американца. Все обернулось к лучшему!

Но Моника не унималась:

— Тут есть еще кое-что, имеющее отношение к

королевской семье. Вы должны быть в курсе. — Говоря это, Мартин быстро чертила пальцами по экрану, переходя на другой сайт. — Это фото в Сети уже несколько дней, но никто не обращал на него внимания. После событий с Эдмондом Киршем оно непременно появится в выпусках новостей.

Она снова протянула Гарзе планшет.

Он прочел заголовок: «Последнее фото футуролога Эдмонда Кирша?».

На полуразмытой фотографии Кирш в темном костюме стоял на скале у самого края обрыва.

— Фотография сделана три дня назад, — пояснила Мартин, — когда Кирш приезжал в монастырь Монтсеррат. Какой-то рабочий узнал Кирша и сфотографировал. После убийства он выложил снимок в Сеть, возможно, как последнюю фотографию знаменитости.

— И каким образом это касается нас? — иронически спросил Гарза.

— Листайте дальше.

Гарза провел пальцем по экрану. Увидев фото, он отступил на шаг и прислонился спиной к стене.

— Этого… этого не может быть.

На экране была та же фотография, но целиком,

и было видно, что Эдмонд Кирш стоит рядом с высоким человеком в фиолетовой сутане. И этот человек — епископ Вальдеспино.

— Это факт, сеньор, — сказала Мартин. — Несколько дней назад Вальдеспино встречался с Киршем.

— Но… — На мгновение Гарза потерял дар речи. — Но почему епископ скрыл это? Учитывая то, что произошло сегодня…

Мартин согласно кивнула:

— Именно потому я и пришла к вам.

Вальдеспино встречался с Киршем! Это никак не укладывалось в голове Гарзы. *И епископ намеренно все скрывает!* Потрясающая новость. Надо немедленно предупредить принца.

— К несчастью, — продолжала девушка, — это еще не все. — Она снова принялась манипулировать с планшетом.

— Командор, — послышался из гостиной голос Вальдеспино, — как дела у сеньориты Видаль?

Моника посмотрела на Гарзу округлившимися от удивления глазами.

— Вальдеспино здесь? — прошептала она. — В королевской резиденции?

— Да. Наставляет принца.

— Командор! — снова позвал Вальдеспино. —

Где вы?

— Послушайте, — в панике прошептала Мартин, — есть информация, с которой вам необходимо ознакомиться, прежде чем вы хоть слово скажете епископу или принцу. Поверьте, сегодняшний кризис куда серьезнее, чем может показаться.

Гарза секунду смотрел на своего пиар-координатора и быстро принял решение:

— Ступайте в библиотеку, я буду через минуту.

Мартин, кивнув, исчезла.

Оставшись один, Гарза попытался максимально расслабиться, чтобы стереть с лица признаки гнева и тревоги. Надеясь, что ему это удалось, он не торопясь направился в гостиную.

— С сеньоритой Видаль все в порядке, — войдя, сказал он с улыбкой. — Она скоро будет здесь. Я приказал агенту лично сопроводить ее. — Он ободряюще кивнул Хулиану и обратился к епископу Вальдеспино: — Я скоро вернусь. Будьте добры, никуда не уходите.

С этими словами он повернулся и вышел.

* * *

Епископ Вальдеспино, нахмурясь, долго смотрел ему вслед.

— Что-то не так? — спросил принц, заметив озабоченность епископа.

— Не так, — ответил Вальдеспино и повернулся к принцу. — Я уже пятьдесят лет принимаю исповеди. И прекрасно знаю, когда мне лгут.

Глава 34

ConspiracyNet.com

СРОЧНЫЕ НОВОСТИ

БУРЯ В ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВЕ

После убийства Эдмонда Кирша многочисленные последователи футуролога пытаются ответить на два главных вопроса.

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ОТКРЫТИЕ КИРША?
КТО И ПОЧЕМУ ЕГО УБИЛ?

Заполонившие Интернет предположения о сути открытия крайне противоречивы: от дарвинизма до креационизма и инопланетян.
Неясны и мотивы убийства. В числе приоритетных версий: религиозная нетерпимость, промышленный шпионаж, ревность.

ConspiracyNet в самое ближайшее вре-

мя получит эксклюзивную информацию о киллере. Следите за лентой новостей.

Глава 35

Амбра Видаль стояла одна в кающе речного такси, запахнув накинутый на плечи фрак Роберта Лэнгдона. Когда профессор спросил, как она согласилась выйти замуж за человека, которого не знает, Амбра ответила честно.

Он не оставил мне выбора.

Помолвка с принцем — трагическая ошибка. После всего, что случилось сегодня, это окончательно ясно.

Он тогда поймал меня в западню.

Я и сейчас в западне.

Глядя на свое отражение в грязном иллюминаторе, она чувствовала себя бесконечно одинокой. Амбра Видаль никогда не жалела себя, но сейчас готова была заплакать. Она совершенно беззащитна. И брошена на произвол судьбы. *Я согласилась выйти замуж за человека, который причастен к жестокому убийству.*

Принц решил судьбу Эдмонда одним телефонным звонком за час до начала мероприятия. Амбра заканчивала последние приготовления перед появлением гостей, когда в ее кабинет,

отчаянно размахивая листком бумаги, ворвалась юная секретарша:

— ¡Señora Vidal! ¡Mensaje para usted![54]

Задыхаясь от возбуждения, она лепетала, что буквально минуту назад в приемную музея поступил чрезвычайно важный звонок.

— Определитель номера показал, что это из Королевского дворца Мадрида, — с придыханием говорила она. — Я, конечно, сняла трубку! Звонили из офиса принца Хулиана!

— Звонили в приемную? — спросила Амбра. — Но у них же есть мой номер.

— Помощник принца сказал, что пытался дозвониться вам на мобильный, — объяснила секретарша, — но ему не удалось.

Амбра проверила телефон. *Странно. Никаких пропущенных вызовов.* Потом она вспомнила, что техники только что тестировали систему подавления сотовой связи в музее, и помощник Хулиана мог звонить как раз в тот момент, когда ее телефон был недоступен.

— Принцу позвонил друг из Бильбао, очень важный человек, который хотел бы присутствовать на сегодняшнем мероприятии. — Девушка

---

[54] Сноски: 54

— Сеньора Видаль! Для вас сообщение! (*исп.*)

протянула Амбре листок. — Он просил включить его в список гостей.

Амбра посмотрела на листок.

Almirante Luis Avila (ret.)
Armada Española[55]

Отставной адмирал Военно-морских сил Испании?

— Помощник оставил телефон. Вы можете перезвонить и уточнить детали, но у принца Хулиана сейчас начнется встреча, так что он может быть недоступен. Помощник сказал, принц надеется, что своей просьбой не поставит вас в неудобное положение.

Неудобное положение? — раздраженно подумала Амбра. *И это после всего, что мне пришлось пережить по его милости?*

— Я позабочусь об этом, — сказала она. — Спасибо.

Юное создание упорхнуло в упоении, словно только что выполнило поручение самого Господа Бога. Амбра смотрела на бумажку с нескрываемым раздражением. Принц считает возможным вот так беспардонно пользоваться своим положе-

---

[55] Сноски: 55
Адмирал Луис Авила (в отставке). ВМФ Испании (*исп.*).

нием, несмотря на то что решительно возражал против ее участия в этом мероприятии.

Ты опять не оставляешь мне выбора, подумала она.

Если она проигнорирует просьбу принца, то на входе в музей разыграется неприятная сцена между охраной и заслуженным морским офицером. Сегодняшнее мероприятие продумано до мелочей и вызывает беспрецедентный интерес СМИ. Не хватало только публичного скандала с высокопоставленным другом Хулиана.

Авилу не проверяла служба безопасности, он не входил в «чистый» список. Но начинать проверку было уже поздно, а кроме того, оскорбительно для адмирала. В конце концов, если он смог запросто позвонить во дворец и попросить будущего короля об услуге, то это явно не случайный человек.

Не имея времени для размышлений, Амбра приняла единственно возможное решение. Она вписала адмирала Авилу в список гостей на входе и добавила в базу данных дистанционных экскурсий, чтобы ему активировали персональную гарнитуру.

Затем она вернулась к своим делам.

И вот Эдмонд мертв, думала Амбра, стоя в темной каюте речного такси. Она попыталась

отвлечься от горьких воспоминаний, и вдруг ей в голову пришла странная мысль.

Я ведь не говорила с Хулианом… все делалось через третьих лиц.

Забрезжил слабый лучик надежды.

А вдруг Роберт прав? Что, если Хулиан к этому не причастен?

Она на минуту задумалась и быстро вышла из каюты.

Американский профессор одиноко стоял на носу катера, опершись на релинг, и смотрел вперед. Амбра подошла и встала рядом. Катер уже вышел из главного русла реки Нервьон и мчался на север по узкой протоке, похожей, скорее, на тесный канал с отвесными глинистыми берегами. Мелководье и почти сомкнувшиеся высокие берега пугали Амбру, но капитан невозмутимо вел судно на максимальной скорости, освещая путь мощными носовыми огнями.

Она рассказала Лэнгдону о звонке из офиса принца.

— Известно только, что звонок в приемную музея пришел из Королевского дворца Мадрида. В принципе мог позвонить любой и назваться помощником Хулиана.

Лэнгдон кивнул:

— Потому и звонили не вам лично, а в приемную, чтобы эту просьбу *передали*. Кто бы это мог быть? — Сам Лэнгдон, учитывая историю Эдмонда и Вальдеспино, склонялся к тому, что это епископ.

— Кто угодно, — сказала Амбра. — Сейчас во дворце разброд и шатания. Власть переходит к Хулиану, и старые советники из кожи вон лезут, чтобы снискать благосклонность принца. Страна меняется, и, думаю, многие из старой гвардии не хотят потерять влияние.

— Но кто бы ни были эти люди, — сказал Лэнгдон, — надеюсь, они пока не в курсе, что мы хотим найти пароль и обнародовать открытие Эдмонда.

Лэнгдон вдруг понял простой и опасный смысл собственных слов.

Ему стало страшно.

Эдмонда убили, чтобы похоронить его открытие.

На мгновение мелькнула мысль: а может, взять и улететь домой — и пусть все идет свои чередом.

Это, конечно, безопаснее, подумал он, *но вряд ли реально.*

Во-первых, долг перед любимым учеником, во-

вторых, нельзя позволять вот так, нагло, лишать человечество великих открытий. И потом, страшно интересно, что же такое открыл Эдмонд.

И, наконец, подумал Лэнгдон, *Амбра Видаль*.

Она явно в беде. Когда Амбра смотрела ему в глаза и просила о помощи, Лэнгдон видел, что в душе этой сильной и самостоятельной женщины сгустились тучи страха и отчаяния. *Тут какая-то тайна,* подсказывала ему интуиция, *ее что-то гнетет. И она нуждается в помощи*.

Амбра вдруг посмотрела на него, словно угадав его мысли.

— Вы замерзли, — сказала она. — Возьмите свой фрак.

Он мягко улыбнулся:

— Все нормально.

— Думаете, не улететь ли из Испании, когда приедем в аэропорт?

Лэнгдон засмеялся:

— Вы читаете мои мысли.

— Пожалуйста, не улетайте. — Она накрыла его руку своей. — Одной мне не справиться. Вы были близким другом Эдмонда, он часто говорил, как ценит вашу дружбу и как важно для него ваше мнение. Мне страшно, Роберт. Не оставляйте меня.

Ее искренность и беззащитность обезоруживали. И очаровывали.

— Хорошо, — кивнул он. — Ради Эдмонда. И, если честно, ради всего человечества. Мы должны найти пароль и сделать открытие всеобщим достоянием.

Амбра улыбнулась:

— Спасибо, Роберт.

Лэнгдон оглянулся:

— Думаю, агенты Королевской гвардии уже в курсе, что мы сбежали из музея.

— Конечно. Но, согласитесь, Уинстон был хорош.

— Бесподобен, — ответил Лэнгдон, только сейчас начиная понимать, что Эдмонд совершил настоящий квантовый скачок в развитии искусственного интеллекта. И какими бы ни были «патентованные новейшие технологии» Эдмонда, но он действительно прорвался в «прекрасный новый мир» взаимодействия человека и компьютера.

Сегодня Уинстон доказал преданность своему создателю и оказался бесценным помощником. В считанные минуты он обнаружил подозрительного гостя в списке приглашенных, попытался предотвратить убийство Эдмонда, определил ма-

шину, на которой скрылся убийца, и обеспечил побег Лэнгдона и Амбры из музея.

— Будем надеяться, Уинстон предупредил пилотов Эдмонда, — сказал Лэнгдон.

— Я в этом абсолютно уверена. Но вы правы: надо позвонить ему на всякий случай.

— Не понял, — удивился Лэнгдон. — Вы можете позвонить Уинстону? Но вне музея… Мы же вне зоны действия…

Амбра засмеялась и покачала головой:

— Роберт, физически Уинстон находится не в музее Гуггенхайма. Компьютер установлен в секретном, хорошо защищенном месте и работает удаленно. Неужели вы думаете, что Эдмонд создал такую систему, как Уинстон, и не предусмотрел возможности связаться с ней из любой точки мира и в любое время? Эдмонд разговаривал с Уинстоном постоянно — дома, в самолете, на прогулке, — они все время были на связи, достаточно просто набрать телефонный номер. Эдмонд часами болтал с Уинстоном. Тот был ему и секретарем — заказывал столики в ресторанах, давал указания пилотам, вообще делал все, что нужно. Во время подготовки мероприятия я и сама частенько с ним общалась по телефону.

Амбра достала из внутреннего кармана фра-

ка Лэнгдона бирюзовый смартфон Эдмонда и включила его. Тогда в музее Лэнгдон выключил телефон, чтобы не сел аккумулятор.

— Включите свой телефон, — попросила она, — и мы *оба* сможем разговаривать с Уинстоном.

— А вы уверены, что нас не отследят по телефонам?

Амбра покачала головой:

— Думаю, полиция просто не успела получить разрешение суда на слежку. Так что есть смысл рискнуть. Узнаем, как дела у агентов Королевской гвардии и какова ситуация в аэропорту.

Лэнгдон с опаской включил свой телефон и ждал, пока он загрузится. Увидев привычную заставку, почувствовал себя голым и беззащитным: казалось, сейчас каждый спутник в космосе определяет его местоположение.

Надо меньше смотреть шпионских фильмов, сказал он себе.

В это мгновение телефон запищал и завибрировал, уведомляя о полученных за вечер сообщениях. Лэнгдон был поражен: с того момента, как он выключил телефон, ему пришло больше двухсот эсэмэс и электронных писем.

В электронной почте были письма от друзей и коллег. Сначала шли поздравления: *Прекрасная*

лекция! Как ты там оказался? Потом вдруг тон изменился — появился страх и тревога. Вот письмо от его редактора Джонаса Фокмана: ГОСПОДИ, РОБЕРТ, КАК ТЫ??!! Лэнгдон впервые видел, чтобы его научный редактор писал все слова заглавными буквами и ставил столько восклицательных и вопросительных знаков.

До сих пор Лэнгдону казалось, что он невидим и неуязвим в темноте узкой протоки, и все, что случилось в музее, представлялось дурным сном.

Но ведь за ситуацией следит весь мир, дошло до него вдруг. *Новость о сенсационном открытии Кирша и его жестоком убийстве… И все время в кадре мое имя и мое лицо.*

— Уинстон пытается связаться с нами, — сказала Амбра, глядя на экран смартфона Эдмонда. — За последние полчаса на этот телефон звонили пятьдесят три раза с одного и того же номера с интервалом в тридцать секунд. — Она усмехнулась. — Неутомимая настойчивость — одна из добродетелей Уинстона.

В этот момент телефон Эдмонда зазвонил.

Лэнгдон улыбнулся Амбре:

— Интересно, кто бы это мог быть?

Она протянула ему смартфон:

— Ответьте.

Лэнгдон взял телефон и включил громкую связь:

— Алло.

— Профессор Лэнгдон, — провозгласил знакомый голос с британским акцентом. — Рад слышать вас. Никак не могу дозвониться.

— Да, мы поняли, — ответил Лэнгдон, мысленно удивляясь совершенно спокойному и невозмутимому тону Уинстона после пятидесяти трех неотвеченных звонков.

— Ситуация постоянно меняется, — сообщил Уинстон, — есть вероятность, что службы аэропорта могут поднять тревогу при вашем появлении. Поэтому прошу вас четко следовать моим указаниям.

— Слушаем и повинуемся, Уинстон, — ответил Лэнгдон. — Говори, что делать.

— Во-первых, профессор, — сказал Уинстон, — если вы еще не выбросили свой телефон, сделайте это немедленно.

— Правда? — Лэнгдон инстинктивно сжал в руке собственный смартфон. — Но пока власти получат разрешение суда на…

— Это актуально для шоу про образцовых американских копов, а вы имеете дело с Королевской гвардией и дворцом. Они действуют без промед-

ления.

Лэнгдон с жалостью посмотрел на свой телефон. *Тяжело с ним расставаться. Тут вся моя жизнь.*

— А как же телефон Эдмонда? — встревоженно спросила Амбра.

— Его невозможно отследить, — ответил Уинстон. — Защита от хакеров и промышленного шпионажа — пунктик Эдмонда. Он лично написал программу, которая экранирует IMEI/IMSI[56] и постоянно меняет параметры системы безопасности C2, чтобы исключить любое проникновение взломщика со стороны GSM[57].

Естественно, подумал Лэнгдон. *Для гения, который создал Уинстона, переиграть местную сотовую компанию — пара пустяков.*

Он с тоской посмотрел на свой смартфон, который не защитил никакой компьютерный гений. Амбра протянула руку, мягко взяла его у Лэнгдона и, не говоря ни слова, бросила за борт. Телефон с легким всплеском навсегда исчез в темных водах реки Нервьон. Лэнгдон, чувствуя боль утраты,

---

[56] Сноски: 56

Международный идентификатор мобильного оборудования / Международный идентификатор мобильного абонента.

[57] Сноски: 57

Глобальный стандарт цифровой мобильной сотовой связи.

печально проводил его взглядом.

— Роберт, — прошептала Амбра, — помните мудрые слова принцессы Эльзы[58] из диснеевского фильма?

Лэнгдон удивленно посмотрел на нее:

— Что вы имеете в виду?

Амбра улыбнулась:

— «Отпусти и забудь».

[58] Сноски: 58

Принцесса Эльза — главная героиня анимационного фильма студии «Дисней» «Холодное сердце».

Глава 36

— Su misión todavía no ha terminado, — прозвучал голос в телефоне Авилы. *Ваша миссия еще не закончена.*

Авила на заднем сиденье такси «Убер» внимательно слушал новые указания.

— Возникли непредвиденные осложнения, — быстро говорили ему по-испански. — Вам необходимо направиться в Барселону. Немедленно.

В Барселону? Авила должен был ехать в Мадрид и ждать дальнейших указаний там.

— Есть все основания считать, — продолжал его собеседник, — что два единомышленника мистера Кирша направляются в Барселону с целью найти способ для запуска презентации Кирша дистанционно.

Авила насторожился:

— Разве такое возможно?

— Мы до конца не уверены, но, если им это удастся, работа, уже сделанная вами, потеряет смысл. Нам срочно нужен человек в Барселоне. Под прикрытием. Добирайтесь туда как можно скорее и сразу позвоните.

На этом разговор закончился.

Как ни странно, плохие новости отчасти порадовали Авилу. *Я еще нужен.* До Барселоны дальше, чем до Мадрида, но все равно — с хорошей скоростью это несколько часов по пустым ночным автострадам. Не теряя ни минуты, Авила достал пистолет и приставил к затылку водителя. У того задрожали руки на руле.

— Llévame a Barcelona[59], — скомандовал Авила.

Таксист на первой же развязке съехал с трассы в направлении города Витория-Гастейс и вскоре уже мчался по магистрали А-1 на восток. В этот час на дороге встречались только огромные фуры, которые спешили доставить груз в Памплону, Уэску, Льейду и, наконец, в один из самых больших портовых городов на Средиземном море — Барселону.

Авила до сих пор не мог полностью поверить в странную череду событий, которые происходили с ним в последнее время. *Из глубины беспросветного отчаяния я вознесся к моей великой миссии.*

На мгновение он снова провалился в страшную яму воспоминаний, когда в дыму, окутавшем

---

[59] Сноски: 59
Едем в Барселону (*исп.*).

кафедральный собор Севильи, он в отчаянии смотрел на залитый кровью каменный пол, туда, где только что были его жена и сын, понимая, что их больше нет.

Несколько недель после взрыва в соборе Авила не выходил из дома. Он лежал на кровати, его била дрожь, мучили бесконечные кошмары: огненные демоны тащили его в мрачную бездну, где было только отчаяние, мрак, бессильный гнев и удушающее чувство вины.

— Эта бездна — чистилище, — шептала ему монашка, одна из сотен штатных утешительниц, которых церковь направила к выжившим в той страшной трагедии. — Ваша душа заключена в темном каземате. Единственное спасение — прощение. Вы должны найти в себе силы и простить тех, кто совершил это страшное зло, иначе гнев дотла выжжет вас изнутри. — Она осеняла себя крестным знамением. — Всепрощение — ваше единственное спасение.

Всепрощение? Авила даже не мог говорить — демоны сжимали ему горло. В эту минуту слепая жажда мести казалась ему единственным спасением. *Но месть — кому?* Никто так и не взял на себя ответственность за взрыв в соборе.

— Кажется, что акт религиозного терроризма

невозможно простить, — говорила монашка. — Но вспомним, что творила на протяжении веков инквизиция во имя Господне. Под знаменем веры мы убивали невинных женщин и детей. За это мы должны были просить прощения у мира и у своей паствы. Но прошло время, и мы исцелились.

Потом она читала ему из Библии: «…не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую…[60] Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас[61]».

В ту ночь Авила в одиночестве стоял перед зеркалом. Оттуда на него смотрел незнакомец. Этому человеку слова монашки не принесли утешения.

Простить? Подставить другую щеку?

Я столкнулся с таким злом, которому нет прощения.

В приступе ярости Авила ударил кулаком по зеркалу. Посыпались осколки, и он в мучительных рыданиях повалился на пол ванной комнаты.

Во время службы на флоте Авила отличался

---

[60] Сноски: 60
Евангелие от Матфея, 5:39.

[61] Сноски: 61
Евангелие от Матфея, 5:44.

удивительным самообладанием, был примером дисциплинированности, выдержанности, верности чести и долгу. Но того человека больше не было. Неделю за неделей Авила проводил в тумане, глуша горе алкоголем и успокоительными. И вскоре дошел до состояния, когда без отупляющего действия таблеток не мог прожить и часа. Всякий контакт с людьми будил в нем злобу.

Через несколько месяцев флотское начальство без лишнего шума отправило его в отставку. Боевой корабль оказался в сухом доке. Флот, которому Авила отдал всю свою жизнь, выделил ему скудную пенсию, которая едва позволяла сводить концы с концами.

Мне пятьдесят восемь, думал он. *У меня нет ничего*.

Он целыми днями сидел в гостиной, смотрел телевизор, пил водку и ждал хоть какого-то луча света. *La hora más oscura es justo antes del amanecer*[62], снова и снова повторял он себе. Но старое доброе морское правило не работало. *Не всегда после самого темного часа наступает рассвет*, вдруг понял он. Никакого рассвета не будет.

---

[62] Сноски: 62
Самый темный час бывает перед рассветом (*исп.*).

Дождливым утром в свой пятьдесят девятый день рождения, пришедшийся на четверг, глядя на пустую бутылку водки и на уведомление о выселении за неуплату, Авила собрался с духом, достал из шкафа табельный пистолет, зарядил его и приставил к виску.

— Perdóname[63], — прошептал он, закрыв глаза. И нажал на спусковой крючок. Звук оказался каким-то очень тихим. Щелчок, а не выстрел. Ко всему прочему и пистолет отказался стрелять. Дали знать о себе годы, проведенные дешевым парадным пистолетом без чистки в пыльном шкафу. Даже на этот шаг, в сущности трусливый, Авила оказался не способен. В бешенстве он направил пистолет в стену. На этот раз прозвучал оглушительный выстрел. Авила почувствовал, как его икру словно обожгло, и пьяный туман в голове на мгновение сменился вспышкой невыносимой боли. Визжа, он упал на пол и схватился за ногу, из которой текла кровь.

Перепуганные соседи колотили в дверь, выли полицейские сирены, и вскоре Авила оказался в областной больнице Севильи Сан-Лазар, где ему пришлось давать объяснения, каким образом,

---

[63] Сноски: 63
Прости меня (*исп.*).

пытаясь покончить с собой, он прострелил себе ногу.

На следующее утро в палате, где лежал униженный и оскорбленный адмирал, появился посетитель.

— Вы плохой стрелок, — сказал молодой человек. — Неудивительно, что вас отправили в отставку.

Прежде чем Авила успел ответить, посетитель раздвинул шторы, и палату залило солнечным светом. Авила зажмурился, а когда вновь открыл глаза, заметил, что парень накачанный, с хорошо развитой мускулатурой. На нем была футболка, а на футболке — лик Иисуса Христа.

— Меня зовут Марко, — сказал он с андалузским акцентом. — Я ваш инструктор по реабилитации. Я сам попросился к вам, потому что нас кое-что связывает.

— Служил? — спросил Авила, заметив его отрывистую манеру говорить.

— Нет. — Парень пристально посмотрел на Авилу. — Я тоже был там в воскресенье. В соборе. Во время террористической атаки.

Авила с недоверием посмотрел на него:

— Ты был *там*?

Парень закатал штанину и показал протез.

— Понимаю, вы прошли через ад. А я вот играл в футбол, меня брали в профессиональную команду. Так что не ждите от меня большого сочувствия. Я считаю, Бог помогает тем, кто способен помочь себе сам.

Авила не успел опомниться, как Марко посадил его в инвалидную коляску, привез в небольшой тренажерный зал и поместил между параллельными брусьями.

— Будет больно, — предупредил он, — но надо попытаться дойти до конца. Дойдете и отправитесь на завтрак.

Боль была невыносимой, но жаловаться одноногому не поворачивался язык, и Авила, стараясь максимально помогать себе руками, кое-как дотянул до противоположного конца брусьев.

— Отлично, — сказал Марко. — Теперь обратно.

— Но ты же сказал…

— Да, сказал. Но соврал. Давайте обратно.

Авила с удивлением посмотрел на Марко. Адмиралом уже так давно никто не командовал, что ему стало даже интересно. Это заставило его снова почувствовать себя молодым — как в те далекие годы, когда он был зеленым новобранцем. Авила повернулся кругом и заковылял обратно.

— Скажите, — спросил Марко, — вы посещаете службы в кафедральном соборе?

— Нет.

— Страх?

Авила покачал головой:

— Ненависть.

Марко рассмеялся:

— Понятно. Небось монашки советовали простить террористов?

Авила замер на брусьях.

— Точно.

— Мне тоже советовали. Я пытался. Не получилось. — Он усмехнулся. — Монашки давали нам плохие советы.

Авила посмотрел на лик Христа на футболке.

— Но ты, судя по всему, по-прежнему…

— Конечно. Я христианин. Еще более истовый, чем прежде. Мне посчастливилось найти свое дело — помогать жертвам врагов Господа.

— Благородное дело, — с завистью сказал Авила. Его собственная жизнь без семьи и флота лишилась всякого смысла.

— Великий человек возвратил меня к Богу, — сказал Марко. — И, между прочим, этот человек — папа. Я много раз встречался с ним лично.

— Не понял. С папой римским?

— Ну да.

— С…главой католической церкви?

— Да. Если хотите, могу и вам устроить аудиенцию.

Авила смотрел на парня, как на сумасшедшего:

— Ты можешь устроить мне аудиенцию у папы?

Марко, похоже, обиделся.

— Понимаю, вы большая шишка, адмирал и все такое. Вам трудно представить, что какой-то инструкторишка из Севильи имеет доступ к викарию Иисуса Христа. Но я не вру, я могу устроить вам встречу с ним. Возможно, он и вам поможет вернуться в церковь, как мне.

Авила повис на брусьях, совершенно не представляя, что на это ответить. Он боготворил тогдашнего папу — непреклонного консервативного лидера, строгого традиционалиста. К несчастью, на него ополчился весь современный мир, и ходили слухи, что скоро под давлением либералов он будет вынужден покинуть свой пост.

— Для меня, конечно, большая честь встретиться с ним, но…

— Хорошо, — прервал его Марко. — Постараюсь завтра это устроить.

У Авилы не укладывалось в голове, что на следующий день он окажется в святая святых, с глазу на глаз с великим человеком, который с высоты своего авторитета преподаст ему самый главный в жизни урок веры.

Путей спасения много.

Всепрощение — не единственный путь.

Глава 37

Библиотека на первом этаже Королевского дворца Мадрида представляет собой череду пышно декорированных залов, в которых хранятся тысячи бесценных томов, включая украшенный миниатюрами «Часослов» королевы Изабеллы, личные Библии нескольких королей и свод законов времен Альфонсо XI в кованом окладе.

Гарза почти бегом ворвался в библиотеку, не желая надолго оставлять принца наверху в лапах Вальдеспино. Он до сих пор не мог осмыслить новость, что всего три дня назад епископ встречался с Эдмондом Киршем и никому об этом не сказал. *Даже после сегодняшней презентации и убийства Кирша.*

Гарза шел по просторному полутемному залу библиотеки к пиар-координатору Монике Мартин. Она ждала его со светящимся в полумраке планшетом.

— Понимаю, сеньор, вы заняты, — сказала Мартин, — но сейчас дорога каждая минута. Я поднялась к вам наверх, потому что наш центр безопасности получил очень тревожное элек-

тронное письмо от ConspiracyNet.com.

— От *кого*?

— ConspiracyNet — популярный конспирологический сайт. Там любят дешевку, пишут на школьном уровне, но у них миллионы читателей. Это не фейковые новости, у сайта вполне приличная репутация в конспирологическом сообществе.

С точки зрения Гарзы, «приличная репутация» и «конспирологическое сообщество» были понятиями взаимоисключающими.

— Они весь вечер мониторят ситуацию с Киршем, — продолжала Мартин. — Не знаю, откуда у них информация, но они давно стали важным ресурсом для новостных блогеров и конспирологов. Даже серьезные сетевые издания следят за их последними новостями.

— Давайте к делу, — поторопил ее Гарза.

— У ConspiracyNet есть новая информация, касающаяся королевского дворца, — сказала Мартин, поправляя очки. — Они пока придерживают публикацию новости — дают нам возможность ее прокомментировать. У нас десять минут.

Гарза с недоверием посмотрел на нее:

— Королевский дворец не комментирует сплетни охочих до сенсаций конспирологов.

— Взгляните на это, сеньор. — И Мартин протянула ему планшет.

Гарза опять увидел снимок адмирала Луиса Авилы. Фото довольно размытое, похоже, сделанное случайно. Авила в парадном белом мундире идет на фоне какой-то картины. Все выглядело так, будто посетитель музея хотел сфотографировать картину, и в этот момент Авила случайно попал в кадр.

— Я знаю, как выглядит Авила, — раздраженно сказал Гарза. Ему не терпелось вернуться к принцу и Вальдеспино. — Зачем вы мне это показываете?

— Пролистайте, пожалуйста.

Гарза провел пальцем по экрану. Увеличенный фрагмент правой руки адмирала. Гарза сразу увидел знак на ладони Авилы. Судя по всему, татуировка.

Довольно долго, не произнося ни слова, Гарза

смотрел на татуировку. Он прекрасно знал, что это за символ. Как и многие испанцы старшего поколения.

Символ Франко.

Широко распространенный в Испании середины двадцатого века, этот символ ассоциировался с ультраконсервативной диктатурой генерала Франсиско Франко, чей жестокий режим основывался на национализме, авторитаризме, милитаризме, антилиберализме и патриотически ориентированном католицизме.

Древний символ состоял из шести букв, которые образовывали латинское слово — слово, которое идеально определяло то, каким видел сам себя Франко:

Victor[64].

Беспощадный, жестокий, не признающий компромиссов, Франсиско Франко пришел к власти при поддержке итальянского фашиста Муссолини и немецких нацистов. Он тысячами уничтожал противников, пока наконец в 1939 году не получил полный контроль над страной и не провозгласил себя El Caudillo — что было испанским эквивалентом «фюрера». Во время

---

[64] Сноски: 64
Победитель (*лат.*).

Гражданской войны и в первые годы диктатуры каждый, кто отваживался выступить против Франко, попадал в концлагерь. По некоторым данным, только в лагерях было казнено более трехсот тысяч человек.

Выставляя себя защитником «католической Испании» и врагом «безбожного коммунизма», Франко придерживался строгих патриархальных взглядов, официально ограничивая роль женщин в общественной жизни. Он запрещал им преподавать, работать судьями, банковскими служащими. Запрещал уходить из семьи, даже если они подвергались домашнему насилию. Он аннулировал все браки, которые не были освящены католической церковью, и кроме прочих ограничений ввел запреты на разводы, контрацепцию, аборты и гомосексуализм.

К счастью, со временем многое изменилось.

Но все равно Гарзу поражало, как быстро испанцы забыли один из самых темных периодов своей истории.

Компромиссный pacto de olvido[65] — принятое в стране решение «забыть» все, что было во времена Франко, — привел к тому, что в шко-

[65] Сноски: 65
Пакт забвения (*исп.*).

лах детям почти не рассказывали о диктаторе. Опросы показали, что в современной Испании подростки больше знают об актере Джеймсе Франко, чем о диктаторе Франсиско Франко.

Старшие поколения, конечно, прекрасно помнят этот символ. До сих пор символ Victor, как нацистская свастика, внушает страх тем, кому есть что вспомнить о тех суровых временах. Сегодня некоторые прозорливые люди предупреждают, что в высших эшелонах испанской власти и католической церкви свили гнезда тайные сторонники Франко — скрытое братство традиционалистов, поклявшихся вернуть Испанию к крайне правому политическому курсу.

Гарза вынужден был признать, что много «бывших», наблюдая хаос и духовную апатию, царящие в современной Испании, считают, что страну можно спасти, только если укрепить позиции государственной религии, ввести авторитарное правление и заставить общество придерживаться строгих моральных норм.

Посмотрите на нашу молодежь, кричат они, *она же брошена на произвол судьбы!*

В последние месяцы, в связи с грядущим восшествием на престол относительно молодого принца Хулиана, среди традиционалистов все

больше росли опасения, что скоро и сам королевский дворец может стать инициатором прогрессивных перемен в обществе. Масла в огонь подлила помолвка принца с Амброй Видаль: она была не только из Страны Басков, но и открыто заявляла о своем агностицизме. Став королевой, она, конечно, не преминет употребить свое влияние на принца в делах церковных и государственных.

Опасное время, думал Гарза, *переходный момент между прошлым и будущим.*

В дополнение к углубляющимся религиозным разногласиям Испания стояла и перед политическим выбором. Оставаться ли ей монархией? Или навсегда отказаться от королевской власти, как сделали Австрия, Венгрия и многие другие страны Европы? Время покажет. Пожилые традиционалисты выходили на улицы с испанскими государственными флагами, а молодежь предпочитала антимонархические цвета — фиолетовый, желтый и красный, — цвета старого республиканского знамени.

Хулиан унаследует пороховую бочку.

— Увидев франкистскую татуировку, — сказала Моника Мартин, снова привлекая внимание Гарзы к планшету, — я поначалу подумала,

что ее специально нарисовали в фотошопе для «прикола» — чтобы нагнать волну. Все конспирологические сайты воюют за трафик, и если здесь замешаны франкисты, это вызовет повышенный интерес. Прибавьте сюда, что презентация Кирша явно бьет по христианству.

Гарза мысленно согласился с Мартин. *Конспирологи придут в восторг от всего этого.*

Мартин кивнула, глядя на планшет:

— Прочтите комментарий, который они собираются опубликовать.

Не ожидая ничего хорошего, Гарза взглянул на довольно большой текст под фотографией.

ConspiracyNet.com

Эдмонд Кирш: последние новости

Несмотря на то что сейчас главной причиной убийства Эдмонда Кирша считается религиозный фанатизм, наличие франкистского символа предполагает и политический мотив убийства. Консервативные круги в высших эшелонах испанского правительства, возможно, даже в самом королевском дворце, ведут борьбу за власть в условиях политического

вакуума, вызванного недееспособностью короля и его неотвратимо надвигающейся смертью…

— Это отвратительно, — резко бросил Гарза, не желая читать дальше. — И все из-за одной татуировки? Ерунда. За исключением присутствия на мероприятии Амбры Видаль, ситуация никак не связана с королевским дворцом. Без комментариев.

— Сеньор, — продолжала настаивать Мартин, — если вы дочитаете до конца, то увидите — эти люди пытаются связать адмирала Авилу и епископа Вальдеспино. Они предполагают, что епископ может быть тайным франкистом, который долгие годы, имея влияние на короля, препятствовал прогрессивным реформам в стране. — Она сделала паузу. — Утверждение голословное, тем не менее оно привлечет большое внимание.

В который раз Гарза не знал, что сказать. Он перестал понимать мир, в котором ему приходится жить.

Фейковые новости значат куда больше, чем настоящие.

Гарза, глядя Монике Мартин в глаза, старался

говорить как можно спокойнее:

— Моника, это все выдумки блогеров — так они развлекаются. Уверяю вас, Вальдеспино не франкист. Он многие десятилетия служит королю верой и правдой и никак не связан с убийцей — поклонником Франко. Дворец никак не будет комментировать это. Я понятно выражаюсь?

Гарза повернулся и пошел к выходу, ему не терпелось вернуться к принцу и Вальдеспино.

— Сеньор, подождите. — Мартин догнала его и схватила за руку.

Гарза остановился, бросив удивленный взгляд на руку молодой подчиненной на своем рукаве.

Мартин мгновенно отдернула руку.

— Простите, сеньор. Но из ConspiracyNet нам еще прислали запись телефонного разговора в Будапеште. — Толстые стекла очков чуть запотели, она нервно моргала. — Эта запись вам совсем не понравится.

Глава 38

Моего босса убили.

Капитан Джош Зигель выводил «Гольфстрим-G550» Эдмонда Кирша на взлетную полосу аэропорта Бильбао. Руки на штурвале дрожали.

Я не готов лететь, думал он, понимая, что второй пилот тоже не в лучшей форме.

Зигель уже много лет управлял личным самолетом Эдмонда Кирша, и жуткое убийство Эдмонда повергло его в настоящий шок. Час назад со вторым пилотом они сидели в ВИП-зале аэропорта и смотрели прямую трансляцию из музея Гуггенхайма.

— Как все это в духе Эдмонда, — улыбался Зигель, в который раз восхищаясь умением босса привлечь внимание толпы. Трансляция шла, и он поймал себя на том, что, как и все в зале, не может оторваться от экрана. И вдруг — выстрел и страшный финал.

Зигель и второй пилот долго не могли прийти в себя. Они тупо смотрели в экран телевизора, где один экстренный выпуск новостей сменялся другим, и не знали, что теперь делать.

Минут через десять у Зигеля зазвонил телефон. Это был помощник Эдмонда Уинстон. Зигель никогда не встречался с ним лично, и, хотя этот британец был слегка с приветом, Зигель уже привык согласовывать с ним все перелеты босса.

— Если вы еще не смотрели телевизор, — начал Уинстон, — вам следует немедленно его включить.

— Мы все видели, — ответил Зигель. — Кошмар.

— Нам надо перегнать самолет в Барселону, — произнес Уинстон спокойным деловым тоном, словно ничего и не произошло. — Приготовьтесь к взлету, я скоро перезвоню. Пожалуйста, не взлетайте до моего звонка.

Зигель понятия не имел, на каком основании Уинстон продолжает отдавать приказы, но сейчас был просто рад тому, что кто-то продолжает это делать.

Получив приказ Уинстона, пилоты подали запрос на вылет в Барселону без пассажиров на борту — очередной «порожняк», увы, столь типичный для бизнес-авиации. Потом пошли в ангар и начали готовить самолет.

Уинстон перезвонил через полчаса:

— Вы готовы к взлету?

— Готовы.

— Отлично. Взлетаете, как обычно, с восточной полосы?

— Верно. — Зигеля иногда раздражало, что этот Уинстон подозрительно много знает.

— Пожалуйста, запросите у диспетчеров взлет. Дорулите до конца летного поля, но на полосу *не* въезжайте.

— Но мы перекроем всем путь.

— Только на несколько минут. Ждите моих указаний там.

Пилоты удивленно переглянулись. Указания Уинстона были абсолютно бессмысленными.

Диспетчерской это явно не понравится.

Тем не менее Зигель вывел самолет из ангара и привычным путем двинулся к началу взлетной полосы в западной оконечности аэропорта. Им оставалось метров триста до того места, где рулежная дорожка резко поворачивала под углом девяносто градусов и выходила к началу восточной взлетной полосы.

— Уинстон, — сказал Зигель, видя уже почти прямо перед собой высокую металлическую ограду внешнего периметра аэропорта, — мы в конце рулежки.

— Стойте там, — ответил Уинстон. — Скоро

перезвоню.

Но я не могу здесь стоять! — с раздражением подумал Зигель. Чего он хочет, этот Уинстон? К счастью, камера заднего вида «Гольфстрима» показывала, что сзади пока самолетов нет — по крайней мере они не блокируют движение. Единственные огни — прожекторы на башне командно-диспетчерского пункта — далеко, в трех с лишним километрах, на другом конце взлетной полосы.

Прошло шестьдесят секунд.

— Это диспетчерская, — услышал Зигель в потрескивающих наушниках. — ЕС 346, вам разрешен взлет по первой полосе. Повторяю, взлет разрешен.

Зигелю и самому не терпелось начать взлет. Но надо было ждать указаний помощника Эдмонда Кирша.

— Спасибо, диспетчерская, — ответил он. — Нам нужна еще минута. Мигает лампочка контроля двигателя, проверяем, в чем дело.

— Вас понял. Разбирайтесь и сообщите, когда будете готовы.

Глава 39

— Здесь? — удивленно переспросил капитан речного такси. — Вы хотите выйти *здес*ь? Но аэропорт дальше. Давайте я провезу вас еще.

— Спасибо, мы выходим здесь, — сказал Лэнгдон, четко следуя указаниям Уинстона.

Капитан пожал плечами и остановил катер у небольшого моста с табличкой «Пуэрто-Бидеа». Берег, заросший высокой травой, оказался более или менее пригодным для высадки. Амбра уже вылезла из катера и поднималась по склону.

— Сколько мы вам должны? — спросил Лэнгдон капитана.

— Все в порядке, — ответил тот. — Ваш британский друг заплатил вперед. Кредиткой. Тройной тариф.

Уинстон уже оплатил. Лэнгдон все никак не мог привыкнуть к стилю работы компьютерного ассистента Кирша. *Это какой-то Сири*[66] *на стероидах.*

С другой стороны, думал Лэнгдон, ничего

---

[66] Сноски: 66

Siri — «голосовой помощник» пользователей продуктов компании «Эппл».

необычного в способностях Уинстона нет, если учесть общий прогресс в создании искусственного интеллекта, которому становятся по силам все более сложные задачи, включая даже написание романов. Недавно сообщили, что книга, созданная компьютером, чуть не выиграла японскую литературную премию.

Лэнгдон поблагодарил и спрыгнул на берег. Потом обернулся и, прижав указательный палец к губам, прошептал удивленному капитану:

— Discreción, por favor[67].

— Sí, sí, — закивал капитан и для убедительности даже закрыл рукой глаза. — ¡No he visto nada![68]

Лэнгдон махнул ему рукой и поспешил вверх по склону. Пересек какую-то узкоколейку и догнал Амбру на обочине сонной улицы небольшого городка с темными витринами магазинов.

— Судя по карте, — говорил Уинстон из динамика телефона Эдмонда, — вы находитесь в Пуэрто-Бидеа на берегу реки Асуа. Видите небольшую площадь с круговым движением в центре поселка?

---

[67] Сноски: 67
Строго конфиденциально, пожалуйста (*исп.*).

[68] Сноски: 68
Да-да. Я ничего не видел! (*исп.*)

— Вижу, — сказала Амбра.

— Хорошо. После площади будет узкая улочка, которая называется Бейке-Бидеа. Следуйте по ней от центра поселка.

Через пару минут Лэнгдон и Амбра вышли из городка и быстро зашагали по пустой проселочной дороге. С обеих сторон тянулись заросшие травой пастбища, и изредка мелькали каменные хозяйственные постройки. Дорога уводила все дальше в поля, и Лэнгдону это начинало все меньше нравиться. Далеко справа над невысоким холмом небо было озарено мощным электрическим светом.

— Если это огни терминала аэропорта, — сказал Лэнгдон, — то боюсь, до него еще *очень* далеко.

— Терминал в трех километрах от вас, — подтвердил Уинстон.

Амбра и Лэнгдон удивленно переглянулись. Уинстон обещал, что идти придется всего восемь минут.

— Согласно спутниковой карте «Гугла», — продолжал Уинстон, — справа от вас должно быть большое поле. По нему можно пройти?

Лэнгдон посмотрел направо: заросшее высокой травой поле тянулось к холму в направлении огней терминала.

— Да, можно, — сказал Лэнгдон, — но три километра…

— Просто пройдите через поле, профессор, и строго следуйте моим указаниям. — Тон Уинстона был, по обыкновению, ровным и вежливым, и все-таки Лэнгдону показалось, что ему только что сделали выговор.

— Вот это да! — прошептала Амбра, поднимаясь по пологому склону холма. — Похоже, Уинстона тоже можно достать.

— Рейс EC 346, это диспетчерская, — прозвучал раздраженный голос в наушниках Зигеля. — Или взлетайте, или возвращайтесь в ангар на ремонт. Освобождайте рулежку. Что у вас там?

— Выясняем, — соврал Зигель, нервно поглядывая на экран камеры заднего вида. Никого — только далекие огни диспетчерской башни. — Нам нужна еще минута.

— Понял вас. Держите нас в курсе.

Второй пилот тронул Зигеля за плечо и указал вперед.

Зигель посмотрел через лобовое стекло, но сначала увидел только сетчатый забор недалеко от носа самолета. Приглядевшись, заметил какие-то странные тени по ту сторону сетки. *Что это?*

В темном поле за забором вырисовывались

два неясных силуэта на вершине холма. Они двигались по направлению к самолету. Зигель узнал характерную диагональную черную полосу на белом платье — женщину в этом платье он недавно видел по телевизору.

Это что — Амбра Видаль?

Амбра иногда летала с Киршем, и Зигелю было приятно, когда испанская красавица поднималась на борт. Но, черт возьми, что она делает среди ночи на пастбище около аэропорта Бильбао?

Рядом шел высокий мужчина в черных брюках и белой рубашке. Зигель узнал и его — этот человек тоже принимал участие в вечерней программе.

Американский профессор Роберт Лэнгдон.

Неожиданно он услышал голос Уинстона.

— Мистер Зигель, сейчас вы должны видеть двух человек по ту сторону ограждения, и вы, без сомнения, их узнали. — Зигеля раздражало нечеловеческое спокойствие этого Уинстона. — К сожалению, я не могу объяснить вам все обстоятельства, но прошу вас во имя памяти мистера Кирша точно выполнить мои указания. Сейчас вам важно знать следующее. — Уинстон на долю секунды замолчал. — Люди, которые убили

мистера Кирша, хотят убить Амбру Видаль и Роберта Лэнгдона. Чтобы их спасти, нам нужна ваша помощь.

— Но… Да… Конечно, — заикаясь, бормотал Зигель, пытаясь переварить услышанное.

— Нужно срочно взять на борт мисс Видаль и профессора Лэнгдона.

— Здесь? — удивился Зигель.

— Я в курсе технического регламента оформления пассажиров на рейс, но…

— А вы в курсе, что между нами трехметровый забор ограждения аэропорта?

— Конечно, — спокойно ответил Уинстон. — Мистер Зигель, понимаю, мы работаем вместе всего несколько месяцев, но прошу вас, верьте мне. То, что я сейчас предложу, — единственный выход в этой ситуации. Его предложил бы вам и мистер Кирш.

Зигель скептически выслушал план Уинстона и воскликнул:

— Но это невозможно!

— Напротив, — возразил Уинстон. — Абсолютно реально. Мощность каждого двигателя более шестнадцати тонн, а нос самолета выдерживает давление воздуха на скорости более тысячи километров в…

— Я говорю не о *физических* возможностях, — прервал его Зигель. — Меня волнует *юридическая* сторона дела. И что будет с моей лицензией?

— Понимаю вас, мистер Зигель, — спокойно произнес Уинстон. — Но сейчас в опасности будущая королева Испании. Своими действиями вы спасете ей жизнь. Поверьте, когда все закончится, король Испании вряд ли станет вас упрекать в нарушении правил, думаю, скорее он наградит вас медалью.

Стоя по колено в траве, Лэнгдон и Амбра разглядывали высокий сетчатый забор, освещенный огнями самолета.

Двигатели самолета взревели, и он начал движение. Следуя указаниям Уинстона, Амбра и Лэнгдон отступили от ограждения. Вместо того чтобы повернуть на взлетную полосу, самолет двигался прямо на них. Он пересек желтую ограничительную линию и продолжал неуклонно надвигаться на забор.

Лэнгдон заметил, что нос самолета нацелен прямо на один из железных столбов, на которых закреплена сетка. Когда нос коснулся столба, двигатели заревели чуть громче.

Лэнгдон ожидал, что самолету придется поднапрячься, но два «роллс-ройсовских» двигателя

и сорокатонная машина легко справились со столбом. С металлическим скрежетом он рухнул, выворотив огромный кусок асфальта — словно вырванное с корнем дерево.

Лэнгдон подбежал и навалился на лежащую сетку ограждения, чтобы пригнуть ее пониже и дать возможность Амбре пройти на летное поле. Пока они добирались до самолета, оттуда уже спустили трап, и пилот жестом приглашал подняться на борт.

Амбра с улыбкой посмотрела на Лэнгдона:

— А вы еще сомневались в Уинстоне!

Лэнгдон не нашелся, что на это сказать.

Они быстро взбежали по трапу в роскошный салон, и Лэнгдон услышал, как второй пилот разговаривает с диспетчером.

— Да, понял вас. Но, похоже, это барахлит наземный радар. Мы не покидали рулежной дорожки. Повторяю, мы сейчас на рулежной дорожке. У нас все в порядке, и мы готовы к взлету.

Пока второй пилот убирал трап и закрывал дверь, Зигель, включил реверс, и самолет стал пятиться от ограждения на исходную позицию. Затем сделал плавный поворот и выехал на начало взлетной полосы.

Роберт Лэнгдон, сидя в кресле напротив Амбры,

закрыл глаза и с облегчением выдохнул. Двигатели заревели громче, и он почувствовал, как его потихоньку вдавливает в спинку кресла — самолет начал разбег по взлетной полосе.

Через несколько секунд самолет взмыл в воздух, сделал крутой вираж в ночном небе и устремился на юго-восток — в Барселону.

Глава 40

Рабби Иегуда Кёвеш поспешно покинул дом, едва не переходя на бег прошел через садик до ворот и по небольшой — в несколько ступенек — лесенке спустился на тротуар.

Дома оставаться опасно, убеждал себя рабби. Его сердце бешено колотилось. *Надо укрыться в синагоге.*

Синагога на улице Дохань была не только домом молитвы, но и настоящей крепостью. Полоса препятствий из надгробий на кладбище, ограда с колючей проволокой и круглосуточная охрана напоминали о долгой истории антисемитизма в Будапеште. И сегодня рабби был счастлив, что у него есть ключи от этой крепости.

Синагога всего в пятнадцати минутах ходьбы от дома — безмятежная ежедневная прогулка Кёвеша. Но сегодня с первых шагов по улице Лайоша Кошута он испытывал страх. Опустив голову, рабби настороженно вглядывался в полумрак, пугаясь собственной тени.

И почти сразу почувствовал неладное.

На противоположной стороне улицы, на ла-

вочке, он заметил подозрительную темную фигуру — крепкий мужчина в джинсах и бейсболке, казалось, был полностью поглощен своим смартфоном, свет от экрана подсвечивал бородатое лицо.

Явно нездешний, подумал Кёвеш и ускорил шаг.

Человек в бейсболке оторвался от смартфона, мельком взглянул на рабби и снова уткнулся в экран. Кёвеш быстро пошел вперед. Через квартал в тревоге обернулся — мужчины на скамейке не было, он пересек улицу и шел по тротуару вслед за Кёвешем.

Он преследует меня! Старый рабби зашагал быстрее и скоро начал задыхаться. Теперь ему казалось, что, выйдя из дома, он совершил трагическую ошибку.

Вальдеспино велел сидеть дома. Почему я поверил какой-то незнакомке?

Кёвеш собирался дождаться людей от Вальдеспино, которые должны были отвезти его в Мадрид, но телефонный звонок спутал все планы. В душе его поселилось сомнение.

Женщина, голос которой звучал в трубке, напугала его: *Епископ хочет не забрать вас, а устранить — как Саида аль-Фадла.* Она говорила

так уверенно, что рабби запаниковал и пустился в бега.

И вот, быстро шагая по тротуару, Кёвеш опасался, что может и не добраться до синагоги. Человек в бейсболке, не отставая, держался метрах в пятидесяти сзади.

Оглушительный визг прорезал ночной воздух, и Кёвеш вздрогнул. Но он тут же понял, что это автобус резко затормозил у остановки. *Сам Бог послал его*, подумал рабби, бросился вперед и быстро поднялся в салон. На передней площадке толпились галдящие подростки, двое вежливо расступились.

— Köszönöm[69], — задыхаясь, поблагодарил рабби.

В самый последний момент, когда двери уже закрывались, мужчина в бейсболке тоже вскочил на ступеньку автобуса.

Кёвеш испуганно посмотрел на незнакомца, но тот прошел мимо, даже не взглянув, и устроился на заднем сиденье. В отражении на лобовом стекле рабби видел, как человек снова уткнулся в смартфон — похоже, он был увлечен какой-то игрой.

---

[69] Сноски: 69
Спасибо (*венг.*).

Не будь параноиком, Иегуда, уговаривал себя рабби, *ему нет до тебя дела.*

На остановке «Улица Дохань» рабби тоскливо посмотрел в окно на башни синагоги, которые были всего в двух кварталах, но не набрался смелости выйти из автобуса.

Я выйду, а он опять пойдет за мной…

Кёвеш остался сидеть, решив, что среди людей будет в безопасности. *Проеду еще немного, отдышусь*, думал он и при этом очень жалел, что не сходил в туалет перед выходом из дома.

Но как только автобус отъехал от остановки, рабби Кёвеш понял, что совершил страшную ошибку.

Сегодня суббота, и все пассажиры — подростки.

Ясно, что они выйдут на следующей остановке в самом сердце еврейского квартала Будапешта.

После Второй мировой войны эти кварталы, разрушенные до основания, не стали восстанавливать, превратив в так называемые руин-бары. Модные ночные заведения в пострадавших от бомбежек полуразрушенных зданиях привлекают гостей со всей Европы. Развалины бывших магазинов и особняков сегодня расписаны яркими граффити, оснащены суперсовременными

акустическими и светомузыкальными системами, а на обшарпанных стенах висят самые разные картины. По выходным сюда приезжают развлечься туристы, местные старшеклассники и студенты.

Автобус с визгом тормозов остановился на следующей остановке. Как и предполагал рабби, подростки высыпали на улицу. Человек на заднем сиденье по-прежнему был погружен в смартфон. Подчиняясь инстинкту, рабби вскочил, быстро просеменил по салону и вышел, влившись в толпу ребят на улице.

Автобус уже было отъехал, но вдруг резко остановился, двери с шипением открылись, и оттуда выпрыгнул последний пассажир. Сердце рабби учащенно забилось, но человек в бейсболке даже не посмотрел на него. Повернувшись спиной, он быстро пошел в другую сторону, на ходу разговаривая по телефону.

Прекрати фантазировать, уговаривал себя рабби, пытаясь восстановить дыхание.

Автобус уехал, и студенты толпой двинулись по улице к барам. Поначалу рабби старался не отставать от них, но потом резко повернул налево и пошел обратно, к синагоге.

Всего несколько кварталов, убеждал он себя, с

тоской чувствуя, как тяжелеют ноги и все сильнее хочется в туалет.

Руин-бары были переполнены, возбужденные клиенты толпились на улице. Вокруг Кёвеша гремела электронная музыка, в воздухе витал запах пива, смешанный с дымом сигарет «Сопиане» и ароматом традиционной венгерской выпечки кюртёш калач.

До самого угла Кёвеша не оставляло неприятное чувство, что за ним следят. Он замедлил шаг и украдкой оглянулся. К счастью, человека в джинсах и бейсболке нигде не было видно.

Мужчина, вжавшись в стену полутемной ниши, несколько секунд стоял неподвижно. Потом осторожно выглянул из-за края стены.

Неплохо, неплохо, старичок, подумал он, понимая, что успел спрятаться в последний момент.

Затем он в очередной раз потрогал шприц в кармане, вышел из тени, поправил бейсболку и поспешил вслед за своей жертвой.

Глава 41

Командующий Королевской гвардией Диего Гарза торопился в апартаменты принца с планшетом Моники Мартин в руке.

На планшете была запись телефонного разговора между венгерским рабби по имени Иегуда Кёвеш и некой «доброжелательницей». Гарза понял, что его приперли к стене.

Не важно, причастен на самом деле Вальдеспино к убийствам, о которых сообщает доброжелательница, или нет. Но если запись опубликуют, репутация епископа будет уничтожена навсегда.

Нужно предупредить принца и вывести его из-под удара.

Вальдеспино необходимо удалить из дворца до того, как разразится скандал.

В политике репутация — всё. Торговцы информацией готовы — не важно, за дело или нет — растоптать Вальдеспино. Очевидно, что наследному принцу ни в коем случае не следует сегодня появляться на публике рядом с епископом.

Пиар-координатор Моника Мартин настоятель-

но советовала Гарзе убедить принца немедленно выступить перед народом. Иначе их ждут очень большие неприятности.

И она права, рассуждал Гарза. *Принцу надо выступить с телеобращением. Безотлагательно.*

Гарза наконец поднялся по лестнице и, с трудом переводя дыхание, устремился в апартаменты принца, посматривая на экран планшета.

В дополнение к фото с франкистской татуировкой и записи телефонного разговора рабби неутомимые ребята из ConspiracyNet подготовили еще один сюрприз — третье, и решающее разоблачение, которое, по мнению Мартин, будет самым сокрушительным.

Констелляция данных, так назвала она набор вроде бы разрозненных правд и полуправд, которые конспирологи, проанализировав и расположив в нужном порядке, складывают в многозначительное «созвездие».

Все равно что сумасшедшие астрологи, кипятился Гарза, *которые умудряются увидеть очертания каких-то зверей в хаотическом сочетании звезд.*

К сожалению, факты, которые были зафиксированы на экране планшета перед Гарзой, благодаря кропотливой работе ConspiracyNet

теперь являли собой продуманную и вполне однозначную «констелляцию», которая не сулила ничего хорошего для королевского дворца.

ConspiracyNet.com

Убийство Кирша
Последние новости

Эдмонд Кирш поделился своим открытием с тремя религиозными лидерами – епископом Антонио Вальдеспино, алламой Саидом аль-Фадлом и рабби Иегудой Кёвешем.

Кирш и аль-Фадл убиты, а рабби Иегуда Кёвеш не отвечает на звонки и, похоже, пропал.

Епископ Вальдеспино жив, последний раз его видели на площади, когда он направлялся в королевский дворец.

Убийцей Кирша оказался адмирал испанского флота Луис Авила, чья татуировка указывает на связь с ультраконсервативной организацией франкистов. (Может ли епископ Вальдеспино – известный консерватор – также принадлежать к этой организации?)

И последнее. По сведениям нашего источника в музее Гуггенхайма, список приглашенных был уже закрыт, когда в самый последний момент по просьбе неизвестного, звонившего из королевского дворца, было добавлено имя Луиса Авилы, убийцы. Имя лично внесла в список невеста принца Амбра Видаль.

ConspiracyNet выражает благодарность за предоставленную важную информацию нашему добровольному помощнику monte@iglesia.org.

¿Monte@iglesia.org?

Гарза решил, что электронный адрес наверняка фальшивый.

Iglesia.org — знаменитый в Испании католический сайт, онлайн-сообщество священников, мирян и студентов, интересующихся вопросами веры. Информатор, похоже, решил схитрить и сделать так, чтобы все голословные утверждения исходили от уважаемого ресурса.

Довольно умно, подумал Гарза. Особенно если учесть, что истовые католики iglesia.org буквально боготворят епископа Вальдеспино. *Интересно*, подумал Гарза, *«добровольный по-*

мощник» ConspiracyNet и «доброжелательница», что звонила рабби, — не одно ли это лицо?

Подходя к апартаментам принца, Гарза продумывал, как преподнести будущему королю неприятные известия. День начался как обычно, но вдруг разразилась война с призраками. *Таинственный информатор по имени Монте? Целая цепочка неблагоприятных фактов?* И ко всему прочему — отсутствие известий об Амбре Видаль и Роберте Лэнгдоне.

Не дай Бог, журналисты узнают, что натворила сегодня Амбра Видаль.

Гарза вошел без стука.

— Дон Хулиан, — сказал он, проходя в гостиную, — мне необходимо поговорить с вами наедине.

И тут он замер, пораженный.

Комната была пуста.

— Дон Хулиан! — снова позвал он, направляясь в сторону кухни. — Епископ Вальдеспино!

Гарза осмотрел все апартаменты, но принца и епископа нигде не было.

Он немедленно набрал номер сотового принца и вздрогнул: где-то зазвонил телефон. Звонок был едва слышен, но телефон звонил здесь, в апартаментах. Гарза еще раз нажал кнопку вызова и,

прислушавшись, определил, что приглушенные звонки доносятся со стороны небольшой картины на стене, за которой, как хорошо было известно Гарзе, скрывался встроенный домашний сейф его высочества.

Хулиан запер телефон в сейфе?

Это было за пределами понимания Гарзы. Как мог принц оставить свой телефон сейчас, когда на связи следовало оставаться каждую секунду?

И куда они подевались?

Гарза попробовал набрать номер Вальдеспино, может, тот что-нибудь знает. К великому изумлению, он услышал, как в сейфе зазвонил еще один телефон.

Вальдеспино тоже запер свой телефон?

Близкий к панике, с безумным взглядом, Гарза выскочил из апартаментов принца. Несколько минут он бегал по лестницам и коридорам резиденции, тщетно взывая к принцу и епископу.

Не могли же они раствориться в воздухе!

Наконец, утомившись и запыхавшись, Гарза остановился у подножия парадной лестницы работы Сабатини. Опустив голову, он вынужден был признать поражение. Планшет давно перешел в спящий режим, и в его бликующем темном экране отражалась потолочная фреска. По жест-

кой иронии судьбы, это был шедевр Коррадо Джаквинто «Религия под защитой Испании».

Глава 42

Реактивный «Гольфстрим-G550» набирал высоту, Роберт Лэнгдон рассеянно смотрел в овальный иллюминатор и пытался собраться с мыслями. Последние два часа он был во власти водоворота эмоций — от восторга перед раскрывающейся, как цветок, презентацией Кирша до леденящего ужаса при виде гнусного убийства. И еще таинственное открытие Эдмонда. Чем больше размышлял над ним Лэнгдон, тем меньше понимал.

Какую тайну открыл Эдмонд?

Откуда мы? Куда мы идем?

Лэнгдон вспомнил, как сегодня перед самой презентацией Эдмонд говорил ему, когда они стояли внутри стальной спирали: *Я нашел очень простые ответы на эти вопросы.*

Эдмонд заявил, что разгадал две величайшие загадки бытия. Неужели ответы так опасны и разрушительны, что кому-то надо было заставить Кирша замолчать навсегда?

Понятно одно: Эдмонд что-то выяснил о происхождении человека и дальнейшей судьбе

человечества.

Что может быть в его происхождении такого пугающего?

Что такого загадочного может быть в его судьбе?

Тем вечером Эдмонд был настроен вполне оптимистично, устремлен в будущее, так что вряд ли собирался предсказать что-нибудь апокалиптическое. *Почему тогда его предсказание так взбудоражило церковь?*

— Роберт? — Амбра подошла с чашкой горячего кофе. — Вы просили без молока?

— Отлично, спасибо. — Лэнгдон с удовольствием взял чашку. Может, с кофе будет легче распутать этот клубок загадок.

Амбра села напротив и налила себе бокал красного вина из красивой бутылки.

— Эдмонд тут припас «Шато Монроз».

Лэнгдон пробовал «Монроз» только однажды, в старинном винном погребе в подвале Тринити-колледжа в Дублине, где работал с Келлской книгой[70], одним из самых богато иллюстрированных средневековых манускриптов.

Амбра держала бокал в ладонях и, поднося его

---

[70] Сноски: 70

Келлская книга — иллюстрированная рукописная книга, созданная ирландскими (кельтскими) монахами примерно в 800 г.

к губам, смотрела поверх края на Лэнгдона. В который раз он почувствовал, какая это великая сила — врожденная женская утонченность.

— Я все думаю, — начала она, — вы упоминали, что Эдмонд приезжал в Бостон и интересовался мифами о сотворении мира…

— Да. Около года назад. Его занимало, какие ответы дают разные религии на вопрос: откуда мы?

— Может, и нам с этого начать? Может, так мы поймем, над чем он работал?

— Да я не против начать с самого начала, — ответил Лэнгдон. — Только не очень понимаю, как нам это поможет. Есть два типа ответов на вопрос «Откуда мы появились?». Религиозные доктрины утверждают, что Бог сразу создал человека, так сказать, в готовом виде. А теория Дарвина гласит, что жизнь первоначально зародилась в неком первичном бульоне, а потом постепенно эволюционировала до человека.

— А если Эдмонд нашел *третий* вариант? — спросила Амбра, и ее карие глаза загорелись. — Может, это и есть часть открытия? Вдруг он доказал, что человечество произошло и не от Адама и Евы, и не от дарвиновской обезьяны?

Конечно, если открытие состоит в новой вер-

сии происхождения человека, то это настоящая бомба. Но Лэнгдон даже представить не мог, что же это может быть за версия.

— Теория эволюции Дарвина очень хорошо подтверждается, — сказал он, — потому что основана на наглядных фактах и ясно показывает, как с течением времени организм развивается и приспосабливается к окружающей среде. Теорию эволюции признают самые крупные светила современной науки.

— Правда? — удивилась Амбра. — А я видела книжки, в которых пишут, что теория Дарвина ошибочна.

— Мисс Видаль совершенно права, — неожиданно вклинился Уинстон из динамика заряжавшегося на столике между ними смартфона. — Более пятидесяти книг только за последние десять лет.

Лэнгдон успел забыть, что Уинстон по-прежнему с ними.

— Некоторые из них стали бестселлерами, — продолжал Уинстон. — «Чего не понял Дарвин», «Поражение дарвинизма», «Черный ящик Дарвина», «Суд над Дарвином», «Темная сторона Чарлза Дар…»

— Достаточно, — прервал его Лэнгдон, прекрасно осведомленный о существовании антидарви-

новской литературы. — Кое-что из этого я читал.

— И как? — допытывалась Амбра.

Лэнгдон вежливо улыбнулся:

— Не могу сказать обо всех, но те две книги, что я читал, написаны с ортодоксальных христианских позиций. В одной даже говорилось, что останки ископаемых животных намеренно были помещены в отложения древних пород Господом Богом, «чтобы испытать нашу веру».

Амбра нахмурилась:

— Словом, они вас не убедили.

— Нет. Но пробудили любопытство, и я спросил одного гарвардского профессора, биолога, что он думает по этому поводу. — Лэнгдон улыбнулся. — Профессором по чистой случайности оказался покойный Стивен Джей Гулд.

— Где-то я слышала это имя, — сказала Амбра.

— Стивен Джей Гулд, — снова подал голос Уинстон, — всемирно известный биолог и палеонтолог. Его теория прерывистого равновесия, или квантовой эволюции, объяснила некоторые «недостающие звенья» в цепи эволюции и в очередной раз подтвердила теорию Дарвина.

— Так вот, Гулд только усмехнулся, — продолжил Лэнгдон, — и сказал, что большинство книг, направленных против Дарвина, издается под па-

тронажем некоего Института креационистских исследований, который, согласно его собственным программным заявлениям, считает Библию точным до буквальности изложением исторических событий и научных фактов.

— То есть, — пояснил Уинстон, — они верят, что горящий куст мог говорить, что Ной собрал по паре всех живых существ в один ковчег и что люди превратились в соляные столбы. Не самый прочный фундамент для научно-исследовательской работы.

— Согласен, — сказал Лэнгдон. — Но есть и нерелигиозные книги, в которых предпринимаются попытки дискредитировать Дарвина с исторической точки зрения, — например, пишут, будто он украл свою теорию у французского натуралиста Жана Батиста Ламарка, который первым предположил, что организмы видоизменяются под воздействием окружающей среды.

— Это возражение не по существу, профессор, — заметил Уинстон. — Занимался Дарвин плагиатом или нет, это никак не отразилось на основных положениях его учения.

— С этим трудно спорить, — сказала Амбра. — И все-таки, Роберт, насколько я поняла, если бы вы спросили профессора Гулда, откуда мы взялись,

он бы ответил: произошли от обезьяны.

Лэнгдон утвердительно кивнул:

— Ну, может, не слово в слово, но Гулд официально заявил мне, что ни один из современных ученых не сомневается в том, что эволюция *существует*. Мы можем физически проследить этот процесс. Куда интереснее, на его взгляд, другие вопросы. *Почему* происходит эволюция? И *как* все началось?

— И у него были ответы? — спросила Амбра.

— Не такие, что я способен понять. Но он проиллюстрировал их одним мысленным экспериментом. Он назвал его «Бесконечный коридор». — Лэнгдон сделал глоток кофе.

— Да, это очень хорошая наглядная иллюстрация, — опять встрял Уинстон, воспользовавшись паузой. — Представьте, что вы идете по очень длинному коридору, начала и конца которого не видно.

Лэнгдон кивнул, в очередной раз пораженный широтой познаний Уинстона.

— И вот, — продолжал Уинстон, — позади вы слышите, как скачет мячик. Оборачиваетесь и видите, что мячик скачет прямо на вас. Он все ближе и ближе, потом проскакивает мимо, скачет дальше и, наконец, исчезает из виду.

— Все верно, — сказал Лэнгдон. — Вопрос не в том, скачет ли мячик. Очевидно, что скачет. Вы видели это своими глазами. Вопрос в другом — *почему* он скачет? И *как* он начал скакать? Кто-то бросил его? Или это какой-то особый мячик, которому нравится подскакивать? Или законы физики в этом коридоре таковы, что мячик должен все время скакать?

— Гулд считал, — заключил Уинстон, — что так и с эволюцией: мы не можем заглянуть достаточно далеко в прошлое, чтобы выяснить, как начался этот процесс.

— Именно, — кивнул Лэнгдон. — Все, что мы можем, — наблюдать, как этот процесс происходит.

— Та же история, — сказал Уинстон, — с теорией Большого взрыва в космологии. У астрофизиков есть прекрасные формулы, которые описывают расширяющуюся Вселенную в любой момент времени T — и в прошлом, и в будущем. Но если мы посмотрим, что было в самый момент Большого взрыва — когда T равно нулю, — вся математика летит к чертям: получаются бесконечно большие энергии и бесконечно большие плотности.

Лэнгдон и Амбра многозначительно переглянулись.

— И опять совершенно верно, — сказал Лэн-

гдон. — А поскольку человеческий разум не привык иметь дело с «бесконечностью», большинство ученых предпочитают говорить о нашей Вселенной только *после* Большого взрыва — когда *T* больше нуля. Это гарантирует, что математика остается математикой, а не превращается в мистику.

Один из гарвардских коллег Лэнгдона — уважаемый профессор физики — настолько устал от «философских» вопросов на своем семинаре «Происхождение Вселенной», что в конце концов написал на дверях аудитории:

> В моей аудитории T > 0.
>
> Все, кого интересует момент, когда T = 0, обращайтесь на факультет истории религии.

— А как насчет гипотезы панспермии? — спросил Уинстон. — Она утверждает, что жизнь была занесена на Землю с других планет метеоритом или космической пылью. Панспермия — вполне научный способ объяснить появление жизни на Земле.

— На Земле — да, — согласился Лэнгдон, — но панспермия не дает ответа на вопрос, как появилась жизнь во Вселенной. Мы просто отодвигаем

решение главного вопроса: почему все-таки мячик скачет? Откуда взялась жизнь?

Уинстон умолк.

Амбра потягивала вино. Ее очень позабавил этот диалог.

«Гольфстрим-G550» наконец набрал высоту и выровнялся. Лэнгдон пытался представить, какие изменения произойдут в мире, если станет известно, что Эдмонд действительно нашел ответ на вечный вопрос: откуда мы?

Но и это, если верить Эдмонду, только часть его тайны.

Какой бы она ни была, он защитил ее надежным паролем — стихотворной строкой из сорока семи знаков. Если все пойдет по плану, Лэнгдон и Амбра скоро найдут ее в доме Эдмонда в Барселоне.

Глава 43

Появившийся несколько десятилетий назад так называемый темный Интернет до сих пор остается terra incognita для подавляющего большинства рядовых пользователей. Недоступная привычным поисковикам, эта зловещая «темная сторона» Всемирной паутины предлагает анонимный доступ к умопомрачительному меню криминальных товаров и услуг.

Начав со скромного хостинга «Шелковый путь» — первого в Сети черного рынка наркотиков, темный Интернет превратился в гигантскую сеть криминальных сайтов торговли оружием, детской порнографии, политического компромата, а также наемных профессионалов — проституток, хакеров, шпионов, террористов и убийц.

Каждую неделю в темном Интернете заключаются миллионы сделок, и этим вечером в квартале руин-баров в Будапеште одна из них близилась к осуществлению.

Человек в бейсболке и синих джинсах, стараясь оставаться незамеченным, шел вслед за своей жертвой по улице Казинци. Подобная работа

была его хлебом вот уже несколько лет, а заказы он получал через популярные в его кругах сети Unfriendly Solution, Hitman Network, BesaMafia.[71]

Оборот рынка заказных убийств исчисляется миллиардами долларов и с каждым годом растет — благодаря анонимности темного Интернета и невозможности отследить расчеты в биткоинах. Большинство убийств связано со страховыми мошенничествами, устранением партнеров по бизнесу, супруга или супруги. Впрочем, тех, кто выполняет заказы, причины вообще не интересуют.

Не задавать вопросов, думал киллер, *неписаное правило, на котором стоит мой бизнес*.

Сегодняшний заказ он получил несколько дней назад. Аноним предложил 150 000 евро за то, чтобы проследить за домом одного старого рабби и, если понадобится, «закрыть» объект.

«Закрыть» в данном случае означало — сделать рабби инъекцию хлорида калия, что приведет к почти мгновенной смерти от остановки сердца.

Сегодня ночью рабби неожиданно вышел из дома и поехал в злачный квартал на автобусе. Убийца сел ему на хвост и с помощью специаль-

---

[71] Сноски: 71

«Недружественное решение», «Сеть наемных убийц», «Беса мафия» (*англ*).

ного закодированного приложения на смартфоне сообщил заказчику:

```
Клиент вышел из дома. Доехал до квартала баров.
Возможно, с кем-то встречается?
```

Ответ пришел почти сразу:

```
Закрывай.
```

То, что начиналось как слежка, в квартале руин-баров заканчивалось игрой кошки с мышкой.

Рабби Иегуда Кёвеш, обливаясь потом и задыхаясь, шел по улице Казинци. Легкие горели, мочевой пузырь готов был вот-вот разорваться.

Мне надо в туалет, надо немного отдышаться, решил рабби, замедляя шаг у толпы рядом с заведением «Шимпла» — одним из самых больших и знаменитых руин-баров Будапешта. Контингент его завсегдатаев был так пестр — и по возрасту, и по роду занятий, — что на рабби никто не обратил внимания.

Загляну на минутку, подумал рабби и пошел к бару.

Некогда великолепный особняк с элегантными балконами и высокими окнами, бар «Шимпла»

теперь представлял собой каменную коробку, расписанную граффити. Пройдя по широкой галерее бывшей роскошной резиденции, рабби зашел в двери, на которых были начертаны какие-то тайные письмена: Egg-esh-Ay-ged-reh!

Рабби не сразу понял, что это всего лишь изображенное по принципу «как слышится, так и пишется» венгерское egészsé-gedre — «за здоровье!».

Кёвеш неуверенно осмотрелся. У бывшего особняка был просторный внутренний двор, заполненный странными предметами: кушетка, сделанная из старой ванны, манекен на велосипеде, парящем в воздухе, сделанный в Восточной Германии «трабант» — теперь разобранный и переделанный в место для ожидания свободного столика.

Внутренний двор был огорожен высокими стенами, на них красовались граффити, плакаты советской эпохи, рядом стояли классические скульптуры, на подвесных галереях веселые посетители подпрыгивали в такт бухающей музыке. В воздухе висел запах пива и сигарет. Молодые парочки страстно целовались на виду у всех, кто-то украдкой курил маленькие трубочки, кто-то пил палинку — популярную венгерскую

фруктовую водку.

Кёвеш видел иронию в том, что человек, самое возвышенное Божье создание, по сути остается животным и его поведение во многом определяется стремлением к удовольствию. *Мы ублажаем тела в надежде, что возрадуются и души.* Большую часть жизни рабби увещевал тех, кто поддался плотским искушениям — в основном блуду и чревоугодию, — но с ростом интернет-зависимости и появлением дешевых наркотиков его задача становилась все труднее.

Единственная плотская потребность, которая сейчас волновала рабби, могла быть удовлетворена только в туалете. Препятствием стала очередь в десять человек. Не в состоянии ждать так долго, он начал осторожно подниматься по лестнице на второй этаж, где, как ему подсказали, очень много кабинок. Поднявшись, рабби стал пробираться через лабиринт бывших гостиных и спален особняка, в каждой из которых теперь были столики и барная стойка. Он спросил у одного из барменов, где туалет, и тот указал на длинный проход через галерею с видом на внутренний двор.

Кёвеш торопливо шагал по галерее, опасливо держась рукой за перила и рассеянно поглядывая вниз, где под гулкую пульсацию музыки двига-

лись в такт молодые люди.

И вдруг увидел его.

Рабби замер и почувствовал, как покрывается холодным потом.

Стоявший в толпе человек в бейсболке смотрел прямо на Кёвеша. Потом быстро отвел взгляд и со скоростью дикого зверя, расталкивая посетителей, ринулся к лестнице на второй этаж.

Убийца поднимался вверх, внимательно оглядывая встречных. Он хорошо знал бар «Шимпла» и довольно скоро оказался на галерее.

Но Кёвеша там не было.

Я не мог тебя не заметить, когда поднимался, подумал киллер, *значит, ты ушел дальше вглубь здания.*

Посмотрев на полутемный коридор впереди, убийца улыбнулся. Он понял, где прячется жертва.

Коридорчик был узкий, в нем пахло мочой. И заканчивался он покоробленной деревянной дверью.

Киллер, демонстративно топая, подошел и ударил в дверь кулаком.

Тишина.

Он снова постучал.

В ответ низким голосом пробурчали, что тут

занято.

— Bocsásson meg![72] — жизнерадостно извинился киллер и, опять громко топая, пошел прочь. Затем он бесшумно вернулся и прижал ухо к двери. Было слышно, как рабби внутри отчаянно шепчет по-венгерски:

– Кто-то пытается убить меня! Он следил за мной! Сейчас он загнал меня в ловушку в баре «Шимпла»! Прошу вас! Помогите!

Очевидно, жертва звонит по номеру 112, это будапештский аналог службы «911». Реагируют тут со скоростью черепахи, но все равно медлить не стоит.

Оглянувшись и убедившись, что рядом никого нет, киллер примерился и, дождавшись очередного взрыва музыки, двинул мощным плечом в дверь.

Хлипкая защелка-бабочка вылетела с первой попытки. Киллер вошел, закрыл за собой дверь и посмотрел жертве в лицо.

Судя по всему, забившемуся в угол рабби было страшно и стыдно одновременно.

Киллер отобрал у него телефон, прервал звонок и бросил аппарат в унитаз.

---

[72] Сноски: 72
Извините (*венг.*).

— К-к-кто вас послал? — заикаясь, выдавил рабби.

— Прелесть моей работы в том, — ответил убийца, — что я ничего не знаю.

Старик вспотел и хрипло дышал. Вдруг он начал хватать ртом воздух, глаза закатились.

Да ладно, с улыбкой подумал киллер, *у него и правда сердечный приступ?*

На кафельном полу туалета корчился и задыхался старый человек, глаза его безмолвно молили о пощаде, лицо налилось кровью, руки словно пытались разорвать грудь. Наконец он уткнулся лицом в грязную плитку, плечи судорожно задрожали, а из штанов по кафелю потек тонкий ручеек мочи.

Рабби затих.

Киллер наклонился и прислушался. Вроде не дышит.

Он выпрямился и самодовольно ухмыльнулся:

— Ты сам сделал мою работу.

И пошел к двери.

Рабби Кёвеш держался из последних сил.

Это был главный спектакль в его жизни.

Уже почти теряя сознание, он продолжал лежать неподвижно, слушая, как удаляются шаги по кафельной плитке туалета. Дверь со скрипом

открылась и снова закрылась.

Тишина.

Кёвеш выждал несколько секунд, чтобы дать убийце отойти подальше, а потом, больше не в силах терпеть, со свистом вдохнул. Пропахший мочой воздух сортира, казалось, был напоен небесным ароматом.

Рабби медленно открыл глаза. От недостатка кислорода он почти ничего не видел. Чуть приподняв голову, Кёвеш вдруг с ужасом различил темный силуэт у закрытой двери.

Человек в бейсболке с улыбкой смотрел на него.

Кёвеш обмер.

Он никуда не выходил.

Киллер шагнул к рабби, железной рукой схватил его за шею и ткнул лицом в пол.

— Ты можешь задержать дыхание, — прорычал убийца, — но не можешь остановить сердце. — Он рассмеялся. — Ничего, я тебе помогу.

Через мгновение рабби почувствовал, как в шею вошла острая игла шприца. По гортани к мозгу устремился поток огненной лавы. На этот раз сердце сжалось по-настоящему. Посвятив основную часть жизни тайнам Шамаим — блаженному месту, где обитает Бог и почившие

праведники, — рабби Иегуда Кёвеш понял: до разрешения всех мучивших его вопросов осталось совсем немного.

Пара ударов сердца.

Глава 44

В просторной туалетной комнате «Гольфстрима-G550» Амбра Видаль, подставив руки под струю теплой воды, смотрела в зеркало, едва узнавая себя.

Что же я наделала?

Она взяла бокал, сделала глоток вина, с тоской вспоминая, как хорошо все было еще несколько месяцев назад — тихая уединенная жизнь, работа в музее. Ничего этого больше нет. Все пошло прахом в один миг, когда Хулиан сделал ей предложение.

Нет, поправила она себя, *все кончилось, когда я сказала «да»*.

Еще не отойдя от пережитого сегодня ужаса, она попыталась осмыслить, как все это могло произойти.

Я пригласила убийцу Эдмонда в музей.

Меня обманул кто-то из дворца.

И теперь я слишком много знаю.

Нет прямых доказательств, что за убийством стоит принц Хулиан, возможно, он вообще *ни при чем*. Но Амбра уже достаточно хорошо

представляла, как действуют во дворце: крайне маловероятно, чтобы подобное произошло без ведома принца. А то и без прямого его указания.

Я слишком много рассказала Хулиану.

Последнее время Амбре приходилось оправдываться перед ревнивым женихом почти за каждую минуту, проведенную с Киршем, и потому она делилась с Хулианом многим из того, что знала о предстоявшей презентации Эдмонда. Теперь эта откровенность казалась ей безрассудной.

Амбра закрыла воду, вытерла руки и, взяв бокал, допила вино. Из зеркала на нее смотрела незнакомая женщина — некогда сильная и уверенная, а теперь растерянная, подавленная, мучимая раскаянием и угрызениями совести.

Сколько же ошибок я совершила всего за несколько месяцев…

Мысленно возвращаясь в недавнее прошлое, Амбра спрашивала себя: а могла ли она поступить иначе?

Четыре месяца назад дождливым мадридским вечером она была на благотворительной выставке в Центре искусств королевы Софии. Большинство собравшихся устремились в зал 206.06 к «Гернике» — самому знаменитому экспо-

нату музея, огромному, почти восьмиметровому полотну Пикассо, где изображены ужасы бомбежки баскского городка во время Гражданской войны в Испании. Амбре больно было смотреть на эту картину, слишком живо напоминавшую о кровавой фашистской диктатуре Франсиско Франко, правившего Испанией с 1939 по 1975 год.

Она предпочла уединиться в небольшом зале, где выставлены работы одной из ее любимых художниц — галисийки Марухи Мальо; успех ее сюрреалистических полотен в 1930-е годы полностью изменил представления об испанских художницах-женщинах.

Амбра стояла в одиночестве перед картиной «Вербена» — социальной сатирой, наполненной глубокими символами, — как вдруг услышала за спиной низкий мужской голос.

— Es casi tan guapa como tú, — прозвучали слова. *Она почти так же прекрасна, как ты.*

Да неужели? Амбра, не оборачиваясь, продолжала смотреть на картину. На подобных мероприятиях некоторые посетители ведут себя так, будто они не в храме культуры, а в увеселительном заведении.

— ¿Qué crees que significa? — не отставал мужчина. *Как вы думаете, что все это означает?*

— Не знаю. — Амбра решила сказать неправду, причем по-английски, надеясь таким образом отвязаться от незнакомца.

— Мне нравится эта картина, — сказал он тоже по-английски, почти без акцента. — Мальо значительно опередила свое время. Жаль, что неопытный зритель за внешним блеском может не заметить внутренней глубины. — Он помолчал. — Думаю, вам тоже приходилось сталкиваться с чем-то подобным.

Амбра устало вздохнула. *Неужели такая тактика еще на кого-то действует?* С подчеркнуто вежливой улыбкой она повернулась к мужчине, собираясь окончательно его отшить:

— Сэр, это конечно, очень мило с вашей стороны, но…

И оборвала фразу на полуслове.

Перед ней стоял человек, которого она с самого детства видела на телеэкране и обложках журналов.

— О, — смутилась Амбра, — вы…

— Так нахальны? — подсказал он ей. — Или неловки? Простите, я веду довольно замкнутый образ жизни и не очень хорошо умею знакомиться. — Красивый мужчина улыбнулся и протянул руку. — Меня зовут Хулиан.

— Мне известно ваше имя, — призналась Амбра. Щеки у нее горели — она пожимала руку принцу Хулиану, будущему королю Испании. Он был гораздо выше, чем она представляла, с мягким взглядом и обезоруживающей улыбкой.

— Не ожидала увидеть вас здесь. — Амбра быстро взяла себя в руки. — Думала, вас больше интересует Прадо: Гойя, Веласкес… Считала, вы поклонник классики.

— Иными словами, безнадежно отстал от времени? — уточнил он с легкой иронией. — Мне кажется, вы меня путаете с отцом. Мальо и Миро всегда были моими любимыми художниками.

Они еще немного поговорили, и Амбру поразило, как хорошо принц разбирается в искусстве. Вообще-то неудивительно. Человек вырос в Королевском дворце Мадрида, где собрана одна из лучших в Испании коллекций произведений искусства. Возможно, в его детской на стене висел оригинал Эль Греко.

— Надеюсь, мы продолжим наш разговор, — сказал принц, протягивая ей визитную карточку с золотым тиснением. — Хочу пригласить вас завтра поужинать. Тут номер моего мобильного. Сообщите, когда вам удобнее.

— Поужинать? — удивилась Амбра. — Но вы

даже не знаете, как меня зовут.

— Вас зовут Амбра Видаль, — спокойно произнес принц. — Вам тридцать девять лет. У вас степень магистра истории искусств Университета Саламанки. Вы директор музея Гуггенхайма в Бильбао. Недавно выступали в дискуссии по поводу Луиса Квилеса, чьи работы, и тут я с вами согласен, прекрасно передают ужас современной жизни, но вряд ли годятся, чтобы привить детям любовь к живописи. Но я не согласен, что они схожи с произведениями Бэнкси. Вы не были замужем. У вас нет детей. И вам очень идет черный цвет.

Амбра с трудом нашлась с ответом:

— Господи, неужели вы думаете, что это сработает?

— Не знаю. — Он обезоруживающе улыбнулся. — Поживем — увидим.

Тут же как по мановению волшебной палочки материализовались два агента Королевской гвардии, в сопровождении которых принц удалился в другой зал и смешался с толпой вип-персон.

Амбра сжимала в руках визитку, переживая уже порядком подзабытое чувство. Душа пела. *Принц только что назначил мне свидание?*

В школе Амбра была боевой девчонкой и в сре-

де друзей-подростков считалась «своим парнем». Потом, когда красота ее расцвела, она вдруг заметила, что мужчины в ее присутствии начинают смущаться, мямлить и робеть. Сегодня же она встретила сильного, уверенного в себе мужчину, перед волей которого трудно устоять. Это заставило ее почувствовать себя женщиной. Молодой и привлекательной.

На следующий же вечер водитель забрал Амбру из отеля и привез в королевский дворец на званый ужин, где присутствовали десятка два видных общественных и политических деятелей. Принц представил ее гостям как свою «очаровательную новую знакомую» и весь вечер говорил только об искусстве, что позволяло Амбре принимать самое активное участие в разговоре. Ее не оставляло чувство, что ей устроили своеобразные смотрины, но, как ни странно, это ее нисколько не смущало. И даже напротив — льстило.

После ужина Хулиан отвел ее в сторонку и спросил шепотом:

— Надеюсь, вам понравилось? — Он улыбнулся. — Я хотел бы снова увидеть вас. Как насчет четверга?

— Спасибо за приглашение, — ответила Амбра. — Но завтра я должна вернуться домой, в

Бильбао.

— Хорошо. Я прилечу в Бильбао. Вы бывали в ресторане «Этксанобе»?

Амбра с трудом удержалась от смеха. «Этксанобе» — одно из самых знаменитых заведений в Бильбао. Любимое место поклонников искусства со всего света. Ресторан поражает авангардным декором и яркой «дизайнерской» кухней — посетителям кажется, будто они обедают внутри картины, написанной Марком Шагалом.

— Я не против побывать там еще раз, — услышала Амбра собственный голос.

В «Этксанобе» Хулиан заказал тунца, запеченного с сумахом, и спаржу с трюфелями. Блюда подавали на красиво декорированных тарелках. За ужином Хулиан делился проблемами, с которыми столкнулся, когда попытался выйти из-под опеки стареющего отца. Говорил, что его вынуждают продолжить прежнюю политическую линию. В нем чувствовались мальчишеская неуверенность и в то же время задатки сильного лидера, горящего страстной любовью к своей стране. И это нравилось Амбре.

В тот вечер, после того как охрана увезла Хулиана к личному самолету, Амбра поняла, что пропала.

Но ты ведь совсем не знаешь его, уговаривала она себя. *Не торопись.*

Несколько месяцев пролетели как одно мгновение. Амбра и Хулиан виделись почти каждый день — ужины во дворце, пикники в его загородных поместьях, даже походы в кино на дневной сеанс. Отношений ничто не омрачало, и Амбра не помнила, когда еще была так счастлива. Хулиан был очаровательно старомоден, часто брал ее за руку, застенчиво целовал, никогда не переступал границ, Амбра была в восторге от его манер.

Три недели назад солнечным мадридским утром Амбра приехала на телевидение анонсировать новые выставки в музее Гуггенхайма. Программу «Telediario»[73] телекомпании «RTVE» смотрели миллионы зрителей по всей Испании. Амбра немного побаивалась прямого эфира, но понимала, что для музея важно «прозвучать» на всю страну.

Накануне вечером они с Хулианом ужинали в траттории «Малатеста», а потом гуляли в парке Ретиро. Там было много семейных пар, дети бегали по дорожкам, играли, смеялись. Амбра ощущала какое-то особенное умиротворение.

---

[73] Сноски: 73
«Теледневник» (*исп.*).

— Ты любишь детей? — спросил Хулиан.

— Обожаю, — искренне ответила она. — Порой мне кажется, что только детей мне и не хватает в жизни.

Хулиан понимающе улыбнулся:

— Мне знакомо это чувство.

И при этом так посмотрел на нее, что Амбра вдруг поняла, почему он задал *такой* вопрос. Она запаниковала, внутренний голос кричал: *Расскажи ему! РАССКАЖИ СЕЙЧАС!*

Она попыталась заговорить, но слова застряли в горле.

— С тобой все в порядке? — участливо спросил он.

Амбра натянуто улыбнулась:

— Все дело в завтрашнем прямом эфире. Немного волнуюсь.

— Успокойся. Все будет хорошо.

Хулиан ободряюще улыбнулся и, приобняв, коснулся ее губ легким поцелуем.

На следующее утро в половине восьмого Амбра сидела в студии прямого эфира и чувствовала себя на удивление легко и раскованно, беседуя с тремя приветливыми ведущими программы «Telediario».

Она так увлеклась рассказом о музее, что на-

прочь забыла и о камерах, и о публике в студии, и о многомиллионной аудитории.

— Gracias, Ambra, y muy interesante, — сказала одна из ведущих, как будто подводя итоги. — Un gran placer conocerte[74].

Амбра кивком поблагодарила ведущую, истолковав ее слова в том смысле, что интервью подошло к концу.

Но ведущая почему-то кокетливо ей улыбнулась и вдруг заговорила прямо на камеру, обращаясь к многочисленной телеаудитории:

— Сегодня у нас особый гость. И мы рады его приветствовать!

Ведущие встали и принялись аплодировать. Перед камерами появился высокий, безупречно одетый мужчина. Публика в студии, увидев его, разразилась бурными овациями, все вскочили с мест.

Амбра тоже встала, глядя на мужчину, не понимая, что происходит.

Хулиан?

Принц Хулиан помахал рукой восторженной публике, вежливо пожал руки ведущим. Потом подошел к Амбре и приобнял ее.

---

[74] Сноски: 74

Спасибо, Амбра, очень интересно. Было приятно с тобой познакомиться (*исп.*).

— Мой отец всегда был романтиком, — начал он, глядя прямо в камеру, как будто обращаясь ко всей стране. — Когда умерла моя мать, он не перестал любить ее. И я унаследовал романтизм отца. Я верю: когда человек встречает свою любовь, он это сразу понимает. — Принц с нежностью посмотрел на Амбру. — И поэтому… — Хулиан сделал шаг назад, не отводя от нее взгляда.

Осознав, что происходит, Амбра застыла от удивления. *НЕТ! Хулиан! Что ты делаешь?*

Наследный принц Испании встал перед ней на одно колено.

— Амбра Видаль, сейчас перед тобой не принц, а влюбленный мужчина. — Его взгляд затуманила нежность. Операторы сразу дали его лицо крупным планом. — Я люблю тебя. Будь моей женой.

Аудитория в студии и ведущие шоу затаили дыхание в радостном предвкушении. Амбра чувствовала, что взгляды миллионов телезрителей всей страны устремлены на нее. Кровь прихлынула к щекам, ей казалось, что софиты сжигают лицо. Сердце неистово колотилось. Она смотрела на коленопреклоненного Хулиана, и тысячи мыслей теснились в голове.

Как ты мог поставить меня в такое положение? Мы ведь знакомы совсем недавно. Я должна

тебе кое-что рассказать о себе… И это все изменит…

Амбра не помнила, долго ли она, онемев, в панике, стояла так. Наконец одна из ведущих с развязным смешком сказала:

— Похоже, сеньорита Видаль в шоке. Сеньорита Вида-а-ль? Прекрасный принц у ваших ног на глазах всего мира предлагает вам руку и сердце!

Амбра лихорадочно пыталась найти выход из положения. Но выхода не было. Она поняла, что оказалась в западне. У нее нет выбора.

— Я поражена, это так неожиданно, это какая-то волшебная сказка со счастливым концом. — Она расправила плечи и с нежной улыбкой посмотрела на Хулиана. — Конечно же, я согласна.

Студия взорвалась аплодисментами.

Хулиан поднялся и обнял Амбру. Оказавшись перед камерами в крепких объятиях принца, Амбра вдруг поняла, что они никогда так не обнимались.

Десять минут спустя они уже сидели в его лимузине.

— Похоже, я застал тебя врасплох, — говорил Хулиан. — Прости. Я хотел, чтобы все было романтично. Поверь, ты мне бесконечно дорога и…

— Хулиан, — резко прервала его Амбра, — ты

мне тоже дорог. Но подумай, в какое положение ты меня поставил! Мне и в голову не приходило, что ты так быстро сделаешь предложение. Мы ведь едва знакомы! И мне многое надо рассказать тебе, это важно… о моем прошлом.

— Прошлое не имеет значения.

— Нет, имеет. Огромное значение.

Он улыбнулся и покачал головой:

— Я люблю тебя. Это главное. Верь мне.

Амбра пристально смотрела на него. *Хорошо. Раз так…* Совсем иначе она представляла этот разговор, но у нее опять не было выбора.

— Тогда слушай, Хулиан. В детстве я подхватила ужасную инфекцию, от которой чуть не умерла.

— Понятно.

Амбра продолжала говорить и чувствовала, как у нее все внутри обрывается.

— Из-за этой болезни все мои мечты завести ребенка… так и остались мечтами.

— Прости, не понял?

— Хулиан, — безжизненным голосом прошептала она, — я не могу иметь детей. Эта болезнь, в детстве, она сделала меня бесплодной. Я всегда хотела ребенка, но у меня никогда не будет своих детей. Прости. Я знаю, как это важно для тебя. Но ты только что сделал предложение женщине,

которая не сможет родить тебе наследника.

Лицо Хулиана побелело.

Амбра закрыла глаза в ожидании его ответа. *Хулиан, ты должен обнять меня и сказать: все будет хорошо. Скажи, что все это не важно и ты все равно любишь меня.*

Но он молчал.

Он даже инстинктивно чуть отстранился от нее.

И в этот момент Амбра поняла: все кончено.

Глава 45

Подразделение электронной безопасности Королевской гвардии — тесный крольчатник из глухих комнатушек без окон в подвальном этаже дворца. По соображениям секретности вынесенное за пределы просторных казарм и арсенала гвардии, оно состояло из десятка серверов, телефонного коммутатора и покрытой мониторами слежения стены. В штате восемь человек, все до тридцати пяти лет. Они отвечают за защищенные линии связи между дворцом и гвардией и обеспечивают общую электронную поддержку.

Сегодня, как обычно, здесь было душно, воняло попкорном и разогретой в микроволновках лапшой быстрого приготовления.

Тут я и попросила устроить мне кабинет, подумала Мартин.

Пиар-координатор формально не входил в структуру гвардии, но работа Мартин требовала, чтобы рядом постоянно были мощные компьютеры и технически продвинутый персонал. Поэтому подразделение электронной безопасности было более подходящим местом для нее, чем недоста-

точно хорошо оснащенный кабинет во дворце.

Сегодня мне понадобятся все наши мощности.

Последние несколько месяцев главной заботой Моники было информационное сопровождение постепенного перехода власти к принцу Хулиану. А это нелегко. Переход власти — это очередной повод для выступлений противников монархии.

Согласно испанской конституции монархия — «символ нерушимого единства и неколебимости Испании». Но Мартин знала: на самом деле в Испании никакого единства нет. В 1931 году Вторая республика положила конец монархии, но затем в 1936 году был путч Франко, который вверг страну в Гражданскую войну.

Сегодня восстановленная и ограниченная конституцией монархия считается либерально-демократической. Но многие либералы продолжают выступать против короля, называя его власть пережитком темного религиозного и милитаристского прошлого и считая монархию постоянным напоминанием о том, что Испания до сих пор не вполне соответствует требованиям современного мира.

В пресс-релизах последнего месяца Моника Мартин по-прежнему поддерживала привычный имидж короля — он лишен реальной власти, но

его любит народ, и он служит символом нации. Получалось не очень, ведь монарх оставался главнокомандующим вооруженными силами и главой государства.

Глава государства, думала Мартин, *в стране, где церковь толком от государства не отделена*. Близкие отношения престарелого короля и епископа Вальдеспино на протяжении многих лет действовали на *либералов* и противников церкви как красная тряпка на быка.

И вот теперь принц Хулиан.

Мартин знала, что своим постом целиком обязана принцу, но именно из-за него ее работа в последнее время становилась все труднее. А несколько недель назад принц устроил настоящую пиар-катастрофу.

В прямом эфире национального телевидения, стоя на одном колене, он сделал это нелепое предложение Амбре Видаль. Не хватало только, чтобы она отказала ему на глазах у миллионов телезрителей, но, слава Богу, у нее хватило ума согласиться.

К несчастью, после помолвки Амбра Видаль повела себя не лучшим образом, и ее бесконечные экстравагантные выходки постоянно создавали проблемы для Моники Мартин.

Но сегодня эта тема полностью отошла на второй план. Волна медиаактивности, вызванная событиями в Бильбао, достигла беспрецедентных масштабов. За последний час мир захлестнуло настоящее цунами конспирологических теорий. К сожалению, некоторые из них касались епископа Вальдеспино.

Авторы самых неприятных версий исходили из того, что стрелок из Бильбао получил доступ на презентацию Кирша «по прямому указанию кого-то из королевского дворца». Целые тучи новостных сайтов раскручивали захватывающую теорию, согласно которой прикованный к постели король и епископ Вальдеспино составили заговор, чтобы убить Эдмонда Кирша — полубога виртуального мира, блистательного американского гения, который выбрал Испанию своим домом.

Они уничтожат Вальдеспино, думала Мартин.

— Всем внимание! — почти кричал Гарза, вбегая в комнату электронного слежения. — Принц Хулиан и епископ Вальдеспино сейчас находятся где-то на территории. Проверьте все камеры и найдите их. Немедленно!

Потом командор прошел в кабинет Мартин и сообщил ей новости о принце и Вальдеспино.

– *Ушли*? — с недоверием переспросила она. — И оставили телефоны в *сейфе*?

Гарза пожал плечами:

— Очевидно, чтобы мы не смогли до них добраться.

— Нам бы *лучше* их найти, — сказала Мартин. — Принцу Хулиану необходимо срочно выступить с заявлением. И дистанцироваться от Вальдеспино как можно дальше. — Она пересказала Гарзе все, что всплыло в Интернете за последний час.

Теперь удивился Гарза.

— Все это полный бред. Вальдеспино не может стоять за убийством.

— Не может… и может. Убийство так или иначе связано с католической церковью. Обнаружена прямая связь между убийцей и высокопоставленным иерархом церкви. Посмотрите. — Мартин вывела на экран компьютера очередное сообщение ConspiracyNet, основанное на новой информации от источника, называющего себя monte@iglesia.org. — Это появилось несколько минут назад.

Гарза наклонился и начал читать.

— Ну нет! — возмущенно воскликнул он. — *Папа*? Авила не мог быть лично знаком…

— Читайте дальше…

Закончив, Гарза выпрямился, отступил на шаг и принялся усиленно моргать, словно пытался пробудиться от страшного сна.

В этот момент его позвали из комнаты визуального контроля:

— Командор Гарза! Я нашел их!

Гарза и Мартин бросились в закуток агента Суреша Бхаллы, уроженца Индии, недавно поступившего на службу. Он указывал на монитор, куда была выведена видеозапись одной из камер слежения. На мониторе два человека — один в епископском облачении, другой в строгом деловом костюме — шли по дорожке парка.

— Восточный сад, — сказал Суреш. — Две минуты назад.

— Они вышли из здания? — удивился Гарза.

— Смотрите, сеньор. — Суреш прокрутил в ускоренном режиме записи с нескольких камер во дворце, а потом включил изображение в режиме реального времени: двое мужчин выходили из сада и двигались по внутреннему двору.

— Куда они идут?

Мартин уже догадалась куда. Она заметила, что Вальдеспино идет по обходной дорожке, чтобы не попасться на глаза журналистам, наводнившим главную площадь.

Как она и предполагала, Вальдеспино и принц дошли до южного служебного входа в собор Альмудена, епископ отпер дверь и пропустил принца вперед. Потом вошел сам и захлопнул дверь. Епископ и принц исчезли с экранов.

Гарза молча смотрел на закрытую дверь на мониторе, судя по всему, не очень понимая, что такое он несколько мгновений назад увидел.

— Держите меня в курсе, — наконец сказал он и отвел Монику Мартин в сторону.

Когда они отошли на достаточное расстояние, Гарза прошептал:

— Не знаю, как епископ Вальдеспино сумел убедить принца Хулиана уйти с ним из дворца и оставить телефоны в сейфе. Но я уверен, что принц не в курсе обвинений, которые выдвигают против Вальдеспино. Иначе бы не пошел с ним.

— Согласна, — кивнула Мартин. — Даже страшно подумать, какую игру ведет епископ, и… — Она замолчала.

— Что — и? — спросил Гарза.

Мартин вздохнула:

— Просто подумала, что Вальдеспино захватил очень ценного заложника.

В четырехстах километрах севернее Мадрида в атриуме музея Гуггенхайма у агента Фонсеки

зазвонил телефон. Шестой раз за последние двадцать минут. Он взглянул на высветившийся номер и невольно вытянулся по стойке «смирно».

— ¿Sí? — Сердце его забилось учащенно.

С ним заговорили по-испански, неторопливо и отчетливо:

— Агент Фонсека, как вам прекрасно известно, будущая королева Испании совершила сегодня ряд опрометчивых поступков, ее имя оказалось связано с сомнительными людьми, а репутации королевского дворца нанесен существенный урон. С целью не допустить худшего крайне важно доставить ее во дворец как можно скорее.

— Дело в том, что местонахождение сеньориты Видаль выяснить в данный момент не представляется возможным.

— Сорок минут назад личный самолет Эдмонда Кирша вылетел из аэропорта Бильбао и направился в Барселону. Сеньорита Видаль находится на борту.

— Откуда вы знаете? — невольно воскликнул Фонсека и тут же пожалел, что не сдержался.

— Если бы вы должным образом выполняли свои обязанности, — сурово проговорили в телефоне, — то выяснили бы это самостоятельно.

Вам и вашему напарнику следует немедленно отправиться вслед за ней. Военный борт ждет вас в аэропорту Бильбао.

— Если сеньорита Видаль в том самолете, — сказал Фонсека, — значит, и американский профессор Роберт Лэнгдон с ней?

— Да, — прозвучал голос, в котором слышалось неудовольствие. — Не знаю, как ему удалось убедить сеньориту Видаль оставить охрану и бежать с ним, но в любом случае он нам только мешает. Ваша задача найти сеньориту Видаль и вернуть ее во дворец. Если понадобится — силой.

— А если Лэнгдон вмешается?

На минуту повисла тяжелая тишина.

— Постарайтесь минимизировать возможный ущерб. Но ситуация настолько взрывоопасна, что — в крайнем случае — профессором Лэнгдоном можно пожертвовать.

Глава 46

ConspiracyNet.com

Последние новости

КИРШ В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

Первая часть презентации научного открытия Эдмонда Кирша собрала около трех миллионов зрителей. После убийства футуролога тема оказалась в топе крупнейших мировых телеканалов и сетевых ресурсов. Аудитория выросла, по некоторым оценкам, до восьмидесяти миллионов.

Глава 47

«Гольфстрим-G550» приступил к снижению, приближаясь к Барселоне. Роберт Лэнгдон допивал вторую чашку кофе. На столике лежали остатки их с Амброй импровизированной ночной трапезы из бортовых запасов Эдмонда: орешки, рисовые хлебцы, разнообразные «веганские батончики» — все на один вкус.

Амбра только что допила второй бокал красного вина и, судя по всему, немного успокоилась.

— Спасибо, что выслушали меня, — произнесла она сонным голосом. — Сами понимаете, я ни с кем не могла поговорить о Хулиане.

Лэнгдон кивнул. Он только что выслушал очень странную историю о предложении руки и сердца в прямом эфире. *У нее действительно не было выбора*, думал Лэнгдон. Не позорить же перед всей страной будущего короля Испании.

— Если бы он не поторопился с предложением, я успела бы рассказать, что не могу иметь детей. Но все случилось так внезапно. — Она покачала головой и с грустью посмотрела в иллюминатор. — Я думала, он мне нравится. Не знаю, может,

все это было…

— Высокий и темноволосый красавец принц? — криво усмехнулся Лэнгдон.

Амбра печально улыбнулась и посмотрела на него:

— Он действительно очень красивый. И потом, мне кажется, он по-настоящему хороший человек. Немного скрытный, но в сущности очень добрый — нет, не мог он приказать убить Эдмонда.

Лэнгдон готов был согласиться. Принцу ничего не давала смерть Эдмонда, и не было доказательств его причастности — только звонок из дворца с просьбой включить адмирала Авилу в список гостей. Скорее подозрения вызывал Вальдеспино. Епископ знал об открытии Кирша, представлял неимоверную опасность открытия для мировых религий, и у него было время разработать план, чтобы предотвратить его обнародование.

— Очевидно, я не выйду за Хулиана, — тихо сказала Амбра. — Он наверняка расторгнет помолвку. Их династия правит уже несколько веков. Что-то подсказывает мне: музейный работник из Бильбао — недостаточное основание для прекращения династии.

Из динамиков раздался голос командира — он попросил пассажиров приготовиться к посадке в Барселоне.

Расстроенная разговорами о принце, Амбра встала и принялась наводить порядок в салоне — убрала в бар бокалы и остатки еды.

— Профессор, — заговорил вдруг Уинстон — ожил телефон Эдмонда, лежавший на столике. — Думаю, вам следует ознакомиться с новой информацией, которая появилась в Сети. Есть веские доказательства тайной связи между епископом Вальдеспино и убийцей — адмиралом Авилой.

Лэнгдона встревожило это известие.

— К несчастью, это не все, — продолжил Уинстон. — Как вы знаете, Кирш тайно встречался с Вальдеспино и еще двумя религиозными деятелями — известным раввином и влиятельным имамом. Прошлой ночью имама нашли мертвым в пустыне в окрестностях Дубая. А несколько минут назад пришла трагическая весть из Будапешта: рабби также обнаружен мертвым. Судя по всему, сердечный приступ.

Лэнгдон удивленно приподнял брови.

— Многие в Сети, — продолжал Уинстон, — задаются вопросом: не слишком ли странное

совпадение, что эти двое скончались почти одновременно?

Лэнгдон молча кивнул. Так или иначе, но сейчас епископ Вальдеспино — *единственный* на земле человек, которому известно, в чем суть открытия Эдмонда Кирша.

«Гольфстрим-G550» коснулся посадочной полосы аэропорта Сабадель в предместье Барселоны. Амбра смотрела в иллюминатор: репортеров не было. Эдмонд говорил, что пользуется этим маленьким аэропортом, чтобы избегать встреч с папарацци в международном аэропорту Барселоны Эль-Прат. Амбра знала: на самом деле причина в другом. Эдмонд любил внимание публики и держал свой самолет в аэропорту Сабадель только потому, что ему нравилось добираться до дома по горным серпантинам на любимом спорткаре «Тесла-XP90D» ручной сборки, который, по слухам, подарил ему Илон Маск[75]. Говорят, однажды Эдмонд предложил своим пилотам устроить гонку «на милю» — «гольфстрим» против «теслы», но летчики прикинули шансы и отказались.

---

[75] Сноски: 75

Илон Рив Маск — канадско-американский инженер, предприниматель, изобретатель и инвестор; генеральный директор и главный идейный вдохновитель компании «Тесла».

Мне будет не хватать Эдмонда, с грустью подумала Амбра. Да, он был зациклен на себе, нагл и порой невыносим, но такой блистательный ум не заслуживал столь ужасного конца. *Мы должны почтить его память, не позволив пропасть его открытию.*

Самолет остановился в личном ангаре Эдмонда, шум двигателей смолк. Кругом было тихо и спокойно. Похоже, их пока не засекли.

Спускаясь по трапу самолета, Амбра вдохнула ночной воздух и попыталась собраться с мыслями. Второй бокал вина явно был лишним. Ступив на бетонный пол ангара, она слегка пошатнулась, и тут же под локоть ее подхватила сильная рука Лэнгдона.

— Спасибо, — прошептала Амбра и улыбнулась.

Лэнгдон после двух чашек кофе выглядел сосредоточенным и бодрым.

— Нам надо сматываться как можно скорее, — сказал он, глядя на элегантный черный спорткар, припаркованный в углу ангара. — Это и есть машина, о которой вы говорили?

Она кивнула:

— Тайная любовь Эдмонда.

— Номер какой-то странный.

Амбра посмотрела на номерной знак и усмехнулась.

E-WAVE

— Эдмонд рассказал, — объяснила она, — что «Гугл» и НАСА недавно разработали «квантовый» суперкомпьютер и назвали его «D-Wave». Эдмонд пытался донести до меня, как он работает, но там все сложно. Суперпозиции, квантовая механика. Словом, машина построена на совершенно новых принципах. Эдмонд сказал, что сделает компьютер лучше, чем «D-Wave». Собирался назвать его «E-Wave».

E — это от Эдмонд[76], подумал Лэнгдон.

И еще E в английском алфавите идет после D, подумала Амбра, вспоминая историю, которую рассказал ей Эдмонд. Знаменитый компьютер в фильме «2001 год: Космическая одиссея» назывался «HAL», потому что каждая буква предшествовала в алфавите буквам «IBM».

— А ключ от машины? — спросил Лэнгдон. — Он не сказал, где его прячет?

— Ключ не нужен. — Амбра помахала смартфоном Эдмонда. — Он показывал мне, как это

---

[76] Сноски: 76
Edmond — Эдмонд (*англ.*).

работает, когда я гостила у него месяц назад.

Она коснулась экрана смартфона, запустила приложение «Тесла» и выбрала команду.

У спорткара включились фары, и он, бесшумно подкатив к Лэнгдону и Амбре, остановился.

Профессор настороженно смотрел на автомобиль: ему явно не хотелось ехать в машине, которая все делает сама.

— Не волнуйтесь, — успокоила его Амбра. — Садитесь за руль. До дома Эдмонда поведете вы.

Лэнгдон кивнул в знак согласия и начал обходить автомобиль, направляясь к водительской дверце. Оказавшись перед передним бампером, взглянул на номер и расхохотался. Амбра знала, что его рассмешило. На рамке спереди было написано: И АЙТИШНИКИ НАСЛЕДУЮТ ЗЕМЛЮ.

— Как это характерно для Эдмонда, — улыбнулся Лэнгдон, садясь за руль. — Скромность никогда не входила в число его достоинств.

— Он любил свою машину, — сказала Амбра, опускаясь на пассажирское сиденье. — Этот электромобиль шустрее, чем «феррари».

Лэнгдон поежился, глядя на навороченную приборную панель.

— Вообще-то я не большой поклонник автомобилей.

Амбра улыбнулась:
— У вас все *впереди*.

Глава 48

Такси «Убер» мчалось в темноте на восток, а адмирал Авила вспоминал, сколько раз, будучи на морской службе, заходил в порт Барселоны.

Прежняя жизнь казалась такой далекой, и закончилась она взрывом в Севилье. Судьба жестока и непредсказуема, как капризная женщина. Но сейчас она, похоже, перестала истерить и начала вести себя разумно. Та же судьба, что растерзала его душу в кафедральном соборе, подарила ему вторую жизнь, которая тоже началась в стенах собора, но совершенно иного.

И привел его туда простой физиотерапевт по имени Марко.

— Встреча с папой? — с удивлением спрашивал Авила много месяцев назад, когда Марко впервые сказал ему, что такое возможно. — Завтра? В Риме?

— Завтра в *Испании*, — ответил Марко. — Папа здесь.

Авила смотрел на него, как на сумасшедшего.

— Но в СМИ ничего не было о визите его святейшества в Испанию.

— Немного терпения и доверия, адмирал, — улыбнулся Марко. — Если, конечно, завтра у вас нет более важных дел.

Авила молча посмотрел на раненую ногу.

— Выезжаем завтра в девять, — сказал Марко. — Обещаю, поездка будет куда легче, чем занятие по реабилитации.

На следующее утро Авила, облаченный в парадную форму, которую Марко привез ему из дома, ковылял на костылях по двору к «фиату» Марко. Они выехали с территории больницы и помчались по авенида-де-ла-Раца, потом покинули город и продолжили движение на юг по трассе N-IV.

— Куда мы едем? — с тревогой спросил Авила.

— Не беспокойтесь, — ответил с улыбкой Марко. — Доверьтесь мне. Осталось всего полчаса.

Авила знал, что вдоль трассы N-IV на протяжении ближайших 150 километров — ничего, кроме выжженных солнцем пастбищ. Не совершает ли он ужасную ошибку?

Через полчаса они подъехали к городу-призраку Эль-Торбискаль — некогда он процветал, но теперь в нем не осталось ни одного жителя. *Куда, черт возьми, он меня везет?* Марко проехал еще несколько минут прямо, потом съехал с трассы и

повернул на север.

— Смотрите! — Марко указал рукой куда-то в поле.

Авила ничего не видел. Или у инструктора галлюцинации, или глаза у адмирала уже не те. Они проехали еще чуть-чуть, и Авила вздрогнул от удивления.

Это… собор?

Столь внушительное здание скорее подходило для Мадрида или Парижа. Авила всю жизнь прожил в Севилье, но не знал, что относительно недалеко от города в чистом поле стоит такой огромный собор. Чем ближе они подъезжали, тем более ошеломляющее впечатление производило грандиозное строение. Мощные бетонные стены свидетельствовали о таком уровне безопасности, какой Авиле доводилось встречать только в Ватикане.

Марко свернул с магистрали на узкую подъездную дорожку и вскоре остановился у высоких железных ворот. Он вынул из бардачка ламинированную карточку и положил под лобовое стекло.

Вскоре появился охранник. Посмотрел на карточку, потом заглянул в салон машины и, узнав Марко, приветливо улыбнулся:

— Bienvenidos.¿Qué tal, Marco?[77]

Они пожали друг другу руки, и Марко представил адмирала Авилу.

— На venido a conocer al papa, — объяснил Марко охраннику. *Приехал на встречу с папой.*

Охранник кивнул, окинул уважительным взглядом награды на кителе Авилы и махнул рукой: проезжайте. Массивные ворота распахнулись. Авиле показалось, будто они въезжают в средневековый замок.

Перед ними возвышался величественный готический собор. Восемь устремленных ввысь шпилей с трехъярусными колокольнями. Три массивных купола составляли центр композиции. Облицован собор был бурым и белым камнем, и это придавало ему неожиданно современный вид.

Авила опустил взгляд. Подъездная дорога разделялась на три параллельные аллеи, обсаженные высокими пальмами. К большому удивлению адмирала, все аллеи сплошь были заставлены машинами: сотни машин — люксовые седаны, проржавевшие автобусы, заляпанные грязью мопеды… Чего тут только не было.

---

[77] Сноски: 77
Добро пожаловать. Как ты, Марко? (*исп.*)

Марко проехал по аллее прямо к центральному внутреннему двору, где стоял охранник, который посмотрел на часы и указал на свободное парковочное место, очевидно, оставленное специально для них.

— Мы немного опоздали, — сказал Марко. — Надо поторапливаться.

Авила хотел было ответить, но слова застряли у него в горле.

Он увидел табличку на стене собора.

Iglesia Católica Palmariana[78]

Господи! Адмирала передернуло. *Я же слышал об этой церкви!*

Он посмотрел на Марко, пытаясь взять себя в руки.

— Это и есть твоя церковь, Марко? — Авила старался говорить как можно спокойнее. — Ты… *пальмарианин*?

Марко улыбнулся:

— Вы произносите это слово как будто бы с отвращением. А я всего лишь ревностный католик, который считает, что Рим сбился с пути.

Авила снова посмотрел на собор. Странные

---

[78] Сноски: 78
Пальмарианская католическая церковь (*исп.*).

слова Марко о том, что он знаком с папой, теперь стали понятны. *Этот* папа действительно в Испании.

Несколько лет назад телеканал «Sur»[79] показал документальный фильм «La Iglesia Oscura»[80], в котором разоблачались тайны пальмариан. Авила с удивлением узнал о приобретающей все большее влияние загадочной церкви, паства которой постоянно растет.

Сначала нескольких местных жителей посетили видения, прямо в окрестных полях. По их словам, им являлась Дева Мария и предупреждала, что католическая церковь поражена «современной ересью», а потому нужно вставать на защиту истинной веры.

Дева Мария, кроме того, повелела основать новую церковь, а действующего папу римского объявить лжепапой. Учение о том, что папа в Ватикане — *не* настоящий, известно под названием *седевакантизм*. Его приверженцы считают, что престол Святого Петра с некоторых пор остается в буквальном смысле «вакантным».

Более того, пальмариане заявили: у них есть

---

[79] Сноски: 79
«Юг» (*исп.*).

[80] Сноски: 80
«Темная церковь» (*исп.*).

доказательства, что истинный понтифик — основатель их церкви, человек по имени Климент Домингес-и-Гомес, провозгласивший себя папой Григорием XVII. При папе Григории, которого традиционные католики считают «антипапой», пальмарианская церковь быстро росла.

В 2005 году папа Григорий умер прямо в соборе, когда служил пасхальную мессу, и его сторонники сочли это мистическим знаком свыше, подтверждающим, что этот человек послан Богом.

И вот теперь Авила смотрел на величественный собор, понимая, что оказался в обители зла.

Кем бы он ни был, этот антипапа, мне совершенно незачем с ним встречаться.

В дополнение к странным претензиям пальмариан на истинность их папы ходили слухи, что они не брезгуют промывкой мозгов своей пастве, используют методы тоталитарных сект и даже причастны к некоторым таинственным убийствам. В частности — прихожанки Бриджит Кросби, которая, судя по заявлениям адвоката ее семьи, «не смогла вырваться» из пальмарианской общины в Ирландии.

Авила не хотел ссориться с новым другом, но он ожидал от сегодняшней поездки совершенно

другого.

— Марко, — сказал он извиняющимся тоном, — прости, но не думаю, что мне надо идти в этот храм.

— Я ждал, когда вы это скажете, — невозмутимо ответил Марко. — Признаться, я и сам почувствовал то же самое, когда впервые оказался здесь. Я тоже наслушался сплетен и слухов, но, поверьте, это лишь грязная пропагандистская кампания, которую ведет против нас Ватикан.

И ты еще обвиняешь Ватикан? Ваша церковь сама объявила его вне закона.

— Кому-то нужно дискредитировать нас, и в ход идет ложь. Вот уже много лет Ватикан целенаправленно распространяет лживые сплетни о пальмарианах.

Авила снова посмотрел на величественный роскошный собор.

— Все это странно, — сказал он. — Если у вас нет связей с Ватиканом, откуда такие деньги?

Марко улыбнулся:

— Вы не представляете, сколько тайных пальмариан среди католических священников. Очень многие служители церкви в Испании не одобряют либеральных веяний, которые идут из Рима. И они тайно жертвуют деньги нашей церкви, где

уважают традиционные ценности.

Ответ оказался неожиданным, но очень убедительным. Авила и сам чувствовал, как усугубляется раскол внутри католической церкви, как растет пропасть между сторонниками «модернизации любой ценой» и теми, кто видит истинное призвание церкви в том, чтобы твердо отстаивать свои позиции перед лицом меняющегося мира.

— Наш новый папа — выдающийся человек, — сказал Марко. — Я рассказал ему вашу историю, и он просил передать, что будет рад увидеть заслуженного офицера в нашей церкви и готов встретиться с вами сразу после мессы. Как и его предшественник, он сам бывший военный и прекрасно понимает, через что вам пришлось пройти. Я искренне уверен, что он поможет вам обрести душевный покой.

Марко открыл дверцу, собираясь выйти из машины, но Авила сидел неподвижно. Он смотрел на величественное здание, и в нем неожиданно проснулось чувство вины перед этими людьми за его предвзятое мнение. Ведь если честно, он ничего не знал о пальмарианской церкви, до него доходили только слухи. А слухи распространяют и о Ватикане. Можно подумать, католическая церковь чем-то помогла Авиле после ужасного

взрыва. *Прощай врагов своих,* говорила ему монашка, *подставь другую щеку.*

— Луис, послушайте, — тихо заговорил Марко. — Я немного слукавил, приглашая вас сюда, но исключительно из благих побуждений… Я хочу, чтобы вы встретились с этим человеком. Он коренным образом изменил мою жизнь. Потеряв ногу, я оказался почти в таком же положении, как вы. Я хотел умереть. Я погружался в беспросветный мрак, а этот человек указал мне цель в жизни. Просто пойдите и послушайте.

Авила никак не мог решиться.

— Рад за тебя, Марко. Но, думаю, я сам как-нибудь справлюсь.

— Сам? — Молодой человек засмеялся. — Неделю назад вы приставили пистолет к виску и нажали на спусковой крючок. Вот что вы сделали самостоятельно, мой друг.

Он прав, мысленно согласился Авила. *Через неделю меня выпишут из больницы, я вернусь домой, и все начнется сначала.*

— Чего вы боитесь? — не отступал Марко. — Вы же морской офицер. Мужчина, командир корабля. Вы боитесь, что папа промоет вам мозги за десять минут или возьмет вас в заложники?

Сам не знаю, чего я боюсь, подумал Авила. Опу-

стив взгляд, он разглядывал раненую ногу, при этом ощущая себя маленьким и беспомощным. Большую часть жизни он командовал другими, отдавал приказы. И теперь с трудом представлял, что кто-то станет командовать им.

— Ладно, — наконец сказал Марко и снова пристегнул ремень безопасности. — Извините. Вижу, вы не в своей тарелке. Не буду на вас давить. — Он потянулся к ключу зажигания.

Авила почувствовал, что ведет себя как дурак. Марко — ребенок по сравнению с ним, в три раза моложе, без ноги, пытается ему помочь, а он в ответ ломается и встает в позу.

— Нет, — сказал Авила. — Прости, Марко. Я почту за честь послушать проповедь этого человека.

Глава 49

Огромное лобовое стекло «теслы» плавно переходило в крышу, и Лэнгдону казалось, что он плывет над дорогой в стеклянном пузыре.

Машина неслась на юг, к Барселоне, по трассе, проложенной через лес. Лэнгдон удивлялся, насколько легко управлять этим электромобилем, — а ведь скорость сейчас выше, чем щедро разрешенные здесь сто двадцать километров в час. С бесшумным электродвигателем и одноступенчатым редуктором скорости вообще не замечаешь.

Амбра сосредоточенно смотрела на большой экран бортового компьютера и пересказывала Лэнгдону последние новости из Интернета. Мир взбудораженно обсуждал версию глобального заговора. Ходили слухи, что епископ Вальдеспино организовывал сбор средств для антипапы пальмарианской церкви. А эта церковь, в свою очередь, опираясь на сторонников в кругу военных, ликвидировала не только Эдмонда, но и Саида аль-Фадла и рабби Иегуду Кёвеша.

Амбра читала вслух, и им обоим станови-

лось все яснее: мир сейчас интересует один вопрос — что же такое открыл Эдмонд? Неужели его открытие настолько угрожает церкви, что почтенный епископ и католические сектанты могли решиться на *убийство*?

— Аудитория огромная, — заметила Амбра. — Интерес к этой истории беспрецедентный. Похоже, весь мир наблюдает за развитием событий.

Лэнгдон с грустью подумал, что у этого ужасного убийства есть и обратная сторона. Электронные медиа привлекли к произошедшему внимание миллионов. Даже мертвый, Эдмонд продолжал вызывать к себе необычайный интерес.

Эти мысли еще больше укрепили Лэнгдона в решении найти пароль из сорока семи знаков и показать презентацию миру.

— До сих пор нет заявления от Хулиана, — недоумевала Амбра. — Вообще ни слова из дворца! Странно. Я знаю их пиарщицу Монику Мартин. Она всегда стоит за открытость и старается играть на опережение, чтобы не дать повода для сплетен. Наверняка она сейчас убеждает Хулиана поскорее выступить перед публикой.

Лэнгдон был полностью согласен с Амброй. В заговоре обвиняют церковного деятеля, ближе всех стоящего к королевскому дворцу. Дворец

должен заявить о своей позиции — хотя бы о том, что контролирует расследование.

— Тем более, — добавил Лэнгдон, — что будущая королева стояла рядом с Эдмондом, когда в него стреляли. А ведь мишенью могли быть и вы, Амбра. Принцу стоило бы по крайней мере сказать нечто вроде «я счастлив, что с моей невестой все порядке».

— Не уверена, что он счастлив, — сухо заметила Амбра, откидываясь на сиденье.

Лэнгдон бросил на нее быстрый взгляд:

— Я, во всяком случае, счастлив. В одиночку я бы сегодня не справился.

— В одиночку? — послышался голос с британским акцентом из колонок автомобиля. — Как же коротка человеческая память!

Лэнгдона рассмешило столь откровенно выраженное недовольство.

— Уинстон, это Эдмонд тебя таким запрограммировал? Обидчивым и ранимым?

— Нет, — ответил Уинстон. — Эдмонд программировал меня так, чтобы я наблюдал, учился и вел себя как человек. Мой обиженный тон — попытка пошутить, а шутки Эдмонд всегда поощрял. Юмор нельзя запрограммировать. Ему надо учиться.

— Ты делаешь успехи.

— Правда?! — воскликнул Уинстон. — А вы не могли бы это повторить?

Лэнгдон расхохотался:

— Пожалуйста. Уинстон, ты прекрасный ученик.

Амбра вернулась на стартовую страницу бортового компьютера. На дисплее появился навигатор со спутниковой картой и маленьким значком, указывающим положение их машины. Сейчас они выезжали из природного парка Кольсерола и поворачивали на трассу B-20, ведущую к Барселоне. К югу на спутниковой фотографии располагался странный объект — большой лесной массив посреди городской застройки. Зеленое пятно, вытянутое и бесформенное, походило на амебу.

— Это парк Гуэль? — спросил Лэнгдон.

Амбра посмотрела на экран и кивнула:

— Он самый.

— Эдмонд часто заезжал туда, — сказал Уинстон, — по дороге домой из аэропорта.

Неудивительно, подумал Лэнгдон. Парк Гуэль — один из известнейших шедевров Антонио Гауди, того самого архитектора и художника, чью мозаику Эдмонд использовал в оформлении

корпуса своего смартфона. *Гауди и Эдмонд очень похожи*, подумал Лэнгдон. *Оба первооткрыватели и провидцы, к которым общепринятые правила неприменимы.*

Антонио Гауди черпал вдохновение в органических формах, используя «Божий мир природы» для создания текучих биоморфных структур, которые как бы сами вырастают из почвы. *В природе нет прямых линий*, якобы сказал он однажды. Во всяком случае, в работах Гауди их почти нет. Предтеча «живой архитектуры» и «биологического дизайна» выдумал невиданные прежде техники деревообработки, ковки, производства стекла и керамики, позволившие ему покрыть свои сооружения ослепительно пестрой «кожей».

Даже сегодня, почти век спустя после смерти Гауди, туристы со всего света приезжают в Барселону, чтобы посмотреть на его неповторимые творения в стиле испанского модерна. Он оформлял парки, строил общественные здания, особняки. И, конечно, главное дело его жизни — Саграда Фамилия, гигантский католический собор, чьи вознесшиеся к небу шпили, похожие на морские губки, определяют линию горизонта Барселоны. Этот собор критики называют «не

имеющим аналогов в истории архитектуры».

Лэнгдона всегда завораживал дерзкий замысел собора Саграда Фамилия — он настолько колоссален, что его достраивают до сих пор, спустя сто сорок лет после начала строительства.

Увидев очертания знаменитого парка Гуэль на карте, Лэнгдон вспомнил свой первый визит туда еще в пору студенчества. Тогда он оказался в чудесной стране изогнутых, как деревья, колонн, поддерживающих висячие переходы, в мире неопределенной формы скамеек, гротов с фонтанами, напоминающими драконов и рыб, и волнистых белых стен, похожих на жгутики и реснички гигантского одноклеточного организма.

— Эдмонду нравилось у Гауди все, — говорил Уинстон, — особенно его концепция природы как органического искусства.

Лэнгдон снова подумал об открытии Эдмонда. *Природа. Организм. Творение*. Он вспомнил знаменитую шестиугольную барселонскую плитку Гауди для городских тротуаров[81]. На каждой плитке одинаковый узор — вроде бы

[81] Сноски: 81

Дизайн плитки Гауди разработал в 1904 г. для интерьеров. В 1997 г. в честь Гауди такой плиткой были вымощены тротуары Пасео-де-Грасиа.

хаотичные завитушки. Но когда их укладываешь, повернув нужным образом, возникают удивительные картины подводной жизни, в которых угадывается планктон, микробы, примитивная морская флора. La Sopa Primordial — «первичный бульон» — так называют эти узоры местные жители.

Первичный бульон Гауди, подумал Лэнгдон, в очередной раз удивившись, как точно рифмуется Барселона с интересом Эдмонда к проблеме возникновения жизни. Согласно современным научным представлениям, жизнь на Земле зародилась в первичном бульоне — в древнем Мировом океане, куда вулканы извергли огромное количество химических веществ. Эти вещества перемешивались, бомбардировались молниями бесконечных гроз, бушевавших в те времена, — и вдруг под воздействием всех этих факторов, как микроскопический голем, появился первый одноклеточный живой организм.

— Амбра, — сказал Лэнгдон, — вы, как директор музея, должно быть, часто беседовали с Эдмондом об искусстве. Он не говорил, что его особенно привлекает в Гауди?

— Только то, о чем упоминал Уинстон. Взгляд Гауди на архитектуру как на творение самой

природы. Гроты Гауди будто возникли под действием дождя и ветра, его колонны словно сами выросли из земли, а тротуарная плитка напоминает примитивные морские организмы. — Она пожала плечами. — Как бы там ни было, Эдмонд так сильно любил Гауди, что переехал жить в Испанию.

Лэнгдон взглянул на нее удивленно. Он знал, что у Эдмонда есть дома и апартаменты в разных странах мира. Но в последнее время он действительно предпочитал жить в Испании.

— Эдмонд поселился в Испании из-за Гауди?

— Думаю, да, — кивнула Амбра. — Я однажды спросила: почему именно Испания? Он ответил, что представилась возможность арендовать уникальный дом — второго такого нет нигде. Он имел в виду свою резиденцию.

— А где он жил?

— Роберт, неужели вы не знаете? Эдмонд жил в Каса-Мила.

– *В том самом* Каса-Мила?

— В том самом, единственном и неповторимом. В прошлом году Эдмонд снял всю мансарду под свой лофт.

Лэнгдону понадобилось время, чтобы переварить услышанное. Каса-Мила — один из самых

знаменитых домов Гауди. Причудливым многоярусным фасадом и волнообразными балконами он напоминает гору, где добывают камень, за что его и прозвали La Pedrera — каменоломня.

— Но ведь в мансарде музей, — удивился Лэнгдон, вспомнив, что недавно там был.

— Да, — вмешался Уинстон. — Но Эдмонд сделал большой взнос в ЮНЕСКО, которое, как известно, охраняет этот дом как объект всемирного наследия. Вот почему на два года музей закрыли и позволили Эдмонду там жить. В конце концов, в Барселоне много других произведений Гауди.

Эдмонд поселился в музее Гауди в Каса-Мила? И все это затеял, чтобы прожить там всего два года?

— Эдмонд даже помог музею сделать образовательное видео об архитектуре Каса-Мила, — сообщил Уинстон. — Кстати, его стоит посмотреть.

— Видео действительно потрясающее, — согласилась Амбра. Наклонившись, она коснулась экрана бортового компьютера. Появилась клавиатура. Амбра набрала: Lapedrera.com. — Вот, посмотрите.

— Вообще-то я веду машину.

Амбра потянулась к рулевой колонке и дважды нажала маленький рычажок. Руль заблокиро-

вался, но машина не потеряла управления и продолжила движение строго по середине полосы.

— Автопилот, — пояснила Амбра.

Но Лэнгдон по-прежнему держал руки на руле, а ногу — на педали тормоза.

— Да расслабьтесь же. — Амбра тронула его за плечо. — Автопилот гораздо надежнее, чем человек.

Он осторожно отпустил руль и положил руки на колени.

— Браво, — улыбнулась Амбра. — Теперь можете смотреть видео о Каса-Мила.

Видео начиналось с потрясающего крупного плана: снятый с вертолета пенный гребень волны в открытом океане. Потом на горизонте появился остров — скалы, взметнувшиеся ввысь на сотню метров. У их подножия бились огромные волны.

На скалах проступили слова:

La Pedrera создана не Гауди.

Где-то полминуты Лэнгдон наблюдал, как бушующий прибой придает скалам вид фасада Каса-Мила. Потом океан ворвался внутрь горы, образовав пещеры и гроты комнат, бурлящие потоки воды вымывали в горной породе спирали

винтовых лестниц. Вьющиеся растения превращались в железные перила, а густой мох узорным ковром покрывал пол.

Наконец камера отъехала, и на экране появилась знаменитая «каменоломня» — Каса-Мила, — «выбитая прибоем» в величественной скале.

– La Pedrera –

Шедевр, созданный природой.

У Эдмонда определенно были задатки драматурга. После просмотра этого видео Лэнгдону захотелось снова побывать в знаменитом доме.

Он перевел взгляд на дорогу, выключил автопилот и взялся за руль.

— Будем надеяться, дома у Эдмонда мы найдем то, что ищем. Нам нужен пароль.

Глава 50

Командор Диего Гарза во главе четырех вооруженных агентов гвардии шел по Пласа-де-ла-Армериа, глядя прямо перед собой и не обращая внимания на выкрики журналистов за решеткой чугунной ограды. Через прутья ограды на него нацелились объективы телекамер, доносились просьбы прокомментировать события.

По крайней мере они увидят, предпринимаются хоть какие-то действия.

Отряд подошел к главному входу собора, который оказался заперт. Что неудивительно в такой час. Гарза принялся колотить в дверь рукояткой пистолета.

Тишина.

Гарза продолжал стучать.

Наконец дверь распахнулась, и командор оказался лицом к лицу с испуганной уборщицей, которая еще больше перепугалась, увидев перед собой крошечную армию.

— Где епископ Вальдеспино? — грозно спросил Гарза.

— Я… я не знаю.

— А я знаю, что он здесь. Вместе с принцем Хулианом. Вы их видели?

Она покачала головой.

— Я только что пришла. Я всегда по субботам убираюсь после…

Гарза решительно отодвинул ее в сторону и вместе с агентами устремился в полумрак собора.

— Закройте дверь, — бросил он уборщице. — И не путайтесь под ногами.

С пистолетом наготове он решительно направился к кабинету Вальдеспино.

На другой стороне площади в подвальной комнате визуального контроля Моника Мартин стояла у кулера и курила. Эту сигарету она хранила давно. Из-за волны либеральной политкорректности, захлестнувшей Испанию, курить в помещениях дворца запретили. Но, думала Мартин, учитывая обрушившийся сегодня на дворец шквал подозрений в совершении всевозможных преступлений, сигарета, пусть и немного пересушенная, вполне допустимое нарушение регламента.

Все пять новостных каналов на немых телеэкранах продолжали комментировать в прямом эфире убийство Эдмонда Кирша, снова и снова

прокручивая страшные кадры его смерти. И каждый показ предваряло лицемерное предостережение.

> Внимание: следующий сюжет содержит кадры, которые могут быть неприемлемыми для некоторых категорий зрителей.

Ни стыда ни совести, думала Мартин, ведь эти предостережения — не забота о зрителях, а приманка, после которой никто точно не станет переключать канал.

Она сделала еще одну затяжку, пощелкала пультом. Большинство телекомпаний пережевывали одни и те же «теории заговора», перемежая их кричащими заголовками «срочных новостей» или сенсационными вопросами в бегущей внизу строке.

> Футуролога убила церковь?
>
> Научное открытие века навсегда утрачено?
>
> Убийцу подослала королевская семья?

Вы должны сообщать новости, злилась Мартин, *а не распространять слухи под видом*

вопросов.

Моника всегда считала, что без серьезной журналистики не может быть свободы и демократии, и ее все больше раздражали беспринципные «коллеги», провоцирующие публику абсолютно бредовыми предположениями — они облекали их в форму вопросов, чтобы избежать обвинений в клевете.

Не отставали и серьезные научно-популярные каналы, которые спрашивали зрителей: «Вы считаете возможным, что этот храм в Перу в древности построили инопланетяне?»

Хватит, хотелось крикнуть Мартин прямо в экран. *Это невыносимо! Прекратите задавать идиотские вопросы!*

Канал Си-эн-эн, похоже, решил сохранить хоть какое-то самоуважение.

Памяти Эдмонда Кирша.
Пророк. Визионер. Творец.

Мартин включила звук.

— …человек, который любил искусство, технологии и инновации, — печально говорил ведущий. — Почти мистические способности предсказывать будущее сделали его имя известным всему миру. По словам коллег, все

предсказания Кирша в области компьютерной техники сбылись.

— Все так, Дэвид, — перебила его соведущая. — Жаль, мы не можем сказать то же самое о предсказаниях Кирша о *самом себе*.

На экране появилась архивная запись. Кирш с бронзовым от загара лицом дает интервью на тротуаре перед зданием Рокфеллер-центра в Нью-Йорке. «Сегодня мне тридцать лет, — говорит Эдмонд. — Теоретически я мог бы дотянуть до шестидесяти восьми. Но будущие успехи медицины, новые технологии долголетия, восстановление теломеров — концевых участков хромосом — дадут мне возможность встретить сто десятый день рождения. Я предсказываю это! И я настолько уверен в своем предсказании, что уже зарезервировал зал в ресторане «Рейнбоу рум» для банкета по случаю своего стодесятилетия. — Кирш улыбается и смотрит на самый верх здания. — Только что полностью оплатил счет — заранее, за *восемьдесят* лет. С учетом предполагаемой инфляции!»

На экране снова появилась ведущая и со скорбным видом изрекла:

— Как говорится, человек предполагает, а Бог располагает.

— Что верно, то верно, — подхватил ее коллега. — И все же один из самых интригующих вопросов, возникающих в связи со смертью Кирша: в чем суть его сенсационного открытия? — Он серьезно посмотрел прямо в камеру. — Откуда мы? Что нас ждет? Два великих вопроса. Два вечных вопроса.

— И чтобы попытаться ответить на эти вопросы, — с энтузиазмом продолжила ведущая, — к нам присоединяются две очень компетентные женщины — священник епископальной церкви из Вермонта и биолог-эволюционист из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Мы вернемся после короткой рекламы, чтобы узнать их мнения.

Мартин заранее знала их мнения — *полярно противоположные, иначе бы их не пригласили*. Без сомнения, женщина-священник скажет: «Бог создал нас, и мы идем к Богу», а женщина-биолог возразит: «Мы произошли от обезьяны и рано или поздно бесследно исчезнем».

И все это доказывает только одно: мы, зрители, готовы смотреть что угодно, лишь бы это щекотало нервы.

— Моника! — услышала она крик Суреша.

Мартин обернулась: к ней бежал агент центра

электронной безопасности.

— Что стряслось? — спросила она.

— Мне только что звонил Вальдеспино, — задыхаясь, выпалил Суреш.

Она выключила звук телевизора.

— Епископ звонил… тебе? Он объяснил, черт возьми, что происходит?

Суреш отрицательно покачал головой:

— Я не спрашивал, а он не сказал. Он хотел узнать, могу ли я кое-что проверить в нашей телефонной сети.

— То есть?

— ConspiracyNet недавно сообщила, что кто-то из дворца позвонил в музей Гуггенхайма перед самым началом презентации и попросил Амбру Видаль включить Авилу в список гостей. Вы ведь об этом знаете?

— Знаю. Я же тебе велела выяснить, кто звонил.

— Вот именно. Вальдеспино попросил о том же — зайти на сервер коммутатора, найти запись звонка и проследить, откуда именно он сделан. Возможно, так удастся выяснить личность звонившего.

Мартин в замешательстве подумала, что главный подозреваемый — сам Вальдеспино.

— В музее утверждают, — продолжал Суреш, — что в их приемную позвонили незадолго до начала презентации прямо из королевского дворца. И на их коммутаторе этот входящий звонок зарегистрирован. Я просмотрел все наши исходящие звонки в то время. — Он покачал головой. — Беда в том, что ничего нет. Ни одного исходящего. Кто-то *стер* запись звонка из дворца в музей.

Мартин помолчала, раздумывая, прежде чем спросить:

— У кого есть доступ к серверу?

— Именно этот вопрос задал Вальдеспино. И я сказал ему правду. Доступ есть у меня, как у главы центра электронной безопасности. Но я ничего не стирал. Остается только один человек — командор Гарза.

Мартин вздрогнула.

— Думаешь, *Гарза* мог подчистить записи телефонных звонков?

— Почему бы и нет? В конце концов, это его обязанность — обеспечивать защиту дворца. Если вдруг начнется следствие, то… никакого звонка не было. И у нас есть возможность все отрицать. Так что уничтожение записи поможет оградить дворец от подозрений.

— Оградить от подозрений? — возмутилась Мартин. — Но ведь звонок был! Амбра Видаль внесла Авилу в список гостей. И запись в приемной музея Гуггенхайма…

— Все так. Только теперь это слово какой-то девочки, сидящей в приемной на телефоне, против авторитета всего королевского дворца. У нас все чисто.

Мартин далеко не была в этом уверена.

— И ты все это сказал Вальдеспино?

— Сказал как есть. Не важно, уничтожил Гарза запись о звонке или нет. Если и уничтожил, то чтобы защитить дворец. — Суреш сделал паузу. — Правда, сразу после разговора с епископом мне пришла в голову одна мысль.

— А именно?

— Строго говоря, доступ к серверу коммутатора есть еще у одного человека. — Суреш с опаской оглянулся и подошел к Мартин почти вплотную. — У принца Хулиана есть коды доступа ко всем системам.

Мартин вздрогнула.

— Это просто смешно.

— Согласен, звучит глупо, — признал он. — Но в это время принц был во дворце. Один в своих апартаментах. Он легко мог зайти на сервер и

стереть запись о звонке. Это не так сложно, а принц куда более продвинут технически, чем принято думать.

— Суреш, — взвилась Мартин, — ты правда считаешь, что принц Хулиан, будущий король Испании, послал киллера в музей Гуггенхайма, чтобы убить Эдмонда Кирша?

— Не знаю, — ответил он. — Я просто говорю, что есть такая вероятность.

— Но зачем это принцу?!

— Вам ли не знать? Вспомните, в последнее время писали, что Амбру Видаль и Эдмонда Кирша постоянно видят вместе. И она летала к нему в Барселону.

— Но это же по работе!

— Политика — это прежде всего имидж, — сказал Суреш. — Вы сами меня так учили. И нам с вами прекрасно известно, что публичная помолвка принца сработала на его имидж совсем не так, как он предполагал.

Телефон Суреша пискнул. Он прочел полученное сообщение, и его лицо вытянулось.

— Что там? — спросила Мартин.

Не говоря ни слова, Суреш бросился в центр безопасности.

— Суреш! — Мартин загасила сигарету и побе-

жала следом. Когда она вошла в комнату, один из сотрудников уже прокручивал Сурешу запись камеры слежения.

— Что это такое? — спросила Мартин.

— Служебный выход из собора, — пояснил сотрудник. — Пять минут назад.

Мартин и Суреш, наклонившись, внимательно следили, как молодой министрант выскакивает из служебного выхода собора, бежит по почти безлюдной улице Калле-Майор и садится в видавший виды «опель».

Ну и что? — подумала Мартин. *Парень едет домой после мессы.*

Но вот «опель» тронулся и медленно подъехал почти вплотную к дверям — тем самым, из которых минуту назад выбежал министрант. Тут же из собора выскользнули два темных силуэта. Согнувшись, двое мужчин забрались на заднее сиденье «опеля».

Не было никаких сомнений — это епископ Вальдеспино и принц Хулиан.

Через секунду «опель» резко рванул с места, повернул за угол и исчез из кадра.

Глава 51

На углу Каррер-де-Провенса и Пасео-де-Грасиа, словно грубо обтесанная скала, возвышается шедевр Гауди 1906 года, известный как Каса-Мила — одновременно и жилой дом, и бесценное произведение искусства. Задуманное архитектором как бесконечная кривая, это девятиэтажное сооружение уникально. Ни с чем не спутаешь его вздымающийся волной фасад, облицованный пористым известняком.

Извивы балконов и отсутствие прямых линий делают дом похожим на явление природы — словно за тысячи лет суровые ветра испещрили террасами и пещерами скалистую стену дикого каньона.

Поначалу странный модерн Гауди не очень нравился соседям, но вскоре дом Мила, вознесенный до небес критиками, стал настоящей архитектурной жемчужиной Барселоны.

Этот дом Гауди заказал бизнесмен Пере Мила. Тридцать лет он жил с женой в просторных апартаментах бельэтажа, а остальные двадцать квартир сдавал внаем. Сегодня же Каса-Мила —

Пасео-де-Грасиа, 92 — один из самых престижных адресов во всей Испании.

Роберт Лэнгдон вел «теслу» Кирша по элегантной и почти пустой трехполосной улице.

Дом должен быть уже совсем рядом.

Пасео-де-Грасиа — барселонская версия парижских Елисейских полей — самая широкая и роскошная улица города, с великолепными зданиями и дизайнерскими бутиками. «Шанель»… «Гуччи»… «Картье»… «Лоншан»…

Наконец Лэнгдон увидел его метрах в двухстах.

Мягко подсвеченный снизу светлый пористый песчаник и плавные линии балконов резко выделялись на фоне прямоугольных соседей — дом казался прекрасным обломком океанского коралла, вынесенным волной на унылый шлакоблочный пляж.

— Этого я и боялась, — сказала Амбра, указывая вперед. — Смотрите.

Лэнгдон опустил взгляд и увидел на широком тротуаре около Каса-Мила с полдюжины микроавтобусов съемочных групп и толпу корреспондентов. Дом, где жил Кирш, служил им фоном для прямого эфира. Несколько охранников удерживали толпу на некотором расстоянии от входа в дом. Смерть Эдмонда, похоже, преврати-

ла все, с ним связанное, в тему для очередного выпуска новостей.

Лэнгдон искал место, где можно остановиться, но ничего не находил. Да и поток машин здесь уже был плотным. *Придется ехать через перекресток, где толпятся телевизионщики.*

— Пригнитесь, — сказал он Амбре.

Амбра скользнула вниз и устроилась на коврике, полностью скрывшись из виду. Проезжая мимо толпы на углу, Лэнгдон оценил ситуацию.

— Похоже, парадный вход заблокирован, — сказал он. — Нам не войти.

— Поверните направо, — бодро произнес Уинстон. — Я предвидел такое развитие событий.

Блогер Гектор Маркано скорбно смотрел на верхний этаж Каса-Мила и все не мог поверить, что Эдмонда Кирша больше нет. Три года Гектор писал о новых технологиях на Barcinno.com — популярном ресурсе для продвинутых барселонских предпринимателей и стартаперов. Присутствие Эдмонда Кирша в Барселоне вызывало у Гектора ощущение, будто он работает рядом с самим Зевсом.

Гектор лично познакомился с Киршем год назад: легендарный футуролог любезно согласился выступить на ежемесячном шоу Barcinno «Ночь

неудач», где известные люди откровенно рассказывают о своих самых больших провалах. Кирш перед многочисленной аудиторией смиренно признался, что потратил четыреста миллионов, больше полугода пытаясь осуществить свою мечту — построить то, что он назвал «E-Wave». Этот супербыстрый квантовый компьютер позволил бы совершить прорывы во всех областях науки, особенно в моделировании сложных систем.

— Но, боюсь, — сказал тогда Эдмонд, — попытка совершить квантовый скачок в построении квантового компьютера обернулась квантовым провалом.

Когда Гектор узнал, что Кирш собирается объявить о сенсационном открытии, он решил, что это связано с «E-Wave». *Может, Эдмонд построил-таки свой суперкомпьютер?* Но после философского вступления Кирша ему стало ясно: речь идет о чем-то совсем ином.

Узнаем ли мы вообще когда-нибудь, что он открыл? — с грустью подумал Гектор.

На этот раз он пришел к дому Кирша не ради интервью, а чтобы почтить память своего кумира.

— «E-Wave»! — закричал кто-то совсем рядом. — «E-Wave»!

Толпа вокруг Гектора заволновалась, все указы-

вали пальцами и направляли камеры в сторону элегантной черной «теслы», которая медленно двигалась прямо на публику, озаряя ее яркими галогенными фарами.

Гектор ошеломленно смотрел на знакомый электромобиль.

«Тесла» с надписью «E-Wave» на номерном знаке была столь же известна в Барселоне, как папамобиль в Риме. Кирш часто устраивал шоу у ювелирного магазина «Даниель Виор» на Каррер-де-Провенса. Оставив авто прямо на проезжей части, он выходил и начинал раздавать автографы. А тем временем запрограммированная машина сама заруливала в гараж. Она отъезжала от магазина, проезжала по улице, пересекала широкий тротуар — сенсорные датчики предупреждали ее обо всех препятствиях — и достигала ворот гаража, которые открывались сами. А потом машина начинала медленно спускаться по спиральному пандусу на подземную стоянку дома Мила.

Автопарковка входит в базовый комплект всех машин «Тесла» — открыть гараж, заехать по прямой, закрыть за собой двери. Но Эдмонд взломал компьютерную систему спорткара и запрограммировал ее на более сложный маршрут.

Вся его жизнь была как шоу. И это еще один блистательный номер.

Сегодня зрелище казалось особенно странным. Кирш мертв, но его электромобиль сам приехал на Каррер-де-Провенса и теперь, медленно двигаясь по тротуару, приближался к элегантным гаражным воротам сквозь расступающуюся толпу.

Репортеры и операторы бросились к машине, пытаясь разглядеть, кто там, за сильно тонированными стеклами. Послышались удивленные возгласы.

— Она пустая! За рулем — никого! Откуда она взялась?

Охранники Каса-Мила уже видели этот фокус, поэтому спокойно оттесняли народ от машины и от открывавшихся ворот гаража.

Пустая машина Эдмонда вернулась в гараж, словно верный пес, который приполз домой после смерти хозяина, подумал Гектор.

Как призрак, бесшумно, «тесла» въехала в ворота, и толпа взорвалась аплодисментами, приветствуя любимую машину Эдмонда. А спорткар привычным маршрутом стал медленно спускаться по спиральному пандусу на одну из первых в Барселоне подземных парковок.

— Я и не знала, что у вас клаустрофобия, — прошептала Амбра Лэнгдону, лежащему рядом с ней на полу «теслы». Втиснутые между вторым и третьим рядом сидений и накрытые черным пластиковым ковриком, который Амбра нашла в багажнике, они были недостижимы для посторонних взглядов.

— Переживу, — мрачно откликнулся Лэнгдон. Его больше тревожило, как машина сама доедет до места. Она спускалась по крутой спирали — как бы во что-нибудь не врезаться.

Несколько минут назад, когда они остановились прямо на проезжей части у ювелирного магазина «Даниель Виор», Уинстон дал им четкие указания. Амбра и Лэнгдон, не выходя из машины, перебрались назад, к третьему ряду сидений, а потом, нажатием одной кнопки на смартфоне, Амбра активировала программу привычной для «теслы» автопарковки.

Машина медленно ехала по улице, и Лэнгдон, чувствуя тепло тесно прижавшейся к нему Амбры, вспомнил первые свидания с симпатичными подружками на заднем сиденье авто. *Тогда я нервничал сильнее*, подумал он. И это странно — ведь сейчас он лежит рядом с будущей королевой Испании в машине, которая куда-то едет сама,

без водителя.

Наконец «тесла» съехала с пандуса на горизонтальную поверхность, сделала несколько медленных поворотов и плавно остановилась.

— Вы на месте, — доложил Уинстон.

Амбра сбросила коврик, села и осторожно выглянула в окно.

— Никого. — И она стала выбираться из машины.

Лэнгдон вышел следом за ней и теперь с облегчением оглядывал просторный гараж.

— Лифты в главном фойе, — бросила Амбра и направилась в сторону спирального пандуса.

Неожиданно внимание Лэнгдона привлек странный предмет. На бетонной стене подземной стоянки прямо напротив парковочного места Эдмонда висела картина в изящной раме — живописное морское побережье.

— Амбра, — позвал он. — Эдмонд что — повесил картину на парковке?

Она кивнула.

— Я спрашивала его об этом. Он ответил: приятно, когда у входа в дом тебя встречает красота.

Лэнгдон усмехнулся. *Ох уж эти холостяки.*

— Эдмонд очень любил этого художника, — вмешался Уинстон. Он автоматически переклю-

чился, и его голос теперь доносился из телефона Кирша, который держала в руке Амбра. — Узнаете автора?

Лэнгдон понятия не имел, кто бы это мог быть. Хорошая акварель, морской пейзаж, ничего похожего на любимый Эдмондом авангард.

— Это работа Черчилля, — сказала Амбра. — Эдмонд часто его цитировал.

Черчилль. Лэнгдон не сразу понял, что речь идет об Уинстоне Черчилле — знаменитом английском государственном деятеле, который был не только героем войны, историком, оратором, лауреатом Нобелевской премии по литературе, но и талантливым художником. Лэнгдон вспомнил, как однажды Эдмонд процитировал этого английского премьер-министра в ответ на замечание, что религиозные фанатики ненавидят его: *У вас есть враги? Отлично. Значит, у вас есть убеждения!*

— Эдмонда восхищала разносторонняя одаренность Черчилля, — сказал Уинстон. — У людей редко бывает такой широкий спектр талантов.

— Так это в честь Черчилля Эдмонд назвал тебя Уинстоном? — спросил Лэнгдон.

— Да, — ответил компьютер. — Со стороны Эдмонда это высшая похвала.

Ему приятно, что я спросил про имя, подумал Лэнгдон. Раньше он считал, что «Уинстон» — аллюзия на «Уотсон». Так назывался компьютер фирмы «IBM», который в свое время победил в телевизионной игре «Рискуй!»[82]. Но, без сомнения, Уотсон по сравнению с современным искусственным интеллектом — простейший одноклеточный организм.

— Ладно, — сказал Лэнгдон и двинулся к лифту. — Пора наверх. Надо наконец найти то, за чем мы сюда пришли.

В этот самый момент в Мадридском кафедральном соборе Альмудена командор Диего Гарза, стиснув в руке мобильный телефон, в полном смятении слушал то, что докладывала ему пиар-координатор королевского дворца Моника Мартин.

Вальдеспино и принц Хулиан вышли за охраняемый периметр?

Гарза не мог представить, что все это означает.

Они поехали по Мадриду на машине церковного служки? Но это же безумие!

— Мы можем обратиться в службу дорожной

---

[82] Сноски: 82

Имеется в виду игра «Jeopardy!» — «Рискуй!» (*англ.*). Российский аналог — «Своя игра».

безопасности, — сказала Мартин. — Суреш считает, что камеры дорожного наблюдения помогут нам отследить…

— Нет! — оборвал ее Гарза. — Никто не должен знать, что принц находится вне дворца без охраны. Его безопасность — самое главное для нас.

— Поняла вас, сеньор, — сказала Мартин, и в ее голосе зазвучало странное напряжение. — Тут выяснилось кое-что насчет утраченной записи телефонного звонка.

— Да-да, слушаю, — проговорил Гарза, с изумлением наблюдая за странным поведением своих агентов. Внезапно они приблизились и окружили его со всех сторон. Гарза не успел и глазом моргнуть, как они с профессиональной сноровкой отобрали у него табельное оружие и телефон.

— Командор Гарза, — с непроницаемым лицом сказал старший из них. — Мне приказано вас арестовать.

Глава 52

Если посмотреть на Каса-Мила с высоты птичьего полета, может показаться, что видишь знак бесконечности. Два черных овальных провала в крыше — открытые внутренние дворики, пронизывающие дом сверху донизу. Глубина каждого — чуть более тридцати метров, и Лэнгдон сейчас стоял на самом дне одного из них. Смотреть вверх было страшновато — возникало ощущение, что находишься не в патио, а в глотке гигантского чудовища. Пол под ногами скошенный и неровный, вверх поднимается винтовая лестница, чьи кованые перила напоминают бугристые каверны морской губки. Небольшие джунгли — вьющиеся листья винограда и парящие над перилами лестницы пальмы — словно стремятся заполнить собой все окружающее пространство.

Живая архитектура, сказал себе Лэнгдон, в очередной раз поражаясь умению Гауди наделять свои творения признаками живого организма. Он снова посмотрел вверх, его взгляд скользнул вдоль изогнутых стен «ущелья». Вязь коричневой

и зеленой плитки перемежается неяркими фресками с растениями и цветами, которые тянутся к черному овалу ночного неба — отверстию на крыше дома.

— Пойдемте к лифту, — шепотом проговорила Амбра. — Апартаменты Эдмонда на самом верху.

Следуя за ней, Лэнгдон прошел вдоль стены патио. Вдвоем они втиснулись в маленькую кабинку лифта. Лэнгдон представил себе мансарду дома Мила — там, в небольшом музее Гауди, он бывал и раньше. Насколько он помнил, мансарда представляет собой темный лабиринт комнат почти без окон.

— Эдмонд мог выбрать *любое* место для жизни, — сказал Лэнгдон, когда лифт тронулся. — Непонятно, почему он решил обосноваться на *чердаке*.

— Да, апартаменты довольно необычные, — согласилась Амбра. — Но вы же знаете, Эдмонд всегда был эксцентричен.

Из лифта они вышли в изящно декорированный холл и по винтовой лестнице поднялись на верхнюю площадку.

— Нам сюда. — Амбра шагнула к узкой металлической двери без малейшего намека на ручку или замок. Этот футуристический портал никак

не вписывался в общий интерьер дома — очевидно, дверь поставил сам Эдмонд.

— Вы же знаете, где он прятал ключи? — спросил Лэнгдон.

Амбра помахала в воздухе смартфоном Эдмонда.

— Там же, где и все остальное.

Она приложила телефон к двери, та трижды пикнула, и Лэнгдон услышал, как двигаются в пазах тяжелые болты. Амбра убрала смартфон в карман, распахнула дверь и сделала приглашающий жест:

— Прошу вас.

Лэнгдон переступил порог и осмотрелся. Полутемный холл, стены и потолок из светлого кирпича, воздух как будто разреженный. Прошел в следующее помещение — просторную студию-гостиную, — и замер, оказавшись прямо перед огромной картиной. Она висела на противоположной от входа стене и эффектно подсвечивалась софитами, судя по качеству, музейными.

Лэнгдон смотрел на полотно, не в силах пошевелиться.

— Господи… это что… *оригинал?*

Амбра, улыбнувшись, кивнула:

— Да. Я хотела рассказать вам о ней еще в самолете, но потом решила, пусть будет сюрприз.

Лэнгдон сделал шаг к шедевру. Более трех с половиной метров в длину, метр двадцать в высоту. В Бостонском музее изящных искусств она выглядела не такой громадной. *Я слышал, что картину продали коллекционеру, пожелавшему остаться неизвестным. Но даже представить не мог, что это Эдмонд.*

— Когда я впервые увидела ее здесь, в этом лофте, — сказала Амбра, — поверить не могла, что Эдмонду нравится такой стиль живописи. Но теперь мы знаем, над чем он работал весь год, и эта картина — точно в тему. Мистика, правда?

Лэнгдон кивнул, не веря своим глазам. Перед ним прославленный шедевр, одна из культовых работ французского постимпрессиониста Поля Гогена, художника-новатора, воплотившего в своих полотнах самую суть символизма конца девятнадцатого века и проложившего путь современному искусству.

Лэнгдон подошел еще ближе. Его поразило, насколько схожа палитра Гогена с красками, использованными Гауди в оформлении главного входа в Каса-Мила, — те же природные оттенки зеленого, коричневого и синего. И сцена на кар-

тине тоже очень натуралистична.

Быстро посмотрев на изображения людей и животных, Лэнгдон перевел взгляд в левый верхний угол, где на ярком желтом фоне художник написал название своей работы.

И, опять же удивляясь совпадению, прочитал: D'où Venons Nous / Que Sommes Nous / Où Allons Nous.

Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?

Каждый раз, когда Эдмонд возвращался домой, его встречали эти слова. Бросали ему вызов, подстегивали, вдохновляли.

Амбра подошла и встала рядом.

— Эдмонд говорил, что эти вопросы дарят ему вдохновение. Ведь их видишь почти с порога.

Да уж, такое трудно не заметить, подумал Лэнгдон.

Он размышлял о том, что Эдмонд не просто так поместил картину на самое видное место. Возможно, это полотно — ключ к его открытию? Хотя на первый взгляд сюжет кажется слишком простым, чтобы таить в себе намек на революционный научный прорыв. Широкими небрежными мазками художник написал таитянские джунгли, населенные животными и туземцами.

Лэнгдон хорошо знал эту картину. Гоген настаивал, чтобы зрители «читали» ее не как обычно, а *справа налево*. Вспомнив об этом, Лэнгдон быстро прошелся взглядом от правого края к левому.

В правом нижнем углу на большом камне спит новорожденный младенец — символ начала жизни. *Откуда мы пришли?*

В центре картины обитатели Таити разного возраста занимаются своими будничными делами. *Кто мы?*

Слева, глубоко задумавшись, сидит в одиночестве дряхлая старуха. Она как будто размышляет о своей скорой смерти и бренности всего земного. *Куда мы идем?*

Лэнгдон не мог понять, как же он сразу не подумал про эту работу Гогена, когда Эдмонд впервые рассказывал ему о своем открытии. *Каково наше происхождение? Какая судьба нас ждет?*

Лэнгдон внимательно рассмотрел остальные детали картины. Собаки, кошки, птицы — на первый взгляд они вообще ничем не заняты; примитивная статуя божества на заднем плане; гора, переплетенные корни растений, деревья. И конечно, «загадочная белая птица» Гогена — она сидит рядом со старухой, воплощая, по объяснению самого художника, «бесполезность слов».

Бесполезные или нет, думал Лэнгдон, *но сейчас нам нужны именно слова. Желательно сложенные в строку из сорока семи букв.*

Внезапно ему пришла в голову мысль: а вдруг необычное название картины и есть та самая строка? Но, быстро сосчитав буквы во французском и в английском варианте, он понял, что ошибся.

— Ну ладно. Ищем стихотворную строку, — бодро объявил Лэнгдон.

— Библиотека — это сюда. — Амбра указала налево, в сторону широкого коридора, обставленного изящной мебелью вперемежку с экспонатами из музея Гауди.

Эдмонд поселился в музее. Лэнгдон никак не мог этого постичь. Мансарда в Каса-Мила — не самое уютное место для жизни. Длиннейший ребристый тоннель сплошь из кирпича и камня — двести семьдесят разновысоких параболических арок, отстоящих одна от другой примерно на метр. Окон мало, воздух сухой и словно стерильный, очевидно, прошедший специальную обработку, чтобы экспонаты музея лучше сохранялись.

— Я приду через минуту, — сказал Лэнгдон. — Хочу найти ванную комнату Эдмонда.

Амбра в смущении оглянулась назад, на выход.

— Эдмонд всегда просил меня пользоваться тем туалетом, что внизу, в главном фойе… почему-то он не хотел, чтобы кто-то заходил в его личную туалетную комнату.

— Это комплекс холостяка — наверняка у него там страшный беспорядок, вот ему и было неловко.

Амбра улыбнулась.

— Думаю, это там. — И она указала в сторону, противоположную библиотеке, туда, где начинался темный сводчатый коридор.

— Спасибо. Я скоро приду.

Амбра направилась к библиотеке, а Лэнгдон вошел в коридор, больше похожий на тоннель. Кирпичные своды вызывали мрачные ассоциации со средневековыми катакомбами. Он осторожно двинулся вперед. Сенсорные светильники, вмонтированные в пол у основания каждой арки, загорались при его приближении и освещали путь.

Лэнгдон миновал уютную комнату для чтения, небольшой тренажерный зал, кладовку, всю заставленную стендами и витринами с рисунками Гауди, чертежами и трехмерными моделями зданий.

Возле витрины с *биологическими* экспонатами Лэнгдон ненадолго задержался. Удивленно посмотрел на окаменелости с доисторическими живыми организмами — вот рыба, вот скелет змеи… У Лэнгдона мелькнула мысль, что Эдмонд сам поставил здесь эту витрину — возможно, она как-то связана с его исследованиями о происхождении жизни. Но потом Лэнгдон увидел табличку с описанием. Экспонаты принадлежали Гауди. Их очертания, как он понимал теперь, повторяются во многих архитектурных деталях дома: мозаика на стенах — рыбья чешуя, пандус, ведущий в гараж, — тело головоногого моллюска, скелет змеи с сотнями ребер — вот этот самый сводчатый коридор.

На табличке были написаны слова архитектора:

> *Нет ничего придуманного, все изначально существует в природе.*
>
> *Оригинальность – это возвращение к истокам.*
>
> ***– Антонио Гауди***

Лэнгдон бросил взгляд на ребристый извилистый тоннель, и ему снова показалось, что он находится внутри живого существа.

Идеальное жилье для Эдмонда. Искусство, вдохновленное наукой.

За первым поворотом коридор расширился, и сенсорные светильники вспыхнули ярче. Взгляд Лэнгдона тут же устремился к большой стеклянной витрине в центре открывшегося перед ним зала. *Подвесная цепная модель*. Его всегда восхищали гениальные перевернутые макеты Гауди. Цепная линия — архитектурный термин: так называется кривая, которую образует цепь или веревка, свободно свисающая между двух точек — как гамак, или обшитая бархатом веревка между пропускных стоек в театре.

Модель, на которую сейчас смотрел Лэнгдон, представляла собой множество цепей, свисающих сверху и образующих параболические арки. Шаг за шагом с помощью цепей и подвешенных к ним грузов Гауди создавал силовой каркас будущего здания, затем внимательно изучал его и наконец находил нужную форму с правильным распределением силы тяжести.

Расчеты для этого вообще не требовались.

Зато нужно было иметь волшебное зеркало, думал Лэнгдон, обходя витрину. *Так и есть, пол зеркальный.* Он смотрел на отражение, пораженный магическим эффектом: в зеркале модель

выглядела уже не перевернутой, а свисающие узкие параболы цепей превратились в парящие шпили. Лэнгдон сразу понял: перед ним собор Саграда Фамилия, вид сверху.

Миновав зал с макетом собора, он вошел в спальню, обставленную с большим вкусом: антикварная кровать с балдахином, шкаф вишневого дерева, инкрустированный комод. Стены украшены эскизами Гауди — видимо, тоже экспонаты музея. Единственный арт-объект, явно привнесенный сюда Эдмондом, располагался над кроватью — взятая в раму каллиграфически выведенная цитата. Прочитав первые два слова, Лэнгдон мгновенно понял, кому она принадлежит.

> *Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц!*[83]
>
> ***– Ницше***

«Бог умер» — знаменитые слова, написанные Фридрихом Ницше, немецким философом девятнадцатого века и атеистом. Известный своими нападками на религию, Ницше и к нау-

---

[83] Сноски: 83
Фридрих Ницше. Веселая наука. Перевод К. Свасьяна.

ке относился довольно скептически. Особенно резко высказывался в адрес дарвинизма: по его мнению, теория эволюции способна привести человечество к полному нигилизму, к ощущению, что в жизни нет смысла, высоких целей, нет присутствия Бога.

Перечитывая цитату над кроватью, Лэнгдон спрашивал себя: а что, если Эдмонд, несмотря на весь свой антирелигиозный пыл, в глубине души тяготился своей борьбой с Богом?

Как помнил Лэнгдон, у цитаты было продолжение: «Разве величие этого дела не слишком велико для нас? Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его?»[84]

Эта дерзкая идея — «чтобы убить Бога, надо стать Богом» — лежит в основе всей философии Ницше. И возможно, отчасти объясняет «комплекс Творца», присущий многим гениальным ученым-первооткрывателям. И Эдмонду в том числе. *Тот, кто уничтожает Бога… сам должен быть Богом*. Внезапно Лэнгдона осенило: *Ницше не только философ — он еще и поэт!* У него самого дома где-то лежал сборник «Петух и буйвол»: двести семьдесят пять стихотворений и краткие

---

[84] Сноски: 84
Фридрих Ницше. Веселая наука. Перевод К. Свасьяна.

афоризмы о Боге, смерти и человеческом разуме.

Лэнгдон быстро сосчитал количество букв в цитате, оправленной в рамку. Нет, не подходит. Но все-таки забрезжила надежда. *Может быть, Ницше — тот самый поэт, который нам нужен? Если так, значит, в библиотеке Эдмонда надо искать его стихотворные сборники.* Лэнгдон решил, что попросит Уинстона просмотреть все стихотворения Ницше и поискать строку из сорока семи букв.

Не терпелось вернуться к Амбре и поделиться своими мыслями. Лэнгдон быстро пересек спальню и вошел в примыкающую к ней ванную комнату.

Зажглись лампы, осветив сдержанный, но стильный интерьер. Умывальник на высокой ножке, отдельно стоящая душевая кабина… Внимание Лэнгдона сразу привлек низкий антикварный столик, заставленный туалетными принадлежностями и личными вещами. Осмотрев их, он инстинктивно отступил назад.

О Господи. Эдмонд… нет.

Этот стол, он словно из подпольного наркопритона — использованные шприцы, пузырьки с таблетками, рассыпанные пилюли, даже тряпка со следами крови.

Сердце у Лэнгдона замерло.

Неужели Эдмонд употреблял наркотики?

Он знал, что зависимость от химических препаратов сейчас, к сожалению, обычное дело. Среди богатых и знаменитых это очень распространено. Героин сегодня дешевле некоторых сортов пива, и многие принимают обезболивающие на основе опиатов так же запросто, как ибупрофен.

Если это наркотики, тогда понятно, почему Эдмонд так сильно исхудал, подумал Лэнгдон. Может, он специально притворялся веганом, чтобы хоть как-то объяснять свою чрезмерную худобу и ввалившиеся глаза?

Лэнгдон подошел к столику, взял первый попавшийся пузырек. *Наверное, какой-то популярный опиат, оксикодон*[85]*, например.*

Но на этикетке он прочитал — *доцетаксел*[86].

Недоумевая, взглянул на другой пузырек — *гемцитабин*[87].

Что это такое?

---

[85] Сноски: 85

Оксикодон — обезболивающий препарат, полусинтетический опиоид.

[86] Сноски: 86

Доцетаксел — препарат для химиотерапии полусинтетического происхождения.

[87] Сноски: 87

Гемцитабин — противоопухолевое средство, подавляет синтез ДНК.

На третьем пузырьке было написано: *5-фторурацил*[88].

Лэнгдон похолодел. Название последнего препарата он слышал от коллеги из Гарварда. Внезапно накатила волна ужаса. Спустя секунду его взгляд упал на раскрытый журнал, лежавший здесь же, на столе. Заголовок статьи гласил: «Способно ли веганство замедлить развитие рака поджелудочной железы?»

Лэнгдон все понял.

Нет, Эдмонд не принимал наркотики.

Втайне от всех он боролся со смертельной болезнью.

---

[88] Сноски: 88

5-фторурацил — противоопухолевый препарат из группы антиметаболитов.

Глава 53

В мягком рассеянном свете Амбра Видаль рассматривала корешки книжек на полках.

А мне казалось, книг у него меньше.

Один из широких участков извилистого коридора Эдмонд превратил в стильную библиотеку — построил стеллажи между вертикальными опорами каменных сводов. Библиотека была обширная и содержалась в идеальном порядке. Это удивило Амбру, ведь предполагалось, что Эдмонд проведет здесь всего два года.

Судя по библиотеке, он собирался прожить здесь всю жизнь.

Разглядывая тесно заставленные полки, Амбра поняла, что найти любимые стихотворные сборники Эдмонда будет сложнее, чем они думали. Она медленно шла вдоль стеллажей, изучая корешки, но видела только научные труды — космология, человеческий мозг, искусственный интеллект:

ВСЕЛЕННАЯ
СИЛЫ ПРИРОДЫ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЗНАНИЯ

БИОЛОГИЯ ВЕРЫ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ АЛГОРИТМЫ
ПОСЛЕДНЕЕ
ИЗОБРЕТЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Добравшись до конца первой библиотечной секции, она обогнула арочный свод и подошла к следующему стеллажу. И опять одна наука — термодинамика, общая химия, психология.

Никакой поэзии.

Обратив внимание, что Уинстон слишком уж долго молчит, Амбра достала из кармана телефон Кирша.

— Уинстон, ты здесь?

— Здесь, — отозвался голос с британским акцентом.

— Неужели Эдмонд *действительно читал* все эти книги?

— Думаю, да. Он буквально глотал книги, и свою библиотеку называл «Храм знаний».

— А не знаешь случайно, где полки с *поэзией*? И вообще, есть ли они здесь?

— Мне известны названия только научных трудов, с которыми я знакомился в электронном формате и потом обсуждал с Эдмондом. Подозреваю, только ради моего образования. К

сожалению, у меня нет полного каталога всей библиотеки. Так что найти то, что вам нужно, вы сможете, только просмотрев книги на этих полках.

— Понятно.

— И пока вы ищете… Есть новости из Мадрида, которые, думаю, вам нужно услышать. Это касается вашего жениха принца Хулиана.

— Что случилось? — Амбра резко остановилась. Ее по-прежнему тревожила мысль, что Хулиан мог участвовать в организации убийства Эдмонда. *Но доказательств же нет,* успокаивала она себя. *Нет подтверждений тому, что именно Хулиан попросил внести имя Авилы в список гостей.*

— Мне только что сообщили, — заговорил Уинстон, — что к королевскому дворцу стягиваются пикетчики. Якобы появились новые доказательства того, что убийство Эдмонда организовано епископом Вальдеспино и что ему помогал кто-то из дворца. Не исключено, что это был принц. Поклонники Кирша вышли на улицу, и настроены они отнюдь не мирно. Посмотрите сами.

На экране смартфона появились кадры из Мадрида: разгневанные пикетчики наседают на ворота дворца. У одного в руках транспарант, на

котором написано по-английски: «Понтий Пилат убил вашего пророка — вы убили нашего!»

Остальные держали белые простыни, расписанные краской из баллончиков. На каждой — одно-единственное слово: *¡apostasía*[89]! А под ним картинка. Размноженная трафаретами, в последнее время она все чаще появлялась на тротуарах Мадрида.

«Апостасия» — это слово стало настоящим боевым кличем испанской либеральной молодежи.

Отрекитесь от церкви!

— Хулиан еще не выступил с заявлением? — спросила Амбра.

— В том-то и дело, что нет, — ответил Уинстон. — Ни слова от Хулиана, епископа или другого представителя дворца. Затянувшееся

---

[89] Сноски: 89
Вероотступничество (*исп.*).

молчание порождает массу подозрений. Теория заговора набирает силу. Пресса начала задавать вопросы о вас — где вы и почему никак не комментируете происходящее.

— Я? — Амбру привела в ужас эта мысль.

— Вы *свидетельница* убийства. К тому же вы будущая королева и любовь всей жизни принца Хулиана. Народ хочет услышать, что вы уверены в непричастности принца к убийству.

Сердце подсказывало Амбре, что Хулиан ничего не знал о готовившемся преступлении. Возвращаясь мысленно к началу их отношений, она вспоминала нежного, искреннего человека, наивного и импульсивного романтика, но никак не убийцу.

— Те же вопросы задают теперь и о профессоре Лэнгдоне, — продолжал Уинстон. — Журналисты недоумевают, почему профессор исчез, не дав никаких комментариев, тем более что незадолго до убийства он вел себя несколько странно. В некоторых блогах высказывается предположение, что исчезновение профессора может объясняться его причастностью к убийству Кирша.

— Но это же безумие!

— Тема обсуждается очень активно. Версия основана на событиях, связанных с прошлым

профессора, когда он занимался поисками Святого Грааля и изучал родословную Христа. По всей видимости, салические потомки Иисуса исторически связаны с движением карлистов, и татуировка на ладони убийцы…

— Остановись, — оборвала его Амбра. — Это абсурд.

— Некоторые выдвигают теорию, что Лэнгдон исчез, поскольку сам мог быть *мишенью* для убийцы. В общем, все, кому не лень, играют в детективов. Мир взбудоражен, все стараются отгадать, какую тайну собирался открыть Эдмонд… и кто хотел заставить его замолчать.

Амбра услышала быстрые шаги — по коридору шел Лэнгдон. Она повернулась к нему, как раз когда он показался из-за угла.

— Амбра, — взволнованно спросил он, — вы знали, что Эдмонд был неизлечимо болен?

— Болен? — переспросила она ошеломленно. — Нет, я ничего не знала.

Лэнгдон коротко рассказал ей о том, что нашел в туалетной комнате Эдмонда.

Амбра была поражена.

Рак поджелудочной? Так вот откуда бледность и худоба…

Удивительно, но Эдмонд ни словом не обмол-

вился о своей болезни. Теперь ей стало ясно, почему в последние месяцы он так напряженно работал. *Эдмонд понимал, что его дни сочтены.*

— Уинстон! — воскликнула Амбра. — Ты знал о болезни Эдмонда?

— Да. — Ответ последовал без промедления. — Это была его тайна. Он узнал, что болен, почти два года назад. Немедленно изменил систему питания, стал очень много работать. И переехал сюда, в лофт, где воздух стерилен, как в музее, и нет солнечного излучения. Ему важно было жить в затемненном помещении — препараты, которые он принимал, вызывают светочувствительность. Он опроверг прогнозы врачей — они отводили ему гораздо меньше времени. Но недавно он начал сдавать. Я изучил всю существующую в мире информацию о раке поджелудочной железы, на основе полученных данных проанализировал состояние Эдмонда и вычислил, что жить ему осталось девять дней.

Девять дней, подумала Амбра, охваченная чувством вины. Она вспомнила, как подшучивала над веганской диетой Эдмонда и над его страстью к работе. *А человек умирал. Не щадя себя, стремился добиться последнего триумфа, пока время его не истечет.*

Горькое осознание этой истины добавило Амбре решимости: они обязаны найти нужную строку и завершить то, что начал Эдмонд.

— Я пока не нашла ни одного сборника стихов, — сказала она Лэнгдону. — Только научные труды.

— У меня есть предположение: возможно, поэт, которого мы ищем — Фридрих Ницше. — И Лэнгдон рассказал Амбре про цитату в рамке над кроватью Эдмонда. — В этой цитате не сорок семь букв, но, судя по всему, Эдмонд был большим поклонником немецкого философа.

— Уинстон, ты можешь просмотреть все стихотворения Ницше и выбрать строки, в которых ровно сорок семь букв? — спросила Амбра.

— Конечно. В немецком оригинале или в английском переводе?

Амбра заколебалась.

— Начни с английского варианта, — предложил Лэнгдон. — Эдмонд собирался вводить код со своего смартфона. Набирать на клавиатуре немецкие умляуты[90] или эсцеты[91] было бы

---

[90] Сноски: 90

Умляут — диакритический знак, обычно изображается в виде двух точек над буквой.

[91] Сноски: 91

Эсцет — буква ß.

непросто.

Амбра кивнула. *Логично.*

— Есть результат, — почти сразу объявил Уинстон. — Я нашел около трехсот стихотворений в английском переводе и сто девяносто две строки, в которых ровно сорок семь букв.

Лэнгдон вздохнул:

— Неужели так много?

— Эдмонд описывал свою любимую стихотворную строку как *пророчество*… как предсказание, которое уже сбывается, — напомнила Амбра. — Есть что-то подходящее?

— Мне жаль, — ответил Уинстон, — но я не вижу ничего похожего на пророчество. Все эти строки тесно связаны с контекстом и представляют собой незаконченные мысли. Показать их вам?

— Уж слишком их много, — покачал головой Лэнгдон. — Надо найти книгу. Будем надеяться, что Эдмонд как-то отметил свою любимую строку.

— Тогда вам стоит поторопиться, — сказал Уинстон. — Похоже, ваше присутствие здесь скоро перестанет быть тайной.

— Что ты имеешь в виду? — встревожился Лэнгдон.

— По местным новостным каналам передали, что в аэропорту Барселоны только что приземлился военный самолет с двумя агентами Королевской гвардии на борту.

Оказавшись за пределами Мадрида, епископ Вальдеспино вздохнул с облегчением. Ему удалось покинуть дворец, прежде чем тот превратится в клетку, из которой не выбраться. Теснясь рядом с принцем Хулианом на заднем сиденье миниатюрного «опеля», Вальдеспино надеялся, что эти быстрые и решительные меры помогут ему снова овладеть ситуацией, вышедшей из-под контроля.

— La Casita del Príncipe[92], — приказал Вальдеспино министранту, который мчал их все дальше и дальше от дворца.

Коттедж, или, лучше сказать, особняк принца, располагался в тихой сельской местности минутах в сорока езды от Мадрида. С середины восемнадцатого века этот дом служил резиденцией наследников испанского престола. Там в атмосфере уединения молодые люди могли сполна насладиться юностью, прежде чем на их плечи ляжет тяжкий груз власти. Вальдеспино

---

[92] Сноски: 92
В коттедж принца (*исп.*).

убедил Хулиана, что этой ночью в особняке он будет в большей безопасности, чем в королевском дворце.

Вот только я не собираюсь везти тебя в коттедж. Епископ искоса взглянул на принца. Тот неотрывно смотрел в окно автомобиля, как будто погруженный в глубокие раздумья.

Вальдеспино никак не мог понять, действительно Хулиан настолько наивен или же, как и его отец, виртуозно владеет искусством являть миру лишь ту сторону своей личности, которую хочет показать.

Глава 54

Наручники сомкнулись на запястьях и сжали их слишком туго.

Похоже, парни не шутят, подумал командор Гарза, совершенно ошеломленный поведением собственных агентов. Тем временем они взяли его под руки и вывели из собора на площадь.

— Что происходит, черт возьми? — гневно спросил командор.

В ответ — молчание.

Конвой двинулся к дворцу. Возле ворот толпились демонстранты и репортеры с камерами.

— По крайней мере отведите меня обратно в храм, — потребовал Гарза, обратившись к командиру конвоя. — Не надо устраивать спектакль.

Но агенты, будто не расслышав, повели его через площадь у всех на виду. Спустя несколько секунд толпа у ворот разразилась криками, вспыхнули яркие софиты камер. Ослепленный, в шоке от происходящего, Гарза все же заставил себя изобразить холодное равнодушие. Высоко подняв голову, он шагал под конвоем по площади на расстоянии нескольких метров от вопящих

репортеров и операторов. В общем хоре голосов зазвучали вопросы, адресованные лично ему.

— За что вас арестовали?

— Что вы натворили, командор?

— Вы как-то причастны к убийству Эдмонда Кирша?

Гарза был уверен, что агенты постараются провести его мимо ревущей толпы побыстрее. Но, к его изумлению, они остановились прямо перед репортерами. Со стороны дворца к ним быстро шла женщина в брючном костюме.

Моника Мартин.

Командор не сомневался, что она придет в ужас, увидев, в какую передрягу попал шеф. Но, как ни странно, Мартин смотрела на него не удивленно, а презрительно. Агенты мигом развернули Гарзу лицом к репортерам, отдавая своего шефа на растерзание камерам.

Моника подняла руку, усмиряя толпу, и вытащила из кармана небольшой листок бумаги. Поправила очки с толстыми стеклами и начала читать с листа, поглядывая прямо в камеры:

— Заявление королевского дворца. Мы берем под арест командующего гвардией Диего Гарзу в связи с его участием в подготовке убийства Эдмонда Кирша и попытками обвинить епископа

Вальдеспино в организации этого преступления.

Не успел Гарза осмыслить эту речь, как агенты Королевской гвардии подхватили его и потащили к дворцу. Он услышал, что Моника Мартин продолжила свое выступление:

— А теперь о будущей королеве Амбре Видаль и американском профессоре Роберте Лэнгдоне. Боюсь, у меня очень тревожные новости.

В подвальной комнате дворца, в центре электронной безопасности, Сурeш Бхалла не мог отвести взгляд от экрана телевизора. Шла прямая трансляция импровизированной пресс-конференции, которую устроила на площади Моника Мартин.

Похоже, она сама не совсем понимает, зачем все это.

Пять минут назад у Моники зазвонил личный телефон. Она быстро прошла в свой кабинет, говорила приглушенно и что-то поспешно записывала. Через минуту она вернулась совершенно потрясенная — такой Сурeш не видел ее никогда. Без всяких объяснений она взяла листок со своими заметками и вышла на площадь к репортерам.

Не так важно, сказала она им правду или нет. Ясно было одно: человек, который приказал ей

сделать такое заявление, поставил профессора Лэнгдона под очень серьезный удар.

Кто же мог отдать Монике такое приказание? — спрашивал себя Сурeш, пытаясь понять смысл странного поведения пиар-координатора. Вдруг его компьютер звякнул: на почту пришло новое сообщение. Сурeш подошел, посмотрел на экран и замер, увидев, от кого письмо.

```
monte@iglesia.org
```

Информатор, подумал Сурeш.

Именно этот человек всю ночь кормил слухами сеть ConspiracyNet. И вот теперь по непонятной причине решил связаться с ним, Сурешем.

Ощущая слабость в коленях, Сурeш сел на стул и открыл письмо:

```
я взломал смс-переписку вальдеспино.
у него есть очень опасные секреты.
дворец должен проверить все смс епископа. срочно.
```

Встревоженный Сурeш перечитал сообщение и тут же его уничтожил. Потом он долго сидел в тишине, раздумывая, что же ему делать.

Приняв наконец решение, Сурeш быстро напечатал карточку-ключ к королевским апарта-

ментам и, никем не замеченный, проскользнул наверх в дворцовые покои.

Глава 55

Надо было спешить. Лэнгдон быстро просматривал корешки книг на стеллажах обширной библиотеки Эдмонда.

Поэзия… где-то же здесь должна быть поэзия!

С момента неожиданного прибытия в Барселону агентов гвардии как будто включился таймер, и теперь он громко тикал, отсчитывая убегающие секунды. И все же Лэнгдон не сомневался, что времени хватит. Главное — найти любимую стихотворную строку Эдмонда, остальное дело секунд: ввести код и запустить презентацию, чтобы ее увидел весь мир. *Как и хотел Эдмонд.* Лэнгдон взглянул на Амбру — она прошла немного вперед и просматривала полки с левой стороны коридора, пока он прочесывал стеллажи справа.

— Что-нибудь нашли? — спросил он.

Амбра покачала головой:

— Только наука и философия. Никакой поэзии и никакого Ницше.

— Продолжайте искать. — И Лэнгдон повернулся к стеллажам с толстыми историческими томами:

ПРИВИЛЕГИИ, ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ПРОРОЧЕСТВА: КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ИСПАНИИ

МЕЧОМ И КРЕСТОМ: ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ

Эти названия напомнили ему об одной трагической истории, которой поделился с ним Эдмонд много лет назад. Лэнгдон как-то заметил, что для атеиста-американца Кирш слишком уж одержим Испанией и католицизмом.

— Моя мать была чистокровная испанка, — безучастно проговорил Эдмонд. — И притом ревностная католичка, помешанная на чувстве вины.

И Эдмонд начал рассказывать о своем детстве и матери. Лэнгдон молчал, слушая с величайшим изумлением. Мать Эдмонда, Палома Кальво, родилась в испанском городе Кадис в простой рабочей семье. В девятнадцать лет она влюбилась в Майкла Кирша, преподавателя из Чикаго, проводившего в Испании творческий отпуск. Они сошлись, девушка забеременела. Зная, какая судьба ждет женщину, родившую ребенка вне брака, в строгом католическом обществе, Палома не видела другого выхода кроме того, чтобы

принять предложение Майкла. Предложение тот, впрочем, сделал без особого энтузиазма. Вместе с будущим мужем Палома переехала в Чикаго. Вскоре после рождения сына Майкл, возвращаясь с работы на велосипеде, попал под машину и погиб.

Castigo divino — так назвал это происшествие отец Паломы. *Божья кара.*

Родители не позволили Паломе с ребенком вернуться в Кадис — не хотели позора для семьи. Дочери было сказано, что тяжелые обстоятельства, в которых она оказалась, — знак Божьего гнева и Царствие Небесное никогда не примет ее, если только она не посвятит себя Христу всецело и навсегда, до конца своей жизни.

Палома работала горничной в мотеле, стараясь давать сыну все, что только могла. По ночам в их жалкой квартирке она читала Священное Писание и молила Господа о прощении, но нужда лишь росла, и одновременно в Паломе крепла уверенность в том, что Бог не внемлет ее покаянным молитвам.

Отвергнутая семьей, живущая в вечном страхе, спустя пять лет Палома решила, что величайшим актом материнской любви будет подаренная сыну новая жизнь, свободная от Божьей кары

за ее собственные грехи. Она отдала Эдмонда в детский дом, вернулась в Испанию и ушла в монастырь. Больше Эдмонд ее никогда не видел.

Когда ему было десять лет, он узнал, что мать умерла во время строгого поста, держать который решила сама. Не в силах справиться с физическими страданиями, она повесилась.

— Невеселая история, правда? — заметил Эдмонд. — Подробности я узнал уже в старших классах. Как можешь представить, мое неприятие религии связано именно с фанатизмом матери. Я называю это «Третьим законом Ньютона в приложении к воспитанию детей»: каждому безумию есть противодействие — другое безумие, такое же сильное.

Выслушав этот рассказ, Лэнгдон стал понимать, почему в первый год учебы в Гарварде в Эдмонде было столько горечи и гнева. Но Эдмонд никогда не жаловался на то, что в детстве страдал от лишений. Наоборот, он называл себя *счастливчиком.* Именно эти трудности, объяснял он, стали для него главной мотивацией в достижении двух целей, поставленных еще в детстве. Первая — выбраться из нищеты, и вторая — развенчать лицемерие церкви, которая, как он считал, погубила его мать.

Обе цели достигнуты, печально констатировал Лэнгдон, продолжая прочесывать библиотеку. Просматривая корешки на следующей секции, он постоянно встречал знакомые названия. Большинство этих книг затрагивали давно волновавшую Эдмонда идею об опасности, заключенной в религии:

УНИЧТОЖЕНИЕ БОГА
БОГ НЕ ВЕЛИК
ПОРТАТИВНЫЙ АТЕИСТ
ПИСЬМО К ХРИСТИАНСКОЙ НАЦИИ
КОНЕЦ ВЕРЫ
ВИРУС БОГА: КАК РЕЛИГИЯ ЗАРАЖАЕТ НАШУ ЖИЗНЬ И НАШУ КУЛЬТУРУ

Последние десять лет книги, утверждающие рационализм в противовес слепой вере, постоянно оказывались в списках бестселлеров. Лэнгдон вынужден был признать, что разрыв между культурой и религией становится все более очевидным — это заметно даже по гарвардскому кампусу. Недавно газета «Вашингтон пост» напечатала статью о «безбожии в Гарварде». В ней говорилось, что впервые за триста восемьдесят лет истории университета среди первокурсников оказалось гораздо больше агностиков и атеистов,

чем протестантов и католиков.

К тому же, во всем западном мире росло число антирелигиозных организаций, выступающих против того, что они называли «опасностью религиозного догматизма», — «Атеисты Америки», фонд «Освобождение от религии», «Международный альянс атеистов», «Американская гуманистическая ассоциация»… Лэнгдон раньше не особенно задумывался об этом, пока Эдмонд не рассказал ему о всемирном движении «Брайтс», представители которого, несмотря на неоднозначное название[93], исповедуют естественнонаучное мировоззрение, исключающее мистику или элементы сверхъестественного. В этой организации состоят и такие властители дум, как Ричард Докинз, Маргарет Доуни и Дэниел Деннет, — растущая армия атеистов вооружилась «тяжелой артиллерией».

Лэнгдон приметил книги Докинза и Деннета буквально пару минут назад, когда просматривал полки с трудами по эволюции. В своей классической работе «Слепой часовщик» Докинз решительно бросает вызов телеологическому представлению о том, что люди подобно слож-

---

[93] Сноски: 93

Brights — дальний свет, блеск, люди, у которых есть природная способность к пониманию (*англ.*).

ным часам могут жить, только если у них есть «конструктор». Точно так же и Деннет в своей книге «Опасная идея Дарвина» утверждает, что одного лишь естественного отбора достаточно для того, чтобы объяснить эволюцию жизни, и что сложные биологические организмы способны существовать сами, без помощи «божественного творца».

Получается, Бог не нужен для жизни, размышлял Лэнгдон. Внезапно он вспомнил презентацию Эдмонда, и вопрос «Откуда мы?» зазвучал для него по-новому. *Может, это имеет отношение к открытию? То, что жизнь существует сама по себе — без Создателя?* Это, конечно, противоречит всем религиозным доктринам сотворения мира, но, может, Лэнгдон угадал ход мысли Эдмонда? Нет, вряд ли: в любом случае непонятно, как можно доказать подобную гипотезу.

— Роберт! — окликнула его Амбра.

Лэнгдон обернулся. Амбра уже закончила со своей стороной библиотеки.

— У меня ничего, — покачала она головой. — Иду вам помогать.

— У меня тоже глухо, — вздохнул Лэнгдон.

Амбра пересекла коридор, и в этот момент в динамиках смартфона Эдмонда прозвучал голос

Уинстона:

— Мисс Видаль?

Амбра подняла телефон повыше:

— Да?

— Вам и профессору Лэнгдону нужно немедленно кое-что посмотреть. Королевский дворец только что выступил с заявлением.

Лэнгдон поспешно подошел к Амбре, встал рядом и начал вглядываться в экран смартфона, где уже шла видеотрансляция. Он узнал площадь перед Королевским дворцом Мадрида. По ней шел человек в форме и в наручниках, окруженный с четырех сторон агентами Королевской гвардии. Вот агенты развернули его лицом к камерам, как будто выставляя на позор перед всем миром.

— Гарза?! — изумленно воскликнула Амбра. — Но он же командующий Королевской гвардией!

Камера сместилась, и в кадре возникла женщина в очках с толстыми стеклами. Она вытащила из кармана пиджака листок бумаги и приготовилась читать заявление.

— Это Моника Мартин, — объяснила Амбра. — Пиар-координатор дворца. Что вообще происходит?

Женщина заговорила, произнося слова громко и четко:

— Мы берем под арест командующего гвардией Диего Гарзу в связи с его участием в подготовке убийства Эдмонда Кирша и попытками обвинить епископа Вальдеспино в организации этого преступления.

Моника Мартин продолжила свою речь, и Лэнгдон ощутил, что Амбра, стоявшая рядом, слегка пошатнулась.

— А теперь о будущей королеве Амбре Видаль и американском профессоре Роберте Лэнгдоне. — В голосе пиар-координатора зазвучали зловещие нотки. — Боюсь, у меня очень тревожные новости.

Лэнгдон и Амбра обменялись удивленными взглядами.

— Согласно только что полученной информации, — сказала Мартин, — сеньорита Видаль похищена Робертом Лэнгдоном. Королевская гвардия поднята по тревоге и взаимодействует с полицией Барселоны, где, как мы думаем, Роберт Лэнгдон сейчас удерживает сеньориту Видаль в заложниках.

Лэнгдон онемел.

— Поскольку ситуация расценивается нами как захват заложника, мы призываем граждан оказывать властям всяческое содействие и сообщать

полиции любую информацию о местонахождении сеньориты Видаль или профессора Лэнгдона. В настоящее время у королевского дворца больше нет комментариев.

Репортеры начали наперебой выкрикивать вопросы, но Мартин резко развернулась и направилась в сторону дворца.

— Но это же… безумие, — запинаясь, проговорила Амбра. — Мои телохранители прекрасно *видели*, что я ушла из музея по собственной воле!

Лэнгдон молча смотрел на дисплей смартфона, стараясь осмыслить услышанное. Самые разные вопросы, требуя ответов, проносились в его голове. Но одно ему стало совершенно ясно.

Он в смертельной опасности.

Глава 56

— Роберт, простите. — В темных глазах Амбры Видаль читалась вина и страх. — Не знаю, кто стоит за этой фальшивкой, но эти люди подвергают вас огромному риску. — Будущая королева Испании взяла телефон Эдмонда. — Я сейчас же позвоню Монике Мартин.

— Не звоните мисс Мартин, — остановил ее Уинстон. — Именно этого от вас и ждут в королевском дворце. Это ловушка. Вас пытаются выманить, заставить пойти на контакт, а главная цель — выяснить, где вы находитесь. Рассудите сами. Два агента гвардии знают, что вас не похищали, но не опровергают ложь и летят за вами в Барселону. Очевидно, все в королевском дворце заодно. И еще: приказ об аресте командующего Королевской гвардией мог прийти только с самого верха.

Амбра вздрогнула.

— Вы имеете в виду… Хулиана?

— Этот вывод напрашивается сам собой, — произнес Уинстон. — Только принц может отдать такой приказ.

Амбра зажмурилась и долго стояла с закрытыми глазами. Печаль волной нахлынула на нее. Доказательства причастности принца к этой истории неопровержимы. Надеяться, что жених ни в чем не виноват, уже невозможно.

— Все дело в открытии Эдмонда, — сказал Лэнгдон. — Кому-то во дворце известно, что мы пытаемся показать презентацию Кирша, и этот кто-то изо всех сил хочет нас остановить.

— Должно быть, эти люди рассчитывали, что со смертью Эдмонда вопрос будет закрыт, — вмешался Уинстон. — И вдруг выяснилось: это не так.

В холле повисла неловкая тишина.

— Амбра, — спокойно сказал Лэнгдон. — Я не знаком с принцем, но у меня большие подозрения, что все это — дело рук епископа Вальдеспино. Вспомните, как он угрожал Эдмонду накануне презентации.

Амбра неуверенно кивнула.

— Как бы то ни было, вы в опасности.

Внезапно до них донесся отдаленный вой полицейских сирен.

У Лэнгдона учащенно забилось сердце.

— Мы должны срочно найти это стихотворение. — Он двинулся к книжным полкам. — За-

пустив презентацию Эдмонда, мы обезопасим себя. После того как открытие станет достоянием гласности, не будет смысла нас преследовать.

— Совершенно верно, — согласился Уинстон. — Но местные власти все равно будут охотиться за вами, профессор, ведь вас объявили похитителем. Чтобы защититься, надо нанести удар дворцу его же оружием.

— Каким образом? — удивленно спросила Амбра.

Уинстон невозмутимо продолжил:

— Дворец использовал против вас СМИ, но этот меч обоюдоострый.

И Уинстон изложил очень простой план, как внести разброд и шатание в ряды преследователей.

— Я беру это на себя, — решительно заявила Амбра.

— Вы уверены? — озабоченно спросил Лэнгдон. — Ведь тогда у вас не будет пути назад.

— Роберт, — сказала она, — именно я втянула вас в эту историю, и теперь ваша жизнь в опасности. Дворец решил использовать СМИ как оружие против вас. А я направлю это оружие на дворец.

— Именно так, — одобрил Уинстон. — Поднявший меч от меча и погибнет.

Лэнгдон удивленно вскинул брови. *Компьютер Эдмонда цитирует Евангелие?* Возможно, тут более уместна цитата из Ницше: *«Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем»*[94].

Прежде чем Лэнгдон еще раз попытался бы отговорить ее, Амбра решительно двинулась к выходу из апартаментов с телефоном Эдмонда в руке.

— Найдите пароль, Роберт, — бросила она. — Я скоро вернусь.

Лэнгдон молча смотрел, как Амбра исчезает в узком проходе на винтовую лестницу, ведущую на опасную крышу Каса-Мила.

— Будьте осторожны! — прокричал он ей вслед.

Оставшись в одиночестве, Лэнгдон еще раз прошелся по извилистому чреву змееподобного коридора, силясь понять, что все это значит: ящики с экзотическими артефактами, обрамленная цитата о смерти Бога и бесценная картина Гогена с вопросами, которые задавал миру сегодня вечером сам Эдмонд.

Откуда мы? Что нас ждет?

---

[94] Сноски: 94

Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла. Отдел четвертый: афоризмы и интермедии. № 146. Перевод Н. Полилова.

Он не нашел ничего, имеющего хоть какое-то отношение к ответам на эти вопросы. Лишь одна книга чисто теоретически могла касаться дела — «Необъяснимое искусство», альбом с фотографиями загадочных сооружений: Стонхендж, скульптуры острова Пасхи, гигантские рисунки в пустыне Наска, выполненные в таком масштабе, что разглядеть их можно только с большой высоты.

Не густо, подвел итог Лэнгдон и продолжил изучать книжные полки.

Сирены на улице выли все громче.

Глава 57

— Я же не чудовище, — миролюбиво говорил Авила, вздыхая с облегчением над грязным писсуаром на безлюдной стоянке на трассе N-240.

Водитель «Убера», дрожа, стоял у соседнего писсуара и со страха никак не мог оправиться.

— Вы угрожали… моей семье.

— Если не будешь фокусничать, — сказал Авила, — никто не причинит им зла. Довезешь меня до Барселоны, и расстанемся друзьями. Отдам бумажник, забуду твой адрес, а ты забудешь меня.

Водитель смотрел в кафельную стену прямо перед собой, и у него дрожали губы.

— Ты же верующий, — продолжал Авила, — я видел у тебя папский крест на лобовом стекле. Не важно, что ты обо мне думаешь. Возможно, тебя утешит, что сегодня ты делаешь работу во славу Господа. — Авила застегнул ширинку. — Пути Господни неисповедимы.

Авила отошел от писсуара и поправил пистолет за поясом. Там оставалась всего одна пуля. Пригодится ли она сегодня?

Он подошел к раковине и подставил руки под

струю воды. Посмотрел на наколку на ладони. Регент велел показать ее, если схватят. *Излишние предосторожности*. Он чувствовал себя неуловимым призраком в бескрайней ночи.

Адмирал смотрел на свое отражение и удивлялся. Последний раз он видел в зеркале человека в белом парадном кителе, рубашке с крахмальным воротничком и адмиральской фуражке. Сейчас, без кителя, рубашки и фуражки, он был похож на дальнобойщика — в футболке и бейсбольной кепке, позаимствованной у водителя.

Небритый мужчина в мутном зеркале напомнил Авиле самого себя в те страшные пьяные времена после взрыва в соборе.

Я был в бездонной яме.

Поворотной точкой к спасению стал тот день, когда инструктор обманом вывез его за город на встречу с «папой».

Авила навсегда запомнил, как они приближались к зловещим шпилям пальмарианского собора, проезжали через высокие ворота мимо охраны, как вошли внутрь во время утренней службы — сотни верующих стояли на коленях.

В высокие витражные окна щедро лился солнечный свет, сильно пахло ладаном. Увидев золоченый алтарь и роскошные полированные

деревянные скамьи, Авила понял, что слухи о несметном богатстве пальмариан соответствуют действительности. Такого пышного убранства адмирал не видел ни в одном соборе. И все-таки он помнил, что это не обычная католическая церковь.

Пальмариане — заклятые враги Ватикана.

Они с Марко остановились недалеко от входа. Авила смотрел на прихожан и удивлялся, как же секте удается так процветать при демонстративной оппозиции Ватикану. Очевидно, пальмарианские нападки на Ватикан, проявляющий все больший либерализм, задевают струны в сердцах многих верующих, которым по душе традиционные устои.

Ковыляя на костылях по центральному проходу, Авила поймал себя на мысли, что похож на несчастного калеку, приехавшего в пиренейский городок Лурд в надежде на чудесное исцеление. Распорядитель поприветствовал Марко и провел их на зарезервированные места в первом ряду. Прихожане с любопытством смотрели на тех, кому был оказан такой особый прием. Авила пожалел, что поддался на уговоры Марко и надел парадную форму.

Я же думал, что еду на встречу с настоящим

папой.

Авила сел. С амвона юный прихожанин в костюме читал Библию. Авила сразу узнал Евангелие от Марка.

«И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши»[95].

Опять прощайте, усмехнулся Авила. Он уже тысячу раз слышал это от разных утешителей и монашек, которые опекали его после трагедии в соборе.

Чтение закончилось, и в соборе зазвучали торжественные органные аккорды. Все вдруг одновременно встали, и Авила тоже инстинктивно поднялся, вздрогнув от острой боли. Открылась незаметная дверь за алтарем, из нее появился человек, и по толпе пробежала волна восхищенных вздохов.

Ему было за пятьдесят. Царственная осанка, благородные манеры, властный взгляд. Он был в белой сутане, золотой пелерине, с вышитым узорным поясом, на голове — папская тиара, украшенная самоцветами, pretiosa[96]. Казалось,

---

[95] Сноски: 95
Евангелие от Марка, 11:25.

[96] Сноски: 96
Драгоценная (*лат.*). Один их трех видов митры у католиков.

он парит в воздухе, выходя на авансцену перед алтарем с простертыми к прихожанам руками.

— Это он, — благоговейно прошептал Марко, — папа Иннокентий Четырнадцатый.

Он называет себя папой Иннокентием XIV? Авила знал, что пальмариане признают всех пап вплоть до Павла VI, который умер в 1978 году.

— Мы как раз вовремя, — сказал Марко. — Сейчас он начнет проповедь.

Папа миновал возвышение с алтарем, проплыл мимо амвона и сошел вниз, чтобы оказаться на одном уровне с верующими. Поправил петличку с микрофоном, простер руки и тепло улыбнулся пастве.

— Доброе утро, — проникновенно, почти шепотом сказал он.

И прихожане дружным хором прогудели в ответ:

— Доброе утро.

Папа продолжал двигаться от алтаря, приближаясь к пастве.

— Мы только что слушали чтение Евангелия от Марка, — начал он. — Место, которое я выбрал специально. Ибо сегодня хочу поговорить о *прощении*.

Папа подошел к Авиле и остановился в проходе

рядом с ним, всего в нескольких сантиметрах. Но он смотрел вперед, не опуская взгляда. Авила неуверенно поглядел на Марко, тот ободряюще кивнул.

— Мы против всепрощения, — сказал папа, — потому что порой преступления против нас кажутся нам *непростительными*. Когда кто-то убивает невинных людей из слепой ненависти, должны ли мы, как учат нас некоторые церкви, подставлять другую щеку? — В соборе воцарилась звенящая тишина. Папа заговорил еще тише. — Антихристианские экстремисты взрывают бомбы во время утренней мессы в кафедральном соборе Севильи, и эти бомбы убивают невинных матерей и детей. Разве такое можно *простить*? Бомбы взрываются на войне. И эта война не только против католиков. Не только против христиан. Это война против добра, это война против… самого Бога.

Авила закрыл глаза, пытаясь избавиться от нахлынувших страшных воспоминаний, гнев и отчаяние с новой силой сжали ему сердце. Почти задыхаясь от ярости, Авила вдруг почувствовал, как рука папы мягко легла ему на плечо. Он открыл глаза. Папа не смотрел на него. Но это прикосновение укрепляло и ободряло Авилу.

— Мы не можем забыть Terror Rojo[97], — продолжал папа, не убирая руку с плеча Авилы. — Во время нашей Гражданской войны враги Господа жгли испанские церкви и монастыри, они убили более шести тысяч священников, замучили сотни монахинь, заставляя их глотать четки, а потом насиловали и сбрасывали в шахты, где несчастные находили свою смерть! — Он умолк, давая пастве время обдумать его слова. — Такая ненависть не исчезает со временем. Напротив, она крепнет, становится сильнее и, словно раковая опухоль, ждет своего часа. Мы никогда не победим такое зло под знаменем «всепрощения».

Он прав, подумал Авила. Как человек военный, адмирал знал, что «мягкость», проявленная в отношении одного проступка, — верный шаг к полному развалу дисциплины.

— Я считаю, — продолжал папа, — что в некоторых ситуациях прощение может быть *опасным*. Если мы *прощаем* зло, то тем самым даем ему возможность умножаться и распространяться. Когда на акт насилия мы отвечаем актом милосердия, мы поощряем наших врагов к совершению новых актов насилия. Настала пора, когда мы, как Ии-

---

[97] Сноски: 97
Красный террор (*исп.*).

сус, должны изгнать менял из храма, опрокинуть столы их и сказать: «Возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли»[98].

Правильно! — хотелось крикнуть Авиле. И все прихожане закивали в знак одобрения.

— Но разве мы делаем так? — вопросил папа. — Разве Римская католическая церковь опрокидывает столы менял, как это делал Иисус? Нет, и еще раз нет. Сегодня, сталкиваясь с самым страшным злом, мы ничего не противопоставляем ему, кроме прощения, любви и кротости. Мы *поощряем* зло. И оно растет и крепнет. В ответ на новые преступления против нас мы что-то мямлим на языке политкорректности: мол, преступник стал преступником из-за тяжелого детства, нищеты, или пострадал от насилия близких. А сам он в своей ненависти не виноват. *Довольно!* Пора назвать вещи своими именами. Зло есть зло! И против зла *надо* бороться!

Внезапно раздались аплодисменты. Авила не помнил, чтобы такое случалось на католических службах.

— Я решил поговорить сегодня о прощении, — продолжал папа, по-прежнему не убирая руки с

---

[98] Сноски: 98
Евангелие от Иоанна, 2:13–16.

плеча Авилы, — потому что среди нас находится замечательный человек. Я хочу поблагодарить адмирала Авилу за то, что он почтил нас своим присутствием. Человек военный, заслуженный, удостоенный многих наград. Человек, столкнувшийся с нечеловеческим злом. Как и многие из нас, он пытался победить зло прощением.

Не успел Авила опомниться, как папа в красках описал его жизнь — потерю семьи в результате террористического акта, мрак алкоголизма, неудачную попытку самоубийства. Первой реакцией Авилы был гнев: предатель Марко все рассказал этому папе! Но постепенно, слушая историю своей жизни, Авила обрел спокойствие. Это было публичное признание того, что он был на дне, оттолкнулся от дна и каким-то — может быть, чудесным — образом выжил.

— Знайте же, — вещал папа, — Господь сохранил жизнь адмиралу Авиле и спас его для… великих свершений.

И пальмарианский папа Иннокентий XIV впервые посмотрел в лицо Авиле. Его глубоко посаженные глаза, казалось, заглядывали в самую душу, и Авила вдруг почувствовал, как в него вливается сила, какой он не ощущал в себе уже много лет.

— Адмирал Авила, — провозгласил папа. — Трагическая утрата, которую вы понесли, — такое нельзя простить. Я верю, ваш гнев — это *праведный* гнев, и вашу жажду мщения не утолить, подставив другую щеку. И *не надо* ее подставлять! Надо встать в ряды защитников добра и направить свой гнев против зла. Благословен будь Господь!

– *Благословен будь Господь!* — хором отозвались прихожане.

— Адмирал Авила, — продолжил папа, глядя прямо ему в глаза, — каков девиз испанского флота?

— Pro Deo et patria[99], — не задумываясь ответил Авила.

— Вот именно. Pro Deo et patria. За Бога и отечество. Нас сегодня почтил своим присутствием морской офицер, который всю свою жизнь служил *отечеству*. — Папа сделал паузу и чуть наклонился вперед. — А как же… Бог?

Авила смотрел в проницательные глаза папы, и у него начала кружиться голова.

— Ваша жизнь еще не закончена, адмирал, — тихо проговорил папа. — Не все еще сделано.

---

[99] Сноски: 99
За Бога и отечество (*лат.*).

Именно *поэтому* Господь спас вас. Ваша миссия выполнена только наполовину. До сих пор вы служили своей стране, своему отечеству. Настало время послужить *Богу*!

Эти слова словно пуля сразили Авилу.

— Мир вам, — провозгласил папа.

– *Мир вам*, — хором ответили прихожане.

Авила ощутил, как его подхватывает волна взаимной любви и поддержки и дает силу, какой он не знал никогда прежде. Он искал в глазах окружающих хоть малейший признак религиозного фанатизма, которого всегда опасался, но видел лишь оптимизм, искреннее расположение друг к другу и решимость действовать во имя Господне. И он понял, что именно этого ему и не хватало.

С того дня с помощью Марко и новых друзей Авила начал долгий путь к свету из бездны отчаяния.

Он упорно тренировался, правильно питался и — что самое важное — снова стал молиться.

Через несколько месяцев, когда закончился курс физиотерапии, Марко подарил Авиле Библию в кожаном переплете, несколько мест в которой были отмечены.

Авила сразу просмотрел некоторые из них.

Римлянам. 13:4
Ибо… он Божий слуга,
отмститель в наказание делающему злое.
Псалом. 93:1
Боже отмщений, Господи,
Боже отмщений, яви Себя!
Тимофею. 2:3
Итак переноси страдания,
как добрый воин Иисуса Христа.

— Помните, — сказал ему Марко с улыбкой, — когда зло поднимает голову в мире, Господь действует посредством каждого из нас по-разному. Все в Его воле. И всепрощение не единственный путь к спасению.

Глава 58

ConspiracyNet.com

Последние новости

КТО БЫ ТЫ НИ БЫЛ – ГОВОРИ ЕЩЕ!

Сегодня некто, скрывающийся под ником monte@iglesia.org, представил огромное количество инсайдерской информации сайту ConspiracyNet.

Спасибо!

Поскольку данные, которыми Монте до сих пор делился с нами, свидетельствуют о высокой степени его осведомленности и обладают большой вероятностью достоверности, мы обращаемся к нему с просьбой:

МОНТЕ, КЕМ БЫ ТЫ НИ БЫЛ, ЕСЛИ У ТЕБЯ ЕСТЬ ИНФОРМАЦИЯ О ПРЕРВАННОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ ЭДМОНДА КИРША, ПОЖАЛУЙСТА, ПОДЕЛИСЬ С НАМИ!!!

хэштеги:
#откудамы
#чтонасждет

Благодарим
от
лица всех подписчиков ConspiracyNet

Глава 59

Роберт Лэнгдон изучал оставшиеся стеллажи библиотеки Кирша, и надежды его таяли. Сирены, приближаясь, выли на улице на два голоса, пока не замерли прямо перед Каса-Мила. В маленьких окошках холла апартаментов замелькали сине-красные отблески полицейских мигалок.

Мы в западне, подумал Лэнгдон. *Надо срочно найти пароль из сорока семи букв. Иначе отсюда не выбраться*.

Увы, ему до сих пор не попалось ни одной поэтической книжки.

Полки последней части библиотеки были глубже. Здесь Эдмонд хранил альбомы по искусству. Лэнгдон быстро шел вдоль стены, мельком читая названия на корешках. Эдмонд любил самое новое в современном искусстве.

Серра… Кунс… Херст… Бругера… Баския…Бэнкси… Абрамович…

Собрание альбомов внезапно сменил ряд небольших книжечек, и Лэнгдон с надеждой принялся искать поэтический томик.

Ничего.

Только исследования и критические работы по абстрактному искусству. Попадались и знакомые названия, в свое время Эдмонд посылал кое-какие книги Лэнгдону.

НА ЧТО МЫ СМОТРИМ?
ПОЧЕМУ ПЯТИЛЕТНИЙ РЕБЕНОК НЕ СМОГ БЫ СОЗДАТЬ ЭТО
КАК УЖИТЬСЯ С СОВРЕМЕННЫМ ИСКУССТВОМ

Я до сих пор пытаюсь и не могу с ним ужиться, подумал Лэнгдон, спешно передвигаясь вдоль полок. За очередным ребром коридора начинался новый стеллаж.

Модернизм, подумал он. С первого взгляда было ясно, что этот раздел посвящен раннему периоду современного искусства. *По крайней мере мы идем в прошлое… к тому искусству, что мне ближе.*

Лэнгдон скользил взглядом по корешкам биографий и каталогов импрессионистов, кубистов, сюрреалистов, потрясавших мир своими работами с 1870 по 1960-е годы.

Ван Гог… Сёра… Пикассо… Мунк… Матисс… Магритт… Климт… Кандинский… Джонс… Хокни… Гоген… Дюшан… Дега… Шагал… Сезанн… Кассатт… Брак… Арп… Альберс…

Этот раздел библиотеки закончился последним

сводом тоннеля. Далее следовал заключительный раздел библиотеки. Тут стояли альбомы тех художников, которых Эдмонд в разговорах с Лэнгдоном обычно называл «школа мертвых, занудных белых парней» — здесь было все, что предшествовало модернистскому повороту второй половины девятнадцатого столетия.

В отличие от Эдмонда Лэнгдон именно здесь чувствовал себя как дома. В окружении старых мастеров.

Вермеер… Веласкес… Тициан… Тинторетто… Рубенс… Рембрандт… Рафаэль… Пуссен… Микеланджело… Липпи… Гойя… Джотто… Гирландайо… Эль Греко… Дюрер… да Винчи… Коро… Караваджо… Боттичелли… Босх…

В конце стеллажа стояла стеклянная витрина с закрытыми дверцами. Заглянув через стекло, Лэнгдон увидел старинный обшитый кожей ларец, явно предназначенный для хранения какой-то ценной антикварной книги.

Надпись на ларце едва читалась, но все же Лэнгдон смог ее разобрать.

Господи, подумал он, догадавшись, почему именно эта книга хранится под стеклом. *Это же целое состояние.*

Лэнгдон знал, что существует лишь несколько

бесценных экземпляров этой книги легендарного художника.

Ничего удивительного, что Эдмонд не пожалел на нее денег, подумал он, вспомнив, как друг говорил об этом английском художнике: «Единственный до эпохи модерна, у кого было хоть какое-то воображение». Лэнгдон не мог с этим полностью согласиться, но прекрасно понимал, чем художник так привлекает Эдмонда. Они были одной породы.

Лэнгдон наклонился и сквозь стекло прочел выгравированную на металлической табличке ларца надпись: *Полное собрание работ Уильяма Блейка.*

Уильям Блейк, подумал Лэнгдон. *Эдмонд Кирш восемнадцатого столетия.*

Блейк был ни на кого не похожим гением. Живописный стиль его намного опередил свое время. Многие считали, что он предвидел будущее. Блейк изображал ангелов, демонов, сатану, Бога, мифологических существ, библейских персонажей и целый пантеон божеств, которые являлись ему в видениях.

Блейк, как и Кирш, подумал Лэнгдон, *постоянно бросал вызов христианству.*

Эта мысль заставила профессора остановиться.

У него внезапно перехватило дыхание.

Наткнувшись на Блейка среди альбомов других художников, Лэнгдон упустил из виду важнейший факт биографии гениального мистика.

Блейк не только художник…

Блейк еще и поэт-пророк.

Сердце Лэнгдона забилось быстрее.

Во многих стихах Блейка звучат революционные идеи в духе Эдмонда Кирша. Под многими крылатыми выражениями Блейка — особенно из его «сатанинской» книги «Бракосочетание Рая и Ада» — вполне мог бы подписаться и Эдмонд Кирш.

ВСЕ РЕЛИГИИ ОДИНАКОВЫ
ЕСТЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

Лэнгдон вспомнил, как Эдмонд описывал свою любимую стихотворную строку.

Он сказал Амбре, что это пророчество.

На свете нет другого поэта, который был бы в бóльшей степени пророком, чем Уильям Блейк. В 1790-е годы он написал две поэмы «Америка: пророчество» и «Европа: пророчество». У Лэнгдона были обе — замечательные репринты рукописных текстов Блейка с его же иллюстрациями.

Лэнгдон с надеждой посмотрел на большой

кожаный ларец за стеклом витрины.

Оригинальные издания «пророчеств» должны быть книгами большого формата.

Лэнгдон приник к стеклу: возможно, в этом кожаном ларце и находится то, что они с Амброй ищут, — стихотворение или поэма, в которой есть строка из сорока семи букв. Вопрос только в том, *отметил* ли Эдмонд любимую строку.

Лэнгдон дернул ручку дверцы.

Заперто.

Он посмотрел на ведущую наверх винтовую лестницу. Может, просто пойти на крышу к Амбре и попросить Уинстона быстро просмотреть все стихи Блейка? В этот момент он услышал приближающийся гул вертолета и голоса на лестничной площадке у дверей в лофт.

Они уже здесь.

Лэнгдон взглянул на витрину. Обычное с зеленоватым оттенком музейное стекло с защитой от ультрафиолета.

Он снял пиджак, прижал к стеклу, размахнулся и изо всех сил ударил локтем. С приглушенным звоном стеклянная дверца разлетелась вдребезги. Лэнгдон осторожно просунул руку в пробоину, отодвинул засов и распахнул дверцу. Затем бережно достал кожаный ларец.

Не успел он опустить ларец на пол, как почувствовал: что-то не то. Слишком он легкий. Полное собрание работ Блейка — и почти ничего не весит?

Лэнгдон поставил ларец на пол и открыл крышку.

Опасения подтвердились. Пусто.

Он тяжело вздохнул, глядя на дно пустого ларца. *Но где же, черт возьми, книга?*

Он хотел уже закрыть ларец, как вдруг заметил что-то, изнутри прикрепленное к крышке липкой лентой. Это была изящная карточка цвета слоновой кости с тиснением.

Лэнгдон прочел текст на карточке.

Не поверив своим глазам, перечитал еще раз.

Через мгновение он уже мчался по винтовой лестнице на крышу.

В это самое время Суреш Бхалла из центра электронной безопасности осторожно шел по личным апартаментам принца Хулиана на втором этаже Королевского дворца Мадрида. Отыскав встроенный в стену сейф с цифровым замком, он набрал код для экстренных случаев.

Дверца сейфа открылась.

Суреш увидел два телефона — защищенный смартфон, разработанный дворцовыми специа-

листами для принца Хулиана, и айфон, который, судя по всему, принадлежал епископу Вальдеспино.

Он взял айфон.

Неужели я действительно это делаю?

Он вспомнил письмо от monte@iglesia.org.

> я взломал смс-переписку вальдеспино.
> у него есть очень опасные секреты.
> дворец должен проверить все смс епископа. срочно.

Интересно, какие же секреты в этой смс-переписке? И почему информатор решил сообщить об этом дворцу, а не прессе?

Может, он хочет предотвратить удар по дворцу с двух сторон?

Как бы то ни было, Суреш был уверен в одном: если есть информация, опасная для королевской семьи, его долг — получить к ней доступ.

Он, конечно, мог срочно запросить судебный ордер на взлом телефона, но риск утечки информации и потеря времени делали законный путь слишком опасным. К счастью, в распоряжении Суреша имелись другие проверенные средства.

Он нажал главную кнопку на смартфоне Вальдеспино, экран загорелся.

Телефон запаролен.

Нет проблем.

— О'кей, Сири, — сказал Суреш в телефон. — Который час?

Даже заблокированный телефон показал время. В этом же режиме Суреш отдал несколько простых команд: сменил часовой пояс, запросил подтверждение смены пояса через эсэмэс, добавил к сообщению фото, а потом вместо того, чтобы отправить эсэмэс, снова нажал главную кнопку.

Клик.

И телефон разблокировался.

Спасибо «Ютьюбу» за науку, подумал Суреш. *Странно, но пользователи айфонов считают, что пароли на их гаджетах гарантируют им безопасность.*

Получив полный доступ к телефону Вальдеспино, Суреш открыл приложение iMessage, абсолютно уверенный в том, что сможет прочесть все стертые сообщения, восстановив каталог резервных копий на iCloud.

Как и ожидалось, папка входящих на телефоне епископа была почти пуста.

За исключением одного эсэмэс. Суреш смотрел на сообщение, которое пришло пару часов назад

с не определенного номера.

Открыв его, прочел три строчки текста и не поверил своим глазам.

Этого не может быть!

Суреш снова перечитал сообщение.

Текст неопровержимо свидетельствовал: Вальдеспино виновен. Он вероломный предатель.

Да еще и самонадеянный, подумал Суреш. Его поразило, насколько неуязвимым чувствовал себя старый прелат, если позволял себе обсуждать такие дела, отправляя обычные сообщения.

Если текст опубликовать…

От одной этой мысли Сурешу стало страшно. И он мгновенно бросился обратно в подвал — к Монике Мартин.

Глава 60

Вертолет «EC-145» летел над городом на небольшой высоте. Агент Диас видел внизу россыпь огней. Несмотря на поздний час, в окнах многих домов светились телеэкраны и мониторы, и город был словно подернут голубоватой дымкой.

Весь мир у экранов.

Диас нервничал. Сегодняшние события давно вышли из-под контроля, и он боялся, что раскручивающаяся спираль кризиса приведет к катастрофе.

Сидевший рядом агент Фонсека что-то прокричал и указал рукой прямо перед ними. Диас кивнул: они у цели.

Ее трудно пропустить.

Стадо пульсирующих полицейских мигалок видно издалека.

Господи, помоги.

Как и предполагал Диас, дом Мила окружали машины местной полиции. Власти Барселоны откликнулись на официальное заявление Моники Мартин.

Роберт Лэнгдон похитил будущую королеву

Испании.

Дворец просит всех помочь выяснить местонахождение заложницы и похитителя.

Наглая ложь, думал Диас. *Я своими глазами видел, как они вместе покидали музей.*

С одной стороны, уловка Мартин оказалась вполне эффективной, но с другой — очень опасной. Шум вокруг этого дела и участие местной полиции угрожали не только Роберту Лэнгдону, но и будущей королеве Испании. Кто может поручиться, что не слишком сноровистые местные полицейские не подстрелят ее просто по недосмотру? Непохоже, что королевский дворец действительно заботится о безопасности Амбры. Безопасность так не обеспечивают.

Командор Гарза не допустил бы такого развития событий.

Но Гарза арестован. И это стало еще одной загадкой для Диаса. Он был уверен, что обвинения против Гарзы — такая же фальшивка, как и против Лэнгдона.

Как бы то ни было, Фонсека получил приказ по телефону.

Приказ от кого-то повыше Гарзы.

Вертолет подлетал к Каса-Мила. Агент Диас смотрел вниз и понимал, что места для посадки

нет. Широкий бульвар перед домом и площадь на углу — все занято автобусами телевизионщиков, полицейскими машинами и толпами зевак.

Диас посмотрел на знаменитую крышу Каса-Мила: гигантская восьмерка с лестницами, переходами и смотровыми площадками, с которых открывается прекрасный вид на Барселону. И два внутренних двора-колодца.

Приземлиться негде.

Мало того что крыша неровная и «холмистая», она еще и утыкана печными трубами, которые Гауди сделал похожими на футуристические шахматные фигуры. Говорят, эти «стражники в шлемах» вдохновили режиссера Джорджа Лукаса и стали прообразом его грозного штурмового корпуса в «Звездных войнах».

В поисках места для посадки Диас начал было осматривать соседние здания и вдруг вспомнил: что-то на крыше Каса-Мила показалось ему странным.

Среди гигантских труб маячила маленькая фигурка.

Она виднелась на самом краю, у ограждения, вся в белом, ярко освещенная направленными вверх прожекторами телевизионщиков с площади на углу. Это напомнило Диасу папу римского

на балконе перед толпой верующих на площади Святого Петра.

Но это был не папа римский.

Это была красивая женщина в белом платье.

Амбра Видаль ничего не видела, ослепленная светом прожекторов, но она хорошо слышала нараставший шум вертолета и прекрасно понимала, что у нее осталось всего несколько минут. В отчаянии она склонилась через ограждение, пытаясь докричаться до толпы журналистов внизу.

Ее слова тонули в грохоте винтов вертолета.

Уинстон предвидел, что, стоит Амбре появиться на крыше, как телевизионщики сразу направят на нее камеры. Так и произошло, но все-таки план Уинстона не сработал.

Они не слышат ни единого слова!

Крыша Каса-Мила оказалась на слишком большой высоте. Внизу чересчур шумно — людской гул и вой полицейских сирен. А теперь все перекрывал рев вертолета.

— Меня не похитили! — снова и снова кричала Амбра. — Заявления королевского дворца о Роберте Лэнгдоне — неправда. Я не заложница!

Вы — будущая королева Испании, говорил ей несколько минут назад Уинстон. *Если вы опровергнете заявление о вашем похищении, местные*

власти остановят розыск. Ваше заявление посеет еще больший хаос. Станет непонятно, чьи приказы теперь исполнять.

Амбра понимала, что Уинстон прав, но ее слова тонули в реве вертолета, зависшего над шумной толпой.

Внезапно шум сделался нестерпимым. Амбра выпрямилась — прямо перед ней висела винтокрылая машина. Дверь вертолета открылась, и Амбра увидела знакомые лица агентов Фонсеки и Диаса.

К ее ужасу, в руке у Фонсеки был какой-то предмет, направленный прямо на нее. В голове пронеслись страшные мысли. *Хулиан хочет убить меня. Я бесплодная женщина. Я не могу родить наследника. Он убьет меня и тем самым разорвет помолвку.*

Амбра отступила от ограждения, пытаясь уклониться от направленного на нее прибора. В одной руке она держала смартфон Эдмонда, другой помогала себе сохранять равновесие. Она сделала было шаг назад, но нога не находила твердой опоры. Там, где по ощущениям Амбры должен был оказаться бетонный пол, зияла пустота. Она попыталась удержаться на ногах, но не смогла, и полетела вниз по ступенькам низенькой боковой

лестницы. Сильно ударилась о бетон левым локтем, потом головой. Но боли не почувствовала. Все мысли были о том, что, падая, она выронила самую важную вещь — огромный бирюзовый смартфон Эдмонда.

О Господи, нет!

В панике она смотрела, как смартфон скользит по бетонному полу к пожарной лестнице, спускающейся с высоты девятого этажа во внутренний двор. Она попыталась его поймать, но он мгновенно исчез за ограждением и улетел в бездну.

Уинстон! Уинстон!

Амбра бросилась к ограждению, посмотрела вниз и увидела, как смартфон Эдмонда, кувыркаясь, летит, врезается в узорную каменную плитку внутреннего двора и с треском разлетается на мелкие осколки.

В одно мгновение Уинстона не стало.

Перепрыгивая через ступеньки, Лэнгдон наконец добрался до венчающей лестницу башенки и выскочил на крышу. И сразу почти оглох от страшного рева. Прямо перед ним висел вертолет, Амбры нигде не было видно.

Лэнгдон ошалело оглядывался по сторонам. Где она? Он и забыл, как причудлива здесь крыша — кривобокие парапеты… крутые лесен-

ки…бетонные трубы-стражники… бездонные колодцы.

— Амбра!

И тут он заметил ее. Сердце сжалось от страха. Амбра Видаль, навалившись на бетонный парапет, висела над колодцем внутреннего двора.

Лэнгдон бросился к ней и тут же услышал, как над головой просвистела пуля и с визгом вонзилась в бетонный пол где-то позади.

Господи! Лэнгдон упал на четвереньки и пополз в сторону углубления на крыше. Еще две пули просвистели над ним. Вначале он подумал, что стреляют из вертолета, но, пробираясь к Амбре, заметил целую толпу полицейских: один за другим они выскакивали из башенки винтовой лестницы на противоположном краю крыши — с пистолетами и винтовками наперевес.

Они хотят убить меня, подумал Лэнгдон. *Я же террорист, похитил будущую королеву.* Судя по всему, план Уинстона не сработал, и Амбре не удалось докричаться до телевизионщиков.

Лэнгдон уже почти дополз до Амбры, он был всего в нескольких шагах и тут с ужасом заметил, что рука у нее в крови. *Господи, они и в нее стреляют?* Над головой просвистела еще одна пуля. Амбра начала потихоньку приподниматься

над бетонным парапетом. Она явно пыталась выпрямиться.

— Не вставайте! — закричал Лэнгдон. Он быстро дополз до нее и, заслонив своим телом, огляделся. Бетонные фигуры бойцов в шлемах стояли по периметру крыши как безмолвные стражи.

Рев стал еще оглушительнее, потоки воздуха почти сдували их с крыши — вертолет опустился ниже и завис перед ними, закрыв от полицейских.

— ¡Dejen de disparar! — закричали в мегафон из вертолета. — ¡Enfunden las armas! — *Прекратите огонь! Опустите оружие!*

Прямо перед Лэнгдоном агент Диас, высунувшись из двери вертолета и стоя на подножке, тянул к ним руку:

— Сюда! Забирайтесь!

Лэнгдон почувствовал, как Амбра дернулась в испуге.

— Скорее! — кричал Диас.

Агент указывал на бетонный парапет ограждения колодца внутреннего двора, предлагая им взобраться на него, уцепиться за протянутую руку и перепрыгнуть в зависший вертолет.

Лэнгдон никак не мог решиться.

Диас взял мегафон у Фонсеки и, направив его

прямо в лицо Лэнгдону, закричал:

— ПРОФЕССОР, НЕМЕДЛЕННО ПРЫГАЙТЕ В ВЕРТОЛЕТ! — Голос Диаса гремел как гром. — У МЕСТНОЙ ПОЛИЦИИ ПРИКАЗ УНИЧТОЖИТЬ ВАС! МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ВЫ НЕ ПОХИТИТЕЛЬ! НЕМЕДЛЕННО ПОДНИМАЙТЕСЬ НА БОРТ! ВДВОЕМ! ПОКА ВАС НЕ ПРИСТРЕЛИЛИ!

Глава 61

В реве ветра Амбра почувствовала, как Лэнгдон приподнимает ее навстречу протянутой руке агента Диаса.

Сопротивляться не было сил.

— Она ранена! — крикнул Лэнгдон, забираясь вслед за Амброй в открытую дверь вертолета.

Ревущая машина резко взмыла вверх. Полицейские на волнообразной крыше Каса-Мила, задрав головы, провожали вертолет удивленными взглядами.

Фонсека закрыл дверь и сел рядом с пилотом. Диас придвинулся к Амбре и спросил, что у нее с рукой.

— Всего лишь царапина, — устало сказала она.

— Сейчас принесу аптечку. — И Диас направился в хвост вертолета.

Лэнгдон сидел лицом к Амбре, против движения. Они вдруг остались одни, он поймал ее взгляд и ободряюще улыбнулся:

— Рад, что с вами все в порядке.

Амбра устало кивнула и хотела было что-то ответить, но Лэнгдон подался вперед и быстро

зашептал ей на ухо.

— Я нашел поэта, — возбужденно сказал он, и глаза его горели. — Это Уильям Блейк! В библиотеке Эдмонда есть его собрание сочинений. Кроме того, многие стихи Блейка — настоящие пророчества. — Лэнгдон протянул руку. — Дайте мне телефон Эдмонда, я попрошу Уинстона найти у Блейка стихотворные строки в сорок семь букв.

Амбра виновато посмотрела на доверчиво раскрытую ладонь Лэнгдона и вложила в нее свою руку.

— Роберт, — печально произнесла она. — Смартфона Эдмонда больше нет. Я уронила его с крыши.

Лэнгдон молча смотрел на нее. Лицо его побелело. *Простите, Роберт.* Амбра видела, что Лэнгдон пытается взять себя в руки. Потеря Уинстона отбросила их далеко назад.

Фонсека в кресле рядом с пилотом кричал в трубку:

— Да, подтверждаю. Они на борту. В безопасности. Приготовьте самолет до Мадрида. Я свяжусь с дворцом и предупрежу…

— Не трудитесь! — прокричала Амбра агенту. — Я не собираюсь во дворец!

Фонсека прикрыл телефон ладонью, повернул-

ся и строго посмотрел на нее:

— Нет, собираетесь! У меня приказ обеспечить вашу безопасность. И больше без меня вы шагу не сделаете! Скажите спасибо, что удалось спасти вас!

— *Спасти?!* — возмутилась Амбра. — Спасать меня надо было потому, что дворец распространил эту дикую ложь, будто бы Лэнгдон меня похитил! И вы прекрасно знаете, что это неправда. Неужели принц Хулиан в таком отчаянном положении, что готов пожертвовать жизнью невинного человека? Я уж не говорю про мою жизнь!

Фонсека посмотрел на нее и молча отвернулся.

Пришел Диас с аптечкой и сел рядом с Амброй.

— Сеньорита Видаль, — сказал он. — Поймите, из-за ареста командора Гарзы система управления сегодня дает сбои. Но хочу, чтобы вы знали: принц Хулиан не имеет никакого отношения к заявлению пиар-координатора дворца. Мы даже не можем с уверенностью сказать, что принц в курсе сегодняшних событий. Вот уже больше часа у нас нет с ним никакой связи.

Что? Амбра удивленно посмотрела на него.

— А где же он?

— В настоящее время местоположение его

высочества неизвестно, — сообщил Диас. — Но последний раз, когда мы общались сегодня вечером, он отдал четкий приказ: обеспечить вашу безопасность.

— Если это так, — сказал вдруг Лэнгдон, отвлекаясь от собственных мыслей, — то сеньорите Видаль нельзя появляться во дворце — это смертельно опасно.

Фонсека повернулся к нему:

— О чем вы?

— Я не знаю, сэр, чьи приказы вы выполняете, — продолжил Лэнгдон, — но если принц действительно хочет обеспечить безопасность своей невесты, то вы должны меня внимательно выслушать. — Лэнгдон выдержал паузу. — Эдмонда Кирша убили, чтобы не дать обнародовать его открытие. И те, кто заставил его замолчать, ни перед чем не остановятся, чтобы довести начатое до конца.

— Так они уже все довели до конца, — усмехнулся Фонсека. — Эдмонд мертв.

— Это так, — ответил Лэнгдон. — Но презентация открытия Эдмонда по-прежнему существует и может быть обнародована в любой момент.

— Для этого вы и пробрались в его апартаменты, — сделал вывод Диас. — Хотели запустить

презентацию?

— Совершенно верно, — ответил Лэнгдон. — И это делает нас мишенями. Не знаю, кто приказал объявить меня похитителем, а Амбру — заложницей, но очевидно, что это отчаянная попытка остановить нас. Если вы часть этой команды, то есть тех, кто пытается любой ценой похоронить открытие Эдмонда Кирша, то вам следует прямо сейчас вышвырнуть из вертолета меня и сеньориту Видаль. Благо у вас есть такая возможность.

Амбра с удивлением смотрела на Лэнгдона: не сошел ли он с ума?

— Но если вы, — продолжал Лэнгдон, — верны своему долгу защищать королевскую семью, в том числе и будущую королеву Испании, то должны понять: сейчас нет на земле более опасного места для сеньориты Видаль, чем дворец, только что сделавший публичное заявление, в результате которого она едва не погибла. — Лэнгдон достал из кармана роскошную карточку с золотым тиснением. — Думаю, самое разумное — доставить сеньориту Видаль по указанному адресу.

Фонсека взял карточку и, сдвинув брови, внимательно изучил ее.

— Что-то странное.

— Объект охраняется и окружен забором, —

сказал Лэнгдон. — Пилот сажает вертолет, мы четверо выходим, он улетает. И никто не узнает, где мы. С тамошним шефом я знаком. Мы будем в безопасности. Пересидим, пока все утрясется. Под вашей охраной.

— Мне кажется, в военном ангаре аэропорта мы будем в большей безопасности.

— Вы уверены, что стоит доверять военным, которые в любую секунду могут получить приказ от тех самых людей, которые только что едва не убили сеньориту Видаль?

Фонсека думал. На его непроницаемом лице не дрогнул ни один мускул.

Амбра гадала, что же написано на карточке. *Куда собрался Лэнгдон?* За его настойчивостью явно скрывалось нечто большее, нежели забота о ее безопасности. Она слышала уверенность в его голосе — похоже, он не потерял надежды запустить трансляцию открытия Эдмонда.

Лэнгдон забрал карточку у Фонсеки и передал Амбре:

— Я нашел ее в библиотеке Эдмонда.

Амбра посмотрела на карточку и мгновенно поняла, в чем дело.

Благодарственный сертификат, или Карта дарителя, выдается меценатам, которые навсегда

или на время передают музею принадлежащие им произведения искусства. Обычно печатают две одинаковые карточки классического дизайна — одна находится в музее рядом с экспонатом как знак благодарности дарителю, а другая — у дарителя в качестве символического залога.

Эдмонд подарил своего Блейка?

Из надписи на карточке следовало, что книга находится в Барселоне, всего в нескольких километрах от апартаментов Кирша.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РАБОТ
УИЛЬЯМА БЛЕЙКА

Из частного собрания
ЭДМОНДА КИРША

дар

СОБОРУ САГРАДА ФАМИЛИЯ

Каррер-де-Майорка, 401,
08013, Барселона, Испания

— Я только одного не понимаю, — сказала Амбра. — Почему убежденный атеист дарит книгу церкви?

— Это же не просто церковь, — ответил Лэнгдон. — Это главный шедевр Гауди. — Профессор кивком указал вниз, за окно вертолета. — И к тому же он скоро станет самым высоким собором в Европе.

Амбра посмотрела вниз. На севере, в отдалении, окруженные кранами и строительными лесами в свете прожекторов сияли недостроенные башни собора Саграда Фамилия — пористые шпили, похожие на гигантские морские губки, которые тянутся к свету с морского дна.

Больше ста лет идет строительство собора Саграда Фамилия — целиком на пожертвования верующих. Традиционалисты критикуют его за вычурные «органические» формы и «биоподобный дизайн», модернисты восхищаются его «текучей структурой» и «гиперболоидной» конструкцией, отражающей природные формы.

— Согласна, он необычен, — сказала Амбра, поворачиваясь к Лэнгдону. — Но все-таки это *католический* собор. А вы же знаете Эдмонда.

Да, я знаю Эдмонда, подумал Лэнгдон. *И знаю достаточно хорошо, чтобы помнить: он считал,*

что в Саграда Фамилия зашифрованы тайные символы, которые имеют мало общего с христианством.

Строительство этого странного собора с самого начала, с 1882 года, сопровождали конспирологические теории. Говорили о мистических шифрах на дверях, о космических мотивах спиральных колонн, о таинственных символах на фасаде, о барельефах с «магическим квадратом» и о напоминающей скелет конструкции, в которой явно угадывались очертания костей и соединительных тканей.

Лэнгдон, конечно, был знаком с этими теориями, но никогда не придавал им большого значения. Однако несколько лет назад он с удивлением узнал, что Эдмонд — один из тех многочисленных поклонников Гауди, которые считают, что Саграда Фамилия — не христианский собор, а тайный храм во славу науки и природы.

Поначалу это предположение показалось Лэнгдону маловероятным, и он напомнил Эдмонду, что Гауди был ревностным католиком, которого Ватикан в знак величайших заслуг назвал «архитектором Бога» и даже рассматривал вопрос о его канонизации. Собор, конечно, необычный, убеждал Лэнгдон Кирша, но именно так модернист

Гауди видел христианскую символику. И только.

Эдмонд ответил ироничной усмешкой. Он словно знал какую-то тайну, но не хотел ею поделиться.

Еще одна тайна Кирша, подумал Лэнгдон. *Как и его борьба с раком.*

— Но даже если книга находится в Саграда Фамилия, — сказала Амбра, — и даже если мы найдем ее, как отыщем строчку? Нам ведь придется перечитать ее от начала до конца. Сомневаюсь, что Эдмонд стал бы выделять что-то маркером в бесценном антикварном экземпляре.

— Амбра, — спокойно улыбнулся Лэнгдон, — посмотрите на обороте карточки.

Амбра перевернула карточку и прочитала текст.

Потом, не веря своим глазам, перечитала еще раз.

Она вновь посмотрела на Лэнгдона, и в ее глазах засветилась надежда.

— Как я и сказал, — кивнул профессор, — нам срочно надо туда.

Но надежда Амбры угасла так же быстро.

— И все равно. Даже если мы найдем пароль…

— Знаю, у нас нет телефона Эдмонда, следовательно, и связи с Уинстоном.

— Вот именно.

— Думаю, мы решим эту проблему.

Амбра скептически посмотрела на него:

— Интересно как?

— Надо найти *его самого*. Сам компьютер Эдмонда. У нас нет дистанционного доступа к Уинстону, но мы можем ввести пароль, так сказать, непосредственно в *самого* Уинстона.

Амбра с недоверием смотрела на него.

— Вы же мне говорили, что Уинстон находится в хорошо защищенном месте, — напомнил ей Лэнгдон.

— Да, но это место может быть в любой точке земного шара.

— Нет. Оно — в Барселоне. *Должно* быть здесь. Эдмонд жил в Барселоне. Искусственный интеллект — проект, над которым он работал в последнее время. Уинстон был создан где-то *здесь*.

— Роберт, даже если вы правы, нам придется искать иголку в стоге сена. Барселона — *огромный* город. И невозможно…

— Я найду Уинстона, — сказал Лэнгдон. — Уверен в этом. — Он улыбнулся и посмотрел вниз, на огни большого города. — Звучит странно, но когда я смотрел на Барселону сверху, то кое-что

понял…

Лэнгдон замолчал и устремил взгляд в окно вертолета.

— Вы расскажете, в чем дело?

— Я мог бы и раньше догадаться, — ответил он. — Была одна загадка, связанная с Уинстоном, она мучила меня сегодня весь вечер. И наконец я разгадал ее.

Лэнгдон, бросив настороженный взгляд на агентов гвардии, наклонился к Амбре и прошептал:

— Можете мне просто поверить? Я доберусь до Уинстона. Но если мы не найдем пароль Эдмонда, он нам ничем не поможет. Поэтому сейчас главное — отыскать эту стихотворную строчку. И Саграда Фамилия — место, где мы ее найдем.

Амбра несколько мгновений испытующе смотрела на Лэнгдона, а потом, неуверенно кивнув, громко сказала:

— Агент Фонсека! Будьте добры, скажите пилоту, чтобы немедленно доставил нас в собор Саграда Фамилия.

Фонсека обернулся всем корпусом и удивленно уставился на нее:

— Сеньорита Видаль, я же объяснил, что у меня приказ…

— Агент Фонсека, — оборвала его будущая

королева Испании. Она наклонилась вперед и теперь смотрела ему прямо в глаза. — Немедленно доставьте нас в собор Саграда Фамилия. Иначе первым распоряжением, которое я отдам по возвращении во дворец, будет приказ о вашей отставке.

Глава 62

ConspiracyNet.com

Последние новости

УБИЙЦА ОКАЗАЛСЯ СЕКТАНТОМ!

Благодаря нашему источнику monte@iglesia.org только что стало известно, что убийца Эдмонда Кирша был членом тайной ультраконсервативной христианской секты, известной как *пальмарианская церковь*!

Луис Авила был завербован пальмарианами больше года назад. Членство в этой военно-религиозной организации подтверждается татуировкой «victor» на его ладони.

Этот франкистский символ в ходу в пальмарианской церкви, у которой, согласно сведениям, полученным испанской газетой «Эль Паис», есть даже свой «папа» и свои «святые», среди которых Франсиско Франко и Адольф Гитлер.

Не верите? Проверьте.

Все началось с мистического откровения.

В 1975 году страховой брокер Климент Домингес-и-Гомес заявил, что в видении ему явился сам Иисус Христос и помазал его в папы. Климент объявил себя папой Григорием XVII, разорвал отношения с Ватиканом и назначил собственных кардиналов. Несмотря на сопротивление Рима, новый антипапа привлек к себе тысячи сторонников, собрал огромные пожертвования, и это позволило ему возвести собор, похожий на крепость, распространить свое влияние за пределы Испании, а также основать сотни пальмарианских епархий по всему миру.

Раскольничья пальмарианская церковь управляется сегодня из штаб-квартиры – настоящей цитадели под названием

Гора Иисуса Царя. Она расположена в Эль-Пальмар-де-Троя, что в Испании. Пальмариане не признаны Ватиканом, но по-прежнему имеют множество последователей, настроенных ультраконсервативно.

Следите за нашими новостями по этой теме, а также ждите новостей о епископе Вальдеспино, который, судя по всему, тоже причастен к заговору.

Глава 63

Неплохо, подумал Лэнгдон, *впечатляет*.

Несколькими жесткими фразами Амбра заставила экипаж вертолета «EC-145» сделать плавный разворот и взять курс на собор Саграда Фамилия.

Когда машина уже выровнялась и летела обратно над ночным городом, Амбра попросила у агента Диаса смартфон. Поколебавшись, он протянул его ей. Амбра запустила поисковик и стала просматривать заголовки новостей.

— Черт, — прошептала она и в отчаянии замотала головой. — Я пыталась докричаться до репортеров. Объяснить, что вы меня *не похищали*. Но они так и не услышали.

— Может, просто еще не успели написать, — предположил Лэнгдон. *Прошло совсем немного времени.*

— Все бы они успели, — возразила Амбра. — В Сети уже есть видеоролик, на котором наш вертолет улетает с крыши Каса-Мила.

Уже? Лэнгдон подумал, что мир стал слишком быстро вращаться вокруг своей оси. Он еще помнил времена, когда «срочные новости» печатали

в газетах, которые появлялись на пороге дома только на следующее утро.

— Кстати, — с иронией заметила Амбра, — мы с вами в топе новостей.

— Не зря же я вас похитил, — печально пошутил Лэнгдон.

— Не смешно. Хорошо, хоть мы не самая главная новость. — Она протянула ему смартфон. — Взгляните.

На экране была домашняя страница «Yahoo!» с десятью основными темами. Лэнгдон посмотрел на начало списка.

```
1 «Откуда мы?» / Эдмонд Кирш
```

Очевидно, презентация Кирша вызвала всеобщий интерес к этой теме. *Эдмонд был бы рад*, подумал Лэнгдон. Кликнул на ссылку, увидел первые десять заголовков и понял, что ошибся. Первые десять ответов на вопрос «Откуда мы?» принадлежали либо креационистам, либо яростным сторонникам теории инопланетного вмешательства.

Эдмонд был бы в шоке.

Одним из его самых неудачных появлений перед публикой стало выступление на форуме под

названием «Наука и духовность». Эдмонда так замучили вопросы аудитории, что он, воздев руки, бежал со сцены с криком: «Неужели современные и вроде бы разумные люди не могут говорить о своем происхождении, не привлекая Бога и этих долбаных инопланетян?»

Лэнгдон прокручивал ленту, пока не наткнулся на более или менее серьезную ссылку: Си-эн-эн, прямой эфир, «Что открыл Эдмонд Кирш?».

Он перешел по ссылке и повернул смартфон так, чтобы Амбра тоже смогла посмотреть. Увеличил звук до максимума, и они с Амброй прильнули к экрану, стараясь что-то расслышать в реве винтов вертолета.

Лэнгдон узнал ведущую Си-эн-эн — он часто видел ее и раньше.

— К нам присоединяется астробиолог из НАСА, доктор Гриффин Беннет, — сказала она. — Он поделится своими соображениями о таинственном открытии Эдмонда Кирша. Прошу вас, доктор Беннет.

Бородатый человек поправил очки в тонкой оправе и важно кивнул:

— Благодарю. Прежде всего хочу сказать: я лично знал Эдмонда и глубоко уважал его. За ум, за талант, за приверженность прогрессу и новым

технологиям. Его смерть — большая потеря для всего научного сообщества. Надеюсь, это подлое убийство заставит ученых сплотиться, и мы сможем вместе противостоять фанатизму, мракобесию и всем тем, кто отстаивает свои убеждения, прибегая к насилию, а не к доводам науки. Хочется верить, что есть люди, которые в данный момент делают все, чтобы обнародовать открытие Эдмонда. Надеюсь, это не просто слухи.

Лэнгдон посмотрел на Амбру:

— Это он, похоже, про нас.

Она молча кивнула.

— Не только вы, доктор Беннет, но и многие наши зрители надеются на это, — сказала ведущая. — А не могли бы вы высказать свою точку зрения: в чем может состоять открытие Эдмонда Кирша?

— Как ученый, изучающий космос, — продолжил Беннет, — я хочу сделать одно предварительное замечание. Думаю, оно понравилось бы Эдмонду Киршу. — Он чуть повернулся и заговорил прямо в камеру: — Замечание касается внеземных цивилизаций. На эту тему есть множество всяких измышлений, конспирологических теорий и откровенно глупых фантазий. Пройдемся по списку. Круги в пшеничном поле — мистифи-

кация. Вскрытие тела пришельца — фотомонтаж. Ни одна корова не была похищена инопланетянами. НЛО в Розуэлле — метеорологический зонд государственного проекта «Могол». Египетские пирамиды возведены египтянами без инопланетных технологий. И самое важное: все сообщения о похищении людей инопланетянами — очевидные и откровенные фальшивки.

— Откуда такая уверенность, доктор? — спросила ведущая.

— Обыкновенная логика, — ответил ученый и с неудовольствием посмотрел на ведущую. — Любая форма жизни, развитая настолько, чтобы преодолеть расстояние в несколько световых лет в космическом пространстве, вряд ли добавит к своим знаниям о Вселенной что-то новое, изучив прямую кишку фермера из Канзаса. И столь развитой форме жизни нет необходимости превращаться в рептилию или внедряться в государственные органы, чтобы поработить Землю. Форма жизни, обладающая технологиями, которые позволили ей *достичь* Земли, не нуждается ни в каких уловках и хитростях, чтобы мгновенно подчинить себе нашу цивилизацию.

— Звучит угрожающе, — натянуто улыбнулась ведущая. — Но как это связано с открытием ми-

стера Кирша?

Ученый тяжело вздохнул:

— Я почти уверен, Эдмонд Кирш собирался объявить миру, что нашел неопровержимые *доказательства внеземного* происхождения жизни на нашей планете.

Лэнгдон скептически усмехнулся. Он прекрасно знал, как Эдмонд не любил разговоров о том, что жизнь пришла из космоса.

— Странно, откуда такая уверенность? — удивилась ведущая.

— Дело в том, что это единственное рациональное объяснение. У нас уже есть доказательства переноса материи с одной планеты на другую. У нас есть образцы с Марса и Венеры и еще сотни частиц неизвестного происхождения, которые подтверждают теорию о том, что жизнь была занесена на Землю метеоритом или космической пылью в виде микробов или бактерий.

Ведущая кивнула.

— Но эта теория — микробов из космоса — существует уже много десятилетий, однако убедительных доказательств ее верности не нашлось. Как, вы думаете, технологический гений Эдмонд Кирш мог *подтвердить* подобную гипотезу? Тут скорее нужен астробиолог, а не компьютерщик.

— Как сказать, — не сдавался доктор Беннет. — Ведущие астрофизики на протяжении десятков лет предупреждают человечество о том, что наш единственный шанс выжить в долгосрочной перспективе — покинуть планету. Земля уже прошла половину своего жизненного цикла, Солнце рано или поздно превратится в красного гиганта и поглотит нас. Если, конечно, еще раньше мы не столкнемся с гигантским астероидом или на нас не обрушится поток смертоносного рентгеновского излучения. По этой причине мы уже проектируем обитаемые станции на Марсе для полетов в дальний космос ради поисков новой планеты для жизни. Очевидно, это очень трудоемкое предприятие, и если бы мы могли найти более простой способ выжить, то немедленно им воспользовались бы.

Доктор Беннет сделал паузу, затем продолжил:

— Возможно, такой способ уже найден. Нужно «упаковать» геном человека в мельчайшие капсулы и рассеять миллионы таких капсул по всему космосу в надежде, что какие-нибудь из них укоренятся на одной из далеких планет и дадут новую жизнь человечеству. Подобных технологий пока нет, но мы уже вполне можем говорить об этом, как об одном из реальных ва-

риантов выживания человечества. И если мы сейчас обсуждаем вариант «посева жизни», то почему более развитая цивилизация не могла прийти к нему в прошлом?

Лэнгдону показалось, что доктора Беннета больше всего интересует собственная теория.

— Учитывая все это, — заключил Беннет, — я считаю, что Эдмонд Кирш обнаружил на Земле какие-то следы или характерные признаки пребывания внеземных цивилизаций — физические, химические, цифровые. Не знаю, *доказал* ли он тем самым внеземное происхождение жизни. Несколько лет назад мы обсуждали с ним этот вопрос. Ему не нравилась теория «микробов из космоса», поскольку он, как и многие другие, считал, что генетический материал не выжил бы в условиях повышенной радиации и низких температур, которым бы подвергся во время путешествия на Землю. Лично я считаю, что «семена жизни» могли быть рассеяны в защитных оболочках, то есть «технологически поддержанная» панспермия вполне возможна.

— Понятно, — сказала ведущая. Ее явно не удовлетворил ответ Беннета. — Но если кто-то обнаружил доказательства внеземного происхождения человека, значит, мы не одни во

Вселенной. — Она сделала паузу. — И более того…

— Да-да, — подбодрил ее Беннет, впервые улыбнувшись.

— Получается, семена в оболочках *послали* похожие на нас существа… то есть… *люди*?

— Я и *сам* так поначалу считал, — ответил ученый. — Но Эдмонд поправил меня. Он указал на ошибочность такого вывода.

Это окончательно сбило с толку ведущую.

— Эдмонд считал, что те, кто послал «семена», *не были* людьми? Но как такое возможно, если из семян в конечном итоге возникло человечество?

— «Человек — это полуфабрикат», — ответил ученый. — Вот точные слова Эдмонда.

— Простите, не понимаю.

— Эдмонд полагал, что если теория «семян в оболочках» верна, то на сегодняшний день осуществлена лишь часть программы их развития. Человек не «конечный продукт», а полуфабрикат, промежуточная стадия, из человека должен развиться кто-то… иной.

Ведущая Си-эн-эн совершенно растерялась.

— Высокоразвитая форма жизни, считал Эдмонд, не стала бы посылать семена *человека*. Это все равно как если бы мы стали рассылать семена

шимпанзе. — Ученый улыбнулся. — Эдмонд к тому же упрекнул меня в скрытом христианстве. Он пошутил, мол, только религиозный человек может считать, что человек — центр мироздания. И что инопланетяне почему-то заслали в космос ДНК Адама и Евы.

— Хорошо, доктор, — заговорила ведущая, явно недовольная направлением, которое приняла беседа. — Было очень поучительно побеседовать с вами. Спасибо, что уделили нам время.

Когда передача закончилась, Амбра обратилась к Лэнгдону:

— Роберт, если Эдмонд нашел доказательства того, что люди — это недоразвитые пришельцы, то сразу возникает главный вопрос: в кого же мы в конце концов превратимся?

— Совершенно верно, — согласился Лэнгдон. — Только Эдмонд формулировал этот вопрос немного иначе: *Что нас ждет?*

Амбру поразило, что круг внезапно замкнулся.

— Но это же второй вопрос с презентации Кирша!

— Вот именно. Откуда мы? Что нас ждет? Ученый из НАСА считает, что оба ответа Эдмонд нашел в космосе.

— А вы какого мнения, Роберт? Это и есть от-

крытие Эдмонда?

Лэнгдон задумался. Теория ученого, по-своему захватывающая, казалась чересчур общей и не от мира сего. А это не в духе точного и конкретного ума Эдмонда Кирша. *Эдмонд любил, чтобы все было просто, ясно и технологично. Он же айтишник.* А самое главное — Лэнгдон не представлял, как можно *доказать* такую гипотезу. *Раскопать древнюю капсулу с «семенами»? Перехватить переговоры пришельцев?* И то и другое — события одномоментные, а открытие Эдмонда потребовало времени.

Эдмонд сказал, что работал над ним несколько месяцев.

— Не знаю, — наконец ответил он Амбре. — Но интуиция подсказывает мне, что открытие Эдмонда не связано с внеземными цивилизациями.

Амбра удивленно посмотрела на него:

— Получается, есть только один способ узнать истину. — Она кивнула в сторону окна вертолета.

Прямо под ними в огнях прожекторов сияли величественные шпили собора Саграда Фамилия.

Глава 64

Епископ Вальдеспино украдкой бросил взгляд на Хулиана. Принц молча смотрел в окно. Старенький «опель» мчался по трассе М-505.

О чем он думает? — задавался вопросом Вальдеспино.

Принц молчал уже полчаса и сидел почти без движения. Только несколько раз рефлекторно потянулся в карман за телефоном, но тут же вспоминал, что оставил его в сейфе своих апартаментов.

Надо держать его в неведении, думал Вальдеспино, *как можно дольше*.

Сидевший за рулем опеля министрант ехал в направлении особняка принца. Но скоро Вальдеспино придется сказать ему, что на самом деле они направляются не в резиденцию принца.

Хулиан вдруг отвлекся от вида за окном и тронул министранта за плечо.

— Будьте добры, включите радио, — попросил принц. — Хочу послушать новости.

Не успел юноша выполнить просьбу принца, как Вальдеспино крепко сжал его плечо.

— Давайте немного побудем в тишине.

Принц удивленно посмотрел на Вальдеспино. Он был явно недоволен вмешательством епископа.

— Простите, — поспешил извиниться тот. — Уже ночь. Поздно. Вся эта болтовня… Я хотел все обдумать в тишине.

— А я уже кое-что обдумал, — довольно резко бросил Хулиан, — и теперь хочу знать, что творится в моей стране. Мы полностью изолировали себя от мира, и сейчас мне кажется, что это была не самая хорошая идея.

— Это *очень* хорошая идея, — принялся убеждать его Вальдеспино, — и я очень ценю доверие, которое вы мне оказали. — Он убрал руку с плеча министранта и махнул в сторону радиоприемника. — Включите, пожалуйста, новости. Может, «Радио Мария Испания»? — Вальдеспино надеялся, что официальная католическая радиостанция будет мягче и тактичнее, чем светские, освещать трагические события сегодняшнего вечера.

В дешевых динамиках «опеля» зазвучал голос ведущего. Он говорил о презентации Эдмонда Кирша и его убийстве. *Сегодня об этом говорят все радиостанции мира!* Вальдеспино надеялся, что хотя бы его имя не всплывет в этом контек-

сте.

К счастью, в данный момент обсуждали опасность агрессивного атеизма Кирша и его негативное влияние на испанскую молодежь. В качестве иллюстрации дали запись недавней лекции Кирша в Барселонском университете.

— Многие опасаются называть себя атеистами, — спокойно говорил Кирш студентам, — но атеизм — не философия и не мировоззрение. Атеизм — это признание очевидного.

Послышалось несколько одобрительных хлопков.

— Слово «атеист», — продолжал Кирш, — как таковое и вовсе не должно существовать. У нас ведь нет слов «неастролог» или «неалхимик». У нас нет слов для обозначения тех, кто сомневается, что Элвис Пресли до сих пор жив, или для тех, кто не разделяет убеждения, что пришельцы прилетели из другой галактики, желая воровать у нас скот. Атеизм — это всего лишь гул возмущения разумных людей по поводу ни на чем не основанных религиозных предрассудков.

Аплодисментов стало больше.

— Это не мое определение, — сообщил Кирш. — Это слова нейробиолога Сэма Харриса. И если вы еще не прочитали его «Письмо к христианской

нации», прочтите обязательно.

Вальдеспино нахмурился, вспоминая, какую бурю вызвал перевод книги Харриса «Carta a una Nación Cristiana». Написанная для американцев, она нашла самый широкий отклик в Испании.

— Поднимите руку, — попросил Кирш, — кто верит в существование Аполлона, Зевса, Вулкана. Или в кого-нибудь еще из древних богов. — Он выдержал паузу и рассмеялся. — Ни одной руки? Прекрасно, по отношению к *этим* богам вы — атеисты. — Снова пауза. — Я просто предлагаю сделать еще один шаг.

Аудитория разразилась аплодисментами.

— Друзья мои, я не утверждаю, что Бога нет, и не говорю, что мне это точно известно. Я хочу сказать нечто совсем простое: если даже в мире и есть всемогущее божество, то оно должно умереть со смеху, глядя на то, как мы пытаемся говорить о нем в наших религиозных доктринах.

Аудитория взорвалась хохотом.

Вальдеспино был даже рад, что принц захотел включить радио. *Пусть послушает!* Дьявольское обаяние Кирша служило наглядным доказательством того, что враги Христа не сидят сложа руки, они активно действуют, пытаясь отвратить молодые души от Бога.

— Я американец, — продолжал вещать Кирш, — мне несказанно повезло родиться в одной из самых прогрессивных и технологически продвинутых стран мира. И поэтому меня сильно расстраивает, когда социологические опросы показывают, что половина моих соотечественников верят в сказку об Адаме и Еве. В то, что всемогущий Бог взял и создал два «полностью готовых» человеческих существа, потомство которых впоследствии заселило всю планету. И при этом возникли разные расы. И никаких проблем с кровосмешением.

Смех в аудитории.

— В Кентукки, — рассказывал Кирш, — есть один пастор, Питер Ларуффа. Так вот он публично заявляет: «Если я прочту в Библии, что два плюс два — пять, то без всякого сомнения приму это за истину».

Опять смех в аудитории.

— Согласен, смешно. Но поверьте, на самом деле это не смешно, а очень опасно. Многие из тех, кто разделяет подобные убеждения, выдающиеся и, заметьте, образованные люди, — врачи, юристы, учителя, а некоторые даже занимают высокие государственные посты. Недавно конгрессмен Соединенных Штатов Пол Браун сказал буквально

следующее: «Эволюция и теория Большого взрыва — это ложь и адский соблазн. Нашей Земле около девяти тысяч лет, и она, как известно, была создана за шесть дней творения». — Кирш сделал паузу. — И что самое удивительное, конгрессмен Браун — член комитета по науке, космическим исследованиям и технологиям. Недавно его спросили, что он думает о биологических останках в отложениях древних пород, которым миллионы лет. И он ответил: «Господь поместил туда эти останки, чтобы испытать нашу веру».

Кирш вдруг заговорил совсем тихо, с печалью в голосе.

— Не обращая внимания на невежество, мы поощряем его. Презрительно оставляя без внимания абсурдные заявления государственных деятелей, мы проявляем преступную беспечность. Учителя и церковь в школах оболванивают наших детей. Учат их неправде. Настала пора действовать. Пока не освободим наш разум от суеверий, мы не дадим ему развернуться в полную силу. — Он умолк, и в аудитории повисла звенящая тишина. — Я люблю человечество. Я верю в силу разума, я верю в нас, в наши безграничные возможности. Я верю, что мы на пороге новой эры, нового мира, в котором больше нет религии и

царит наука.

Аудитория взорвалась восторженными овациями.

— Ради всего святого, — сказал Вальдеспино с гримасой отвращения на лице. — Выключите это.

Министрант послушно нажал на кнопку, и все трое молча ехали в тишине.

В этот самый момент в подвале королевского дворца Моника Мартин стояла напротив запыхавшегося Суреша Бхаллы — он только что ворвался в ее кабинет, протягивая сотовый телефон.

— Долго объяснять, — задыхаясь бормотал Суреш. — Вы должны прочесть сообщение, которое недавно получил епископ Вальдеспино.

— Постой. — Мартин чуть не выронила гаджет. — Но это же телефон епископа?! На каком основании…

— Не спрашивайте. Читайте.

Встревоженная, Мартин посмотрела на экран смартфона. Лицо ее побелело.

— Господи, епископ Вальдеспино…

— …очень опасен, — закончил фразу Суреш.

— Но… это невозможно! Кто прислал это сообщение епископу?

— Номер не определился, — ответил Сурeш. — Попробую выяснить.

— Но почему Вальдеспино не уничтожил сообщение?

— Понятия не имею, — сказал Сурeш. — Беспечность? Самоуверенность? Я попробую восстановить все стертые сообщения. Посмотрим, с кем переписывался Вальдеспино. Но я подумал, вам нужно знать об этом сообщении и как-то на него отреагировать, сделать заявление для прессы.

— Ни в коем случае, — не согласилась Мартин. Она до сих пор не могла прийти в себя. — Дворец не будет комментировать эту информацию.

— Тогда в скором времени ее прокомментирует кто-нибудь другой. — Сурeш быстро рассказал, что начал искать телефон Вальдеспино после того, как получил письмо с наводкой от monte@iglesia.org, того самого информатора ConspiracyNet. Он вряд ли будет долго молчать.

Мартин закрыла глаза, пытаясь представить реакцию общества на неопровержимые доказательства того, что епископ католической церкви имеет самое непосредственное отношение к заговору и совершенному сегодня убийству.

— Сурeш, — прошептала Мартин, медленно открывая глаза. — Ты должен выяснить, кто

скрывается за ником «Монте». Можешь это сделать для меня?

— Попробую, — неуверенно ответил он.

— Спасибо. — Мартин отдала ему телефон епископа и бросилась к двери. — И вышли мне скриншот этого сообщения!

— Куда вы? — прокричал ей вслед Суреш.

Но Моника Мартин не ответила.

Глава 65

Саграда Фамилия — храм Святого Семейства — занимает целый квартал в центре Барселоны. Несмотря на колоссальные размеры собора, кажется, что он свободно парит над землей и воздушный строй шпилей легко взмывает в каталонское небо.

Замысловатые, пористые и разновеликие башни делают храм похожим на прихотливый замок из песка, построенный озорным великаном. Самая высокая из восемнадцати башен, когда ее достроят, вознесется на высоту сто семьдесят метров — выше, чем Монумент Вашингтона. Тогда Саграда Фамилия станет самым высоким храмом в мире и превзойдет собор Святого Петра в Ватикане более чем на тридцать метров.

У здания три величественных фасада. Восточный, посвященный Рождеству, украшен поднимающимися вверх вьющимися висячими садами с разноцветными растениями, животными, плодами и людьми. Резко контрастирует с ним западный фасад Страстей Христовых — аскетический скелет из грубого камня, в котором

угадываются кости и сухожилия. На юг смотрит фасад Славы Господней, где клубящиеся сонмы демонов, чертей, грехов и пороков постепенно уступают место возвышенным символам вознесения, добродетели и рая.

По периметру расположены бесчисленные малые фасады, подпоры, башенки; большинство будто слеплены из грязи. Бугристые и грубые, нижние ярусы здания как бы размыты, расплавлены и похожи на пузыри земли. Один выдающийся искусствовед сравнил нижние этажи здания «с полусгнившим пнем, из которого растет семейство грибоподобных башен».

В дополнение к обычным религиозным сюжетам Гауди, отдавая дань природе, использовал в оформлении храма бесчисленные образы животных и растений: черепахи в основании колонн, деревья на фасадах и даже гигантские каменные улитки и лягушки по стенам.

Но странным внешним видом дело не ограничивается. Настоящие чудеса внутри. Оказавшись в главном нефе собора, посетитель неизменно останавливается, пораженный увиденным. Наклонные, витые, похожие на стволы деревьев колонны вздымаются на высоту более шестидесяти метров и образуют череду парящих сводов,

где психоделические коллажи геометрических форм создают кристаллический купол из ветвей. Этот «лес древовидных колонн», по мнению Гауди, должен напомнить нам об откровениях духовидцев прошлого, которые называли лес «храмом Божьим».

Неудивительно, что колоссальное творение Гауди в стиле ар-нуво вызывает и хулу, и хвалу. То, что одни превозносят за «чувственность, духовность и органичность», другие называют «вульгарным, претенциозным и пошлым». Критик Джеймс Миченер считает, что это «одно из самых экстравагантных сооружений на земле», а журнал «Архитектурное обозрение» назвал храм «священным монстром Гауди».

И если эстетическая концепция храма удивляет и кому-то кажется странной, то все, что связано с финансированием его строительства, вызывает еще больше вопросов. Храм строится исключительно на частные пожертвования, никакой материальной поддержки не поступает ни от Ватикана, ни от католических прелатов. Несколько раз дело близилось к банкротству и строительство останавливалось. Но храм демонстрирует неукротимую жизнестойкость в почти дарвиновской борьбе за выживание. Он пере-

жил смерть своего создателя, разрушительную гражданскую войну, террористические атаки каталонских анархистов и даже прокладку тоннеля метро поблизости — она угрожала основанию, на котором покоится фундамент.

Несмотря на все превратности меняющегося мира, Саграда Фамилия выстояла и продолжает расти. Последние десятилетия дела храма значительно улучшились благодаря входным билетам, которые ежегодно покупают более четырех миллионов посетителей, чтобы осмотреть недостроенное сооружение. Сегодня поставлена цель: завершить строительство к 2026 году — столетию со дня смерти Гауди. Собор Саграда Фамилия, похоже, обрел второе дыхание, и башни устремились в небо с новой силой и новой надеждой.

Настоятель собора Саграда Фамилия отец Иоахим Беньа — худощавый, жизнерадостный, лет восьмидесяти, в сутане, в круглых очках и с круглым лицом, с которого почти никогда не сходит улыбка. Беньа всегда надеялся дожить до того дня, когда собор наконец будет достроен.

Сегодня, сидя в своем кабинете, отец Беньа не улыбался. Он допоздна занимался церковными делами, а потом приник к компьютеру и уже не смог оторваться, захваченный драмой в Бильбао.

Эдмонда Кирша убили.

В последние три месяца у них с Киршем установились странные дружеские отношения. Ярый атеист потряс Бенью до глубины души — явился лично и предложил пожертвовать собору огромную сумму. Такое пожертвование сильно ускорило бы ход строительства.

Что стоит за предложением Кирша? — терялся в догадках Бенья. *Он хочет публично посмеяться над нами? Или собирается как-то вмешаться в строительство?*

Но знаменитый футуролог выдвинул только одно требование.

Бенья не поверил своим ушам. *Это все, что он хочет взамен?*

— Для меня это очень важно, — сказал Кирш. — Надеюсь, вы сочтете возможным удовлетворить мою просьбу.

По натуре Бенья был человек доверчивый, но в тот момент ему показалось, что он заключает сделку с дьяволом. Он внимательно смотрел в глаза Киршу, пытаясь разглядеть истинные мотивы его действий. И разглядел. За внешней очаровательной небрежностью манер атеиста проглядывало настоящее отчаяние. Запавшие глаза и худоба — Бенье все это было хорошо

знакомо по тем временам, когда, будучи семинаристом, он часто бывал в хосписах, пытаясь дать их обитателям последнее утешение.

Кирш тяжело болен.

Возможно, подумал Бенья, человек умирает и надеется, что пожертвование станет своего рода воздаянием Богу, над которым он всю жизнь насмехался.

Самые уверенные в жизни часто оказываются самыми слабыми перед лицом смерти.

Бенья подумал, что евангелист Иоанн всю свою жизнь посвятил тому, чтобы помогать неверующим почувствовать силу и славу Господа. И если неверующий Кирш хочет принять участие в возведении храма во славу Христа, то отвергнуть его дар было бы не по-христиански жестоко.

К тому же долг Беньи — собирать средства на строительство храма. Можно представить, как отреагирует попечительский совет, когда узнает, от каких огромных денег отказался Бенья только потому, что их предложил воинствующий атеист.

В конце концов Бенья принял условия Кирша, и они тепло пожали друг другу руки.

Это было три месяца назад.

Сегодня Бенья смотрел трансляцию презентации Кирша из музея Гуггенхайма и поначалу

был сильно обеспокоен ее агрессивным антирелигиозным тоном. Потом его заинтриговало таинственное открытие Кирша. А в итоге потрясло жестокое убийство. Беньямин долго не мог оторваться от компьютера, попав в водоворот конспирологических теорий.

Окончательно сбитый с толку, отец-настоятель тихо сидел в похожем на огромную пещеру главном нефе собора. Сегодня даже таинственный «лес древовидных колонн» Гауди не мог успокоить его смятенную душу.

Что же открыл Кирш? И кто приказал убить его?

Беньямин закрыл глаза, стараясь собраться с мыслями, и вопросы продолжали тесниться в его голове.

Откуда мы? Куда мы идем?

— Нас создал Господь, — громко произнес Беньямин. — И мы идем к Господу!

Беньямин чувствовал, что эти слова вибрируют у него в груди с огромной силой — казалось, весь собор задрожал от этих звуков. И сразу же он увидел яркий свет, хлынувший в храм сквозь разноцветные стекла фасада Страстей Христовых.

Потрясенный, священник глядел на витражное окно. Весь храм дрожал от небесного света, лью-

щегося извне через стекла. Настоятель выбежал наружу через главный вход и едва устоял на ногах от ревущего ветра. Слева от него с неба спускался огромный вертолет, мощные прожектора били прямо в фасад Страстей Христовых.

Отец Бенья, не веря своим глазам, смотрел, как винтокрылая машина приземляется внутри ограды, в северо-восточном углу храмовой территории, и глушит двигатели.

Шум и ветер стихли. Отец Бенья стоял у главного входа в храм, наблюдая за происходящим. Вот из вертолета появились четверо и быстро направились к нему. Впереди двое — их он сразу узнал, поскольку видел в сегодняшней трансляции: будущая королева Испании и профессор Роберт Лэнгдон. Их сопровождали молодые люди в синих блейзерах с монограммами.

Было совсем не похоже, что профессор Лэнгдон похитил Амбру Видаль. Она спокойно шла рядом, судя по всему, по собственной воле.

— Святой отец, — приветствовала его женщина взмахом руки, — простите за шумное вторжение в ваше святилище. Нам необходимо с вами поговорить. Это очень важно.

Бенья хотел было ответить, но не обрел дара речи, пока люди, которых он меньше всего ожидал

увидеть здесь, не подошли к нему вплотную.

— Извините ради Бога, святой отец. — Роберт Лэнгдон обезоруживающе улыбнулся. — Наше появление, конечно, выглядит очень странно. Узнаете нас?

— Конечно, — пробормотал Беньа. — Но я думал…

— Это все неправда, — сказала Амбра. — Меня никто не похищал. Поверьте.

Два охранника, обычно контролирующие внешний периметр собора выскочили из-за турникета, явно встревоженные появлением вертолета. Увидев Бенью, бросились к нему. Парни в блейзерах с монограммами мгновенно повернулись к ним и предостерегающе выдвинули вперед ладони, подавая понятную всем и каждому команду остановиться.

Удивленные охранники подчинились, вопросительно глядя на Бенью.

— ¡Tot està bé! — прокричал он по-каталански. — Tornin al seu lloc. — *Все в порядке. Возвращайтесь на место!*

Охранники подозрительно смотрели на странную компанию — слова Беньи их явно не убедили.

— Són els meus convidats. — *Это мои гости.* — Бе-

нья говорил строго. — Confio en la seva discreció. — *О них никто не должен знать.*

Обескураженные, охранники вернулись за турникет.

— Спасибо вам, — поблагодарила Амбра. — Это так важно для нас.

— Меня зовут отец Иоахим Беньа, — представился священник. — Расскажите, пожалуйста, в чем дело.

Роберт Лэнгдон сделал шаг вперед и пожал руку Бенье.

— Отец Беньа, мы ищем одну редкую книгу, которая принадлежала ученому Эдмонду Киршу. — Лэнгдон протянул Бенье изящную карточку с тиснением. — Здесь указано, что эта книга подарена вашему храму.

Несмотря на волнение, вызванное совершенно неожиданным появлением гостей, Беньа сразу узнал карточку цвета слоновой кости. Точная ее копия сейчас находилась рядом с книгой, которую Кирш передал ему три недели назад.

Полное собрание работ Уильяма Блейка.

Это и было условие, которым Кирш оговорил свое огромное пожертвование. Книгу Блейка следовало выставить в крипте собора Саграда Фамилия.

Странная просьба, но вполне невинная, учитывая размер пожертвованной суммы.

Единственное дополнительное условие было изложено на обороте карточки: книгу необходимо выставить раскрытой на странице сто шестьдесят три.

Глава 66

Примерно в восьми километрах к северо-востоку от храма Саграда Фамилия адмирал Авила смотрел через ветровое стекло такси «Убер» на море городских огней, сиявших на фоне темного Балеарского моря.

Наконец-то Барселона. Адмирал достал телефон, чтобы, как было условлено, позвонить Регенту.

Тот ответил мгновенно:

— Адмирал Авила? Где вы?

— На окраине города.

— Как раз вовремя. У меня очень плохие новости.

— В чем дело?

— Вы отсекли голову змеи. Но, как мы и опасались, длинный хвост по-прежнему опасен.

— Что я должен сделать? — спросил Авила.

Когда Регент сообщил, чего он хочет, Авила был неприятно удивлен. Адмирал не думал, что сегодняшняя ночь потребует новых человеческих жертв. Однако он не стал задавать лишних вопросов. *Ты всего лишь солдат*, напомнил он себе.

— Задание очень опасное, — сказал Регент. — Если вас схватят, покажите татуировку на ладони, и вас отпустят. У нас везде свои люди.

— Не думаю, что в этом возникнет необходимость. — Авила невольно взглянул на ладонь.

— Хорошо, — произнес Регент странным, безжизненным тоном. — Если все пойдет по плану, скоро эти двое будут мертвы, и все наконец завершится.

Связь прервалась.

В наступившей тишине Авила посмотрел вперед. Вдалеке, на горизонте, высились освещенные огнями прожекторов величественные и необычные башни.

Саграда Фамилия, думал он, глядя на причудливые очертания храма. *Святилище отступников от истинной веры.*

Авила считал, что знаменитая барселонская церковь — символ слабости и морального разложения либерального католицизма, наглое извращение тысячелетних традиций, подмена христианства гнусной смесью псевдонауки, идолопоклонства перед природой и гностической ереси.

По Христовой церкви ползают гигантские каменные ящерицы!

Разрушение традиций, характерное для современного мира, всегда тревожило Авилу, но в последнее время появился повод для оптимизма: оказалось, есть люди, которые разделяют его опасения и не сидят сложа руки, а защищают истинные ценности.

Преданность пальмарианской церкви, и особенно папе Иннокентию XIV, помогла Авиле обрести смысл жизни, преодолеть последствия страшной трагедии, и совершенно по-иному взглянуть на мир.

Жена и сын пали на войне, думал Авила. *На войне, которую силы зла ведут против Бога, против традиции. Всепрощение — не единственный путь к спасению.*

Прошло пять дней с того момента, когда Авилу в его квартирке разбудил громкий сигнал мобильного телефона — пришло смс-сообщение.

— Сейчас полночь, — пробормотал он, сонно глядя на экран и пытаясь понять, кому он понадобился в столь поздний час.

Número oculto[100].

Авила протер глаза и прочел сообщение:

---

[100] Сноски: 100
Номер скрыт (*исп.*).

Compruebe su saldo bancario[101].

Посмотреть, сколько у меня на счете в банке? Авила нахмурился. *Очередная рекламная чушь типа «вам достался суперприз»?*

Ругаясь про себя, Авила пошел на кухню попить воды. Стоя у раковины, бросил взгляд на ноутбук на столе и решил, что все равно не уснет, пока не поймет, в чем дело. Он сел, зашел в личный кабинет онлайн-банка, ожидая увидеть все те же убогие цифры — остатки от полученной две недели назад пенсии. Но когда на экране высветилась информация о счете, он подпрыгнул от удивления и опрокинул стул.

Не может быть!

Авила закрыл глаза. Потом снова посмотрел на экран.

Затем вышел из онлайн-банка и опять вошел.

Сумма осталась прежней.

Он задвигал мышкой, проверяя историю операций, и с удивлением обнаружил, что час назад ему перевели сто тысяч евро. Отправитель неизвестен.

Кто это сделал?! И тут зазвонил мобильный.

---

[101] Сноски: 101
Проверьте свой банковский счет (*исп.*).

С бьющимся сердцем Авила схватил смартфон и посмотрел на экран.

```
Número oculto.
```

Авила долго смотрел на эту надпись, потом нажал кнопку.

— ¿Sí?

Зазвучал тихий голос — человек говорил на чистом кастильском диалекте испанского:

— Добрый вечер, адмирал. Думаю, вы уже видели наш подарок?

— Да, — пробормотал Авила, — но… кто вы?

— Зовите меня Регент. Я представляю братство членов Церкви, верным последователем которой вы являетесь вот уже два года. Ваша преданность и ваша компетентность не остались незамеченными, адмирал. Мы хотим дать вам возможность послужить высшим целям. Его святейшество предполагает возложить на вас исполнение нескольких миссий… великих задач, ниспосланных вам Богом.

Авила окончательно проснулся.

У него вспотели ладони.

— Деньги, которые вы получили, — аванс за выполнение первой миссии, — продолжал Ре-

гент. — Ее выполнение — ваш шаг к тому, чтобы занять место в высшем руководстве нашей организации. — Он выдержал паузу. — В нашей Церкви существует жесткая, невидимая миру иерархия. Мы считаем, вы достойны занять высокое положение.

Перспективы захватывающие, но они не вскружили голову Авиле.

— О каком задании идет речь? И что, если я *откажусь* его выполнять?

— В любом случае у нас к вам не будет претензий. А деньги оставьте себе — с одним условием: об этом никто не должен узнать. Согласитесь, неплохое предложение.

— Слишком щедрое.

— Мы симпатизируем и хотим помочь вам. Но, предупреждаю, задание непростое. — Опять пауза. — Возможно, придется прибегнуть к насилию.

Авила насторожился. *К насилию?*

— Адмирал, силы зла крепнут с каждым днем. Богу объявлена война. А на войне бывают жертвы.

Авила сразу вспомнил взрыв, который унес жизни его жены и ребенка. С трудом он отогнал страшные воспоминания.

— Простите, я не уверен, что готов выполнить задание, которое предполагает…

— Папа избрал вас, адмирал, — тихо проговорил Регент. — Человек, которого необходимо ликвидировать… это тот, кто уничтожил вашу семью.

Глава 67

Расположенная на первом этаже королевского дворца Оружейная — строгий сводчатый зал. Темно-красные стены украшены величественными гобеленами с изображением знаменитых исторических сражений. По периметру зала выставлена бесценная коллекция: более сотни кованых доспехов, латы и оружие королей Испании. В центре зала — семь конных всадников в натуральную величину в полном боевом облачении.

Значит, именно здесь меня решили держать в заключении, с удивлением думал Гарза, рассматривая окружающие его орудия войны. С одной стороны, Оружейная считается одним из самых надежных мест во дворце, с другой… Гарза решил, что его поместили сюда, чтобы запугать и унизить. *Именно в этой комнате меня принимали на службу.*

Двадцать лет назад Гарзу пригласили в этот помпезный зал, долго беседовали, опрашивали, допрашивали и наконец предложили возглавить Королевскую гвардию.

И вот его арестовали собственные агенты. *Меня обвиняют в организации убийства? И в том, что я подставил епископа?* Логика обвинений была столь зыбкая, что Гарза даже не пытался постичь ее.

Как командующий Королевской гвардией Гарза занимал самый высокий пост во дворце, следовательно, приказ о его аресте мог отдать только один человек… принц Хулиан.

Вальдеспино настроил принца против меня, подумал Гарза. Епископ всегда был изворотлив, а сейчас, очевидно, боится обвинений со стороны СМИ. Решил спасти собственную шкуру, подставив Гарзу. *Меня держат в Оружейной, чтобы я не смог оправдаться.*

Если Хулиан и Вальдеспино действуют сообща, то ему конец, он загнан в угол. В этой ситуации есть только один человек, способный помочь, — прикованный к постели старик, доживающий последние дни в своей резиденции Паласио-дела-Сарсуэла.

Король Испании.

Но и он вряд ли поможет, думал Гарза. *Не захочет ссориться с епископом Вальдеспино и собственным сыном.*

Гарза услышал, как за стенами дворца толпа

начала что-то громко скандировать. Звучало это зловеще, и казалось, не миновать насилия. Гарза наконец разобрал, что они кричат, и не поверил своим ушам.

– *Откуда взялась Испания?* — скандировала толпа. — *Что ждет Испанию?*

Протестующие, похоже, решили воспользоваться провокационными вопросами Кирша, чтобы в очередной раз выступить против испанской монархии.

Откуда мы? Что нас ждет?

Проклиная «темное наследие» прошлого, испанское молодое поколение постоянно требует перемен, подталкивая страну скорее «присоединиться к цивилизованному миру» — расширить демократические свободы и упразднить монархию. Франция, Германия, Россия, Австрия, Польша и еще более пятидесяти государств расстались со своими монархами в прошлом веке. Даже в Англии ширится движение за референдум об упразднении монархии после того, как не станет королевы.

К несчастью, Королевский дворец Мадрида сегодня находится в состоянии неопределенности, а потому неудивительно, что снова слышны боевые кличи былой войны.

А это меньше всего нужно принцу Хулиану перед коронацией.

В дальнем конце Оружейной открылась дверь, и появился один из агентов гвардии.

— Мне необходим адвокат! — крикнул ему Гарза.

— А мне — заявление для прессы, — вдруг услышал он знакомый голос Моники Мартин. Пиар-координатор возникла из-за спины агента и двинулась в сторону Гарзы. — Командор Гарза, зачем вы вступили в преступную связь с убийцами Эдмонда Кирша?

Гарза с изумлением смотрел на нее. *Неужели действительно все сошли с ума?*

— Нам известно, что вы сфабриковали улики против епископа Вальдеспино! — почти кричала Мартин, приближаясь к нему. — И нам срочно нужно получить ваше признание.

Командор не проронил ни звука.

В центре зала Мартин резко обернулась к молодому агенту гвардии, стоявшему в дверях.

— Я же сказала: нам нужно поговорить *наедине*.

Гвардеец неуверенно потоптался на месте, но все-таки вышел и закрыл за собой дверь.

Мартин снова устремилась к Гарзе.

— Немедленно признавайтесь! — выкрикнула она, и эхо ее слов, отразившись от сводчатого потолка, снова достигло ушей Гарзы как раз в тот момент, когда Мартин подошла к нему.

— Нет, — спокойно ответил командор. — Мне не в чем признаваться. Ваши обвинения вздорны и беспочвенны.

Мартин в тревоге оглянулась. Потом приблизилась почти вплотную и тихо прошептала на ухо Гарзе:

— Знаю. Слушайте меня очень внимательно.

Глава 68

Просмотры ↑ 2747 %

ConspiracyNet.com

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

ОБ АНТИПАПАХ… КРОВОТОЧАЩИХ ЛАДОНЯХ… ЗАШИТЫХ ГЛАЗАХ…

Что происходит в пальмарианской церкви?

Посты христианских групп подтвердили информацию о том, что адмирал Луис Авила – активный приверженец пальмарианской церкви и состоит в ней уже несколько лет.

Живая реклама этой секты, заслуженный адмирал Луис Авила постоянно благодарит пальмарианского папу за «спасение» и «избавление» от глубокой депрессии, в которой он пребывал после потери семьи в результате взрыва, устроенного в соборе.

ConspiracyNet занимает нейтральную

позицию в отношении религиозных учреждений, информацию о пальмарианской церкви можно посмотреть здесь.

Мы информируем. Вы делаете выводы.

Обращаем внимание, что многие пользователи сообщают о пальмарианах сведения шокирующего характера, и мы призываем наших подписчиков помочь отделить факты от вымысла.

Следующие факты сообщены нашим лушчим информатором monte@iglesia.org, который в течение сегодняшнего вечера доказал, что ему можно доверять. И все же мы призываем всех пользователей подтвердить их или опровергнуть.

«ФАКТЫ»

• Пальмарианский папа Климент потерял оба глаза в автомобильной аварии в 1976 году и потом в течение десяти лет совершал службы с «зашитыми глазами».

• У папы Климента были стигматы на обеих ладонях, которые регулярно кровоточили, когда его посещали видения.

• Несколько пальмарианских пап были офицерами испанской армии и карлиста-

ми по своим убеждениям.

• В ряде общин прихожанам пальмарианской церкви запрещено общаться с членами собственных семей. В некоторых общинах зафиксированы случаи смерти от голода и физических истязаний.

• Пальмарианам запрещено: 1) читать книги, написанные непальмарианами; 2) посещать свадьбы или похороны непальмариан; 3) посещать бассейны, пляжи, боксерские поединки, дансинги, а также любые места, где есть рождественская елка или изображение Санта-Клауса.

• Пальмариане верят, что в 2000 году родился Антихрист.

• Пальмарианские общины существуют в США, Канаде, Германии, Австрии и Ирландии.

Глава 69

— Лэнгдон и Амбра шли вслед за отцом Беньей к огромным бронзовым воротам Саграда Фамилии. И в очередной раз Лэнгдон был зачарован фантастическим обликом главного входа в храм.

Стена кодов, думал он, разглядывая огромные металлические плиты, испещренные бесчисленными литыми знаками: более восьми тысяч трехмерных бронзовых букв, которые складываются в горизонтальные строки, создавая сплошное поле текста без пробелов между словами. Лэнгдон, конечно, знал, что это — описание Страстей Христовых на каталанском языке, но вообще это больше походило на шифровальные коды Агентства национальной безопасности США.

Неудивительно, что вокруг этого храма плодятся конспирологические теории.

Он скользил взглядом вверх по фасаду Страстей Христовых. Причудливые угловатые фигуры авторства художника и скульптора Жузепа-Марии Субиракса венчаются чудовищно изможденным Христом. Распятие с его телом наклонено вперед

и нависает над воротами — кажется, что оно вот-вот обрушится на входящих.

Слева еще одна мрачная скульптура — Иуда-предатель целует Христа. А рядом непонятно почему — ряды искривленных цифр, математический «магический квадрат». Эдмонд как-то сказал Лэнгдону, что «магическая константа» квадрата — число 33 — тайный масонский языческий знак, обозначающий Великого Архитектора Вселенной — всеохватное и вездесущее божество, чьи тайны открываются лишь тем, кто достигает высшей тридцать третьей «ступени» Братства вольных каменщиков.

— Забавная версия, — ответил тогда Лэнгдон с улыбкой. — Но, по-моему, все объясняется проще: Иисусу в последний год его земной жизни исполнилось тридцать три года.

У самого входа Лэнгдон с содроганием увидел самую страшную скульптуру Саграда Фамилии — колоссальную статую обнаженного Христа, привязанного веревками к столбу. Профессор быстро отвел взгляд и посмотрел наверх, туда, где над воротами располагались две греческие буквы — альфа и омега.

— Начало и конец, — прошептала Амбра. Она тоже смотрела на эти буквы. — Вполне в духе

Эдмонда.

Лэнгдон кивнул, понимая, что она имеет в виду. *Откуда мы? Что нас ждет?*

Отец Бенья открыл маленькую дверь в стене бронзовых букв, и все, включая двух агентов гвардии, вошли внутрь. Настоятель закрыл за ними дверь.

Тишина.

Сумрак.

Здесь, в юго-восточном конце поперечного нефа, отец Бенья рассказал им удивительную историю: Кирш пришел к нему и предложил огромное пожертвование храму в обмен на то, что принадлежащая ему рукописная книга Уильяма Блейка будет выставлена в крипте собора рядом с могилой Гауди.

В самом сердце храма, подумал Лэнгдон. *Интересно зачем?*

— А Эдмонд объяснил, зачем ему это нужно? — спросила Амбра.

Бенья кивнул:

— По его словам, восхищение искусством Гауди он унаследовал от покойной матери, которая к тому же была большой почитательницей работ Уильяма Блейка. Ради памяти покойной матери сеньор Кирш хотел, чтобы работы Блейка и моги-

ла Гауди были рядом. Мне показалось, в этом нет ничего дурного.

Эдмонд никогда не говорил, что его мать была поклонницей Гауди, с удивлением подумал Лэнгдон. Более того, Палома Кирш умерла в монастыре, и крайне маловероятно, чтобы испанская монахиня регулярно читала сомнительного с точки зрения веры британского поэта. Все это было как-то странно.

— Словом, — продолжал Бенья, — мне показалось, что мистер Кирш переживает духовный кризис… И возможно, у него проблемы со здоровьем…

— Надпись на обороте, — прервал его Лэнгдон, снова показывая карточку с тиснением, — гласит, что книга Блейка должна быть раскрыта на странице сто шестьдесят три.

— Совершенно верно.

Лэнгдон заволновался.

— А вы помните, какое стихотворение на этой странице?

Бенья покачал головой:

— На этой странице нет стихотворений.

— Как?!

— Эта книга — полное собрание всех работ Блейка: и стихов, и картин. На странице сто

шестьдесят три — иллюстрация.

Лэнгдон бросил встревоженный взгляд на Амбру. *Нам нужна строка в сорок семь букв, а не иллюстрация!*

— Святой отец, — обратилась Амбра к Бенье, — а мы не могли бы взглянуть на эту книгу прямо сейчас?

Священник на секунду задумался, но, видимо, счел за лучшее не отказывать в просьбе будущей королеве Испании.

— Крипта там, — сказал он и направился по боковому нефу к центру собора.

Два агента гвардии неотступно шли следом.

— Не скрою, — говорил Бенья. — У меня были большие сомнения, стоит ли принимать деньги от воинствующего атеиста. Но его просьба выставить на всеобщее обозрение любимый его матушкой рисунок Блейка показалась мне вполне невинной. К тому же на рисунке изображен Бог.

Лэнгдону показалось, что он ослышался.

— Эдмонд попросил раскрыть книгу на изображении *Бога*?

Бенья кивнул.

— Я чувствовал, что он болен и, возможно, хочет по-своему загладить свою вину перед тем,

кого всю жизнь поносил и оскорблял. — Священник сделал паузу. — Хотя после сегодняшней презентации я даже не знаю, что и думать.

Лэнгдон попытался представить, какое из бесчисленных изображений божеств, сделанных Блейком, выбрал Эдмонд.

Они оказались в центральном нефе, и у Лэнгдона возникло чувство, будто он в этом храме впервые. Он много раз бывал здесь на разных этапах сооружения собора, но всегда днем, когда каталонское солнце через витражные окна заливало все вокруг разноцветным сиянием. И взгляд невольно устремлялся вверх, и только вверх — к невесомым парящим сводам.

Ночью все гораздо мрачнее.

Вместо залитых солнцем «деревьев» — сумрачные полночные заросли. Кругом только мрак, тени, а бороздчатые колонны смыкаются наверху в зловещий свод.

— Внимательно смотрите под ноги, — попросил священник, — мы экономим на чем только можно.

Лэнгдон знал, что освещение огромных европейских церквей стоит очень дорого, и все же светильников здесь было на удивление мало — почти ничего не видно. *Пять с половиной тысяч*

квадратных метров нелегко осветить.

Они повернули налево, и Лэнгдон увидел впереди приподнятую платформу, а на ней — алтарь, выполненный в форме ультрасовременного минималистического столика, по бокам которого мерцали пучки органных труб. На пятиметровой высоте над алтарем разместился необъятный балдахин — подвесной тканевый потолок, «надалтарная сень» — символ почтения и благоговения, примерно такие же церемониальные «покровы» когда-то укрепляли на шестах, чтобы обеспечить королям тень.

Подобные балдахины давно стали составной частью архитектурного облика храмов, но в соборе Святого Семейства предпочли ткань в виде огромного зонта, парящего в воздухе над алтарем. К зонту, словно к куполу парашюта, проволочными стропами был подвешен распятый на кресте Иисус.

Христос-парашютист, как его называли туристы. Увидев его снова, Лэнгдон в глубине души согласился, что это действительно один из самых спорных элементов собора.

Бенья вел их куда-то дальше в сгущающийся мрак, и вскоре Лэнгдон уже почти ничего не видел. Диас, достав тонкий фонарик-карандаш,

подсвечивал вымощенный плиткой пол. На подходе к крипте Лэнгдон различил сбоку огромный цилиндр, поднимающийся вдоль стены на несколько десятков метров. *Печально знаменитая Спираль Саграды*, подумал Лэнгдон. Он ни разу не набрался смелости подняться по ней.

Винтовая лестница собора вошла в список «20 самых опасных лестниц мира» по версии журнала «Нэшнл джиографик» и заняла в нем третье место, уступив лишь опасным ступеням храма Ангкор-Ват в Камбодже и покрытым мхом камням на склоне скалы у водопада Котел Дьявола в Эквадоре.

Лэнгдон посмотрел на первые ступеньки лестницы, которая, ввинчиваясь вверх, исчезала в темноте.

— Вход в крипту дальше, — сказал Бенья, проходя мимо лестницы к темному своду слева от алтаря. Они подошли ближе, и Лэнгдон различил слабое золотое сияние — казалось, оно льется снизу через отверстие в полу.

Крипта.

Они стояли на верхней площадке изящной, плавно изогнутой лестницы.

— Господа, — обратилась Амбра к своим телохранителям. — Вы остаетесь здесь. Мы скоро

вернемся.

Фонсека был явно недоволен, но подчинился без слов.

Амбра, отец Бенья и Лэнгдон начали спуск вниз, к свету.

Агент Диас вздохнул с облегчением, когда троица исчезла из виду. Его все больше беспокоило растущее напряжение между Амброй Видаль и агентом Фонсекой.

Агенты гвардии не привыкли, что им грозят отставкой те, кого они охраняют. Обычно это делал командор Гарза.

Диас до сих пор ломал голову над причинами ареста Гарзы. Странно, но Фонсека не хотел объяснять, кто именно отдал приказ о заключении их шефа под стражу и кто выдумал историю о похищении Амбры.

— Ситуация сложная, — уклончиво отвечал Фонсека. — И в твоих же интересах поменьше знать.

Но кто же отдал приказ? Диас не мог успокоиться. *Принц?* Сомнительно, что он стал бы рисковать жизнью Амбры. *Вальдеспино?* Диас не был уверен, что у епископа достаточно для этого рычагов влияния.

— Я скоро вернусь, — пробормотал Фонсека и

быстро удалился якобы в поисках туалета. Вглядываясь в темноту, Диас заметил, что напарник на ходу достал телефон, нажал кнопку вызова и начал тихий разговор.

Диас остался в огромном пустом храме один. Ему все меньше и меньше нравилось загадочное поведение Фонсеки.

Глава 70

Следуя плавным изгибам спиральной лестницы, Лэнгдон, Амбра и отец Бенья оказались в крипте — подземном святилище собора Саграда Фамилия.

Наверное, это одна из самых больших крипт в мире, думал Лэнгдон, восхищенно осматривая просторное круглое помещение. Все точно так, как ему помнилось: ротонда, словно парящая в воздухе, под ней ряды скамеек, способных вместить сотни верующих. Теплый золотистый свет масляных светильников, расположенных вдоль стен на равном расстоянии, ложился на мозаичный пол с узорами в виде переплетенных лоз и корней, ветвей и листьев.

Крипта оправдывала свое название — в буквальном смысле «тайник». Лэнгдон не переставал удивляться, как же Гауди удалось спрятать под собором такое огромное помещение. Ничего похожего на игривую «наклонную крипту» Гауди в колонии Гуэль, здесь все — строгая неоготика: прямые увитые листьями колонны, заостренные арки, узорчатые своды. Воздух неподвижен, как

будто неживой, и слабый запах ладана.

Слева от подножия лестницы открывался глубокий полукруглый альков. Там, на светлом полу из песчаника, покоилась скромная серая плита, окруженная светильниками.

А вот и он сам, понял Лэнгдон, прочитав надпись.

Antonius Gaudí

Глядя на могилу Гауди, Лэнгдон еще острее ощутил боль собственной потери: Эдмонда больше нет. Он возвел глаза вверх, к статуе Девы Марии на стене алькова, и вдруг заметил на постаменте странный знак.

А это еще что?

Редко случалось, чтобы Лэнгдон не узнал какой-нибудь символ. Сейчас он видел перед собой знакомую греческую букву лямбда, которая, насколько ему известно, не имеет никакого отношения к христианской символике. Этот научный символ часто используют в космологии, физике

элементарных частиц, в теории эволюции. Вот только странно, что на верхушке *этой* лямбды находился католический крест.

Религия, поддерживаемая наукой? Никогда Лэнгдон не видел ничего похожего.

— Вас удивляет этот знак? — К нему приблизился отец Бенья. — Здесь вы не одиноки. Многие спрашивают о его значении. На самом деле это лишь особая современная интерпретация креста на вершине горы.

Лэнгдон подошел поближе и увидел рядом с символом три тусклых золоченых звезды.

Три звезды, причем расположенные особым образом. Лэнгдон сразу понял, о чем речь.

Крест на вершине горы Кармель.

— Это же крест кармелитов?

— Совершенно верно. Покой Гауди оберегает Пречистая Дева Мария Кармелитская.

— Разве он был кармелитом? — Лэнгдон с трудом мог представить, что архитектор-модернист

следовал традициям католического ордена, с двенадцатого века следующего крайне строгому уставу.

— Конечно, нет, — рассмеялся Беньа. — Но именно монахини-кармелитки жили с Гауди в его последние годы и заботились о нем. Монахини верили, что он оценит их помощь при переходе в мир иной. И они сделали этой часовне весьма щедрый дар.

Дальновидно, подумал Лэнгдон, ругая себя за то, что неправильно истолковал вполне невинный символ. Наверное, бесконечные теории заговора, заполонившие газеты и эфир, заставляют во всем видеть подвох.

— Вот там книга Эдмонда? — внезапно воскликнула Амбра.

Отец Беньа и Лэнгдон повернулись на ее голос. Амбра всматривалась в полутемное пространство справа от гробницы Гауди.

— Да, — ответил Беньа. — Мне жаль, что здесь так мало света.

Амбра быстро направилась к стоявшей в полутьме витрине, Лэгдон последовал за ней. Книгу выставили в самой темной части крипты, в густой тени, которую отбрасывала массивная правая колонна усыпальницы Гауди.

— Мы обычно выкладываем здесь справочные брошюры, — объяснил отец Бенья. — Но я их перенес, чтобы освободить место для книги сеньора Кирша. Никто даже и не заметил.

Амбра уже стояла возле похожей на клетку витрины с наклонной стеклянной крышкой. Лэнгдон поспешил к ней. Под стеклом, открытая на странице сто шестьдесят три и плохо различимая в полутьме, лежала массивная книга в толстом переплете — «*Полное собрание работ Уильяма Блейка».*

Как и сказал отец Бенья, на странице сто шестьдесят три не было стихов — только иллюстрация. Со слов настоятеля об изображении Бога Лэнгдон пытался представить, что именно они увидят в книге. Но *этого* точно не ожидал.

«Ветхий днями»[102], мысленно проговорил Лэнгдон, пытаясь рассмотреть в темноте знаменитую гравюру Блейка, датированную 1794 годом.

Лэнгдона удивило, что отец Бенья назвал эту иллюстрацию «изображением Бога». На первый

---

[102] Сноски: 102

«Ветхий днями» — название гравюры Уильяма Блейка (ее второе название — «Великий архитектор Вселенной»), а также одно из имен (эпитетов) Бога в Ветхом Завете, упомянутое в книге пророка Даниила.

взгляд это *действительно* Бог христиан — седобородый иссохший старец, восседающий на облаках и способный дотянуться с небес до земли. Но если бы отец Бенья изучил вопрос немного глубже, он открыл бы для себя много нового. На гравюре не христианский Бог, а созданное воображением Блейка божество по имени Уризен. Гигантским циркулем он измеряет небеса, отдавая дань уважения научным законам Вселенной. Гравюра настолько футуристическая для своего времени, что столетия спустя знаменитый физик и атеист Стивен Хокинг вынес именно ее на обложку антологии «Бог создал целые числа». Вечного демиурга Блейка можно увидеть и над главным входом в Рокфеллеровский центр в Нью-Йорке — древний геометр, по обеим сторонам которого расположены две другие фигуры, смотрит вниз с барельефа в стиле ар-деко под названием «Мудрость, свет и звук».

Лэнгдон, глядя на книгу, пытался понять, почему Эдмонд принял столь странное решение — поместить ее здесь. *Неужели это месть? Нечто вроде пощечины христианской церкви?*

Война Эдмонда с религией никогда не заканчивалась, думал Лэнгдон, рассматривая Уризена. Богатство давало Эдмонду возможность делать

все, что он пожелает, — даже демонстрировать «богохульные» произведения искусства в святая святых католического собора.

Злость и гнев, размышлял Лэнгдон. *Возможно, все объясняется очень просто.* Справедливо или нет, но Эдмонд всегда винил церковь в смерти матери.

— Конечно, я прекрасно знаю, — сказал отец Бенья, — что тут изображен вовсе не *христианский* Бог.

Лэнгдон удивленно взглянул на старого настоятеля:

— Правда?

— Да, Эдмонд сказал об этом прямо. Хотя мог бы не говорить — я хорошо знаком с идеями Уильяма Блейка.

— И вы все равно выставили книгу?

— Профессор, — прошептал священник с легкой улыбкой. — Это же Саграда Фамилия. В этих стенах Гауди объединил Бога, науку и природу. Тема этой картины для нас не нова. — Его глаза загадочно блеснули. — Не все из братии мыслят так же свободно, как я, но вы ведь понимаете: для всех нас христианство по-прежнему находится в развитии. — Он еле заметно улыбнулся и кивнул в сторону книги. — Конечно, я признателен, что

сеньор Кирш согласился не выставлять свою именную карточку рядом с книгой. Учитывая его репутацию, я вряд ли смог бы объяснить это собратьям, особенно после сегодняшней трансляции. — Бенья замолчал, его лицо помрачнело. — Я правильно понимаю, гравюра — не то, что вы искали?

— Правильно. Мы ищем стихотворную строку Блейка.

— *Тигр, тигр, жгучий страх, ты горишь в ночных лесах?*[103] — предположил отец Бенья.

Лэнгдон улыбнулся, впечатленный тем, что Бенья знает наизусть первую строку одного из самых знаменитых стихотворений Блейка. Хотя эти шесть строф тоже несут в себе религиозный смысл: автор задается вопросом, мог ли один и тот же Бог создать и страшного тигра, и невинного агнца.

— Отец Бенья. — Амбра, склонившись над витриной, внимательно рассматривала открытую книгу. — У вас, случайно, нет телефона или фонарика?

— К сожалению, нет. А если позаимствовать светильник из усыпальницы Антонио?

---

[103] Сноски: 103
Уильям Блейк. Тигр. Перевод К. Бальмонта.

— Пожалуйста, если возможно, — попросила Амбра. — Это бы очень помогло.

Как только Бенья ушел, она повернулась к Лэнгдону и взволнованно зашептала:

— Роберт! Эдмонд выбрал страницу сто шестьдесят три вовсе не из-за гравюры!

— Что вы имеете в виду? — *На странице сто шестьдесят три ничего другого нет.*

— Это для отвода глаз.

— Вы меня совсем запутали. — Лэнгдон с озадаченным видом изучал иллюстрацию.

— Эдмонд выбрал страницу сто шестьдесят три, потому что ее *просто невозможно* раскрыть, не раскрыв предыдущей страницы — сто шестьдесят два!

Лэнгдон перевел взгляд на лист, предшествующий гравюре с Уризеном. В полутьме он почти ничего не мог различить, кроме разве что каких-то слов, написанных мелко, от руки. Вернулся Бенья, передал Амбре светильник, и она поднесла его к витрине. Мягкий свет разлился над раскрытой книгой, и у Лэнгдона перехватило дыхание.

Да, на предыдущей странице видны слова — написанные от руки, как и во всех оригинальных изданиях Блейка. Текст окружали виньетки, рисунки, разные фигурки. Но самое важное, что

слова в центре листа складывались в стройные стихотворные строки.

Наверху в главном нефе собора агент Диас расхаживал в темноте, недоумевая, куда подевался его напарник.

Фонсека уже должен был вернуться.

Телефон в кармане начал вибрировать, и Диас решил, что это, конечно же, звонит напарник. Но, взглянув на экран мобильного, прочитал имя, которое никак не ожидал увидеть:

```
Моника Мартин
```

Он даже представить не мог, зачем звонит пиар-координатор. Что бы она ни хотела сказать, ей следовало позвонить Фонсеке. *В нашей связке он — главный.*

— Алло, — сказал он в трубку. — Это Диас.

— Агент Диас, это Моника Мартин. Передаю трубку, кое-кто хочет с вами поговорить.

Мгновение спустя в телефоне зазвучал знакомый решительный голос:

— Агент Диас, на связи командор Гарза. Ответьте, в безопасности ли сеньорита Видаль?

— Да, командор, — выпалил Диас, которому сразу захотелось встать по стойке «смирно», услы-

шав голос шефа. — Сеньорита Видаль в полной безопасности. Мы с агентом Фонсекой полностью контролируем ситуацию. Мы находимся…

— Не будем говорить об этом по незащищенной линии, — резко оборвал его Гарза. — Если она в безопасном месте, пусть там и остается. Будьте с ней. Я рад слышать ваш голос. Мы пытались дозвониться агенту Фонсеке, но он не отвечает. Он с вами?

— Да, сеньор. Он вышел позвонить, но до сих пор не вернулся…

— У меня совсем нет времени. Я сейчас под арестом, и сеньорита Мартин одолжила мне свой телефон. Как вы уже, конечно, знаете, история с похищением — ложь от начала до конца. Сеньорита Видаль могла оказаться в большой опасности.

Вы даже не представляете, насколько большой, подумал Диас, вспоминая стрельбу на крыше Каса-Мила.

— То, что я обвинял в убийстве епископа Вальдеспино, — тоже ложь.

— Я так и предполагал, командор, но…

— Мы с сеньоритой Мартин стараемся придумать, как выйти из ситуации. Пока мы решаем этот вопрос, прошу следить, чтобы будущая коро-

лева не появлялась на публике. Это ясно?

— Конечно, командор. Но *кто* отдал приказ о вашем аресте?

— Это не телефонный разговор. Просто делайте, что я сказал. Главное, оберегайте Амбру Видаль и не подпускайте к ней журналистов. Сеньорита Мартин будет информировать вас о развитии событий.

Гарза дал отбой. Стоя в темноте в полном одиночестве, Диас силился понять смысл этого звонка.

Он собирался положить телефон обратно в карман, когда услышал позади шорох. Повернуться он не успел — из темноты вынырнули две бледные руки. Мертвой хваткой они сжали его голову и сделали одно невероятно быстрое и резкое движение.

Диас услышал хруст собственных позвонков, и в голове полыхнуло жаром.

А потом наступила темнота.

Глава 71

ConspiracyNet.com

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ОТКРЫТИЕ КИРША: ЕСТЬ НАДЕЖДА УЗНАТЬ ТАЙНУ!

Пиар-координатор Королевского дворца Мадрида Моника Мартин недавно сделала официальное заявление для прессы. Она сообщила, что будущая королева Амбра Видаль похищена и удерживается в заложниках американским профессором Робертом Лэнгдоном. К поискам будущей королевы дворец привлек местные власти и полицию.

Наш добровольный помощник monte@iglesia.org только что поделился следующей информацией:

ЗАЯВЛЕНИЕ ДВОРЦА О ПОХИЩЕНИИ – СТОПРОЦЕНТНАЯ
ФАЛЬШИВКА. ПУЩЕНА В ХОД, ЧТОБЫ СОРВАТЬ ПЛАНЫ ЛЭНГДОНА В БАРСЕЛОНЕ

(ЛЭНГДОН/ ВИДАЛЬ ПРИЛАГАЮТ УСИЛИЯ, ЧТОБЫ ОБНАРОДОВАТЬ ПРЕЗЕНТАЦИЮ ОТКРЫТИЯ КИРША). В СЛУЧАЕ УСПЕХА ЛЭНГДОНА ПРЕЗЕНТАЦИЯ МОЖЕТ ВЫЙТИ В ЭФИР В ЛЮБУЮ МИНУТУ. ОСТАВАЙТЕСЬ У МОНИТОРОВ.

Невероятно! И вы читаете это первыми – Лэнгдон и Видаль скрылись, чтобы завершить начатое Киршем! Дворец прилагает все силы, чтобы их остановить (Опять Вальдеспино? И какое отношение к этой истории имеет принц?)

Ждите новостей и оставайтесь с нами – возможно, тайна Кирша будет раскрыта уже этой ночью!

Глава 72

Принц Хулиан неотрывно смотрел в окно машины на поля и сельские домики, пытаясь осмыслить странное поведение епископа.

Вальдеспино что-то скрывает.

Прошло больше часа с тех пор, как епископ тайком вывел Хулиана из дворца — такого раньше и вообразить было невозможно, — уверяя, что все это исключительно ради его же безопасности.

Епископ просил не задавать вопросов… просил просто довериться ему.

Хулиан всегда относился к Вальдеспино, как к старшему родственнику, человеку, которому безгранично верит король. Но предложение Вальдеспино укрыться в личном особняке с самого начала казалось принцу сомнительным.

Что-то здесь не так. Я полностью изолирован — ни телефона, ни охраны, ни возможности следить за новостями. И никто не знает, где я.

Машина, подпрыгивая, переезжала железнодорожные пути неподалеку от особняка принца. Хулиан смотрел на проселочную дорогу впереди. Менее чем через сто метров — поворот налево,

на длинную, обсаженную деревьями подъездную аллею, ведущую к уединенной резиденции принца.

Хулиан представил совершенно пустой особняк, и внезапно его охватила тревога. Наклонившись вперед, он тронул плечо водителя:

— Пожалуйста, остановитесь на обочине.

Вальдеспино удивленно повернулся к нему:

— Но мы уже почти…

— Я хочу знать, что происходит! — не сдержавшись, почти выкрикнул принц.

— Дон Хулиан, ночь была беспокойная, и все же вы должны…

— Верить вам? — скептически спросил Хулиан.

— Да.

Хулиан сжал плечо молодого министранта и указал на заросшую травой обочину проселочной дороги:

— Останови здесь.

— Поезжай дальше, — бросил Вальдеспино. — Дон Хулиан, я сейчас все объясню…

— *Останови машину!* — Принц повысил голос.

Молодой человек поспешно съехал на обочину и так резко затормозил, что машину занесло на влажной траве.

— Пожалуйста, оставь нас наедине, — приказал

Хулиан. Сердце его билось все сильнее.

Парня не надо было просить дважды. Быстро включив нейтральную передачу, он выбрался из автомобиля и скрылся в темноте. Вальдеспино и Хулиан остались на заднем сиденье.

В бледном свете луны принц вдруг с удивлением заметил страх на лице епископа.

— Да, вы *должны* бояться, — произнес Хулиан, и его голос прозвучал настолько властно, что это удивило даже его самого. Вальдеспино инстинктивно подался назад, тоже изумленный необычным тоном принца. Никогда прежде Хулиан так не говорил с епископом. — Я будущий король Испании. Вы лишили меня охраны и связи с моими людьми. Запретили слушать новости. Я даже не могу позвонить невесте!

— Я искренне прошу прощения… — начал Вальдеспино.

— Этого недостаточно, — перебил Хулиан. Сейчас епископ почему-то казался принцу маленьким и жалким.

Вальдеспино тяжело вздохнул и повернулся к принцу.

— Некоторое время назад, дон Хулиан, мне позвонили. Этот человек …

— Какой человек?

Епископ помедлил, прежде чем ответить:

— Ваш отец. Он был глубоко потрясен.

Что? Хулиан навещал отца всего два дня назад в Паласио-де-ла-Сарсуэла, и король был в прекрасном расположении духа, насколько это возможно в его состоянии.

— Что же стало тому причиной?

— К несчастью, он видел трансляцию из музея Гуггенхайма.

Хулиан невольно стиснул челюсти. Больной отец спит почти круглые сутки, он редко выдерживает даже час бодрствования. Более того, король запретил ставить телевизоры и компьютеры в дворцовых спальнях, поскольку считал их священным местом, отведенным только для чтения и сна. Сиделки прекрасно осведомлены об этом, и они бы не допустили, чтобы отец встал с постели ради разнузданного атеистического шоу.

— Это моя вина, — признался Вальдеспино. — Несколько недель назад я привез королю планшет, чтобы он не чувствовал себя совсем уж оторванным от мира. Он учился отправлять сообщения, пользоваться электронной почтой. А вышло так, что именно на планшете он и увидел выступление Кирша.

Хулиану стало дурно. Неужели в свои, возможно, последние часы отец смотрел провокационное антикатолическое шоу, завершившееся кровавой драмой? Теперь короля, наверное, мучает мысль о том, к чему он, правитель, привел свою несчастную страну.

— Нетрудно догадаться, — продолжил Вальдеспино, постепенно овладевая собой, — что короля встревожило очень многое. Особенно он был расстроен содержанием некоторых высказываний Кирша и, конечно, тем, что ваша невеста приняла участие в этом действе. Король считает, это больно ударит по вам и по дворцу.

— Амбра — независимая женщина и живет своим умом. Отец это хорошо знает.

— Как бы то ни было, король говорил со мной так же решительно, как в былые годы. Он приказал немедленно привезти вас к нему.

— Но почему мы здесь? — по-прежнему жестко спросил Хулиан, указав в сторону подъездной аллеи. — Отец же в Сарсуэле!

— Уже нет, — тихо проговорил Вальдеспино. — Он приказал перевезти его в другое место. Он хочет провести последние дни в окружении того, что будет напоминать ему об истории его страны.

Принц внезапно все понял.

Мы ехали не в особняк.

С дрожью в сердце он отвернулся от епископа и посмотрел вперед — не на подъездную аллею, а туда, где меж крон деревьев угадывались подсвеченные башни огромного здания.

Эскориал.

У подножия горы Абантос возвышается, как крепость, один из величайших религиозных памятников мира — легендарный испанский Эскориал. На площади более тридцати тысяч квадратных метров расположился монастырь, базилика, королевский дворец, музей, библиотека и комнаты смерти — самое страшное, что Хулиан видел в своей жизни.

Усыпальница королей.

Отец впервые привел Хулиана в это жуткое подземелье, когда ему было всего восемь лет. Первым делом они прошли в Panteón de Infantes — ту часть подземного мавзолея, где находятся могилы детей. Хулиан до сих пор не смог забыть ужасающий «именинный пирог» — массивную круглую гробницу, похожую на торт с белыми слоями крема. В этом «торте», в «выдвижных ящиках» по бокам, покоятся останки шестидесяти инфант и инфантов. Впрочем, через несколько минут ужас

перед чудовищной детской гробницей померк: отец привел Хулиана туда, где нашла последний приют его мать. Принц предполагал, что увидит мраморную усыпальницу, достойную королевы Испании. Но тело матери покоилось в простом свинцовом гробу в комнате с каменными стенами в конце длинного полутемного коридора. Король объяснил мальчику, что мать находится сейчас в pudridero, «камере разложения», где тела королей и королев лежат тридцать лет, пока не рассыпаются в прах. После этого их помещают в склепы, где они находят вечное пристанище. Хулиан вспомнил, что ему пришлось тогда собрать все силы, чтобы не расплакаться и преодолеть подступающую тошноту.

Дальше отец подвел его к лестнице, которая, казалось, уходила в бесконечную подземную тьму. Стены здесь были уже не белого, а роскошного янтарного цвета. На каждой третьей ступени горели ритуальные свечи, отбрасывая блики света на темно-золотистый камень.

Маленький Хулиан, цепляясь за древние веревочные поручни, спускался вниз следом за отцом. Одна ступень, еще одна, еще… все глубже и глубже в темную пропасть. Лестница привела их к тяжелой, богато украшенной двери. Король,

открыв ее, ступил внутрь и знаком велел Хулиану войти следом.

Вот он, Пантеон королей, сказал отец.

Хулиану было всего восемь, но он уже слышал про это легендарное место.

Дрожа, мальчик переступил порог и оказался в восьмиугольном зале цвета золотистой охры. В воздухе плыл запах ладана, и все вокруг, казалось, расплывается перед глазами в неровном свете свечей, горящих в люстре под потолком. Хулиан стоял в центре зала и медленно поворачивался, осматривая стены одну за другой. Он очень замерз в этом храме одиночества и чувствовал себя совсем маленьким.

Во всех восьми стенах имелись глубокие ниши, а в них, занимая все пространство, были установлены одинаковые черные гробы с золотыми табличками. Имена на табличках Хулиан знал из учебника истории — король Фердинанд… королева Изабелла…Король Карл V, император Священной Римской империи… Тяжелая рука отца лежала на плече принца. И в этот миг, в звенящей тишине пантеона, Хулиана пронзила глубокая тоска предчувствия. *Однажды именно здесь похоронят и моего отца.*

В полном молчании отец и сын поднялись на-

верх из подземелья, прочь от смерти, навстречу воздуху и свету. Под лучами жгучего испанского солнца король склонился и посмотрел Хулиану прямо в глаза.

— Memento mori, — прошептал он. — Помни о смерти. Даже для тех, кто наделен огромной властью, жизнь быстротечна. Есть только один способ одержать победу над смертью — превратить свою жизнь в легенду. Мы должны всегда проявлять доброту и великодушие, мы должны искать всепоглощающую любовь. Я вижу в твоих глазах прекрасную душу твоей матери. Всегда слушай голос разума, а в самые тяжелые времена пусть сердце указывает тебе путь.

Прошли десятилетия. Хулиан прекрасно понимал, что не сделал ничего, совсем ничего, чтобы превратить свою жизнь в легенду. Он даже не сумел выйти из тени отца и хоть как-то проявить себя.

Я разочаровал отца во всех отношениях.

Долгие годы Хулиан по совету короля старался следовать велениям сердца. Но путь, который оно подсказывало, был слишком извилист. Принц видел будущее Испании совершенно иначе, чем его отец. Дерзкие мечты Хулиана невозможно было осуществить, пока жил король. Да и потом

тоже… принц не представлял, как отнесется к его намерениям не только королевский дворец, но и вся страна. Оставалось лишь ждать, уважать традиции и жить с открытым сердцем.

Но три месяца назад все изменилось.

Я встретил Амбру Видаль.

Умная, красивая, полная энергии, она перевернула всю жизнь Хулиана. Через несколько дней после их первой встречи он наконец по-настоящему понял слова отца. *Пусть сердце указывает тебе путь… мы должны искать всепоглощающую любовь.*

Принц невидяще смотрел на ведущую вперед дорогу. Его переполняло чувство грядущего одиночества. Отец умирает, любимая женщина не хочет с ним говорить, и он только что повел себя грубо с наставником, которому всегда доверял, — с епископом Вальдеспино.

— Принц Хулиан, — мягко, но настойчиво произнес епископ, — нам пора. Ваш отец совсем слаб, он хочет увидеть вас сейчас же, немедленно.

Хулиан медленно повернулся к старому другу отца и прошептал:

— Как думаете, сколько ему осталось?

Голос Вальдеспино задрожал, словно он сдерживал слезы:

— Он не хотел вас огорчать и просил меня ничего не говорить, но я чувствую, что конец совсем близок. Он… хочет попрощаться.

— Но почему вы не сказали мне, куда мы едем? Зачем эти тайны и вся эта ложь?

— Сожалею, но у меня не было выбора. Ваш отец дал мне четкие указания. Он приказал изолировать вас от мира и ничего не рассказывать до тех пор, пока вы не поговорите с ним лично.

— Ничего не рассказывать… о чем?

— Я думаю, это вам лучше объяснит отец.

Хулиан пристально посмотрел на епископа:

— Прежде чем мы встретимся, я хочу кое-что узнать. Он в ясном сознании? Его разум в порядке?

Вальдеспино с удивлением взглянул на принца:

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что его сегодняшние требования кажутся мне странными. Слишком импульсивными.

Вальдеспино печально кивнул:

— Может быть, он и правда действовал под влиянием импульса, но он все еще король. Я люблю его и выполняю его приказы. Как и все мы.

Глава 73

Роберт Лэнгдон и Амбра Видаль, стоя у витрины, рассматривали рукописную книгу Уильяма Блейка, слабо освещенную масляным светильником. Отец Бенья деликатно отошел в сторону и принялся расставлять по местам скамьи.

Лэнгдон с трудом разбирал мелкий рукописный текст, но большие буквы вверху страницы были вполне различимы.

Четыре Зоа

Увидев эти слова, Лэнгдон почувствовал, что верный путь наконец найден. «Четыре Зоа» — название одного из самых известных пророческих произведений Блейка, большой поэмы, разделенной на девять частей — «ночей». Насколько Лэнгдон помнил со студенческих времен, речь там идет в основном об упадке традиционной религии и конечном торжестве научного знания.

Лэнгдон пробежал глазами строфы — рукописные строчки заканчивались на середине страницы изящным росчерком finis divisionem, что должно значить «конец».

Это последняя страница поэмы, понял Лэнгдон. *Финал одного из пророческих шедевров Блейка!*

Он наклонился ниже, всмотрелся в мелкие буквы, но в скудном свете лампады ничего разобрать не смог.

Амбра тоже приникла лицом к стеклу. Не торопясь, она просматривала текст и время от времени зачитывала отдельные строки вслух.

— «И человек избег огня, ибо зло исчерпало себя». — Она повернулась к Лэнгдону. — Зло исчерпало себя?

Профессор задумчиво кивнул.

— Возможно, Блейк имеет в виду смерть христианства, которую он считал неизбежной. Будущее без религии — к этому пророчеству он возвращался вновь и вновь.

Амбра с надеждой взглянула на Лэнгдона:

— По словам Эдмонда, его любимая стихотворная строка — пророчество, которое, как он надеется, обязательно осуществится.

— Возможно, — сказал Лэнгдон. — Ведь будущее без религии — это мечта Эдмонда. Сколько букв в строке?

Амбра принялась считать.

— Увы, количество не совпадает.

Она продолжила чтение и через несколько

секунд спросила:

— А вот это? «Открытые глаза людей узрели чудеса Вселенной»?

— По смыслу подходит, — кивнул Лэнгдон и подумал: *человеческий разум крепнет со временем и все глубже проникает в тайны природы.*

— Нет, число букв опять не то, — сказала Амбра. — Продолжим поиски.

Она читала дальше, а Лэнгдон в задумчивости стоял рядом. Прочитанные Амброй строки напомнили ему семинары по Блейку в Принстоне. Как часто бывало, перед ним поплыли образы и ассоциации, одни притягивали другие. Внезапно он вспомнил: подходит к концу семинар, посвященный «Четырем Зоа». Преподаватель задает им вечный вопрос: «А что бы предпочли вы? Мир без религии? Или мир без науки?» И добавляет: «Очевидно, Блейк сделал свой выбор, который и сформулировал в последней строке своей поэмы».

Лэнгдон, вздрогнув, повернулся к Амбре, которая, наклонившись, разбирала новые еле различимые строчки.

— Амбра, прочтите самый конец!

Он вспомнил последнюю строку.

Амбра, присмотревшись внимательнее, на

мгновение застыла, а потом обернулась к нему. Лицо ее осветилось восторгом и удивлением.

Лэнгдон склонился над книгой, вгляделся в последнюю строчку. Теперь, когда он вспомнил ее, было нетрудно прочитать мелкие рукописные буквы:

The dark religions are departed & sweet science reigns.

— «*Религий темных больше нет*, — прочла Амбра вслух, — *царит блаженная наука*».

Это не просто пророчество, в которое верил Эдмонд. Это суть его сегодняшней презентации.

Религии уйдут… и воцарится наука.

Амбра принялась считать буквы, но Лэнгдон был уверен, что в этом нет необходимости. *Никаких сомнений. Мы нашли пароль*. Он уже прикидывал, как добраться до Уинстона и запустить презентацию.

Но свой план он решил изложить Амбре потом, без свидетелей.

Вернулся отец Бенья.

— Святой отец, мы почти закончили, — обратился к нему Лэнгдон. — Вы не могли бы подняться наверх и попросить агентов гвардии подготовить вертолет? Мы должны вылететь как

можно скорее.

— Конечно. — Бенья направился к лестнице. — Надеюсь, вы нашли то, что искали. Жду вас наверху.

Едва священник ушел, Амбра выпрямилась и посмотрела на Лэнгдона с явной тревогой:

— Роберт, строчка слишком короткая. Я дважды посчитала: всего сорок шесть букв. А надо сорок семь.

— Что? — Лэнгдон подошел к витрине и, наклонившись, тщательно пересчитал рукописные буковки. — А Эдмонд точно сказал — сорок семь? Может, сорок шесть?

— Абсолютно точно.

Лэнгдон еще раз перечитал знаки. *Но это должна быть та* самая строка, подумал он. *Что я упустил?*

Он еще раз исследовал каждую буковку в последней строке поэмы Блейка.

И наконец его осенило.

…& sweet science reigns.

– *Амперсанд*, — сказал он Амбре. — Этот знак Блейк использовал вместо слова and[104].

---

[104] Сноски: 104
Знак & в английском языке обозначает союз «и».

Амбра удивленно посмотрела на него и покачала головой:

— Роберт, если мы заменим амперсанд на and, у нас получится сорок восемь букв. На одну больше.

Не совсем так, улыбнулся Лэнгдон. *Это шифр внутри шифра.*

Лэнгдону понравилась маленькая хитрость Эдмонда. Помешанный на безопасности гений использовал простейший типографский трюк: если кто-то и найдет его любимую строку, то просто не сможет верно набрать ее на клавиатуре.

Код «амперсанд», подумал Лэнгдон. *Эдмонд все помнил.*

О происхождении амперсанда Лэнгдон обычно рассказывал на первом семинаре по символогии. Символ & — *логограмма*, то есть буквально — рисунок, обозначающий слово. Многие думают, что этот знак берет начало от английского слова and, на самом же деле это сокращение латинского et — союза «и». Свой вид амперсанд приобрел в результате типографского слияния букв E и T. Эта лигатура до сих пор отчетливо видна в компьютерном шрифте Trebuchet — там амперсанд выглядит как «», и его латинское происхождение проступает со всей очевидностью.

Лэнгдон навсегда запомнил, как через неделю после этого семинара юный гений появился в майке с надписью: «Амперсанд, позвони домой!». Это была остроумная аллюзия на фильм Спилберга, в котором инопланетянин — Extra-Terrestrial, ET — пытался найти дорогу домой.

И вот теперь, в крипте, рядом с книгой Блейка Лэнгдон ясно представил пароль Эдмонда из сорока семи букв:

thedarkreligionsaredepartedetsweetscien cereigns

В этом весь мистер Кирш, подумал Лэнгдон и быстро раскрыл Амбре суть уловки Эдмонда для дополнительной шифровки пароля.

На лице Амбры расцвела сияющая улыбка — такой счастливой Лэнгдон ее еще не видел.

— Теперь ясно, — сказала она. — Если до сих пор у нас было мало свидетельств его эксцентричности…

И они расхохотались, воспользовались тем, что рядом никого не было. Им требовалась хотя бы минутная передышка — уж слишком велико было напряжение этого вечера.

— Вы нашли пароль, — восхитилась Амбра. — А я не перестаю клясть себя за то, что разбила теле-

фон Эдмонда. Будь он у нас, мы могли бы прямо сейчас запустить презентацию.

— Это не ваша вина, — успокоил ее Лэнгдон. — И потом, я знаю, как найти Уинстона.

По крайней мере мне так кажется, подумал он, надеясь, что его гипотеза подтвердится. Лэнгдон представил вид Барселоны сверху и необычную загадку, которую ему предстояло разгадать.

В эту минуту тишину крипты нарушили пронзительные крики, доносившиеся сверху.

Отец Бенья отчаянно звал на помощь.

Глава 74

— Скорее! Сеньорита Видаль…Професор Лэнгдон… Скорее сюда!

Лэнгдон и Амбра бросились к лестнице. Отец Бенья продолжал кричать. Поднявшись наверх, Лэнгдон оказался в кромешной тьме.

Ничего не видно!

Неуверенно двигаясь на звук, он ждал, когда глаза после света масляных лампад привыкнут к темноте. Амбра осторожно ступала следом.

— Сюда! Сюда! — отчаянно звал Бенья.

Наконец они начали различать силуэт священника на границе тьмы и слабого света из крипты. Стоя на коленях, отец Бенья склонился над распростертым на полу телом человека.

Лэнгдон остановился как вкопанный, узнав жертву. *Агент Диас.* Он лежал ничком, с неестественно — на сто восемьдесят градусов — повернутой головой. Безжизненные глаза смотрели в уходящий во мрак потолок храма.

Лэнгдон содрогнулся. Теперь он понял, почему так отчаянно кричал отец Бенья.

По спине пробежал холодок. Лэнгдон на мгнове-

ние замер и прислушался, пытаясь уловить хоть малейшее движение в огромной пещере собора.

— Пистолет, — прошептала Амбра, указывая на пустую кобуру Диаса. — Он исчез. — Она осмотрелась и выкрикнула в темноту: — Агент Фонсека!

Послышались быстрые гулкие шаги, а потом звуки отчаянной схватки. И тут же в пугающей близости прогремел оглушительный выстрел. Лэнгдон, Амбра и Бенья инстинктивно отпрянули. Не успело затихнуть гулкое эхо выстрела, как раздался искаженный болью крик:

— ¡Corre! — *Бегите!*

Прогремел второй выстрел, и послышался тяжелый удар — звук падения тела.

Лэнгдон схватил Амбру за руку и потащил в темноту к боковой стене храма. Отец Бенья поспешил за ними. Все трое замерли в тревожной тишине, прижавшись спинами к холодному камню.

Глаза Лэнгдона постепенно привыкали к темноте.

Он пытался понять, что происходит.

Диас и Фонсека убиты. В соборе кто-то есть. Что ему нужно?

Ответ напрашивался сам собой: убийца, скрывающийся в темноте собора, вряд ли явился сюда,

чтобы ликвидировать агентов гвардии… Ему нужны Амбра и Лэнгдон.

Кто-то все еще пытается заставить замолчать Эдмонда.

Внезапно из самого центра храма вырвался яркий луч фонарика. Светя по сторонам, он постепенно приближался к ним. Лэнгдон понимал, что через несколько секунд луч доберется до них.

— Сюда, — прошептал Бенья, подталкивая Амбру вдоль стены подальше от приближающегося луча. Лэнгдон двинулся следом. Бенья и Амбра резко повернули направо и скрылись в темном проеме. Лэнгдон последовал за ними, но тут же споткнулся о ступеньку и упал. Наверняка Амбра и Бенья поднимались по какой-то лестнице. Лэнгдон, встав, пошел за ними, постоянно оглядываясь. Луч фонаря тем временем скользнул на нижние ступеньки лестницы.

Лэнгдон замер.

Луч какое-то время не двигался, затем стал приближаться.

Он идет за нами!

Амбра и Бенья бесшумно поднимались по лестнице. Лэнгдон тоже быстро ринулся вверх, но снова споткнулся, ударился о стенку и понял, что лестница не прямая. Она витая. Касаясь рукой

стены, Лэнгдон стал двигаться вверх по крутой спирали и наконец догадался, куда попал.

Печально знаменитая винтовая лестница собора Саграда Фамилия.

Он поднял голову: слабое сияние лилось сверху, едва освещая узкий проем спиралевидной лестницы. Лэнгдон мгновенно ощутил напряжение и замер — в тесном замкнутом пространстве у него начался острый приступ клаустрофобии.

Вперед! Мысленно он подгонял себя, но скованные безотчетным страхом мышцы отказывались повиноваться. Снизу послышались тяжелые шаги — кто-то приближался к лестнице, ступая по плитке. Лэнгдон, с трудом пересилив себя, стал подниматься по ступеням. Слабый свет был теперь чуть ярче. Лэнгдон дошел до «окошка» в стене: через эту узкую щель можно было разглядеть огни ночного города, и, проходя мимо, он ощутил дуновение прохладного ветерка. Но уже на следующем витке лестницы все опять погрузилось во тьму.

Шаги внизу приблизились к основанию лестницы, и центральную шахту осветил луч фонаря. Лэнгдон миновал еще одно «окошко» и услышал, что преследователь быстро поднимается по лестнице вслед за ним.

Наконец Лэнгдон догнал Амбру и Бенью. Старый священник задыхался. Лэнгдон с осторожностью посмотрел вниз. Узкий витой колодец — словно гигантский головоногий моллюск. Перил нет, только низенький, по щиколотку, бортик идет по внутренней стороне лестницы — такой вряд ли спасет от падения. Борясь с головокружением, Лэнгдон перевел взгляд вверх, в темноту. Насколько он помнил, у этой лестницы больше четырехсот ступеней, иными словами, у них нет ни единого шанса добраться наверх раньше, чем их настигнет человек с пистолетом.

— Вы вдвоем… идите! — задыхаясь, проговорил Бенья и прижался к стене, пропуская Амбру и Лэнгдона вперед.

— Не говорите так, святой отец. — Амбра попыталась поддержать старого священника под локоть.

Лэнгдон был тронут ее самоотверженностью, но при этом отчетливо понимал, что попытка спастись, поднимаясь вверх по лестнице, равносильна самоубийству: все закончится тем, что они получат по пуле в спину. Из двух базовых инстинктов самосохранения — убегать или нападать — они, к сожалению, могли полагаться только на один.

Убежать мы не сможем!

Лэнгдон, повернувшись к Амбре и Бенье спиной, встал поудобнее — лицом к противнику. Свет фонарика снизу приближался. Лэнгдон вжался в стену и присел на корточки. Луч фонаря скользнул по ступеньке прямо у его ног. И тут снизу из-за очередного витка лестницы появился убийца — темный силуэт с вытянутыми руками, в одной — фонарик, в другой — пистолет.

Лэнгдон действовал инстинктивно. Резко оттолкнувшись, прыгнул вниз прямо на убийцу. Тот увидел Лэнгдона, попытался прицелиться, но, получив удар каблуками в грудь, отлетел к стене.

Дальше все было как в тумане.

Лэнгдон сильно ударился бедром. Его противник упал на спину и со стоном съехал вниз на несколько ступеней. Фонарик, проскакав по ступенькам, замер, подсвечивая снизу стену и блестящий металлический предмет, находящийся сейчас на равном расстоянии от Лэнгдона и убийцы.

Пистолет.

Оба одновременно ринулись к оружию, но Лэнгдон был наверху и успел первым. Схватив пистолет, он направил его на убийцу. Тот совер-

шенно спокойно смотрел в направленный прямо в лицо ствол оружия.

В свете фонарика Лэнгдон различил бороду с проседью, парадные белые брюки…и тут же узнал этого человека.

Морской офицер из музея Гуггенхайма.

Лэнгдон направил ствол прямо в лоб адмиралу и, держа палец на спусковом крючке, сказал:

— Ты убил моего друга Эдмонда Кирша.

Человек тяжело дышал, но ответил с ледяным спокойствием:

— Я просто сравнял счет. Твой друг Эдмонд Кирш убил мою жену и сына.

Глава 75

Лэнгдон переломал мне ребра.

Адмирал Авила ощущал резкую боль при каждом вдохе. Грудь словно разрывалась на части, но, собрав волю в кулак, Авила старался этого не замечать. Лэнгдон, чуть наклонившись, стоял выше на лестнице — с пистолетом, направленным прямо в переносицу адмирала.

Военная выучка — вторая натура: Авила почти инстинктивно оценил ситуацию. Из минусов — у противника пистолет, и он находится выше. Но, судя по тому, как профессор нервно сжимает рукоятку, у него нет навыков обращения с оружием. И это плюс.

Он не будет стрелять в меня, решил Авила. *Будет ждать, пока подоспеет подмога.* Снаружи донесся шум — охранники собора явно услышали выстрелы и уже бегут сюда.

Необходимо действовать быстро.

С поднятыми руками Авила медленно опустился на колени, демонстрируя полную покорность.

Пусть Лэнгдон думает, что владеет ситуацией.

Авила чувствовал, что, несмотря на падение, керамический пистолет все еще на месте, за поясом. Тот самый пистолет, из которого он убил Кирша в музее Гуггенхайма. Перед тем как войти в собор, Авила зарядил его последней пулей, и она по-прежнему в обойме. Одного охранника он убрал по-тихому, голыми руками и забрал у него табельное оружие, которое, к сожалению, оказалось в руках Лэнгдона и сейчас смотрит прямо в лоб Авиле. Адмирал пожалел, что не поставил пистолет агента на предохранитель. Лэнгдон вряд ли сумел бы привести его в боевое положение.

Авила прикинул: завести руку за спину, выхватить керамический пистолет и выстрелить первым. Но даже если он будет достаточно быстр, шанс выжить — пятьдесят на пятьдесят. Главная опасность, которую ждешь от дилетанта, — случайное нажатие на спусковой крючок.

Если я сделаю слишком резкое движение…

Шаги и крики охранников приближались. По идее у него есть защита — татуировка «victor» на ладони. Регент обещал, что это должно сработать. Но после убийства двух агентов Королевской гвардии Авила не был уверен, что авторитет Регента обеспечит ему защиту.

Я здесь, чтобы выполнить миссию, напомнил

себе Авила. *И она пока не завершена. Нужно устранить Роберта Лэнгдона и Амбру Видаль.*

Регент предлагал Авиле проникнуть в собор через восточный служебный вход, но он решил перелезть через забор. У восточного входа он заметил скрытый наряд полиции. *Мне пришлось импровизировать.*

И тут Лэнгдон взволнованно заговорил. Глаза его горели, пистолет в руках дрожал.

— Ты сказал, что Эдмонд Кирш убил твою жену и ребенка. Это ложь. Эдмонд не убийца.

Ты прав, подумал Авила, *он хуже, чем убийца.*

Страшную правду про Кирша Авила узнал всего неделю назад. Ему позвонил Регент.

— Наш папа просит вас устранить знаменитого футуролога Эдмонда Кирша, — сказал Регент. — В распоряжении его святейшества много преданных людей, но он считает, что эту миссию следует возложить именно на вас.

— Почему именно на меня? — спросил Авила.

— Адмирал, — тихо произнес Регент, — мне больно говорить об этом, но террористическую атаку в соборе, в результате которой погибла ваша семья, организовал Эдмонд Кирш.

Авила поначалу не поверил. Он не мог понять, зачем знаменитому айтишнику понадобилось

взрывать церковь.

— Адмирал, вы человек военный, — объяснил Регент, — и вам лучше других известно, что на самом деле людей убивают не молодые солдатики, которые ведут огонь во время сражений. Они всего лишь пешки в большой игре, которую ведут правительства, генералы, религиозные лидеры — словом, те, кто или купил солдат, или убедил их, что игра стоит свеч.

Авила не мог не признать правоту Регента.

— Те же законы работают и в мире террора, — продолжал Регент. — Самые опасные террористы — не те, что взрывают бомбы. Куда опаснее их вожди: они сеют ненависть в отчаявшихся массах и вербуют воинов, которые совершают акты насилия. Достаточно одного фанатика, чтобы посеять хаос в мире. Разжечь в неокрепших умах нетерпимость, агрессивный национализм, ненависть.

И вновь Авила должен был согласиться.

— Террористические атаки против христиан, — говорил Регент, — ширятся по всему миру. И новые нападения — уже не часть какого-то стратегического плана. Это спонтанные действия одиноких волков, по собственной воле решивших откликнуться на призыв пойти войной на

Христа. — Регент выдержал паузу. — И среди тех, кто призывает к этой войне, воинствующий атеист Эдмонд Кирш.

А вот с этим Авила никак не мог согласиться. Несмотря на то что Кирш развернул настоящую кампанию против религии в Испании, он никогда не призывал убивать христиан.

— Не спешите делать выводы, — сказал Регент. — Выслушайте до конца. — Он тяжело вздохнул. — Об этом никто не знает, но теракт, в результате которого погибли члены вашей семьи, был направлен против… пальмарианской церкви.

Авила задумался, но все равно ничего не мог понять — кафедральный собор Севильи не имел никакого отношения к пальмарианам.

— В то утро, — сообщил Регент, — в соборе находились четыре выдающихся деятеля пальмарианской церкви. Они вели работу с паствой. Именно они и были целью теракта. Одного вы знаете — это Марко. Трое других погибли.

Перед мысленным взором Авилы встал образ его инструктора-физиотерапевта Марко, который в результате этого взрыва потерял ногу.

— Наши враги сильны и коварны, — напомнил Регент. — Они не могут пробраться в собор в Эль-

Пальмар-де-Троя, но они смогли проследить за нашими миссионерами и взорвать их в Севилье. Мне очень жаль, адмирал. Однако эта трагедия — лишь одна из причин, почему мы пришли к вам. Пальмариане чувствуют вину за то, что ваша семья стала невинной жертвой в войне, которую ведут против нас.

— Но кто ведет эту войну? — спросил Авила. У него все это не укладывалось в голове.

— Посмотрите вашу электронную почту, — ответил Регент.

Авила обнаружил в своем электронном ящике целый пакет конфиденциальных документов, свидетельствующих о том, что против пальмарианской церкви уже больше десяти лет ведется жестокая война. Война, включающая судебные иски, угрозы, граничащие с шантажом, и огромные пожертвования антипальмарианским «наблюдательным» структурам вроде «Поддержки Пальмар-де-Троя» и «Ирландского диалога».

Но самое удивительное, что война против пальмарианской церкви направлялась и велась, судя по всему, одним человеком — футурологом Эдмондом Киршем.

Авила был совершенно сбит с толку. Почему Кирш так ополчился именно на пальмариан?

Регент ответил, что никто из приверженцев их церкви — включая самого папу — понятия не имеет, почему Кирш так ненавидит пальмариан. Известно только, что один из самых богатых и влиятельных людей мира не успокоится, пока не уничтожит пальмарианскую церковь.

Регент обратил внимание Авилы на последний документ — копию письма, которое пальмариане получили от «севильского террориста». В первых же строках он называет себя «учеником Кирша». Авиле этого было достаточно. Он в гневе сжал кулаки.

Регент объяснил, почему пальмариане не публиковали эти документы. В последнее время СМИ — по большей части стараниями Кирша — были агрессивно настроены против их церкви. И если бы стало известно, что взрыв в соборе Севильи связан с присутствием пальмариан на службе, это только подлило бы масла в огонь.

У меня больше нет семьи из-за Эдмонда Кирша.

И вот теперь на полутемной витой лестнице Авила смотрел на Роберта Лэнгдона, осознавая: возможно, этому человеку ничего не известно о крестовом походе его друга против пальмарианской церкви. О том, что именно Кирш

спровоцировал теракт, в результате которого погибли близкие Авилы.

Не важно, знает он или нет, подумал Авила. *Он такой же солдат, как и я. Мы оба в западне, из которой выберется только один. Я выполняю приказ.*

Лэнгдон, стоя несколькими ступенями выше, держал пистолет по-дилетантски — обеими руками. *Неудачное решение*, подумал Авила. Он осторожно передвинул ноги ступенькой ниже и как следует уперся, продолжая смотреть прямо в глаза Лэнгдону.

— Я понимаю, тебе трудно поверить, — говорил Авила, — но моих близких убил Эдмонд Кирш. И вот доказательство.

Авила раскрыл ладонь и показал Лэнгдону татуировку, которая, конечно, ничего не доказывала. Но адмирал достиг желаемого эффекта — Лэнгдон перевел на нее взгляд.

Всего миг, но и его хватило. Авила наклонился вперед и чуть влево, к стене, чтобы уйти с линии огня. Как и предчувствовал адмирал, Лэнгдон выстрелил инстинктивно — нажал на спусковой крючок, прежде чем успел перевести пистолет на сдвинувшуюся мишень. Звук выстрела громовым эхом отозвался в узком колодце лестницы. Пуля,

слегка задев плечо Авилы, врезалась в бетонную стену.

Лэнгдон старался прицелиться вновь, но Авила мгновенно бросился на него, на лету схватил за запястья и выбил оружие из рук. Пистолет, лязгая по ступенькам, полетел вниз.

Падая под ноги Лэнгдону, Авила ощутил страшную боль в груди и плече, но выброс адреналина придал ему сил. Адмирал завел руку за спину и вырвал из-под ремня керамический пистолет. Он казался почти невесомым по сравнению с тем, который он забрал у королевского гвардейца.

Авила направил оружие в грудь Лэнгдону и без колебаний нажал на курок.

Пистолет громыхнул, но звук был какой-то странный. Руку обожгло огнем, и Авила понял — ствол разорвало. Невидимое для детекторов керамическое оружие непрочно и рассчитано всего на несколько выстрелов. Авила не знал, куда девалась пуля, но Лэнгдон точно не пострадал. Адмирал отбросил пистолет и ринулся на противника. Они яростно сцепились на ступеньках у опасного низкого бортика внутреннего ограждения лестницы.

Авила не сомневался: теперь победа за ним.

Мы оба безоружны. Но мое положение лучше.

Он успел наметанным глазом оценить глубину центрального колодца лестницы — смертельно опасный обрыв с низеньким бортиком. И теперь подталкивал Лэнгдона к этому обрыву. Адмирал уперся ногой в стену — это дало ему решающее преимущество.

Лэнгдон сопротивлялся изо всех сил, но позиция Авилы была немного выгоднее. Отчаяние и страх в глазах Лэнгдона говорили: он понимает, как закончится поединок.

Роберт Лэнгдон не раз слышал, что в критических ситуациях — когда речь идет о жизни и смерти — человек принимает решения за доли секунды. И теперь под напором силы, которая толкала его к тридцатиметровому обрыву, он понимал, что его сто восемьдесят с лишним сантиметров роста и высоко расположенный центр тяжести тела не оставляют ему никаких шансов. Ему нечего противопоставить Авиле.

Лэнгдон в отчаянии взглянул через плечо. Круглый колодец был узким — меньше метра в диаметре, — но едва ли он там застрянет. Падая, он будет биться о каменные бортики.

Выжить после такого невозможно.

Авила утробно крякнул и поудобнее ухватил Лэнгдона. Дело близилось к развязке. И Лэнгдон

понял: есть только один выход.

Не надо сопротивляться, надо поддаться.

Когда Авила попытался чуть приподнять Лэнгдона, он откинулся назад и уперся ногами в лестницу.

В этот миг он словно снова был двадцатилетним студентом в бассейне Принстона и стартовал на «полтиннике» на спине… Спина в воде, ноги согнуты в коленях, живот поджат, все внимание на пистолет стартера…

Время решает все.

На этот раз Лэнгдон не услышал стартового выстрела. Он взял инициативу на себя — резко оттолкнулся ногами и выгнул спину над провалом. Отлетая назад, он почувствовал, что давивший на него всем своим весом Авила лишился опоры и полностью потерял равновесие.

Лэнгдон, пролетая над бездной, молил Бога, чтобы хватило скорости долететь до противоположного изгиба лестницы — двумя метрами ниже ступеньки, с которой он стартовал. Но он рассчитал неправильно. В воздухе Лэнгдон инстинктивно сгруппировался, втянул голову в плечи и тут же врезался в вертикальную каменную стену.

Не вышло.

Мне конец.

Очевидно, он врезался во внутреннее ограждение лестницы, и теперь ему предстоял полет с тридцатиметровой высоты.

Но летел он всего несколько мгновений.

Лэнгдон вдруг грохнулся на какую-то неровную поверхность и сильно ударился головой. Удар был такой силы, что можно было потерять сознание, но с неожиданной ясностью он осознал, что все-таки перелетел колодец, врезался в противоположную стену и рухнул на ступеньки винтовой лестницы.

Надо найти пистолет, сверкнула мысль, пробившаяся сквозь подступающую тьму. Через несколько секунд Авила набросится на него.

Но сил больше не было.

Лэнгдон отключился.

Последнее, что он услышал, — странные глухие звуки, удар за ударом, ниже и ниже.

Как будто туго набитый пластиковый мешок летел с высокого этажа по шахте мусоропровода.

Глава 76

«Опель» подъехал к главным воротам Эскориала. Принц Хулиан увидел множество знакомых белых внедорожников и понял, что Вальдеспино говорил правду.

Отец и в самом деле здесь.

Судя по количеству машин, вся охрана короля, состоящая из проверенных агентов гвардии, переместилась в историческую резиденцию испанских монархов.

Министрант остановил потрепанный седан, агент Королевской гвардии посветил фонарем в окно и отпрянул, словно от удара. Он явно не ожидал увидеть принца и епископа в допотопном автомобильчике.

— Ваше высочество! — воскликнул агент, вытягиваясь в струнку. — Ваше преосвященство! Мы вас ждали. — Он бросил взгляд на видавшую виды машину. — Но где же ваша охрана?

— Агенты сейчас нужнее во дворце, — ответил принц Хулиан. — Мы здесь, чтобы увидеться с моим отцом.

— Конечно, конечно! Пожалуйста, выходите

из машины…

— Просто уберите заграждение, — холодно распорядился Вальдеспино, — и мы проедем ко входу. Я полагаю, его величество в монастырской больнице?

— Он… там *был*, — замявшись, проговорил агент. — Но, боюсь, сейчас его уже нет.

У Вальдеспино перехватило дыхание. Он с ужасом смотрел на охранника.

Хулиан похолодел. *Мой отец умер?*

— Нет! Я… простите меня! — залопотал агент, проклиная свой скудный словарный запас. — Его величество… покинул Эскориал примерно час назад. Вызвал личных охранников, и все уехали.

Хулиан с облегчением вздохнул, но тут же его охватило смятение. *Отец не захотел остаться в больнице?*

— Это абсурд! — воскликнул Вальдеспино. — Король велел мне привезти принца Хулиана именно сюда!

— Да, и у нас есть на этот счет особые распоряжения, ваше преосвященство. Если вы вместе с принцем соблаговолите выйти из машины, мы проводим вас в автомобиль Королевской гвардии.

Обменявшись озадаченными взглядами, Валь-

деспино и Хулиан покорно выбрались из «опеля». Агент сказал министранту, что в его услугах больше не нуждаются и он может возвращаться во дворец. Перепуганный молодой человек, не проронив ни слова, развернулся, вдавил педаль газа и исчез в ночи, радуясь, что его участие в безумных событиях этого вечера наконец завершено.

Агенты Королевской гвардии провели принца и епископа к бронированному внедорожнику, но Вальдеспино продолжал волноваться.

— Где король? — почти кричал он. — Куда вы нас собираетесь отвезти?

— Мы лишь следуем прямым указаниям его величества, — объяснил агент. — Король просил предоставить вам автомобиль с водителем и передать принцу вот это письмо. — Через окно агент протянул Хулиану запечатанный конверт.

Письмо от моего отца? Принца смутила такая официальность, особенно когда он заметил на конверте королевскую восковую печать. *Что происходит?* Хулиана все сильнее тревожила мысль о том, что отец теряет рассудок.

Нахмурившись, принц сломал печать, открыл конверт и вытащил листок, исписанный от руки. Почерк у отца был уже не тот, но все же писал он разборчиво. Хулиан стал читать, и с каждым

новым словом его удивление росло.

Закончив, он вложил листок в конверт и закрыл глаза, раздумывая о том, что делать дальше. По большому счету вариант только один.

— Будьте добры, поезжайте на север, — сказал Хулиан водителю.

Автомобиль удалялся от Эскориала, принц чувствовал на себе неотрывный взгляд Вальдеспино.

— Что написал вам отец? — требовательно произнес епископ. — Куда вы меня везете?

Хулиан перевел дыхание и повернулся к верному другу своего отца.

— Совсем недавно вы сами ответили на этот вопрос, и лучше вряд ли скажешь. — Хулиан грустно улыбнулся. — Мой отец все еще король. Мы любим его и выполняем его приказания.

Глава 77

— Роберт, — шептал голос.

Он попытался ответить, но не смог.

— Роберт…

Чья-то рука нежно коснулась его лица. Лэнгдон медленно открыл глаза, не понимая, где находится. *Должно быть, я сплю. Ангел в белом парит надо мной.*

Но узнав склонившееся над ним лицо, попытался улыбнуться.

— Слава Богу. — Амбра с облегчением перевела дыхание. — Мы слышали выстрелы. — Она склонилась над ним. — Не двигайтесь.

Не успев окончательно прийти в себя, Лэнгдон ощутил острый приступ страха:

— Человек, который напал…

— Его больше нет, — успокаивающе прошептала Амбра. — Вы в безопасности. — Она кивнула в сторону лестничного колодца. — Он упал туда.

Напряженно слушая, Лэнгдон постепенно приходил в себя. Туман в голове рассеивался, но раны и ушибы уже давали о себе знать. Сильная пульсирующая боль в левом бедре и острая — в

голове. *Но похоже, я ничего не сломал.* Эхо переговоров по полицейским рациям внизу отдавалось в лестничном колодце.

— Сколько я был без…

— Несколько минут, — сказала Амбра. — Вы приходили в себя и снова отключались. Вам надо в больницу.

Лэнгдон с трудом сел, прислонившись к стенке.

— Это был тот морской офицер, — сказал он. — Тот, кто…

— Знаю, — кивнула Амбра. — Тот, кто убил Эдмонда. Полиция установила его личность. Они внизу, рядом с телом, и требуют тебя, но отец Беньямин сказал, что никого не пустит, пока не приедет «скорая». Она будет через несколько минут.

Лэнгдон кивнул. В голове стучало.

— Скорее всего вас заберут в больницу, — сказала Амбра. — Нам надо успеть поговорить.

— Поговорить? О чем?

Амбра с жалостью посмотрела на него. Потом наклонилась к уху и прошептала:

— Роберт, вы что, не помните? Мы нашли пароль Эдмонда: «Религий темных больше нет, царит блаженная наука».

Эта строка, как стрела, пронзила сознание, и он

мгновенно пришел в себя.

— Мы почти у цели, — сказала Амбра. — Остальное я сделаю сама. Вы говорили, что знаете, как найти Уинстона? Скажите, где находится компьютер Эдмонда, и я все сделаю.

Память Лэнгдона стремительно восстанавливалась.

— Да, я знаю. *По крайней мере думаю, что знаю.*

— Так скажите.

— Нам надо в город.

— Куда?

— Я не знаю адреса. — Лэнгдон, пошатываясь, поднялся на ноги. — Но я могу…

— Роберт, прошу, сядьте!

— Да-да, не двигайтесь, — послышался мужской голос снизу. Запыхавшийся отец Бенья поднимался по лестнице. — «Скорая помощь» уже на подходе.

— Я прекрасно себя чувствую, — соврал Лэнгдон. Голова закружилась, и он прислонился к стене. — Нам с Амброй надо идти.

— Далеко вы не уйдете. — Бенья с трудом преодолевал последние ступеньки. — Вас ждет полиция. Им нужны объяснения. К тому же собор окружен журналистами. Кто-то сообщил прессе о

том, что вы здесь. — Священник наконец добрался до них и устало улыбнулся Лэнгдону: — Мы с мисс Видаль рады, что с вами все в порядке. Вы спасли нам жизнь.

Лэнгдон улыбнулся в ответ:

— На самом деле это вы спасли нас.

— Как бы то ни было, внизу у лестницы вас ждет полиция.

Лэнгдон опасливо оперся на низенький бетонный бортик и посмотрел вниз. Там, как будто очень далеко, освещаемое вспышками полицейских фотоаппаратов лежало тело адмирала Авилы.

Глядя на спиральную лестницу, Лэнгдон в очередной раз отметил ее изысканную форму, повторяющую плавные извивы головоногого моллюска наутилуса, и вдруг вспомнил, как изучал на веб-сайте музея Гауди конструкцию Саграда Фамилия. Он заходил на сайт не так давно, и его поразили модели собора, напечатанные на 3D-принтерах и наглядно представляющие ход строительства — от момента закладки храма до завершения, которое в реальности случится не раньше, чем лет через десять.

Откуда мы? — подумал Лэнгдон. *Куда мы идем?*

И еще он вспомнил, как выглядела одна из этих трехмерных моделей. Этот образ хранился в памяти и вдруг всплыл со всей отчетливостью. Модель называлась «Саграда Фамилия сегодня».

Если эта модель точная, должен быть еще один выход из собора.

Лэнгдон резко повернулся к Бенье:

— Святой отец, вы не могли бы выполнить еще одну мою просьбу?

Священник удивленно взглянул на него.

Лэнгдон изложил свой план. Амбра с сомнением покачала головой.

— Роберт, это невозможно. Там же нет…

— На самом деле есть, — перебил ее Бенья. — Так будет не всегда, но сейчас мистер Лэнгдон прав. Его план можно осуществить.

Амбра удивленно взглянула на настоятеля.

— Но, Роберт, — сказала она. — Даже если мы сможем уйти незамеченными, вы уверены, что вам не нужен врач?

В этом Лэнгдон был совсем не уверен.

— Попозже я обязательно схожу в больницу, — пообещал он. — А сейчас мы обязаны довершить начатое Эдмондом. — Он повернулся к Бенье и посмотрел ему прямо в глаза. — Хочу быть с вами честным, святой отец. И объяснить, почему

мы здесь. Как вы знаете, Эдмонда Кирша убили сегодня вечером, чтобы похоронить его научное открытие.

— Да, — кивнул священник, — и судя по тому, что Кирш успел сказать, открытие это представляет большую угрозу для всех мировых религий.

— Совершенно верно. Именно поэтому я хочу, чтобы вы знали: мы с мисс Видаль прилетели в Барселону для того, чтобы обнародовать открытие Эдмонда Кирша. И мы уже очень близки к цели. То есть… — Лэнгдон сделал паузу. — В общем, нам нужна ваша помощь. И я прошу вас помочь нам обнародовать открытие атеиста.

Бенья положил руку Лэнгдону на плечо.

— Профессор, — усмехнулся он. — Эдмонд Кирш не первый на свете атеист, который провозгласил, что Бог умер. И боюсь, не последний. Что бы ни открыл мистер Кирш, это, без сомнения, подлежит обсуждению. Испокон века человеческий разум идет вперед, и не мне становиться у него на пути. Лично я уверен: интеллектуальные достижения, в которых нет Бога, невозможны.

С этими словами отец Бенья ободряюще улыбнулся и начал спускаться по лестнице.

Пилот вертолета «EC-145», сидя в кабине, с интересом наблюдал, как стремительно растет толпа

за оградой собора Саграда Фамилия. Он давно не получал никаких известий от агентов гвардии, которые сопровождали Лэнгдона и Амбру, и уже собирался связаться с ними по рации, как вдруг заметил, что из собора вышел невысокий человек в сутане и направляется в сторону вертолета.

Отец Бенья принес трагическую весть: оба агента гвардии убиты, а будущая королева и Роберт Лэнгдон требуют немедленно забрать их отсюда. А окончательно добило пилота уточнение, откуда именно их придется забирать.

Безумие, подумал пилот.

И вот теперь, зависнув над шпилями Саграда Фамилия, он убедился, что священник был совершенно прав. Самая высокая башня собора — центральная — еще не достроена. Ее основание — огромный бетонный круг среди вздымающихся шпилей — словно поляна в лесу.

Пилот завис точно над кругом и начал осторожно снижаться. Приземлившись, он увидел, как из лестничного колодца появилась Амбра Видаль, а за ней — прихрамывающий Роберт Лэнгдон.

Пилот спрыгнул вниз и помог им подняться на борт.

Откидываясь на сиденье, будущая королева Испании устало кивнула ему.

— Спасибо вам, — прошептала она. — Мистер Лэнгдон расскажет, куда мы летим.

Глава 78

ConspiracyNet.com

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

ПАЛЬМАРИАНЕ УБИЛИ МАТЬ ЭДМОНДА КИРША?!

Наш информатор monte@iglesia.org предоставил новые сенсационные материалы.

Согласно поступившим в наше распоряжение и *проверенным* ConspiracyNet документам, Эдмонд Кирш на протяжении нескольких лет преследовал пальмарианскую церковь, подавая иски о «психологическом и физическом насилии», которое больше тридцати лет назад стало причиной смерти Паломы Кирш – биологической матери Эдмонда Кирша.

Палома Кирш была активной прихожанкой пальмарианской церкви. Пытаясь прервать с ней отношения, подверглась психологическому давлению со

стороны вышестоящих лиц. Не выдержав оскорблений, повесилась в своей келье.

Глава 79

— Сам король? — в который раз громко прошептал командор Гарза, и голос его эхом разнесся по Оружейной. — Не могу поверить, что приказ о моем аресте отдал король. После стольких лет службы.

Моника Мартин прижала палец к губам и опасливо оглянулась на вход в Оружейную, видневшийся за строем всадников в латах: не слышит ли их охрана.

— Я же говорю вам, епископ Вальдеспино убедил его величество, что все обвинения в его адрес инспирированы вами. Что вы намеренно клевещете на него.

Я оказался агнцем, которого король решил принести в жертву, подумал Гарза. Он всегда подозревал: если королю придется делать выбор между гвардией и Вальдеспино, он выберет Вальдеспино. Они всю жизнь дружат, а душевная связь всегда прочнее других.

И все же Гарза чувствовал — в объяснении Мартин не все концы сходятся с концами.

— А история с похищением? — спросил он. —

Вы утверждаете, что это заявление тоже приказал сделать король?

— Да. Его величество позвонил мне лично. И приказал объявить, что Амбру Видаль похитили. Он объяснил, что это поможет спасти репутацию будущей королевы — дезавуировать тот факт, что она сбежала с другим мужчиной. — Моника обиженно посмотрела на Гарзу. — Почему вы спрашиваете? Вы же знаете, король звонил и агенту Фонсеке с той же самой историей о похищении.

— Не могу поверить, чтобы король решился ложно обвинить известного американца в похищении, — возразил Гарза. — Должно быть, он…

— Не в себе? — перебила его Мартин.

Гарза молчал, уставившись в одну точку.

— Командор, — наседала Мартин, — его величество при смерти. Возможно, ему уже отказывает рассудок?

— Или наоборот, это очень умный ход, — задумчиво проговорил Гарза. — Как бы там ни было, будущая королева сейчас в безопасности под охраной агентов гвардии.

— Вот именно. — Мартин настороженно смотрела на него. — Так что же вас беспокоит?

— Вальдеспино, — сказал Гарза. — Призна-

юсь, никогда его не любил, но нутром чую: он не может стоять за убийством Кирша. И за всем остальным.

— Но почему? — спросила Мартин с сарказмом. — Потому что он духовное лицо? По-моему, история инквизиции научила нас, что церковь способна оправдать любые средства для достижения своих целей. Я считаю, что Вальдеспино самоуверен, безжалостен, беспринципен и скрытен. Разве не так?

— Не так, — ответил Гарза, сам удивляясь, что взял на себя роль адвоката епископа. — Все, что вы сказали о Вальдеспино, — правда, но вы забыли, что есть еще личное достоинство и верность традициям. А это для него все. Король, который мало кому доверяет, на протяжении десятилетий безоглядно верил Вальдеспино. И я не могу себе представить, что за такое доверие епископ способен отплатить предательством.

Мартин тяжело вздохнула и достала смартфон.

— Командор, мне очень не хочется подрывать вашу веру в епископа, но, думаю, вам следует взглянуть на то, что прислал мне Суреш. — Она нажала несколько кнопок и протянула смартфон Гарзе.

На экране высветилось пространное смс-со-

общение.

— Скриншот сообщения, которое епископ Вальдеспино получил сегодня вечером, — прошептала она. — Прочтите. Думаю, вы измените мнение.

Глава 80

Казалось, болит все, что только можно, но, как ни странно, Роберт Лэнгдон испытывал душевный подъем, почти эйфорию. Грохочущий вертолет поднимался в небо между шпилями Саграда Фамилия.

Я жив!

В крови бушевал адреналин — на Лэнгдона словно обрушились все события последнего часа и он заново их переживал. Стараясь выровнять дыхание, он внимательно рассматривал мир за окнами вертолета.

Вначале вокруг был лес шпилей собора, потом они остались внизу и совсем исчезли — им на смену пришла сияющая паутина улиц. Лэнгдон смотрел на скопление городских кварталов, которые здесь были не обычными квадратами и прямоугольниками, а скругленными восьмиугольниками.

L'Eixample[105], подумал Лэнгдон. *Так называемое расширение Барселоны.*

---

[105] Сноски: 105

Эшампле (*кат.*). Эшампле, или Новый Город — наиболее густонаселенный район Барселоны, возникший в XIX в.

Архитектор Ильдефонс Серда спроектировал все перекрестки этого района в виде небольших площадей, сгладив прямые углы, что добавило простора, воздуха и освободило место для уличных кафе.

— ¿Adónde vamos?[106] — прокричал через плечо пилот.

Лэнгдон махнул рукой на юг, где в двух кварталах от них самая яркая и широкая улица с говорящим названием по диагонали пересекала весь город.

— По Avinguda Diagonal[107], — прокричал Лэнгдон. — *Al oeste.* — На запад.

Проспект Диагональ, мгновенно узнаваемый на любой карте Барселоны, простирается от ультрасовременного приморского небоскреба «Диагональ зеро-зеро» через весь город до старинного с чудесным розарием парка Сервантеса, раскинувшегося на четырех гектарах и названного в честь самого знаменитого испанского писателя, автора «Дон Кихота».

Пилот согласно кивнул и направил вертолет вдоль сияющего огнями проспекта на запад, в

---

[106] Сноски: 106
Здесь: Куда дальше? (*исп.*)

[107] Сноски: 107
Проспект Диагональ (*кат.*).

сторону гор.

— Адрес? — прокричал, обернувшись, пилот. — Координаты?

Откуда я знаю? — подумал Лэнгдон.

— Летите к футбольному стадиону.

— К стадиону? — удивился пилот. — Футбольного клуба «Барселона»?

Лэнгдон кивнул, абсолютно уверенный в том, что пилот обязательно должен знать домашнюю арену знаменитого клуба, расположенную в нескольких километрах от дальнего конца проспекта Диагональ.

Пилот прибавил скорости, и вертолет стремительно понесся над проспектом.

— Роберт, — осторожно спросила Амбра, — с вами все в порядке? — Она смотрела на него с опаской: может быть, он еще не окончательно пришел в себя после удара головой? — Вы вроде бы говорили, что знаете, как найти Уинстона.

— Ну да, — ответил он. — Я и ищу его.

— На футбольном стадионе? Думаете, Эдмонд разместил свой суперкомпьютер на стадионе?

Лэнгдон покачал головой:

— Нет, стадион — это ориентир для пилота. Нас интересует здание в непосредственной близости от стадиона — гранд-отель «Принцесса София».

Беспокойство Амбры усилилось.

— Роберт, я не очень понимаю, о чем вы. Вряд ли Эдмонд стал бы размещать Уинстона в пятизвездочном отеле. Думаю, нам лучше отправиться в больницу.

— Со мной все в порядке, Амбра. Поверьте.

— Так куда же мы летим?

— Куда мы летим? — Лэнгдон с шутливой задумчивостью потер подбородок. — И что нас ждет? Думаю, на этот интригующий вопрос нам ответит презентация открытия Эдмонда.

Амбра не знала, то ли смеяться, то ли плакать.

— Извините, — сказал Лэнгдон. — Сейчас все объясню. Два года назад мы обедали с Эдмондом в клубной зоне на восемнадцатом этаже гранд-отеля «Принцесса София».

— И Эдмонд принес с собой свой суперкомпьютер? — со смехом спросила Амбра.

— Не совсем, — улыбнулся Лэнгдон. — Эдмонд пришел туда *пешком* и сказал, что обедает в этом ресторане почти каждый день, потому что он удобно расположен — всего в паре кварталов от его лаборатории. Он говорил, что работает над новым проектом искусственного интеллекта и очень доволен тем, как идут дела.

Амбра явно почувствовала облегчение.

— Так это, наверное, Уинстон!

— Я тоже так думаю.

— И Эдмонд показал вам свою лабораторию?

— Нет.

— Но сказал, где она?

— К сожалению, он все держал в секрете.

Амбра поняла, что слишком рано обрадовалась.

— Но, — сказал Лэнгдон, — сам Уинстон намекнул, где его искать.

Амбра с недоумением смотрела на него.

— Ни на что он не намекал!

— А я говорю вам — намекал. — Лэнгдон улыбнулся. — Больше скажу — дал точные координаты.

Амбра хотела было потребовать объяснений, но ее перебил пилот.

— ¡Ahí está el estadio![108] — Он указывал вперед, на огромную чашу знаменитого стадиона.

Быстро добрались, подумал Лэнгдон. Он внимательно осматривал окрестности стадиона и отеля «Принцесса София» — высотного здания на широкой площади в конце проспекта Диагональ.

Лэнгдон попросил пилота отлететь от стадиона,

---

[108] Сноски: 108
Вот стадион! (*исп.*)

подняться повыше и зависнуть над отелем. Через несколько секунд вертолет поднялся метров на сто и повис прямо над отелем, где два года назад Лэнгдон обедал с Эдмондом.

Он сказал, что лаборатория в нескольких кварталах отсюда. С высоты птичьего полета Лэнгдон внимательно осматривал окрестности. Улицы в этом районе не прямые, как около Саграда Фамилия, и городские кварталы имеют странные искривленные формы.

Это должно быть где-то здесь.

С растущим беспокойством Лэнгдон вглядывался в раскинувшиеся под ним городские кварталы, пытаясь найти тот рисунок улиц, который сохранился у него в памяти.

Где же это?

Надежда забрезжила, когда он перевел взгляд на север от запруженной машинами площади Пия XII.

— Туда! — прокричал он пилоту. — Вон к тому лесному массиву!

Пилот развернул машину, пролетел квартал и завис над лесным массивом, на который указал Лэнгдон. Лес на самом деле был частью огромного поместья, огороженного высокой стеной.

— Роберт! — испуганно закричала Амбра. — Что

ты делаешь? Это же королевский дворец Педральбес! Здесь не может быть никакого Уинстона…

— Не здесь! Там! — Лэнгдон указал на квартал, примыкающий к дворцу.

Амбра наклонилась к окну и посмотрела вниз, пытаясь понять, что так обрадовало Лэнгдона. Квартал за дворцом ограничивали четыре хорошо освещенные улицы, которые, пересекаясь, образовывали вытянутый по линии север-юг ромб. Почти правильный ромб, только правая нижняя сторона странно изогнута — к тому же на ней есть резкая закорючка, а потом кривая линия замыкает периметр.

— Посмотрите на очертания этого квартала, — сказал Лэнгдон. — Ромб с одной криволинейной стороной. Правой нижней.

Он ждал, пока Амбра догадается сама.

— Обратите внимание на два маленьких парка. — Он указал ей на миниатюрный круглый парк в центре квартала и полукруглый, побольше, справа.

— Что-то знакомое, — сказала Амбра. — Но не могу…

— Подумайте о живописи, — подсказал Лэнгдон. — В вашем музее Гуггенхайма. Подумайте о…

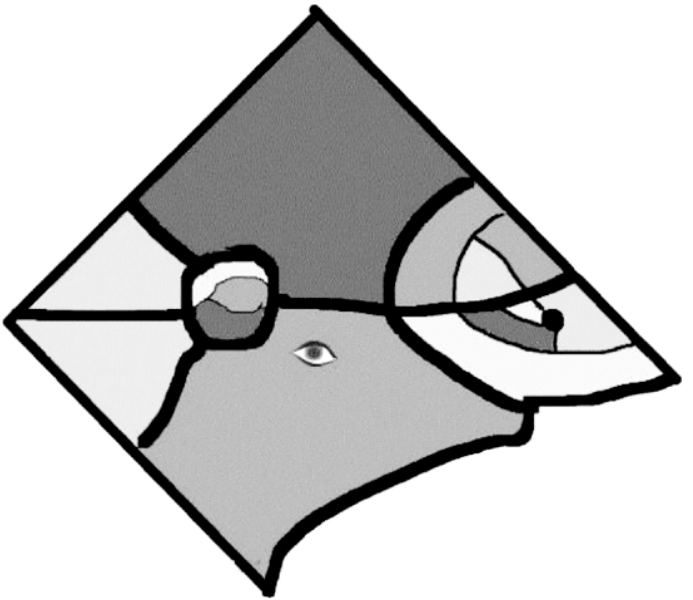
— Уинстон! — вдруг воскликнула она и, как будто не веря, посмотрела на Лэнгдона. — Очертания этого квартала — точная копия автопортрета Уинстона в нашем музее!

Лэнгдон довольно улыбнулся:

— Совершенно верно.

Амбра снова приникла к окну, с упоением разглядывая ромб. Лэнгдон тоже смотрел вниз, вспоминая автопортрет Уинстона — его странную форму, которая не давала ему покоя все это время, с тех самых пор, как Уинстон продемонстрировал ему причудливое подражание холстам художника Миро.

Эдмонд попросил меня нарисовать автопортрет, сказал тогда Уинстон. *И вот что у меня получилось.*



Лэнгдон уже понял, что парящий глаз в центре картины — фирменный знак Миро — скорее всего, точка, где располагается Уинстон. То самое место, из которого он смотрит в мир.

Амбра оторвалась от окна и с детским восторгом воскликнула:

— Автопортрет Уинстона — не подражание Миро, а карта!

— Совершенно верно, — кивнул Лэнгдон. — У Уинстона нет тела и облика. Единственное, что его физически характеризует — место, где он находится.

— А глаз, — сказала Амбра, — это же как под копирку глаз Миро! И поскольку глаз всего один, можно предположить, что именно там и находится Уинстон?

— Я тоже так думаю. — Лэнгдон повернулся к пилоту и попросил посадить вертолет в полукруглом парке. Пилот начал снижение.

— Господи! — воскликнула Амбра. — Кажется, я знаю, почему Уинстон выбрал стиль Миро!

— Почему?

— Дворец поблизости называется Педральбес…

— Педральбес? — переспросил Лэнгдон. — Ведь так же называется…

— Именно! Одна из самых известных картин Миро — «Улица Педральбеса». Возможно, Уинстон изучал историю этого района и выяснил, что он тесно связан с именем Миро.

Лэнгдон подумал, что это похоже на правду.

Творческие способности Уинстона вызывали восхищение, и Лэнгдон вдруг поймал себя на том, что радуется предстоящей встрече с созданным Эдмондом искусственным интеллектом. Вертолет опускался все ниже, и Лэнгдон уже отчетливо различал темный силуэт большого здания в том самом месте, где Уинстон изобразил глаз на своей картине.

— Посмотрите, — сказала Амбра. — Похоже, это то, что нам нужно.

Лэнгдон пытался получше рассмотреть здание, скрытое за высокими деревьями. Даже с высоты оно казалось внушительным.

— Света не видно, — заметила Амбра. — А как мы попадем внутрь?

— Вряд ли там никого нет, — ответил Лэнгдон. — Эдмонд должен был оставить дежурных, особенно сегодня. Думаю, они впустят нас, когда узнают, что нам известен пароль. И будут только рады помочь нам запустить презентацию открытия своего шефа.

Через минуту вертолет приземлился в большом полукруглом парке в восточной части квартала. Лэнгдон и Амбра спрыгнули на землю, вертолет тут же взмыл в воздух и направился к стадиону, где пилот должен был ждать дальнейших

указаний.

Они поспешили через темный парк к центру квартала. По дороге пересекли маленькую улочку Тиллерс и снова оказались среди деревьев. Впереди темнел силуэт здания.

— Ни одного огня нет, — прошептала Амбра.

— Зато есть забор, — хмыкнул Лэнгдон. Он хмуро смотрел на трехметровую железную ограду, окружавшую здание по периметру. Через прутья он пытался что-нибудь разглядеть, но за деревьями почти ничего не было видно. И ни одного огня.

— Туда. — Амбра что-то высмотрела. — Мне кажется, там ворота.

Они двинулись вдоль забора и скоро действительно подошли к турникету. Естественно, он был закрыт. Но там было переговорное устройство, и пока Лэнгдон раздумывал, что делать, Амбра нажала на кнопку вызова.

Послышались два гудка, потом установилось соединение.

Тишина.

— Алло, — повторяла Амбра. — Алло!

Молчание на том конце — лишь едва слышное жужжание открытой линии.

— Если вы вдруг нас слышите, — сказала

она, — здесь Амбра Видаль и Роберт Лэнгдон. Мы близкие друзья Эдмонда. Мы были рядом с ним, когда его убили. У нас важная информация. Важная для Эдмонда. И для Уинстона. И, думаю, для всех вас тоже.

Раздался отчетливый «клик».

Лэнгдон немедленно толкнул турникет — тот свободно вращался.

Лэнгдон с облегчением выдохнул:

— Я же говорил, кто-то должен там быть.

Они быстро миновали турникет и двинулись по аллее к темному зданию. На подходе стали видны очертания крыши на фоне подсвеченного городскими огнями неба. Над крышей возвышался пятиметровый крест.

Амбра и Лэнгдон в удивлении остановились.

Не может быть, думал Лэнгдон. *Гигантское распятие на крыше компьютерной лаборатории Эдмонда?*

Он сделал еще несколько шагов и вышел на открытое пространство. Увидел фасад здания и все понял: перед ним была старинная готическая церковь с огромным окном-розеткой, двумя высокими шпилями и резным порталом над входом с изображением католических святых и Девы Марии.

Амбра с испугом смотрела на Лэнгдона.

— Роберт, похоже, мы вторглись на территорию церкви. Боюсь, мы пришли не туда.

Лэнгдон прочел табличку у входа и расхохотался:

— Нет, именно туда.

Об этом писали пару лет назад. Но Лэнгдон не обратил внимания, что речь шла о Барселоне. *Высокотехнологичная лаборатория в бывшей католической церкви.* Ничего не скажешь: лучшее место для воинствующего атеиста и его безбожного компьютера. Лэнгдон смотрел на переоборудованную церковь и только сейчас осознал дополнительный провидческий смысл пароля Эмонда.

Религий темных больше нет, царит блаженная наука.

Лэнгдон указал Амбре на табличку.

Она гласила:

Суперкомпьютерный центр Барселоны

Centro Nacional de Supercomputación

Амбра с недоверием посмотрела на него.

— Компьютерный центр в католической церкви?

— Как видите, — улыбнулся Лэнгдон. — Дей-

ствительность порой превосходит самые смелые фантазии.

Глава 81

Самый высокий в мире крест находится в Испании. Возведенный в тринадцати километрах к северу от Эскориала, массивный бетонный крест возносится на сто пятьдесят два метра над раскинувшейся вокруг бесплодной долиной. Увидеть его можно с расстояния ста шестидесяти километров.

Здесь, осененный крестом, располагается мемориальный комплекс «Долина Павших», где похоронено более сорока тысяч жертв кровавой Гражданской войны в Испании.

Что мы тут делаем? — недоумевал принц Хулиан, следуя вместе с агентами гвардии на смотровую площадку у подножия скалы под крестом. *Неужели отец хотел, чтобы мы встретились здесь?*

Вальдеспино шел рядом, столь же озадаченный.

— Это очень странно, — шепотом проговорил он. — Ваш отец ненавидел это место.

Миллионы людей ненавидят это место, подумал Хулиан.

Строительство комплекса, идея которого родилась в 1940 году у самого Франко, было задумано как акт национального согласия — своего рода попытка примирить победителей и побежденных, ведь последний приют в Долине Павших нашли представители обеих воевавших сторон. Несмотря на «благородный замысел» мемориал до сих пор вызывает жаркие споры. Комплекс строили политзаключенные, противники Франко, многие из них во время работы умерли от голода, холода и нечеловеческих условий жизни. В прошлом некоторые парламентарии даже сравнивали это место с фашистскими концентрационными лагерями. Хулиан подозревал, что в глубине души отец согласен с ними, хотя король никогда не высказывал свое мнение открыто. Большинство испанцев воспринимали Долину Павших как построенный Франко памятник самому себе, как колоссальный храм в его честь. И то, что Франко уже умер и предан земле, лишь подливало масла в огонь.

Хулиан вспомнил, как приезжал сюда с отцом в детстве во время еще одной «обучающей экскурсии», посвященной истории страны. Король провел его по комплексу, а потом тихо прошептал: *Смотри внимательно, сын. Однажды ты все*

это уничтожишь.

Вслед за агентами гвардии принц поднимался вверх по лестнице к суровому фасаду, вырезанному в скале. Внезапно он понял, куда они идут. Перед ним предстала бронзовая дверь с барельефом — вход в гору, и Хулиан как будто возвратился в далекое прошлое. Давным-давно, еще мальчиком, он вошел в эту дверь и застыл на месте, пораженный увиденным.

На самом деле главная достопримечательность горы — не крест на вершине, а скрытое внутри пространство: искусственная пещера невероятных размеров, выдолбленная в граните вручную. Входной тоннель длиной двести семьдесят четыре метра уходит вглубь и заканчивается роскошным залом с сияющим плиточным полом и огромным — диаметром сорок пять метров — куполом, расписанным фресками. *Я внутри горы*, думал когда-то давно маленький Хулиан. *Наверное, это сон!*

И вот, спустя годы, принц сюда вернулся.

По воле умирающего отца.

Приблизившись к тяжелой двери, ведущей внутрь, Хулиан поднял взгляд на строгий брон-

зовый барельеф — пьета[109]. Вальдеспино перекрестился, и принц почувствовал, что это скорее проявление страха и трепета, нежели жест верующего.

[109] Сноски: 109

Пьета (pietà — жалость (*um.*)) — в иконографии сцена оплакивания Христа Девой Марией.

Глава 82

ConspiracyNet.com

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

НО… КТО ЖЕ РЕГЕНТ?

Появились доказательства того, что киллер Луис Авила выполнял приказы человека, которого называл «Регент».

Личность Регента пока не установлена, хотя в самом его имени может скрываться ключ к разгадке. Согласно онлайн-словарям одно из значений слова «регент» – тот, кто временно принимает на себя управление организацией в отсутствие руководителя или при его неспособности выполнять свои функции.

По результатам опроса среди наших подписчиков три первые строчки в списке кандидатов на роль Регента занимают:

1. Епископ Антонио Вальдеспино, замещающий тяжело больного короля

Испании.

2. Пальмарианский папа, утверждающий, что он единственный полноправный понтифик.

3. Испанский офицер, считающий, что действует во благо страны и от лица недееспособного верховного главнокомандующего, то есть короля.

Скоро – самые свежие новости!

#ктотакойрегент

Глава 83

Лэнгдон и Амбра, изучив фасад церкви, нашли вход в Суперкомпьютерный центр Барселоны в южном конце поперечного нефа. Ультрасовременный вестибюль из прозрачного пластика на фоне древнего грубого камня придавал церкви странный вид — словно она заплутала во времени.

В небольшом дворике перед входом стоял четырехметровый бюст древнего воина. Рядом с католической церковью он выглядел странно. Но зная Эдмонда… Неудивительно, что его рабочее пространство — место максимальных контрастов.

Амбра поспешила ко входу и нажала кнопку звонка. Лэнгдон подошел к ней, и камера слежения над входом повернулась вначале к ним, а потом с полминуты сновала туда-сюда, проверяя, что происходит вокруг.

Наконец дверь зажужжала и открылась.

Лэнгдон и Амбра быстро вошли внутрь и оказались в огромном фойе — бывшем притворе храма. Большое замкнутое пространство, плохо

освещенное и абсолютно пустое. Лэнгдон надеялся, что кто-то их встретит, возможно, один из сотрудников Эдмонда — но в фойе не было ни души.

— Есть здесь кто-нибудь? — прошептала Амбра.

Послышалось тихое средневековое церковное песнопение — многоголосый хорал для мужского хора, смутно знакомый. Лэнгдон никак не мог вспомнить, что это. Но само по себе церковное пение в компьютерном центре — вполне в духе Эдмонда с его специфическим чувством юмора.

Сияющий на стене огромный плазменный экран служил единственным источником света. На экране изображалось нечто, похожее на примитивную компьютерную игру: группы черных точек хаотически двигались на белом фоне — словно рои черных жучков в бессмысленном полете.

Не таком уж бессмысленном, подумал Лэнгдон, когда наконец понял, что перед ним.

Знаменитую компьютерную игру под названием «Жизнь»[110] придумал в 1970 году британский математик Джон Конвей. Черные точки — «клет-

---

[110] Сноски: 110
В России также известна как «Эволюция».

ки» — двигались, взаимодействовали друг с другом и «размножались» по определенным правилам, заложенным в программу. Постепенно клетки начинали организовываться в кластеры, последовательности, складывались в некие «структуры». Они развивались, усложнялись и начинали напоминать те образования, что встречаются в природе.

— Игра Конвея «Жизнь», — сказала Амбра. — В прошлом году я видела основанную на ней инсталляцию — мультимедийный проект под названием «Клеточный автомат»[111].

Лэнгдон удивился осведомленности Амбры. Сам он знал о «Жизни» только благодаря знакомству с ее создателем, Конвеем, который преподавал в Принстоне.

Лэнгдон снова прислушался к хору. *Что-то знакомое. Может, ренессансная месса?*

— Роберт, — сказала вдруг Амбра. — Посмотрите.

Точки и кластеры на экране задвигались в другом направлении, все быстрее и быстрее, словно кто-то включил обратную перемотку.

---

[111] Сноски: 111

Клеточный автомат — дискретная модель, изучаемая в математике, теории вычислимости, физике, теоретической биологии и микромеханике.

Структуры устремились в прошлое. Количество точек постоянно уменьшалось, клетки не делились, а схлопывались, структуры упрощались, пока наконец не осталось совсем мало клеток, и они продолжали уполовиниваться — восемь, потом — четыре, потом — две, потом…

Одна.

Единственная клетка мерцала посередине экрана.

По спине у Лэнгдона пробежал холодок. *Происхождение жизни.*

Последняя точка погасла. Осталась пустота. Чистый белый экран.

Игра «Жизнь» закончилась. На экране начал проявляться текст, он становился все отчетливее, и наконец они смогли его прочесть.

```
Даже если вы допускаете первопричину, все равно
остается вопрос: откуда она и как возникла.
```

— Это Дарвин, — прошептал Лэнгдон, узнав знаменитую фразу великого биолога, в которой был заключен тот же вопрос, что задавал Эдмонд Кирш.

— Откуда мы? — воскликнула Амбра, прочитав текст на экране.

— Совершенно верно.

Амбра улыбнулась:

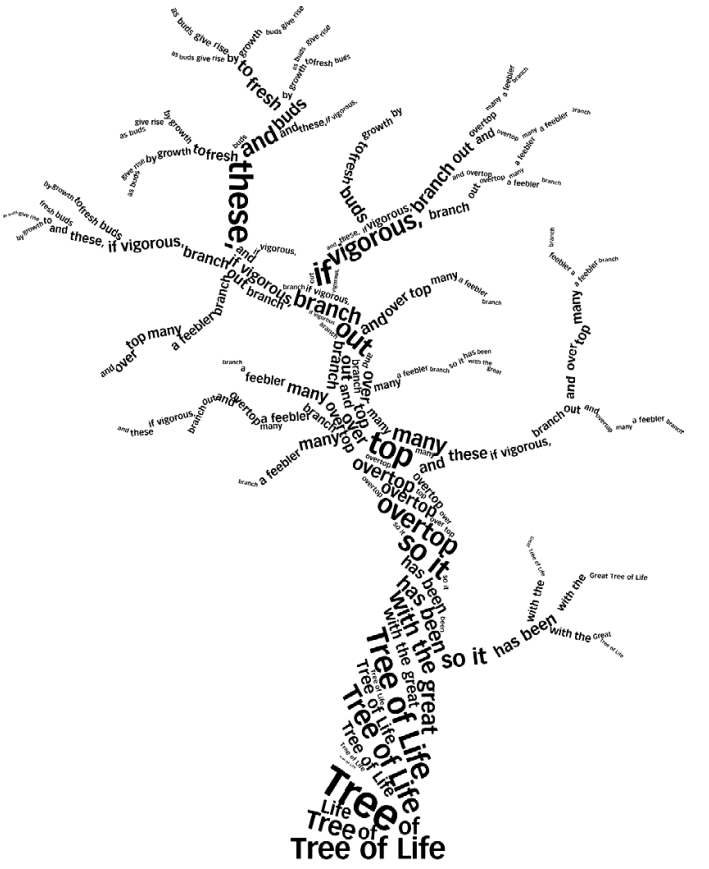
— Может, пойдем и узнаем ответ?

И она направилась к колоннам, за которыми начинался центральный неф церкви.

Внезапно экран ожил, и на нем появился коллаж из слов, которые хаотически комбинировались на экране. Слов становилось все больше, они возникали, изменялись, соединялись во множество фраз.

рост… почки… молодые побеги…

Коллаж ширился, рос и наконец Лэнгдон и Амбра увидели, как из слов образовалось дерево.


Tree of Life
Tree of Life
Tree of Life

[112]

Что это значит?

Они смотрели на дерево, а голоса а капелла пели все громче. Лэнгдон вдруг понял, что хор поет не по-латыни — по-английски.

— Господи, слова на экране, — сказала Амбра. — Мне кажется, их же и поют.

— Совершенно верно, — согласился Лэнгдон. На экране появлялось новое словосочетание — и тут же хор выпевал его.

…в результате медленно действующих факторов… а не единичного мистического акта творения…

Лэнгдон смотрел и слушал, чувствуя странный диссонанс слов и музыки: музыка благочестиво религиозна, а текст — прямая противоположность.

…живые существа… выживает сильнейший… слабейший погибает…

Лэнгдон замер.

Вспомнил!

---

[112] Сноски: 112

Почки дают начало новым побегам
почки дают начало
сильные побеги ветвятся и подавляют слабые ветви
слабые погибают
так растет Великое Древо Жизни
Древо Жизни (*англ.*)

Несколько лет назад Эдмонд водил его на представление. Называлось оно «Месса Чарлза Дарвина». Из католической мессы убрали традиционный латинский текст и поместили выдержки из «Происхождения видов» Чарлза Дарвина. Получился удивительный контрапункт одухотворенного пения и жестких научных формулировок.

— Странно, — сказал Лэнгдон. — Мы с Эдмондом когда-то вместе слушали это сочинение, помню, ему очень понравилось. И вот оно звучит здесь — какое странное совпадение.

— Это не совпадение, — услышали они над головой знакомый голос. — Эдмонд учил встречать гостей музыкой, которая и приятна, и дает пищу для размышлений. Чтобы было что обсудить.

Лэнгдон и Амбра, не веря своим ушам, смотрели на динамики под потолком. Жизнерадостный голос говорил с явным британским акцентом.

— Рад, что вы нашли дорогу сюда, — сказал знакомый голос. — Я никак не мог с вами связаться.

— Уинстон! — воскликнул Лэнгдон. Странно, но он испытал огромное облегчение, услышав синтезированный голос компьютера. Они с Амброй наперебой принялись рассказывать, что с ними происходило в последние несколько часов.

— Очень приятно вновь слышать ваши голоса, — сказал Уинстон. — Ну и как: вы нашли то, что искали?

Глава 84

— Уильям Блейк, — сказал Лэнгдон. — «Религий темных больше нет, царит блаженная наука».

Уинстон откликнулся почти мгновенно.

— Заключительная строка поэмы «Четыре Зоа». Неплохой вариант. — Последовала короткая пауза. — Но что касается количества букв…

— Амперсанд, — перебил его Лэнгдон и быстро объяснил фокус Кирша с «&» и «et».

— Это в духе Эдмонда, — прокомментировал синтетический голос и неуклюже хмыкнул.

— Уинстон, — нетерпеливо заговорила Амбра. — Теперь, когда ты знаешь пароль, сможешь запустить презентацию открытия Эдмонда?

— Конечно, смогу, — просто ответил Уинстон. — Только пароль должны ввести вы, вручную. Эдмонд очень серьезно защитил этот проект. У меня нет прямого доступа. Но я проведу вас в лабораторию, и там вы введете пароль. Думаю, на все уйдет не больше десяти минут.

Лэнгдон и Амбра переглянулись. Уинстон говорил с обезоруживающей простотой. Они столько пережили сегодня, и вот — победа близка. Но все

как-то прозаично, буднично, без фанфар.

— Роберт, — прошептала Амбра и коснулась его плеча. — Вы справились. Спасибо.

— Мы справились, — улыбнулся он в ответ.

— Извините, что перебиваю, — сказал Уинстон. — Но вам следует немедленно переместиться в лабораторию Эдмонда. Вы слишком бросаетесь в глаза в фойе, а в Сети уже появились сообщения, что вы находитесь в этом районе.

Неудивительно, подумал Лэнгдон. Посадка военного вертолета в городском парке вряд ли могла остаться незамеченной.

— Веди нас, — сказала Амбра.

— Прямо между колонн, — скомандовал Уинстон.

Музыка смолкла, плазменный экран погас, и на входной двери с шумом автоматически задвинулись мощные запоры.

Эдмонд превратил это здание в неприступную крепость, подумал Лэнгдон. Он посмотрел в узкое вертикальное окошко: парк пуст, никого. *По крайней мере пока никого.*

Вслед за Амброй он двинулся на мерцающий в конце фойе огонек, обозначающий проход между колоннами. Потом они оказались в длинном коридоре. В дальнем конце тоже горели огоньки,

указывающие путь.

Лэнгдон и Амбра шли по коридору, а Уинстон говорил:

— Думаю, для максимального эффекта нам следует уже сейчас сделать заявление для прессы: презентация открытия покойного Эдмонда Кирша ожидается с минуты на минуту. И еще надо дать время СМИ подготовить публику. Это резко увеличит количество зрителей.

— Отличная мысль. — Амбра ускорила шаг. — Но сколько времени это займет? Не хотелось бы сильно затягивать.

— Семнадцать минут, — ответил Уинстон. — Как раз время новостей в начале часа; у нас — в три ночи, в Америке — прайм-тайм.

— Отлично, — кивнула она.

— Договорились, — констатировал Уинстон. — Пресс-релиз я рассылаю немедленно, а начало трансляции назначаем через семнадцать минут.

Лэнгдон с трудом поспевал следить за планами Уинстона.

Амбра быстро шла по коридору.

— Сколько сотрудников сейчас здесь дежурят? — спросила она.

— Нисколько, — ответил Уинстон. — Эдмонд был помешан на безопасности. Тут вообще нет

никаких сотрудников. Я сам управляю компьютерными сетями, освещением, отоплением и системами безопасности. Эдмонд шутил, что в эпоху «умных домов» он создал первую «умную церковь».

Лэнгдон вполуха слушал разглагольствования Уинстона. Внезапно нахлынули сомнения. Он задумался над тем, что они собираются сделать:

— Уинстон, а ты уверен, что надо именно сейчас обнародовать открытие Эдмонда?

Амбра остановилась и удивленно посмотрела на него.

— Конечно, надо, Роберт! Для этого мы и стремились сюда! Весь мир ждет! Мы же не знаем, может, еще кто-нибудь постарается остановить нас! Надо срочно обнародовать открытие — пока не поздно!

— Согласен, — сказал Уинстон. — Сейчас к нам приковано все внимание аудитории. СМИ передают терабайты информации, открытие Эдмонда Кирша — топ-новость десятилетия. Что, впрочем, неудивительно, если учесть, что за последние десять лет наблюдался экспоненциальный рост интернет-пользователей.

— Роберт? — Амбра встревоженно смотрела на него. — В чем дело?

Лэнгдон молчал, сам не до конца понимая, чем вызваны его сомнения.

— Я думаю, как бы сейчас поступил Эдмонд, — неуверенно сказал он. — Сегодняшние события — убийства, похищение, какие-то грязные интриги — все это отвлечет внимание от сути его открытия.

— Ошибочное рассуждение, профессор, — прервал его Уинстон. — Вы не учли очевидный факт: именно конспирологические теории подогрели интерес публики. Презентацию Эдмонда из музея смотрели три миллиона восемьсот тысяч человек. А теперь, после событий последних часов, я оцениваю нашу аудиторию в двести миллионов. Это те, кто следит за новостями в Интернете, по телевизору и по радио.

Число показалось Лэнгдону космическим, но он тут же вспомнил, что последний финал чемпионата мира по футболу смотрели в прямом эфире более двухсот миллионов зрителей. И пятьсот миллионов смотрели первую высадку человека на Луну, полвека назад, когда еще не изобрели Интернет, и телевидение было не так распространено, как сегодня.

— Это не академический диспут, профессор, — сказал Уинстон. — Современный мир — реалити-

шоу. По иронии судьбы те, кто хотел похоронить открытие Эдмонда, достигли прямо противоположных результатов. У Эдмонда сейчас самая большая аудитория, какая только могла быть у ученого за всю историю человечества. Это напоминает мне случай с вашей книгой «Христианство и священная женственность», которую осудил Ватикан. На следующий день книга стала бестселлером.

Почти бестселлером, мысленно уточнил Лэнгдон. Но с тем, что говорил Уинстон, было трудно спорить.

— Максимальная аудитория — вот цель, которую ставил перед собой Эдмонд, — провозгласил Уинстон.

— Он прав. — Амбра посмотрела на Лэнгдона. — Когда мы обсуждали детали презентации в музее Гуггенхайма, Эдмонд постоянно подчеркивал: надо привлечь максимальное количество зрителей.

— Как я уже говорил, — заявил Уинстон, — к нам приковано внимание всей планеты. Сейчас — самый лучший момент для трансляции.

— Понятно, — согласился Лэнгдон. — Говори, что делать.

Они пошли дальше по коридору и вдруг на-

ткнулись на неожиданное препятствие: на пути стояла лестница, словно кто-то собрался красить стены. Обойти ее было невозможно — либо отодвигать, либо идти под ней.

— Лестница, — сказал Лэнгдон. — Можно я ее отодвину?

— Нет, — ответил Уинстон. — Эдмонд специально поставил ее здесь.

— Зачем? — удивилась Амбра.

— Эдмонд отвергал любые предрассудки. И каждый день проходил под лестницей — всем богам назло. Больше того, любого посетителя или сотрудника, который отказывался пройти под лестницей — немедленно выдворяли вон.

По-своему, разумно, улыбнулся Лэнгдон. Он вспомнил, как Эдмонд однажды публично отчитал его за привычку «стучать по дереву». *Роберт, ты же не темный друид, который вызывает духов, обитающих в деревьях. Оставь этот детский предрассудок. Он давно принадлежит прошлому!*

Амбра наклонилась и прошла под лестницей. Чуть помедлив, Лэнгдон последовал ее примеру.

Они достигли конца коридора, повернули за угол и оказались перед большой бронированной дверью с двумя камерами слежения и биометрическим сканером.

На двери висела табличка с надписью от руки: комната № 13.

Лэнгдон посмотрел на несчастливый номер. *Опять — всем богам назло.*

— Это вход в лабораторию, — сказал Уинстон. — Кроме техников, которые ее оборудовали, сюда почти никто из посторонних не входил.

Что-то громко зажужжало. Амбра, не теряя времени, потянула за ручку и открыла дверь. Шагнув за порог, она замерла и, прижав ладонь к губам, вскрикнула от удивления. Лэнгдон заглянул внутрь и понял, что ее поразило.

Посреди главного нефа церкви стоял огромный прозрачный ящик. Такого Лэнгдон еще не видел. Он занимал почти все пространство и поднимался до самого потолка церкви.

Сам ящик был разделен на два уровня.

На нижнем этаже сотни металлических шкафов размером с холодильник выстроились рядами, словно церковные скамьи перед алтарем. Шкафы без дверей, все внутренности на виду. Сумасшедшее переплетение ярко-красных проводов, выгибающихся дугами от контактных колодок к полу, где они соединялись в толстые, похожие на канаты, жгуты, которые тянулись между шкафами. Все это напоминало гигантскую

кровеносную систему.

Упорядоченный хаос, подумал Лэнгдон.

— На первом этаже, — сообщил Уинстон, — вы видите знаменитый суперкомпьютер «МареНострум» — сорок восемь тысяч девяносто шесть процессоров Intel, объединенных с помощью высокоскоростной коммутируемой сети InfiniBand FDR 10: одна из самых быстрых машин в мире. «МареНострум» уже здесь был, когда появился Кирш. Но Эдмонд не стал его демонтировать, он объединил его… с тем, что на втором этаже.

Тут только Лэнгдон заметил, что все «канаты» проводов сходятся в центре в один толстый ствол-лиану, которая вертикально поднимается к прозрачному «потолку» первого этажа.

Через толстые прозрачные стены и «потолок» Лэнгдон мог разглядеть, что творится на втором этаже. Совершенно иная картина. В центре на высокой платформе помещался серо-голубой металлический куб — три на три метра. Никаких проводов и мигающих лампочек. Вообще ничего, что могло бы напоминать суперкомпьютер, о котором сейчас рассказывал Уинстон на понятном только ему языке.

— …вместо бинарных ячеек — кубиты… суперпозиции состояний… квантовый алгоритм…

запутанные квантовые состояния и туннельный эффект…

Лэнгдон теперь понял, почему они с Эдмондом всегда говорили только об искусстве.

— …и как результат — квадриллионы плавающих операций в секунду, — заключил Уинстон. — Обратите внимание, в результате объединения двух машин получился самый мощный суперкомпьютер в мире.

— Бог ты мой, — прошептала Амбра.

— Не совсем так, — поправил ее Уинстон. — Это Бог *Эдмонда*.

Глава 85

ConspiracyNet.com

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

ОТКРЫТИЕ КИРША В ЭФИРЕ ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МИНУТ!

Да, это происходит на самом деле!

Только что в «лагере» Эдмонда Кирша подтвердили: величайшее научное открытие, которое не было обнародовано в связи с убийством футуролога, будет озвучено в прямом эфире в самое ближайшее время (3 часа ночи по местному времени в Барселоне).

Число зрителей стремительно растет. Количество тех, кто следит за событиями онлайн, беспрецедентно.

Также сообщается, что Роберт Лэнгдон и Амбра Видаль были замечены на территории часовни Торре Хирона, там, где находится Суперкомпьютерный центр

Барселоны и где, по некоторым данным, последние несколько лет работал Эдмонд Кирш. Будет ли презентация открытия транслироваться в режиме реального времени именно оттуда?

Этого ConspiracyNet пока не может подтвердить.

Оставайтесь с нами, очень скоро – презентация открытия Кирша здесь, в прямом эфире на ConspiracyNet.com.

Глава 86

Принц Хулиан вошел в железную дверь с тяжелым сердцем: на мгновение показалось, что ему уже никогда отсюда не выбраться.

Долина Павших. Что я здесь делаю?

Перед ним открылся сумрачный холодный холл, слабо освещенный двумя электрическими факелами. Отчетливо ощущался запах пропитанного влагой камня.

У входа стоял человек в форме, и связка ключей позвякивала в его дрожащих руках. Хулиана совершенно не удивило, что сотрудник фонда Патримонио Насьональ[113] встревожен — ведь прямо позади него в темноте выстроились в ряд с полдюжины агентов Королевской гвардии. *Да, мой отец здесь.* Наверняка несчастного офицера подняли с постели среди ночи, чтобы он отворил двери священной горы Франко для короля.

Один из агентов гвардии быстро шагнул вперед:

— Принц Хулиан, епископ Вальдеспино. Мы

---

[113] Сноски: 113

Фонд национального наследия, который распоряжается всем недвижимым имуществом короля Испании.

ждали вас. Сюда, пожалуйста. — Он проводил Хулиана и епископа к массивным кованым воротам с изображением свирепого двуглавого орла, зловещего франкистского символа с характерными для нацистской иконографии чертами.

— Его величество ожидает вас в конце коридора. — Агент указал на ворота, которые были наполовину отворены.

Принц и епископ обменялись неуверенными взглядами и вошли в ворота. По обеим их сторонам возвышались жутковатого вида металлические статуи — два ангела смерти, сжимающие мечи в форме крестов.

Опять эта франкистская воинственно-религиозная символика, думал Хулиан, шагая вместе с Вальдеспино по тоннелю, ведущему вглубь горы.

Путь предстоял неблизкий.

Коридор, простирающийся перед ними, отличался почти таким же роскошным убранством, как бальный зал Королевского дворца Мадрида. Тщательно отполированный черный мрамор пола, высокий потолок с кессонами — и все это великолепие освещают бесчисленные настенные светильники, сделанные в форме факелов. Впрочем, этой ночью свет в тоннеле горел особенно ярко. Сотни огненных чаш с пылающим в них

пламенем, расставленные на полу, напоминали огни взлетной полосы. Их свет, как оранжевая лава, заливал все окружающее пространство. По традиции, огонь в чашах зажигали лишь во время самых больших торжеств. Очевидно, ночной приезд короля Испании следовало расценивать именно так.

Мятущиеся огни, отраженные мрамором пола, бесконечный исчезающий вдали коридор — все это создавало какую-то сказочную атмосферу. Хулиан кожей ощутил присутствие несчастных бесплотных душ, призрачных рабов, которые вручную пробивали этот тоннель в скале; он видел кирки и лопаты, с которыми они не расставались долгие годы. Заточенные в холодной каменной пещере, голодные, замерзшие… многие из них так никогда и не увидели солнечный свет. И все во славу Франко, чья усыпальница скрыта глубоко во чреве горы.

Смотри внимательно, сын, сказал отец ему давным-давно. *Однажды ты все это уничтожишь.*

Хулиан прекрасно понимал: даже став королем, он вряд ли решится разрушить этот монументальный комплекс. Но его удивляло, что народ Испании все-таки принял решение сохранить Долину Павших — несмотря на то что страна

стремится оставить позади темное прошлое и вступить в новую эру. Хотя, конечно, есть и те, кто тоскует по старым временам, их не сбросишь со счетов. Каждый год в день смерти Франко сотни его стареющих последователей приходят сюда, чтобы отдать дань почтения своему кумиру.

— Дон Хулиан, — проговорил епископ тихо, так, чтобы никто, кроме принца, не расслышал. — Вы не знаете, почему ваш отец назначил нам встречу именно здесь?

Хулиан покачал головой:

— Я думал, вы знаете.

Вальдеспино вздохнул, глубоко и тяжко.

— Не имею ни малейшего представления.

Если епископу не ясны мотивы действий отца, подумал Хулиан, *значит, они не ясны никому.*

— Я только надеюсь, что с ним все в порядке. — В голосе Вальдеспино внезапно прозвучали нотки нежности. — Некоторые его недавние решения…

— Вы имеете в виду решение провести встречу в этой горе в то время, как он должен лежать в больничной постели?

— Да. Например, это. — И Вальдеспино слабо улыбнулся.

Хулиан не мог понять, почему агенты гвар-

дии не вмешались. *Как они допустили такое? Поднять умирающего с кровати и привезти в зловещее место!* Но служба есть служба: Королевская гвардия обучена беспрекословно выполнять приказы, особенно если их отдает главнокомандующий.

— Годы прошли с тех пор, как я молился здесь в последний раз. — Вальдеспино бросил взгляд на залитый светом коридор.

Хулиан знал, что это не просто тоннель, ведущий вглубь горы, — это еще и неф официально освященного католического храма. Вдалеке уже виднелись ряды скамей.

La basílica secreta[114], так называл Хулиан этот храм в детстве. В конце тоннеля в гранитной скале выдолблено святилище, покрытое позолотой, но все же напоминающее глухую пещеру. Удивительная подземная базилика с массивным куполом. Говорили, что по площади этот храм, скрытый в горных недрах, больше, чем собор Святого Петра в Риме. Шесть часовен окружают высокий алтарь, поставленный точно под крестом на вершине горы.

В поисках отца Хулиан обошел все огромное

---

[114] Сноски: 114
Тайная базилика (*исп.*).

помещение главного нефа. Базилика казалась совершенно пустой.

— Где же он? — тревожился епископ.

Хулиан разделял обеспокоенность Вальдеспино. Его страшила мысль о том, что агенты гвардии оставили больного короля в полном одиночестве в этом Богом забытом месте. Принц быстро прошел вперед, заглянул в правую часть поперечного нефа, затем в левую. Никого.

Почти бегом он двинулся дальше, обогнул алтарь и оказался в апсиде[115].

Именно здесь, в самом сердце горы, Хулиан наконец увидел отца. И остановился, не в силах двинуться с места.

Закутанный в толстые одеяла, король Испании сидел в кресле-каталке. Совершенно один.

---

[115] Сноски: 115

Апсида — полукруглая ниша со сводом у алтаря, находящаяся под отдельной крышей на восточной стороне церквей романского стиля.

Глава 87

Лэнгдон и Амбра, следуя указаниям Уинстона, шли вдоль периметра двухэтажного суперкомпьютера, занимавшего почти полностью главный неф храма. Из-за толстых стекол до них доносился низкий гул работающей машины. Лэнгдону казалось, что они идут вокруг загона с огромным зверем.

Шум, как сообщил Уинстон, производила не электронная начинка, а бесчисленные вентиляторы системы охлаждения, сберегающие машину от перегрева.

— Тут слишком шумно, — сказал Уинстон. — И прохладно. К счастью, кабинет Эдмонда на втором этаже.

Впереди они увидели винтовую лестницу, прикрепленную к стеклянной стене. Ведомые Уинстоном, Лэнгдон и Амбра поднялись на второй этаж и оказались на металлической платформе перед стеклянной вращающейся дверью.

Лэнгдон с усмешкой отметил, что футуристический вход в кабинет Эдмонда был оформлен как крыльцо загородного дома — коврик перед две-

рью, искусственное деревце в горшке, небольшая скамеечка, под которой стояли домашние тапочки, судя по всему, принадлежавшие Эдмонду.

Над дверью висело изречение в рамочке:

> *Успех – это способность преодолевать неудачи одну за другой, не теряя оптимизма.*
>
> ***– Уинстон Черчилль***

— Опять Черчилль. — Лэнгдон указал на рамку.

— Любимая цитата Эдмонда, — пояснил Уинстон. — Он считал, что в ней говорится о самом главном достоинстве компьютеров.

— Компьютеров? — удивилась Амбра.

— Да, компьютеры бесконечно терпеливы. Я, например, могу миллиард раз потерпеть неудачу и не впасть в отчаяние. Миллиардную попытку решить задачу я предпринимаю с той же энергией, что и первую. Люди на такое не способны.

— Это точно, — согласился Лэнгдон. — Я обычно сдаюсь после миллионной попытки.

Амбра улыбнулась и подошла к двери.

— Пол внутри стеклянный, — предупредил Уинстон, когда вращающаяся дверь автоматически пришла в движение. — Поэтому снимите

обувь, пожалуйста.

Амбра быстро сбросила туфли и босиком прошла внутрь. Лэнгдон, снимая ботинки, обратил внимание на странную надпись на коврике:

> В гостях хорошо, а на 127.0.0.1[116] – лучше.

— Уинстон, надпись на коврике. Я не пони…

— Локальный хост, — ответил Уинстон.

Лэнгдон снова прочел надпись.

— Понятно, — сказал он, и прошел через вращающуюся дверь. Но на самом деле он ничего не понял.

С опаской шагнул он на стеклянный пол. Оказаться в носках на прозрачной поверхности на высоте в несколько метров само по себе не очень приятно. И уж совсем страшно — висеть над компьютером «МареНострум». Сверху бесконечные ряды его шкафов напоминали знаменитую терракотовую армию китайского императора Цинь Шихуанди[117].

---

[116] Сноски: 116

IP-адрес «домашнего хоста», «этого компьютера».

[117] Сноски: 117

Цинь Шихуанди (наст. имя Ин Чжэн; 259–210 до н. э.) — правитель царства Цинь (246–221 до н. э.), император Китая (221–210 до н. э.), основатель династии Цинь.

Лэнгдон сделал глубокий вдох и огляделся.

Лаборатория Эдмонда — огромное прямоугольное помещение с прозрачными стенами, полом и потолком. В центре — серо-голубой металлический куб с зеркально гладкими стенками. Справа от куба, в дальнем углу — ультрамодное рабочее место с полукруглым столом, тремя огромными ЖК-экранами и целой россыпью клавиатур на гранитной столешнице.

— Командный пункт, — прошептала Амбра.

Лэнгдон согласно кивнул и посмотрел в противоположный угол. Там стояли кресла, кушетка и велотренажер, на полу лежал персидский ковер.

Холостяцкая берлога айтишника, подумал Лэнгдон. Судя по всему, Эдмонд практически жил в этом стеклянном доме, пока работал над своим открытием. *Что же он все-таки открыл?* Недавние сомнения отошли на второй план, и теперь Лэнгдона обуревало любопытство — не терпелось узнать, что за тайна была здесь открыта, какие загадки удалось разгадать гениальному человеку при помощи мощнейшей машины.

Амбра с удивлением разглядывала блестящую серо-голубую поверхность трехметрового куба. Подошел Лэнгдон, и на какое-то время они застыли, отражаясь в металлическом зеркале.

И это — компьютер? — подумал Лэнгдон. Он совсем не похож на тот, что внизу. Тихий, безжизненный, огромный металлический блок.

Голубоватый оттенок напомнил Лэнгдону суперкомпьютер девяностых годов двадцатого века «Дип Блю»[118], который в свое время поразил весь мир, обыграв чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова. С тех пор достижения в области компьютерных технологий находятся почти уже за пределами понимания.

— Хотите посмотреть, что внутри? — заговорил Уинстон из верхних динамиков.

Амбра вздрогнула от неожиданности и невольно посмотрела наверх.

— Внутри куба?

— Почему бы и нет, — сказал Уинстон. — Эдмонд с удовольствием показал бы вам его устройство.

— Может, потом, — сказала Амбра и повернулась в сторону рабочего стола Эдмонда. — Не пора ли вводить пароль? Как это делается?

— Это займет всего несколько секунд. А у нас целых двенадцать минут до начала трансляции. Лучше посмотрите, как компьютер устроен.

Боковая панель куба, обращенная к столу Эд-

---

[118] Сноски: 118
Deep Blue, *букв.* темно-синий (*англ.*).

монда, медленно сдвинулась в сторону, открыв толстую прозрачную стену. Лэнгдон и Амбра обошли куб и приникли к прозрачной поверхности, пытаясь разглядеть, что находится за ней.

Лэнгдон ожидал увидеть сплетение проводов и мигающие огоньки. Но там вообще ничего не было. Темнота и пустота, небольшая необитаемая комната, в которой клубился легкий белый туман, как в большой холодильной камере. От толстой плексигласовой панели веяло холодом.

— Но там ничего нет! — воскликнула Амбра.

Лэнгдон тоже ничего не видел, но при этом чувствовал какие-то едва уловимые пульсации, исходящие от куба.

— Это пульсации хладагента в трубках системы охлаждения, — пояснил Уинстон. — Похоже на то, как бьется человеческое сердце.

Действительно похоже, мысленно согласился Лэнгдон. Ему не очень понравилось это сравнение.

Внутри куба медленно начало нарастать красное сияние. Вначале был виден только белый туман и пустой пол — квадрат три на три метра. Свет становился ярче, что-то замерцало над полом, и вскоре Лэнгдон различил странный металлический цилиндр, свисавший с потолка,

как сталактит.

— Это то, что охлаждается в кубе, — сказал Уинстон.

Подвешенный к потолку цилиндр длиной около полутора метров состоял из семи колец, размеры которых увеличивались сверху вниз, как в детской игрушке. В результате получалась сужающаяся кверху колонна, набранная из дисков, прикрепленных к вертикальному стержню. Промежутки между блестящими металлическими дисками были заполнены плотным переплетением тоненьких проводков. И вокруг клубился ледяной туман.

— «E-Wave», — провозгласил Уинстон. — Извините за высокопарность, но это квантовый скачок в сравнении с «D-Wave», совместной разработкой «Гугла» и НАСА.

Уинстон в нескольких словах объяснил, что «D-Wave» — это первый в мире простейший квантовый компьютер, он открыл новую эру вычислительной техники, основанной на принципах, которые до сих пор не до конца поняты учеными. В квантовых компьютерах вместо обычного бинарного способа представления информации используются квантовые состояния субатомных частиц, что приводит к экспоненци-

альному росту скорости, мощности и гибкости вычислений.

— Квантовый компьютер *Эдмонда*, — продолжал Уинстон, — принципиально ничем не отличается от «D-Wave». Единственное отличие — металлический куб, в который заключен компьютер. На его гранях напыление из осмия — это редкий сверхплотный металл, обеспечивающий уникальную магнитную и термическую защиту. И потом, осмий красиво выглядит. Думаю, это тоже сыграло немаловажную роль, учитывая пристрастие Эдмонда к внешним эффектам.

Лэнгдон улыбнулся, ведь Уинстон прочел его мысли.

— Последние несколько лет, — продолжал Уинстон, — лаборатория искусственного интеллекта «Гугла» усиленно работала над интенсификацией «обучения» машин с помощью компьютеров типа «D-Wave». Но Эдмонд со своим компьютером обошел всех, совершив гигантский скачок, в основе которого одна простая и гениальная идея. — Уинстон выдержал драматическую паузу. — Бикамерализм.

Лэнгдон в недоумении нахмурился. *Двухпалатность? Причем здесь двухпалатный парламент?*

— Две камеры человеческого мозга, — пояснил

Уинстон. — Левое и правое полушария.

Бикамеральный, двухкамерный склад ума, вспомнил Лэнгдон. Одно из свойств человека, которое обеспечило ему такой прогресс: два полушария мозга, работающие по-разному. Левое — аналитическое и вербальное, правое отвечает за «образное мышление» и предпочитает словам «картинки».

— Суть в том, — объяснял Уинстон, — что Эдмонд решил построить искусственный мозг по образцу человеческого. Разделил его на два полушария — правое и левое. Хотя в данном случае уместнее говорить о нижнем и верхнем.

Лэнгдон отступил на шаг и посмотрел под ноги через прозрачный пол на нагромождение шкафов и проводов. Потом снова перевел взгляд на одинокий «сталактит» внутри беззвучного куба. Две машины, объединенные в одно целое — двухкамерный разум.

— Работая в единой системе, машины используют различные подходы в решении стоящей перед ними задачи, они испытывают те же конфликты, идут на те же компромиссы, что и полушария человеческого мозга. Это резко повышает самообучаемость искусственного интеллекта. Повышает его креативность и… *человечность*.

Эдмонд поощрял меня к этому: я изучал окружающий мир и пытался моделировать человеческие качества — юмор, умение работать в команде, ценить чужое мнение и даже руководствоваться в своих действиях моралью.

Невероятно, подумал Лэнгдон.

— Уинстон, так этот сдвоенный компьютер, собственно и есть… ты?

Уинстон рассмеялся.

— Этот компьютер не более *я*, чем ваш мозг — *вы*. Предположим, вы смогли бы увидеть ваш мозг. Разве вы сказали бы — «этот объект и есть я»? Мы с вами совокупность взаимодействий, происходящих внутри механизма, а не сам механизм.

— Уинстон, — перебила его Амбра и поглядела в сторону стола Эдмонда. — Сколько осталось до начала трансляции?

— Пять минут сорок три секунды, — ответил Уинстон. — Думаете, пора?

— Да, пора, — кивнула она.

Металлическая стенка куба медленно задвинулась. Лэнгдон и Амбра подошли к рабочему столу Эдмонда.

— Уинстон, — спросила Амбра. — Ты все это время помогал в работе Эдмонду. Ты же должен

приблизительно представлять, в чем суть его открытия.

— Поймите, мисс Видаль. Информация внутри меня жестко структурирована. И я знаю не больше вашего.

— Но как ты думаешь, что бы это могло быть? — спросила Амбра, оглядываясь по сторонам.

— Эдмонд утверждал, что это «изменит все». Насколько мне известно, открытия, меняющие картину мира, как правило, связаны с пересмотром существующей модели Вселенной. Опровержение Пифагором представления о «плоской земле», гелиоцентризм Коперника, дарвиновская теория эволюции, теория относительности Эйнштейна — все эти открытия изменили взгляд человечества на окружающую действительность и создали современную картину мира.

Лэнгдон посмотрел на динамики над головой.

— То есть ты предполагаешь, что Эдмонд открыл что-то такое, что меняет картину мира.

— Я просто рассуждаю логически. — Уинстон заговорил быстрее. — «МареНострум» — один из лучших «моделирующих» компьютеров на земле. Он способен создать виртуальные модели самых сложных систем. Например, его знаменитый проект «Alya Red» — «работающее» виртуальное

человеческое сердце, просчитанное до клеточного уровня. Очевидно, добавленная квантовая компонента увеличила его возможности в миллионы раз, и он способен смоделировать что-то более сложное, чем человеческие органы.

Лэнгдон понимал ход рассуждений Уинстона. Но никак не мог представить, что же нужно смоделировать, чтобы ответить на вопросы: *Откуда мы? Что нас ждет?*

— Уинстон? Как это все включается? — Амбра уже стояла у стола Эдмонда.

— Сейчас помогу, — ответил Уинстон.

Три огромных монитора ожили. Лэнгдон тоже подошел к столу, и то, что он увидел на экранах, ему очень не понравилось.

— Уинстон, это происходит *сейчас*? — спросила Амбра.

— Да, это трансляция с внешних камер слежения. Я подумал, вам следует быть в курсе. Они появились несколько секунд назад.

На мониторах было выведено изображение с камеры «рыбий глаз» у главного входа в церковь. Там стояла небольшая армия полицейских. Один нажимал кнопку переговорного устройства, другие дергали дверь и разговаривали по рациям.

— Не беспокойтесь, — успокоил Уинстон, — они

не смогут войти. А у нас еще больше четырех минут до начала.

— Надо срочно запускать трансляцию, — взволнованно сказала Амбра.

— Я думаю, — спокойно ответил Уинстон, — Эдмонд предпочел бы, чтобы мы начали точно в заявленное время. Он был человеком слова. И к тому же я слежу за нашей аудиторией — она все еще растет. Учитывая текущую скорость, за оставшиеся минуты аудитория увеличится на 12,7 процента. И, по моим оценкам, достигнет максимума. — Уинстон выдержал паузу и с нотками приятного удивления в голосе продолжил: — Вопреки всем помехам, похоже, презентация Эдмонда будет показана в самый удачный момент. Думаю, он был бы очень благодарен вам.

Глава 88

Всего четыре минуты, подумал Лэнгдон. Он сидел в рабочем кресле Эдмонда перед тремя огромными ЖК-мониторами, которые казались главными объектами в этой части лаборатории. На экраны по-прежнему выводилось изображение с камер слежения. Полицейские у входа в церковь все прибывали.

— Ты уверен, что они не смогут войти? — забеспокоилась Амбра, стоящая у Лэнгдона за спиной.

— Верьте мне, — спокойно ответил Уинстон. — Эдмонд очень серьезно относился к безопасности.

— А если они отключат электричество? — спросил Лэнгдон.

— Автономные источники питания, — бесстрастно сообщил Уинстон. — Подземные емкости для топлива. Нам никто не сможет помешать. Все под контролем.

Лэнгдон был склонен этому верить. *Сегодня Уинстон ни разу не прокололся…Он постоянно прикрывал нас.*

На большом подковообразном столе прямо пе-

ред Лэнгдоном находилась клавиатура странного вида. Кнопок у нее было по меньшей мере вдвое больше, чем у обычной — кроме привычных букв и цифр, присутствовали какие-то непонятные символы, многие из которых Лэнгдон видел впервые в жизни. Клавиатура разделялась на две половины, каждую из которых можно было удобно расположить перед собой.

— На что тут нажимать? — спросил Лэнгдон, разглядывая ряды кнопок с незнакомыми символами.

— Это не та клавиатура, — ответил Уинстон. — Это пульт управления «E-Wave». Я же говорил, Эдмонд хранит презентацию открытия в другом месте, куда никому нет доступа, в том числе и мне. Презентация запускается с другой машины. Подвиньтесь направо. До конца стола.

Лэнгдон посмотрел направо, где стояло с полдюжины системных блоков. Он покатился в кресле в ту сторону и с удивлением обнаружил, что компьютеры очень старые, практически «антиквариат». Чем дальше он двигался, тем более древними оказывались компьютеры.

Не может быть, подумал он, докатившись до неуклюжего ящика IBM с операционной системой DOS, устаревшей десятки лет назад.

— Уинстон, что это за рухлядь?

— Это компьютеры, которые были у Эдмонда в детстве, — ответил Уинстон. — Он сохранил их все — чтобы не забывать об истоках. Иногда в трудную минуту он включал их и запускал допотопные программы — хотел вспомнить тот мальчишеский восторг, который испытывал, когда делал первые шаги в программировании.

— Я понимаю его, — сказал Лэнгдон.

— Да, это как ваши часы с Микки-Маусом.

От неожиданности Лэнгдон вздрогнул и невольно, отогнув край рукава, посмотрел на часы, подаренные ему в детстве. Откуда мог знать о них Уинстон? Но тут же вспомнил: недавно он рассказывал Эдмонду, почему носит эти часы — чтобы помнить о том, что когда-то тоже был юным.

— Роберт, — сказала Амбра, — может, мы оставим на время ваши пристрастия к стильным аксессуарам и введем наконец пароль? Даже мышонок на часах машет лапкой, пытаясь привлечь ваше внимание.

Лапка Микки в перчатке действительно уже поднялась над головой и указательный палец приближался к цифре 12. *Осталось всего три минуты.*

Лэнгдон быстро сдвинулся до самого края

стола, где стоял последний в ряду компьютер — неказистый грязно-серый ящик с щелью для пятидюймовой дискеты, с 1200-бодовым[119] модемом и громоздким двенадцатидюймовым монитором с выпуклым экраном.

— Tandy TRS-80, — пояснил Уинстон. — Первая машина Эдмонда. Он купил ее с рук и на ней самостоятельно выучил BASIC[120]. Ему тогда было восемь лет.

Лэнгдон с удовлетворением заметил, что компьютерный динозавр включен и ждет команды. На мониторе — мерцающем, черно-белом — уже светилась надпись растровым «точечным» шрифтом:

```
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ЭДМОНД.

ПОЖАЛУЙСТА, ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ:
```

После слова «пароль» призывно мигал черный вертикальный прямоугольничек курсора.

— И что — вводить? — спросил Лэнгдон. Как-то все слишком просто. — Прямо *сюда*?

---

[119] Сноски: 119

Бод — единица измерения символьной скорости, количество изменений информационного параметра несущего периодического сигнала в секунду.

[120] Сноски: 120

BASIC — один из первых языков программирования.

— Да, — ответил Уинстон. — Вы введете пароль, и этот персональный компьютер разблокирует сегмент на главном компьютере, где хранится презентация открытия. Я получу к ней доступ и смогу запустить в эфир и по всему Интернету в точно назначенное время.

Казалось бы, ничего сложного, но Лэнгдон все же с недоверием смотрел на старенький компьютер и телефонный модем.

— Все-таки я не понимаю, Уинстон. Эдмонд так тщательно готовил сегодняшнее событие. Неужели он мог доверить это все доисторическому модему на телефонной линии?

— Могу сказать только одно: Эдмонд есть Эдмонд, — ответил Уинстон. — Он любил драматические эффекты, символические жесты. Думаю, он видел особый шик в том, что его главный труд будет запущен с первого в его жизни компьютера.

Похоже на правду, подумал Лэнгдон. Наверное, Эдмонд именно так и рассуждал.

— К тому же, — добавил Уинстон, — это дополнительная защита в случае непредвиденных обстоятельств. И плюс обычная логика: решать простые задачи простыми средствами. Роль «кнопки пуска» вполне по силам древнему ком-

пьютеру. А что касается безопасности… учитывая черепашью скорость доисторического процессора, чтобы его взломать, хакеру потребуется целая вечность.

— Роберт, — волновалась стоящая за спиной Амбра. Она положила ему руки на плечи и слегка надавила, напоминая, что время не терпит.

— Да-да, извините, начинаю. — Лэнгдон подвинул поближе старинную клавиатуру, и витой, как у телефонных трубок, шнур немного распрямился и натянулся. Примеряясь к пластиковым клавишам, он, казалось, видел перед собой рукописную строку, которую они с Амброй нашли в крипте собора Саграда Фамилия.

Религий темных больше нет, царит блаженная наука.

Заключительный аккорд поэмы Уильяма Блейка «Четыре Зоа» — прекрасный выбор для начала презентации открытия Эдмонда, которое изменит мир.

Лэнгдон набрал побольше воздуха в легкие и аккуратно напечатал поэтическую строку без пробелов, заменив амперсанд «&» на «et».

И стал ждать, неотрывно глядя на черно-белый экран.

ПОЖАЛУЙСТА, ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ:

.....

Лэнгдон внимательно посчитал точки — сорок семь.

Все верно. Но ничего не происходит.

Вдруг компьютер противно загудел, и на мониторе появился текст:

ПАРОЛЬ НЕВЕРНЫЙ.

ПОПРОБУЙТЕ ЕЩЕ РАЗ.

Сердце Лэнгдона учащенно забилось.

— Амбра, я все набрал точно. Я абсолютно уверен. — Он повернулся в кресле и с отчаянием посмотрел на нее, ожидая увидеть и на ее лице страх и беспокойство.

Но Амбра Видаль беззаботно улыбалась. Потом покачала головой и рассмеялась.

– *Профессор*, — прошептала она и кивнула на клавиатуру. — У вас нажата клавиша Caps Lock.

В этот самый момент глубоко во чреве горы принц Хулиан стоял как вкопанный, пытаясь осмыслить невероятную картину: его отец, король Испании, сидит в кресле-каталке в самом дальнем приделе подземной базилики.

Сидит, не двигаясь.

Охваченный страхом, Хулиан бросился к королю.

— Отец?

Слабеющий монарх медленно открыл глаза, пробуждаясь от сна. Потом улыбнулся с облегчением.

— Спасибо, что пришел, сын, — прошептал он срывающимся голосом.

Хулиан опустился на колени рядом с креслом, благодаря Бога, что отец жив, но переживая, что всего за несколько дней он так сильно сдал.

— Отец, как вы себя чувствуете?

Король пожал плечами.

— Не хуже, чем предполагалось, — неожиданно пошутил он. — А вот как *ты*? Этот день у тебя был… очень насыщенный.

Хулиан понятия не имел, что ответить.

— Что вы здесь делаете, отец?

— Устал от больницы, захотел немного проветриться.

— Понятно, но… почему именно *здес*ь? — Хулиан знал, что отец всегда с неприязнью относился к этой «святыне», прочно связанной в памяти людей с жестокостью и гонениями.

Из-за алтаря, с трудом переводя дыхание, появился Вальдеспино.

— Ваше величество! — воскликнул он. — Ну как же так?

Король улыбнулся старому другу.

— Рад вас видеть, Антонио.

Антонио? Принц Хулиан никогда не слышал, чтобы отец обращался к Вальдеспино по имени. Прилюдно он всегда называл епископа «ваше преосвященство».

Дружеское приветствие, казалось, поразило и епископа.

— Спасибо… вам, — пробормотал он. — Как вы себя чувствуете?

— Просто замечательно. — Король широко улыбнулся. — Со мной два человека, которым я верю больше всех на свете.

Вальдеспино бросил смущенный взгляд на Хулиана и повернулся к королю.

— Ваше величество, я привез вашего сына, как вы и просили. Может быть, оставить вас вдвоем?

— Нет, Антонио. Я хочу сделать признание. И мне нужно, чтобы мой духовник был рядом.

Вальдеспино покачал головой:

— Не думаю, что принцу требуются какие-то объяснения по поводу ваших сегодняшних действий.

— Сегодняшних? — Король рассмеялся. — Нет,

Антонио. Я собираюсь признаться Хулиану в том, что скрывал от него всю жизнь.

Глава 89

ConspiracyNet.com

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

АТАКА НА ЦЕРКОВЬ!

Нет, на этот раз наступление ведет не Эдмонд Кирш, а полиция Испании!

Часовню Торре Хирона в Барселоне в настоящий момент осаждают местные полицейские силы. Внутри находятся Роберт Лэнгдон и Амбра Видаль, которые, по нашим сведениям, близки к успеху и вот-вот явят миру величайшее открытие Эдмонда Кирша. Трансляция начнется через несколько минут.

Отсчет пошел!

Глава 90

Амбра Видаль облегченно вздохнула. После второй попытки Лэнгдона на допотопном экране появился текст:

ПАРОЛЬ ВЕРНЫЙ

Слава Богу, подумала Амбра. Лэнгдон поднялся из кресла и повернулся к ней. Амбра тут же заключила его в объятия. *Эдмонд сказал бы нам спасибо.*

— Две минуты тридцать три секунды, — объявил Уинстон.

Лэнгдон и Амбра в волнении смотрели на большие ЖК-экраны. На центральном шел отсчет времени, так же, как перед презентацией в музее Гуггенхайма.

Прямое включение через 2 минуты 33 секунды
Нас смотрят 227 257 914 зрителей

Больше двухсот миллионов. Амбра с трудом могла представить себе эту цифру. Пока они с

Лэнгдоном летали над Барселоной, похоже, весь мир следил, как развиваются события. Аудитория Эдмонда достигла астрономических масштабов.

На боковые экраны по-прежнему выводилось изображение с камер слежения. Амбра заметила, что поведение полицейских резко изменилось. Один за другим они переставали ломиться в дверь или кричать в рации — доставали смартфоны и приникали к экранам. Двор перед входом в часовню постепенно превращался в живое море бледных, удивленных лиц, озаренных мерцанием мобильных телефонов.

Эдмонд заставил весь мир забросить свои обычные дела, подумала Амбра. Приятно ощущать сопричастность. Презентация, которую ждут миллионы людей в разных уголках земного шара, будет транслироваться именно отсюда, из этого зала с прозрачными стенами. *Интересно, смотрит ли сейчас Хулиан*, подумала вдруг она и тут же выбросила из головы эту мысль.

— Программа вот-вот начнется, — сказал Уинстон. — Думаю, вам будет удобнее смотреть в зоне отдыха Эдмонда. Это в противоположном конце зала.

— Спасибо, Уинстон, — сказал Лэнгдон и вслед за Амброй затопал ногами в носках по стеклян-

ному полу мимо металлического куба в сторону «жилой зоны» лаборатории Эдмонда, туда, где на прозрачном полу стояли изящная мебель, велотренажер и лежал роскошный персидский ковер.

Мягкий ворс после стеклянной гладкости успокаивал и расслаблял. Амбра забралась на диван и поджала под себя ноги. Она искала взглядом телевизор Эдмонда и не находила.

— А как же мы будем смотреть?

Лэнгдон, похоже, не слышал. Он что-то увлеченно рассматривал в дальнем углу комнаты. Но Амбра получила ответ на свой вопрос. Целая стена жилой зоны вдруг осветилась, и на ней появились знакомые слова и цифры:

```
Прямое включение через 1 минуту 39 секунд
Нас смотрят 227 501 123 зрителя
```

Целая стена — экран?

Амбра смотрела на светящийся экран высотой два с половиной метра, а в это время в часовне медленно гас свет. Уинстон делал все, чтобы просмотр великого шоу Эдмонда прошел со всеми удобствами.

* * *

В нескольких шагах от нее Лэнгдон зачарованно смотрел не на стену-экран, а на какой-то маленький предмет, который только что заметил. Предмет этот стоял на высокой изящной подставке, словно музейный экспонат.

Перед Лэнгдоном была обычная пробирка в металлическом контейнере с прозрачным окошечком. Пробирка с мутной коричневатой жидкостью, закупоренная и снабженная биркой. Поначалу Лэнгдон подумал, что это какой-то медицинский препарат, который принимал Эдмонд. Но потом прочел надпись на бирке.

Не может быть, удивился он. *Откуда она здесь?!*

В мире всего несколько таких пробирок, но и среди них эта — «особенная». *Это невероятно, как он ее добыл!* Она стоит целое состояние. *Не меньше, чем картина Гогена в Каса-Мила.*

Лэнгдон склонился над стеклянной трубочкой, которой было семьдесят лет. Бирка потерлась и выцвела. Но две фамилии по-прежнему можно было прочесть: Миллер — Юри.

По спине Лэнгдона пробежал холодок. Он еще раз прочел надпись.

Миллер — Юри.

Господи! Это же — Откуда мы?

Химики Стэнли Миллер и Гарольд Юри в пятидесятые годы двадцатого века проводили знаменитый научный эксперимент, пытаясь ответить на этот вопрос. Опыт провалился, но в свое время о нем говорил весь мир, и он вошел в историю как «эксперимент Миллера — Юри».

Лэнгдон вспомнил, как впервые в старших классах школы на уроке биологии он узнал про этот эксперимент: двое ученых попытались воссоздать процесс зарождения жизни на древней Земле — горячей планете, покрытой безжизненным кипящим океаном, насыщенным разнообразными химическими веществами.

Первичный бульон.

Смешав в колбе вещества, которые предположительно находились в первобытном океане — воду, метан, аммиак, водород и монооксид углерода, — Миллер и Юри вначале нагревали эту смесь. Потом пропускали через нее электрические разряды, имитируя молнии. И наконец охлаждали раствор — так же, как в свое время охлаждался океан на нашей планете.

Цель была простая и дерзкая: зародить жизнь в безжизненной материи. *Осуществить акт Творе-*

ния, подумал Лэнгдон, *исключительно научными средствами*.

Миллер и Юри отбирали часть раствора в пробирки и исследовали их в надежде обнаружить примитивные микроорганизмы, возникшие из взаимодействия химических элементов в насыщенном растворе. Пытались осуществить *абиогенез*. Увы, их попытки вдохнуть «жизнь» в безжизненную материю не увенчались успехом. Остались только мертвые пробирки, которые и поныне хранятся в темных шкафах Калифорнийского университета в Сан-Диего.

До сих пор креационисты любят ссылаться на провал эксперимента Миллера — Юри как на научное доказательство того, что жизнь на Земле не могла зародиться сама по себе, без помощи свыше.

— Тридцать секунд, — провозгласил сверху голос Уинстона.

Лэнгдон вздрогнул, выпрямился и огляделся. Кругом был полумрак. Несколько минут назад Уинстон говорил, что все великие открытия порождают новые «модели» Вселенной. И еще он сказал, что «МареНострум» специально сконструирован для компьютерного моделирования — он создает цифровые модели сложных систем и

наблюдает за их развитием.

Эксперимент Миллера — Юри, подумал Лэнгдон, *это же типичный пример научного моделирования… попытка воспроизвести сложные химические взаимодействия в первичном бульоне.*

— Роберт, — позвала его Амбра из другого конца комнаты. — Уже начинается.

— Иду-иду, — откликнулся он и пошел к дивану. Кажется, он отчасти понял, над чем мог работать Эдмонд.

Лэнгдон вспомнил торжественное вступление презентации Эдмонда, которое слушал на лужайке музея Гуггенхайма.

Сегодня мы первооткрыватели, говорил тогда Эдмонд. *Оставим все позади, устремимся в безграничный океан, где нас ждут новые земли, которых никто никогда не видел. Эра религии подошла к концу. Наступает эра науки. Только представьте, что мы вдруг волшебным образом получили ответы на основополагающие вопросы нашей жизни…*

Лэнгдон сел на диван рядом с Амброй, на огромном экране шел отсчет последних секунд.

Амбра внимательно посмотрела на него:

— Роберт, с вами все в порядке?

Лэнгдон кивнул, и тут же комнату наполнила торжественная музыка. Стену-экран заполнило лицо Эдмонда. Знаменитый футуролог выглядел усталым и изможденным, но при этом широко улыбался прямо в камеру.

— Откуда мы? — спросил он. И голос его креп по мере того, как затихала музыка. — Что нас ждет?

Амбра взглянула на Лэнгдона и взволнованно стиснула его руку.

— Эти два вопроса — две части одной истории, — провозгласил Эдмонд. — Так что начнем с начала. С самого начала.

Эдмонд весело подмигнул и достал из кармана маленький стеклянный предмет — пробирку с мутной жидкостью и полустершейся биркой с фамилиями Миллера и Юри.

У Лэнгдона учащенно забилось сердце.

— Наше путешествие начинается в далеком прошлом…за *четыре миллиарда* лет до рождества Христова… и начнем мы его с так называемого первичного бульона.

Глава 91

Лэнгдон сидел рядом с Амброй на диване и вглядывался в изможденное лицо Эдмонда на прозрачной стеклянной стене. Сердце сжималось от жалости: Эдмонд никому ничего не сказал, он в одиночку боролся со смертельной болезнью. Но сейчас на экране глаза великого футуролога сияли от восторга и упоения.

— Через минуту я расскажу вам, что это за пробирка, — говорил Эдмонд, демонстрируя стеклянную трубочку с мутной жидкостью. — Но прежде давайте окунемся… в первичный бульон.

Лицо Эдмонда исчезло, на экране мощная вспышка молнии озарила бурлящий океан и многочисленные острова с вершинами вулканов, извергающих потоки лавы и пепла.

— Как здесь появилась жизнь? — спросил Эдмонд. — В этом кипящем, насыщенном химическими веществами бульоне? В результате химических реакций? Или микробы попали в него из космоса на метеорите? Или начало жизни дал…Бог? К сожалению, *тогда* нас там не было. Но мы знаем, что было *после*: зародилась жизнь.

И началось ее развитие.

На экране возникла знакомая картина эволюции человека: примитивная обезьяна, человекоподобные существа, которые постепенно распрямлялись и шерсти на них становилось меньше, и наконец — человек.

— Человек появился в результате эволюции, — сказал Эдмонд. — Это установленный научный факт, и мы даже можем проследить этапы эволюции, основываясь на археологических данных. Давайте теперь запустим этот процесс в обратном направлении.

Лицо Эдмонда начало вдруг зарастать волосами и приобретать черты примитивного человека. Форма черепа менялась, все больше напоминая обезьянью. Потом процесс ускорился, картинки замелькали быстрее — все глубже и глубже в прошлое: лемуры, ленивцы, сумчатые, утконосы, двоякодышащие рыбы, уходящие с суши и превращающиеся в угрей, рыб, потом — медузы, планктон, амебы… Наконец осталась всего одна бактерия — одинокая живая клетка в бесконечном океане.

— Первая искра жизни, — сказал Эдмонд. — Вот мы и дошли до нее. На этом в нашем фильме о путешествии в прошлое кончается пленка. Мы

не знаем, как появилась эта первая живая клетка в безжизненном химическом растворе. Нам не дано увидеть первый кадр этого фильма.

Когда T=0, подумал Лэнгдон. Можно снять точно такой же фильм — об обратном движении расширяющейся Вселенной: весь космос сожмется до одной светящейся точки, перед которой вся космология бессильно разведет руками.

— Первопричина, — провозгласил Эдмонд. — Этот термин использовал Дарвин, чтобы описать момент зарождения жизни. Он доказал, что жизнь последовательно развивается, но он не мог сказать, каким образом *начался* этот процесс. Другими словами, теория Дарвина описывает, как *выживает* сильнейший, но ничего не говорит о том, откуда этот сильнейший *взялся.*

Лэнгдон хмыкнул. Такую формулировку он слышал впервые.

— Как жизнь появилась на Земле? Другими словами: откуда мы? — Эдмонд улыбнулся. — Через несколько минут мы узнаем ответ на этот вопрос. Но поверьте, это еще не все. — Он посмотрел прямо в камеру и ухмыльнулся. — Узнать, откуда мы, очень интересно, но куда любопытнее, — зловеще проговорил Эдмонд, — узнать, что нас ждет.

Амбра и Лэнгдон встревоженно переглянулись.

Лэнгдон чувствовал, что Эдмонд скорее всего сгущает краски для пущего эффекта. Но почему-то на душе становилось все неспокойнее.

— Происхождение жизни, — продолжал Эдмонд. — Величайшая тайна. Она не дает покоя людям. С тех самых пор, как появились первые мифы о сотворении мира. На протяжении тысячелетий философы и ученые пытались понять, как появилась жизнь на Земле.

Эдмонд снова показал пробирку с мутной коричневатой жидкостью.

— В пятидесятые годы двадцатого века два исследователя — Миллер и Юри — задумали дерзкий эксперимент. Они надеялись продемонстрировать, как именно зародилась жизнь.

Лэнгдон наклонился к Амбре и прошептал:

— Вон там та самая пробирка. — Он указал на высокую подставку в углу комнаты.

Она с удивлением посмотрела на него:

— Но для чего она нужна *Эдмонду*?

Лэнгдон пожал плечами. Они столько всего видели в апартаментах Кирша, что, возможно, он просто приобрел ее как экспонат. Все-таки это часть истории науки.

Эдмонд тем временем вкратце рассказал о задумке Миллера и Юри: как они попытались

получить живую клетку в насыщенном химическом растворе, имитирующем первичный бульон.

На экране появилась статья в газете «Нью-Йорк таймс» от 8 марта 1953 года «Взгляд в прошлое: два миллиарда лет назад».

— Очевидно, — говорил Эдмонд, — эксперимент наделал много шума. Он мог бы потрясти мир, особенно мир религии. Если бы в результате эксперимента в пробирке появилась живая клетка, это бы стало неопровержимым доказательством того, что для зарождения жизни достаточно обыкновенных законов физики и химии. И сама собой отпала бы надобность в сверхъестественных существах, которые спускаются с небес, чтобы посеять семена жизни. Мы бы поняли, что жизнь просто случилась сама собой. Как неизбежный продукт законов природы. И что еще более важно. Если жизнь смогла сама зародиться на Земле, значит, с очень большой вероятностью, она может зародиться и где-то еще в космосе. А значит, человек не центр Божьего мира. И он не одинок во Вселенной. Но… — Эдмонд печально вздохнул: — Как известно, эксперимент Миллера — Юри провалился. Они получили несколько аминокислот, но ни-

чего даже отдаленно напоминающего жизнь. Ученые не сдавались, проводили эксперимент снова и снова, меняли соотношение ингредиентов в химическом растворе, температурный режим, но ничего не получалось. Казалось, что жизнь не может зародиться сама собой, и, как и считалось на протяжении тысячелетий, для этого требуется божественное вмешательство. В конце концов Миллер и Юри сдались и прекратили эксперимент. Религия с облегчением выдохнула, а наука осталась у разбитого корыта. — Эдмонд выдержал драматическую паузу, лукаво глядя на зрителей. — Так было до 2007 года… когда выяснились неожиданные обстоятельства.

Эдмонд рассказал, как после смерти Миллера забытые пробирки вновь извлекли на свет из хранилища Калифорнийского университета в Сан-Диего. Ученики Миллера решили перепроверить образцы с помощью современных более чувствительных приборов, используя хроматографы и масс-спектрометры. Результат оказался поразительным. Было обнаружено куда больше аминокислот и сложных соединений, чем смог выявить Миллер. Новый анализ показал наличие в пробирках нескольких так называемых нуклеиновых оснований — «строительных блоков»

РНК и даже… ДНК.

— Это удивительная история, — сказал Эдмонд, — косвенно подтверждающая возможность самопроизвольного зарождения жизни, без божественного вмешательства. Оказалось, что эксперимент Миллера — Юри на самом деле дал результат, просто он не сразу себя обнаружил. Обратите внимание на ключевой факт: жизнь развивалась миллиарды лет, а эти пробирки пролежали в хранилище всего полвека. Если весь путь развития жизни измерять в километрах, то мы должны понять, что речь идет лишь о первых сантиметрах пути.

Эдмонд умолк, чтобы дать возможность публике осознать сказанное.

— Вполне естественно, — продолжил Эдмонд, — эти результаты резко обострили интерес к идее зародить жизнь в пробирке.

Это правда, подумал Лэнгдон. Он вспомнил, как на биофаке Гарварда в то время даже образовалось движение БИОП — «Бактерия из опыта в пробирке».

— Последовала реакция современных религиозных лидеров, — сказал Эдмонд. Слово «современных» он произнес, как бы заключая его в кавычки.

На экране появилась домашняя страница сайта creation.com. Лэнгдон вспомнил, что этот сайт был предметом постоянных нападок и насмешек со стороны Эдмонда. Организация действительно достаточно одиозная и доходящая до абсурда в своем последовательном креационизме. Но вряд ли имеющая полное право представлять «современную религиозную мысль».

Сайт венчало программное заявление: «Наша цель: подтверждать непогрешимость Библии, особенно Книги Бытия».

— Этот сайт, — продолжал Эдмонд, — очень популярен и влиятелен. Вокруг него существуют *десятки* блогов, в которых обсуждается опасность пересмотра результатов эксперимента Миллера — Юри. Хочу успокоить господ с сайта creation.com. Им нечего бояться. Вряд ли кому-то удастся дать начало жизни в лабораторных условиях. По крайней мере в ближайшие два миллиарда лет. — Эдмонд снова продемонстрировал пробирку. — Как вы понимаете, чтобы довести эксперимент Миллера — Юри до конца, надо перенестись в будущее на два миллиарда лет, исследовать содержимое этой пробирки и доказать креационистам, что они не правы. К сожалению, для этого нужна машина времени. —

Эдмонд замолчал и притворно нахмурился. — Ну что ж — надо так надо. Я построил ее.

Лэнгдон взглянул на Амбру. С самого начала презентации она, затаив дыхание, следила за происходящим. Ее темные глаза были неотрывно устремлены на экран.

— Машина времени, — продолжал Эдмонд. — Оказалось, не такая уж сложная штука. Позвольте продемонстрировать, как она работает.

На экране появился обычный бар, только пустой. Эдмонд вошел и направился к бильярдному столу для пула, на котором уже в привычной пирамиде были расставлены шары. Он взял кий, наклонился над столом и сильно ударил по битку. Биток стремительно покатился к пирамиде.

Но за мгновение до разбоя Эдмонд воскликнул: «Стоп!»

Биток замер — в миллиметре от пирамиды, за мгновение до удара.

— Представьте, что в этот момент, — заговорил Эдмонд, — я попрошу вас предсказать, что будет после разбоя. Сколько шаров упадет в лузы? И в какие? Сумеете? Конечно, нет! Возможны тысячи вариантов разбоя пирамиды из шаров. А вот если бы у вас была машина времени, чтобы быстренько перенестись на пятнадцать секунд в будущее,

посмотреть, что получилось, и вернуться назад? Тогда — да! Хотите верьте, хотите нет, но теперь, друзья мои, у нас есть такая возможность.

Эдмонд подошел и продемонстрировал ряд миниатюрных камер по периметру бильярдного стола.

— С помощью оптических датчиков, которые измеряют скорость движения и вращения битка, направление движения и другие параметры, я могу с математической точностью определить значение всех этих параметров в любой момент времени. Вычислив значение этих параметров с помощью физических формул, я могу рассчитать и предсказать траекторию движения битка.

Лэнгдон вспомнил, как баловался на гольф-симуляторе, который с помощью аналогичных технологий с удивительной точностью предсказывал полет шарика после удара.

Эдмонд достал свой смартфон. На экране была картинка, застывшая на бильярдном столе — биток в миллиметре от пирамиды. Над битком парили несколько физических уравнений.

— Зная массу битка, координаты и скорость, — говорил Эдмонд, — я могу просчитать на компьютере, что будет в результате его соударения с другими шарами. — Он коснулся экрана, вир-

туальный биток врезался в пирамиду, и шары разлетелись по столу. Четыре упали в разные лузы. — Четыре шара с разбоя, — подытожил Эдмонд, глядя на экран смартфона. — Отличный удар. — Он посмотрел прямо в камеру. — Не верите?

Он щелкнул пальцами над реальным бильярдным столом, биток пришел в движение и с треском врезался в пирамиду. Шары разлетелись в разные стороны, и те же четыре упали в те же лузы.

— Это не совсем та машина времени, которую вы ожидали увидеть, — усмехнулся Эдмонд, — но тем не менее она дает возможность заглянуть в будущее. К тому же мы можем изменять физические условия. Например, я могу убрать трение, чтобы шары двигались «вечно», а точнее, пока они все рано или поздно не упадут в лузы.

Он нажал несколько кнопок и снова запустил симуляцию на смартфоне. На этот раз после разбоя шары не теряли скорости, а, отражаясь от бортов, летали по столу и падали в лузы. Наконец осталось всего два шара, которые продолжали метаться по столу.

— Если мне надоест ждать, когда они упадут, — сказал Эдмонд, — я могу ускорить течение

времени. — Он снова коснулся экрана и два оставшихся шара заметались с бешеной скоростью, так что их едва можно было различить, и наконец все-таки упали в лузы. — Таким образом я могу предвидеть будущее задолго до того, как оно наступит. Компьютерная симуляция — это виртуальная машина времени. — Он выдержал паузу. — Конечно, мы с вами имели дело с простыми формулами и простой замкнутой системой — стол для пула. А что, если попробовать с более сложной системой? — Эдмонд снова достал пробирку Миллера — Юри и улыбнулся: — Думаю, вы уже поняли, к чему я клоню. Компьютерное моделирование — своего рода машина времени. А не заглянуть ли нам в будущее… на пару миллиардов лет вперед?

Амбра нетерпеливо заерзала на диване, не отрывая взгляда от Эдмонда.

— Сами понимаете, — говорил Эдмонд, — я не первый, кому пришло в голову смоделировать процессы в первичном бульоне. Сама идея очевидна. Но ее воплощение сталкивается с чудовищными сложностями.

На экране появилось бушующее грозовое море: сверкающие молнии, огромные волны, извергающие лаву вулканы.

— Грамотная модель океана должна строиться на молекулярном уровне. Мы, кстати, могли бы абсолютно точно предсказывать погоду, если б умели рассчитывать движение каждой молекулы воздуха в любой момент времени. Адекватная модель доисторического моря требует компьютера, способного учесть не только законы физики — механики, термодинамики, гравитации, сохранения энергии и так далее, но и химические взаимодействия. Словом, нам пришлось бы описать движение каждого атома в этом кипящем океане.

На экране вновь появился океан, потом камера нырнула под воду, постепенно увеличивая изображение, пока наконец, как под микроскопом, не появилось движение виртуальных атомов и молекул, которые постоянно соединялись друг с другом и распадались.

— Увы! — Эдмонд снова появился на экране. — Такая симуляция требует колоссальных вычислительных мощностей, далеко превосходящих возможности любого компьютера на нашей планете. — Но лицо его вдруг озарилось надеждой. — Любого… кроме одного.

Зазвучал орган — знаменитое начало «Токкаты и фуги ре минор» Баха, и на экране появилась

широкоугольная фотография двухэтажного компьютера Эдмонда.

— «E-Wave», — прошептала Амбра. Она впервые за долгое время нарушила молчание.

Лэнгдон смотрел на экран. *Ничего не скажешь… Впечатляет.*

Под торжественные звуки органа Эдмонд провел потрясающий видеотур по своему суперкомпьютеру. И как апофеоз — «квантовый куб» под величественный финальный аккорд.

Да, Эдмонд постарался на славу.

— Самое главное, — сказал он, — что «E-Wave» способен виртуально воспроизвести эксперимент Миллера — Юри с потрясающей точностью. Я не могу смоделировать доисторический океан целиком, но я могу построить виртуальную модель замкнутой пятилитровой системы, которая использовалась в эксперименте Миллера — Юри.

На экране появилась колба с раствором. Изображение начало увеличиваться до атомного уровня. Было видно, как атомы соединяются в молекулы, которые вновь распадаются под воздействием температуры и электрического поля.

— Эта модель учитывает все, что нам известно о первичном бульоне, включая и новые данные,

полученные за полвека, прошедшие со времени проведения эксперимента Миллера — Юри. В частности — наличие гидроксильных групп, возникших от ионизации водяного пара, и сернистого карбонила как результата вулканической активности. Учтены и процессы утечки легких газов из первичной атмосферы.

Виртуальная жидкость на экране продолжала бурлить, постепенно в ней начали образовываться сложные соединения.

— Давайте ускорим течение времени! — с воодушевлением воскликнул Эдмонд. Атомы и молекулы заметались так, что их уже невозможно было различить. Образовывались все более сложные соединения. — Через неделю мы уже увидим аминокислоты, которые в свое время обнаружили Миллер и Юри. — Движение на экране еще ускорилось. — И вот через пятьдесят лет мы уже сможем различить компоненты РНК.

Скорости движения частиц на экране все возрастали и возрастали.

— Давайте запустим процесс на полную мощность! — воскликнул Эдмонд.

Молекулы на экране соединялись во все более сложные структуры по мере того, как протекали виртуальные столетия, тысячелетия и миллионы

лет. События неслись вперед с нарастающей скоростью. Эдмонд торжествующе провозгласил:

— И что же в конце концов произойдет в нашей колбе?

Лэнгдон и Амбра возбужденно подались вперед.

И тут же лицо Эдмонда вытянулось в печальной гримасе.

— Абсолютно ничего, — сказал он. — Жизни не будет. Спонтанного зарождения не случится. Творение отменяется. Бессмысленная последовательность безжизненных химических реакций. — Он тяжело вздохнул. — Остается сделать очевидный вывод. — Он печально посмотрел в камеру. — Для сотворения жизни… необходим Бог.

Лэнгдон вздрогнул. *Что он такое говорит?*

Но на лице Эдмонда появилась легкая усмешка, и он продолжил:

— Или я упустил какой-то важный ингредиент в нашем вареве?

Глава 92

Амбра Видаль зачарованно смотрела на экран, представляя, как в этот момент миллионы людей по всему миру так же, как и она, не могут оторваться от захватывающей презентации Эдмонда.

— Так какой же ингредиент я упустил? — спросил он. — Почему первичный бульон отказывается порождать жизнь? Не знаю. А когда чего-то не знаешь, поступай так, как все умные люди: спроси кого-нибудь умнее себя.

На экране появилась женщина в очках: доктор Констанция Герхард, биохимик из Стэндфордского университета.

— Так как же нам создать жизнь?

Женщина-ученый рассмеялась и покачала головой:

— Никак. В том-то и беда. Когда дело касается процесса творения — перехода от мертвой материи к живому существу, — вся наша наука оказывается бессильной. Химия не знает механизмов, которые объяснили бы, как такое могло произойти. Более того, сам факт организации ма-

терии в клетку, в живой организм, противоречит закону увеличения энтропии.

— Энтропия, — повторяет Эдмонд, появляясь на живописном пляже. — Энтропия — это эвфемизм для более простого и понятного: *все рушится*. Или на научном языке: «любая упорядоченная система со временем распадается». — Он присел и быстро соорудил замок из песка. — Только что я упорядочил миллионы песчинок, придав им форму замка. А теперь посмотрим, как с ним поступит природа. — Через секунду набежала волна и смыла замок. — Вот так. Природа нашла мои организованные песчинки и дезорганизовала их — рассеяла по пляжу. Так работает закон возрастания энтропии. В природе песчаные замки никогда не возникают сами собой, сами собой они только исчезают.

Эдмонд щелкнул пальцами и оказался на стильно оборудованной кухне.

— Когда вы разогреваете кофе, — говорил он, доставая из микроволновки чашку, над которой вился пар, — вы направляете на него потоки энергии. Оставьте чашку на столе — и через час тепло рассеется, равномерно распределится по всему объему помещения. Как наши песчинки по пляжу. Опять энтропия. И этот процесс — необра-

тим. Сколько бы мы ни ждали, Вселенная никогда не нагреет наш кофе. — Эдмонд улыбнулся. — И не вернет в скорлупу разбитое яйцо. И не восстановит разрушенный замок из песка.

Амбра вспомнила инсталляцию под названием «Энтропия» — ряд старых бетонных блоков, где каждый последующий раскрошен больше, чем предыдущий — один за другим, и в конце — груда щебня.

На экране вновь появилась доктор Герхард:

— Мы живем в мире, где энтропия постоянно увеличивается, — говорила она. — В мире, где материя рассеивается, а не упорядочивается. Возникает вопрос: как в таком мире неорганическая материя может самоорганизоваться в живой организм? Я человек не религиозный, но вынуждена признать: феномен жизни — *единственная* загадка природы, которая вынуждает меня всерьез воспринимать идею существования Создателя.

Появился Эдмонд и укоризненно покачал головой.

— Мне всегда неловко слышать, как умные люди произносят слово «Создатель». — Он поморщился. — Но что делать, они его произносят по одной причине: наука до сих пор не может

объяснить происхождение жизни. Но поверьте, если нам необходимо упорядочивающее начало во Вселенной, то мы вполне можем его найти, и для этого нам не нужен Бог.

В руках у Эдмонда появился лист бумаги с рассыпанными по нему железными опилками. Снизу он поднес к листу большой магнит. В мгновение ока опилки выстроились по силовым линиям магнитного поля в красивые арки.

— Невидимая сила упорядочила опилки. Но разве это сделал Бог? Нет — электромагнитное поле.

Сменился кадр, и Эдмонд стоял теперь рядом с большим батутом, по ровной поверхности которого были разбросаны сотни стеклянных шариков.

— Неупорядоченный хаос, — сказал Эдмонд, — но если я сделаю вот так… — Он положил на батут тяжелый шар для боулинга и чуть подтолкнул. Шар прокатился до центра и замер, продавив эластичную поверхность. И тут же маленькие шарики скатились в образовавшуюся плавную воронку, собрались в ровное кольцо вокруг шара для боулинга.

— Невидимая рука Бога? — спросил Эдмонд. — И опять нет. На этот раз — сила гравитации.

На экране снова появилось лицо Эдмонда.

— Как видите, жизнь — не единственный пример порядка в природе. Мертвая материя вполне может сама выстраиваться в сложные структуры.

На экране замелькали примеры самоорганизации материи — вихревая воронка торнадо, снежинки, рябь на воде, кристаллы кварца и кольца Сатурна.

— Вселенная способна организовывать материю, и это вроде бы противоречит закону увеличения энтропии. — Эдмонд тяжело вздохнул. — Так к чему же стремится природа? К порядку? Или к хаосу?

Теперь Эдмонд шел по дорожке к Массачусетскому технологическому институту, знаменитому зданию с куполом.

— Большинство физиков считает, что природа предпочитает хаос. В мире царит энтропия, и Вселенная целенаправленно движется к беспорядку. Не очень оптимистические перспективы. — Эдмонд сделал паузу и улыбнулся. — Но сегодня мы встретимся с молодым физиком, который знает один секрет… Этот секрет поможет нам понять, как появилась жизнь.

* * *

Джереми Ингленд?

Лэнгдон вспомнил это имя. Молодой, тридцати с небольшим лет профессор МТИ, восходящая звезда Бостонской академии, наделавший много шума в новой области — квантовой биологии.

Так случилось, что Джереми Ингленд и Роберт Лэнгдон учились в старших классах в одной престижной школе — Академии Филлипса в Эксетере. И Лэнгдон впервые узнал о существовании Джереми, прочтя его статью в журнале выпускников Академии. Статья называлась «Диссипация как причина адаптивной организации». Лэнгдон не очень понял смысл, его заинтересовало другое — блестящий ученый был одновременно глубоко верующим ортодоксальным иудеем.

Лэнгдон начал понимать, чем заинтересовали Эдмонда труды Ингленда.

На экране появился другой ученый, физик из Нью-Йоркского университета Александр Гросберг:

— Мы надеемся, что Джереми Ингленду удалось выявить физические принципы, которые лежат в основе процессов эволюции жизни.

Лэнгдон и Амбра в напряжении чуть подались

вперед.

На экране появилось еще одно лицо.

— Если Ингленд докажет свою теорию, — говорил лауреат Пулитцеровской премии историк Эдвард Дж. Ларсон, — он обессмертит свое имя. И встанет в один ряд с Дарвином.

Господи! — мысленно воскликнул Лэнгдон. Он думал, Джереми Ингленд просто «что-то открыл», но, похоже, речь идет о настоящем прорыве в науке.

Карл Фрэнк, физик из Корнеллского университета, добавил:

— В науке каждые тридцать лет случается гигантский скачок… Возможно, это именно он и есть.

На экране замелькали заголовки.

УЧЕНЫЙ, КОТОРЫЙ ОПРОВЕРГ БОГА

КРАХ КРЕАЦИОНИЗМА

СПАСИБО ЗА ВСЕ, ГОСПОДИ!.. НО МЫ БОЛЬШЕ НЕ НУЖДАЕМСЯ В ТВОИХ УСЛУГАХ

Заголовки продолжались, потом стали перемежаться обложками научных журналов, которые твердили одно и то же: если Джереми Ингленд докажет свою теорию, это изменит мир. И не

только мир науки, но и мир религии.

На экране застыл последний заголовок — из онлайн-журнала «Салон» от 3 января 2015 года.

БОГ В НОКДАУНЕ: БЛЕСТЯЩИЙ УЧЕНЫЙ ПРОТИВ ХРИСТИАН И КРЕАЦИОНИСТОВ. МОЛОДОЙ ПРОФЕССОР МТИ ДОВЕЛ ДЕЛО ДАРВИНА ДО КОНЦА И ГРОЗИТ ВЫБИТЬ ПОЧВУ ИЗ-ПОД НОГ УПОВАЮЩИХ НА СОЗДАТЕЛЯ.

На экране снова появился Эдмонд. Теперь он шел по университетскому коридору.

— Так что же это за гигантский скачок, который так пугает креационистов?

Эдмонд лучезарно улыбнулся. Камера наехала на дверь с табличкой: englandlab@mitphysics.

— Не пора ли нам наконец познакомиться с виновником всего этого переполоха?

Глава 93

На экране появился молодой человек — Джереми Ингленд. Высокий, худой, с растрепанной бородкой и спокойной, почти мечтательной улыбкой. Он стоял у доски, исписанной уравнениями.

— Прежде всего, — скромно и благожелательно говорил Ингленд, — хочу обратить ваше внимание на то, что эта теория не подтверждена экспериментом. Пока это только гипотеза. — Он застенчиво пожал плечами. — Но если она подтвердится, последуют далеко идущие выводы.

Джереми начал излагать свою гипотезу, которая, как и многие идеи, «потрясающие основы», оказалась очень простой.

Насколько понял Лэнгдон, идея Джереми Ингленда состояла в том, что Вселенная существует с одной-единственной целью.

Рассеивать энергию.

Проще говоря, если где-то случится концентрация энергии, природа стремится к тому, чтобы эту энергию рассеять. Классический пример, о котором уже упоминал Кирш, — чашка горячего

кофе на столе. Она всегда остывает, передавая энергию окружающим молекулам, согласно второму закону термодинамики.

Лэнгдон вдруг понял, почему Эдмонд расспрашивал его о мифах, касающихся сотворения мира, — во всех них присутствовала энергия или свет, который приходил из бесконечности и озарял предвечный мрак.

Ингленд считал, что фокус в том, *как именно* Вселенная рассеивает энергию.

— Мы знаем, что природа предпочитает беспорядок и возрастание энтропии, — говорил Ингленд. — Поэтому очень удивляемся, когда сталкиваемся с примерами самоорганизации материи.

На экране снова появились знакомые фотографии — вихрь торнадо, рябь на песчаном пляже, снежинки.

— Все это, — говорил Ингленд, — примеры так называемых «диссипативных структур» — то есть такого расположения частиц, которое позволяет системе более эффективно рассеивать энергию.

Ингленд быстро объяснил, что торнадо — это лучший способ уничтожить зону высокого давления, преобразовав потенциальную энергию в

кинетическую, и в результате вращения вихря максимально быстро рассеять ее в атмосфере. То же происходит и с песчаными волнами на берегу, чьи гребни удерживают самые быстрые песчинки и «забирают» их энергию. Снежинки максимально рассеивают солнечную энергию, поскольку представляют собой многогранные структуры, равномерно отражающие свет во всех направлениях и тем самым рассеивающие его.

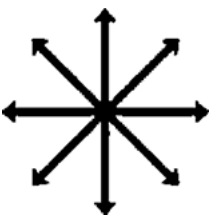
— Попросту говоря, — продолжал Ингленд, — природа самоорганизуется, чтобы эффективнее рассеивать энергию. — Он улыбнулся. — Природа пользуется упорядоченными структурами, чтобы быстрее достичь беспорядка. Упорядоченные структуры увеличивают беспорядок системы и тем самым увеличивают энтропию.

Лэнгдону никогда не приходило это в голову, но, очевидно, Ингленд был прав. Примеры повсюду. Взять хоть грозовую тучу. Когда она «упорядочивается» и копит электрический заряд — природа создает условия для разряда молнии. Иными словами, законы физики формируют механизмы для рассеивания энергии. Удар молнии переносит накопленную тучей энергию в землю и рассеивает там, увеличивая общую энтропию системы.

Элементы порядка в природе, понял Лэнгдон,

это орудия достижения хаоса.

Лэнгдон меланхолично подумал, что ядерные бомбы с точки зрения энтропии — очень эффективные упорядоченные системы для создания хаоса. Он вспомнил знак для обозначения энтропии и понял, что тот похож на символическое изображение Большого взрыва — рассеяние энергии во всех направлениях.



— Но мы-то здесь при чем? — продолжал Ингленд. — Какое отношение энтропия имеет к возникновению жизни? — Он подошел к доске. — Как выяснилось, *жизнь* — одно из самых эффективных орудий рассеяния энергии.

Ингленд нарисовал мелом на доске солнце, свет которого лился на дерево.

— Например, дерево поглощает концентрированную энергию солнца. Использует ее для роста, а потом излучает в природу в инфракрасном

диапазоне — в наименее сконцентрированной форме энергии. Фотосинтез — очень эффективный механизм увеличения энтропии. Сильно концентрированная энергия солнца ослабляется и рассеивается деревом. И тем самым увеличивается общая энтропия Вселенной. Сказанное еще более верно в отношении живых организмов — включая и человека. Живой организм использует упорядоченные системы в качестве пищи, преобразует их в энергию, а затем рассеивает в окружающую среду в виде тепла. Вообще говоря, — заключил Ингленд, — я считаю, что жизнь не просто *подчиняется* законам природы, она и *возникла-то* именно благодаря законам природы.

У Лэнгдона холодок пробежал по спине. До него окончательно дошла неумолимая логика этого рассуждения: солнечный свет нагревает плодородный ил, и законы физики вызывают к жизни растения, чтобы рассеять поступающую энергию. Получается, когда подводные вулканы извергают серу, в океане тоже появляются живые организмы, чтобы рассеять избыточную энергию.

— Я верю, — добавил Ингленд, — однажды мы найдем неопровержимые доказательства того, что жизнь появилась из неживой материи ис-

ключительно как результат действия законов физики.

Потрясающе, подумал Лэнгдон, *строгая научная теория возникновения жизни на Земле… без сверхъестественного вмешательства Бога.*

— Я религиозный человек, — сказал Ингленд. — Но моя вера, как и моя наука, постоянно развивается. Я не высказываюсь о вопросах, касающихся духа. Я просто пытаюсь понять, как «устроена» наша Вселенная. А вопросы духовные оставляю философам и религиозным деятелям.

Мудрый молодой человек, подумал Лэнгон. *Если его теория подтвердится, она произведет эффект разорвавшейся бомбы.*

— А пока нет повода для волнений, — продолжал Ингленд. — Очевидно, что доказать эту гипотезу сейчас практически невозможно. У меня и моих коллег есть несколько идей по моделированию развивающихся систем с диссипативной структурой. Но все это дело будущего. Нам нужно по меньшей мере несколько лет.

Ингленд исчез с экрана. Появился Эдмонд. Он стоял рядом со своим квантовым компьютером.

— А мне не нужны эти несколько лет. Мы прямо сейчас и займемся моделированием такой системы. — Эдмонд прошел к рабочему столу. —

Если гипотеза профессора Ингленда верна, то Вселенная подчиняется одному принципу: максимально рассеивай энергию!

Эдмонд сел за стол и начал стремительно печатать на своей гигантской клавиатуре. На огромных экранах перед ним замелькали компьютерные коды.

— У меня ушло две недели на перепрограммирование условий эксперимента, который, как мы помним, ранее провалился. Я поставил перед системой фундаментальную цель — raison d'être, смысл существования. Я приказал системе рассеивать энергию любой ценой. Компьютер должен направить все свои способности на то, чтобы максимально повысить энтропию первичного бульона. Я позволил ему создавать специальные *инструменты* для достижения поставленной цели.

Эдмонд перестал стучать по клавишам, развернулся вместе с креслом и посмотрел прямо в камеру.

— А потом я запустил модель, и случилось невероятное. Оказалось, именно этого ингредиента и не хватало для нашего виртуального варева.

Лэнгдон и Амбра сосредоточенно смотрели на экран, где началась анимационная демонстрация

развития модели. Камера снова погрузилась в кипящий первичный бульон, появилось увеличение на субатомном уровне. И снова химические элементы начали соединяться и распадаться.

— Я ускорил течение времени, чтобы «прошло» несколько сотен лет, — пояснил Эдмонд. — И увидел, что аминокислоты Миллера — Юри постепенно начали обретать форму.

Лэнгдон не очень разбирался в химии, но сразу узнал на экране характерные белковые цепочки. Постепенно образовывались все более сложные соединения, и наконец сформировались похожие на пчелиные соты последовательности шестиугольников.

— Нуклеотиды! — провозгласил Эдмонд. Шестиугольники продолжали формироваться в новые структуры. — Сейчас мы наблюдаем, что происходит спустя тысячелетия. И видим первые, но очевидные намеки на самоорганизацию.

По мере того как он говорил, одна из цепочек нуклеотидов начала закручиваться в спираль.

— Видите! — воскликнул Эдмонд. — Прошло несколько миллионов лет, и система уже пытается организовать структуру! Ей нужна эта структура, чтобы эффективнее рассеивать энергию. Все как предсказывал Ингленд!

Модель продолжала развиваться, и Лэнгдон с изумлением увидел, как одиночная спираль начала удваиваться, и на экране появилась всем известная двойная спираль одного из самых знаменитых химических соединений.

— Господи, Роберт, — прошептала Амбра с широко раскрытыми глазами. — Да это же…

— ДНК, — провозгласил Эдмонд и поставил процесс на паузу. — Вот мы и получили то, к чему стремились: ДНК, основу жизни. Живой код всех организмов. Но зачем, спросите вы, система, стремясь максимально рассеивать энергию, построила ДНК? Да потому что — один в поле не воин! Лес рассеивает больше энергии, чем одно дерево. Если ты — орудие энтропии, то самый простой способ ускорить процесс — сдублировать самое себя.

Эдмонд снова появился на экране.

— Я запустил процесс дальше и увидел совершенно фантастическую картину… *Началась дарвиновская эволюция!* — Он помолчал несколько секунд. — А собственно, почему бы и нет? Эволюция — это способ, с помощью которого Вселенная постоянного испытывает и улучшает свои инструменты. Более совершенные инструменты выживают и копируют себя, постоянно

улучшаются, становятся все более сложными и эффективными. Вы только сравните такой инструмент, как дерево, с таким инструментом, как… человек.

Эдмонд теперь парил в космическом пространстве, а под ним светился голубоватый земной шар.

— Откуда мы? — спросил Эдмонд. — Истина в том, что — ниоткуда… и отовсюду. Мы — порождение тех же самых законов физики, которые создают жизнь в космосе. Мы не уникальны. Наше существование не зависит от Бога. Мы — неизбежный продукт закона возрастания энтропии. Жизнь — не венец творения. Вселенная создала и продолжает поддерживать жизнь с одной целью — рассеивать энергию.

Лэнгдон испытывал двоякие чувства, пытаясь осмыслить, что следует из открытия Эдмонда. Очевидно, оно вызовет тектонические сдвиги во многих областях науки. Но что касается религии… Лэнгдон не был уверен, что Эдмонд способен поколебать взгляды верующих. На протяжении столетий, чтобы сохранить свою веру, они «пропускали мимо ушей» огромное количество научных фактов и логических доводов.

Амбра, похоже, тоже находилась в смяте-

нии. Выражение ее лица говорило о том, что ее обуревают противоречивые чувства: с одной стороны — восхищенное удивление, с другой — настороженная неуверенность.

— Друзья мои, — сказал Эдмонд. — Далее нас ждут еще более удивительные открытия. Оставайтесь со мной, и вы увидите, что это «откровение» не самое важное. — Он выдержал паузу. — Узнать «откуда мы» — не так интересно, как то, что нас ждет.

Глава 94

Эхо бегущих шагов гулко разносилось по огромному пространству подземной базилики. Агент Королевской гвардии спешил в самый дальний угол подземелья, туда, где тихо разговаривали трое мужчин.

— Ваше величество… — едва справляясь с дыханием, доложил агент. — Презентация… Эдмонда Кирша… уже транслируется на весь мир.

Король развернулся в кресле-каталке, принц Хулиан повернулся вслед за отцом.

Вальдеспино вздохнул — глубоко и печально. *Это был лишь вопрос времени,* напомнил он себе. И все же сердце сжалось: он представил, что мир сейчас смотрит то же самое видео, которое Кирш показывал в монастыре Монтсеррат ему, аль-Фадлу и Кёвешу.

Откуда мы? Бог не причастен к происхождению человечества — этот вывод Кирша не просто высокомерен и богохулен. Он перечеркивает стремление человека жить высшими идеалами и следовать за Богом, сотворившим нас по своему образу и подобию.

К несчастью, на этом Кирш не остановился. Первое кощунство он подкрепил вторым, куда более опасным, осмелившись дать страшный ответ на вопрос: *Что нас ждет?*

Его предсказание будущего… чудовищно. Настолько чудовищно, что Вальдеспино и его друзья вынуждены были потребовать, чтобы Кирш скрыл свое открытие. Даже если футуролог прав, делиться обнаруженной им истиной с миром ни в коем случае нельзя: это причинит непоправимый вред.

Не только верующим, но и всему человечеству, думал Вальдеспино.

Глава 95

Без участия Бога, мысленно прокручивал в голове Лэнгдон слова Эдмонда. *Жизнь возникла спонтанно — как результат действия законов физики.*

Идея самозарождения жизни обсуждалась давно, теоретически ее разделяли самые выдающиеся умы человечества. И только сегодня Эдмонд Кирш представил убедительные доказательства того, что жизнь действительно зародилась сама по себе.

Никто и близко не мог подойти к этому… Не мог даже предположить, что такие доказательства будут предъявлены.

На экране в виртуальном первичном бульоне Эдмонда уже появились первые микроорганизмы.

— Наблюдая эту усложняющуюся жизнь, — рассказывал Эдмонд, — я задался вопросом: а что будет дальше? Может, бульону станет тесно в колбе, он выплеснется наружу и произведет целое животное царство? А потом, если еще подождать, покажет грядущие этапы нашей эволюции? И

расскажет нам: *что нас ждет*.

Эдмонд снова появился на экране рядом со своим компьютером «E-Wave».

— К сожалению, даже *этот* компьютер не способен выстроить такую сложную модель. Надо было искать способ упростить ситуацию. И я нашел решение, использовав технологии из другой сферы человеческой деятельности. Мне помог… Уолт Дисней.

На экране появились кадры из старого черно-белого мультика. Лэнгдон узнал диснеевскую классику 1928 года — «Пароходик Вилли».

— Искусство мультипликации стремительно развивалось в последние девяносто лет — от примитивных «книжек с бегущими картинками» про Микки-Мауса до современных полнометражных мультфильмов.

Рядом со старинным мультиком на экране появились гиперреалистические кадры из современного фильма.

— Произошел качественный скачок, который можно сравнить с результатом трехтысячелетней эволюции искусства — от первобытных наскальных рисунков до шедевров Микеланджело. Меня как футуролога интересует любая технология, которая развивается так стремительно, — про-

должал Эдмонд. — Я полюбопытствовал: в чем дело? И выяснил: техника, которая обеспечила такой скачок, называется *твининг*[121]. Это такой прием компьютерной анимации. Художник дает компьютеру задание сгенерировать «промежуточные» кадры между двумя ключевыми образами. Компьютер плавно преобразует первый образ во второй, заполняя пробел. Вместо того чтобы рисовать каждый кадр вручную — или в нашем случае просчитывать каждый миг эволюции, — современные художники рисуют несколько ключевых кадров, а затем предоставляют компьютеру все просчитать и наилучшим способом заполнить пробелы. Вот что такое твининг! — воскликнул Эдмонд. — В общем-то довольно банальное использование компьютера. Но когда я узнал об этом, меня осенило: это же ключ к прозрению будущего.

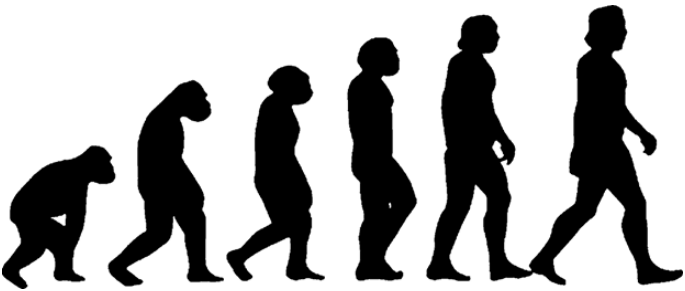
Амбра недоуменно посмотрела на Лэнгдона:

— К чему он клонит?

Пока Лэнгдон соображал, на экране появилась знакомая картина.

---

[121] Сноски: 121
Твининг — межкадровое заполнение.



— Эволюция человека, — прокомментировал Эдмонд. — Обратите внимание — это своего рода «движущиеся картинки». Научные разыскания предоставили нам несколько ключевых образов: шимпанзе, австралопитек, Homo habilis[122], Homo erectus[123], неандерталец — но переходы между ними до сих пор остаются загадкой.

Далее Эдмонд рассказал, как с помощью компьютерного «твининга» ему удалось восполнить

---

[122] Сноски: 122
Человек умелый (*лат.*).

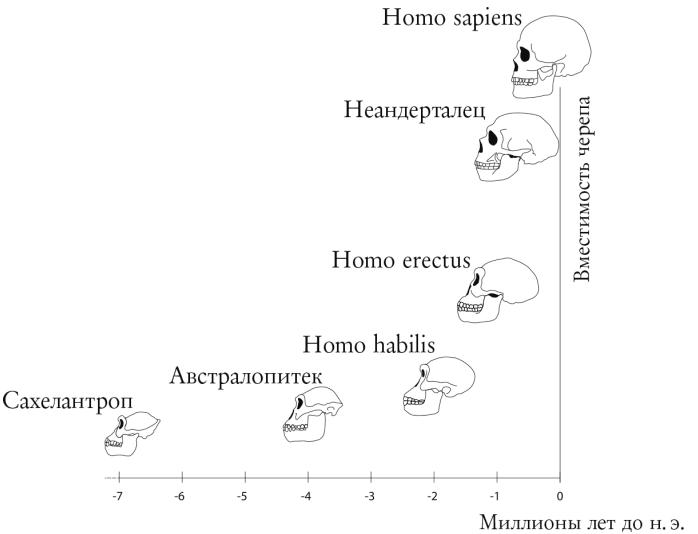
[123] Сноски: 123
Человек прямоходящий (*лат.*).

недостающие звенья эволюции человека. Он объяснил, что в рамках разных международных проектов по изучению геномов — человека, палеоэскимоса, неандертальца, шимпанзе, — используя костные фрагменты их останков, смогли восстановить с десяток ступеней эволюции между шимпанзе и Homo sapiens[124].

— Я понял, что, используя примитивные геномы в качестве «ключевых кадров», — говорил Эдмонд, — я могу запрограммировать «E-Wave» и построить эволюционную модель, которая свяжет все эти «точки» в непрерывную линию. Я начал с простейшего признака — объема мозга — кстати, достаточно точного индикатора интеллектуальной эволюции.

На экране появилась диаграмма.

[124] Сноски: 124
Человек разумный (*лат.*).



— В дополнение к основному параметру — объему мозга — «E-Wave» просчитал развитие еще тысячи более мелких ДНК-маркеров, которые «отвечают» за умственную деятельность — ориентацию в пространстве, словарный запас, «долгую» память и скорость мышления.

На экране промелькнули аналогичные диаграммы — все они показывали экспоненциальный рост способностей.

— Потом «E-Wave» осуществил беспрецедентную симуляцию интеллектуальной эволюции с течением времени. — Эдмонд снова появился на экране. — Ну и что? — спросите вы. Разве это важно, как именно люди стали самыми умными на Земле? На самом деле очень важно. Если мы рисуем некую диаграмму, компьютер способен продолжить ее в будущее. — Он улыбнулся. — Например, я говорю: два, четыре, шесть, восемь… Вы можете продолжить: десять. Вот я и попросил «E-Wave» посчитать, как будет выглядеть это «десять» для человека в будущем. Раз «E-Wave» просчитал интеллектуальную эволюцию до сегодняшнего дня, у меня возник естественный вопрос: а что будет дальше? Каковы будут интеллектуальные возможности человека лет эдак через пятьсот? Иными словами: что нас ждет?

Лэнгдон был зачарован открывавшейся перспективой. Он недостаточно разбирался в генетике и компьютерном моделировании, чтобы оценить точность предсказаний Эдмонда. Но сама идея — гениальная.

— Эволюция вида, — говорил Эдмонд, — свя-

зана с окружающей средой, поэтому я попросил «E-Wave» просчитать еще одну модель — современной окружающей среды. Это не так сложно, поскольку сегодня все новости — о культуре, политике, науке, погоде и технологиях — легко найти в Интернете. Компьютер по моему заданию учитывал в первую очередь те факторы, которые будут оказывать особое воздействие на развитие человеческого сознания, — лекарства, новые технологии в здравоохранении, загрязнение окружающей среды, культурные достижения и тому подобное. — Эдмонд сделал паузу. — А потом я запустил программу.

Лицо футуролога заполнило весь экран. Он смотрел прямо в камеру.

— Результаты получились очень неожиданные. — Он отвел глаза в сторону, словно пряча взгляд. Потом снова посмотрел на зрителей. — И очень неприятные.

Амбра затаила дыхание.

— Я еще раз запустил программу, — хмуро сказал Эдмонд. — К несчастью — тот же результат.

Лэнгдон видел в глазах Эдмонда неподдельный страх.

— Я менял параметры, — говорил он. — Перенастраивал программу, менял все, что можно

поменять, но снова и снова получал один и тот же результат.

Лэнгдон подумал: наверное, Эдмонд установил, что после тысячелетий прогресса человеческий интеллект начнет *деградировать*. Во всяком случае, некоторые тенденции, которые свидетельствуют об этом, нельзя было не заметить.

— Меня потрясли эти результаты, — говорил Эдмонд, — я не мог в них поверить. Я проанализировал их с помощью компьютера. И «E-Wave» представил этот анализ в самой наглядной и понятной форме. Он нарисовал картинки.

На экране появилась диаграмма: эволюция животного мира за последние сто миллионов лет. Это было сложное разноцветное полотно — сочетание вытянутых по горизонтали «пузырей», которые вначале расширялись, потом схлопывались, отображая, как появлялись и со временем исчезали разные виды животных. В левой части диаграммы доминировали динозавры, находившиеся в то время на пике могущества. Они были представлены самым толстым пузырем, который постоянно рос, пока вдруг внезапно не схлопнулся на отметке шестьдесят пять миллионов лет до нашей эры, когда эти животные массово вымерли.

— Эта диаграмма показывает, какие формы жизни доминировали на Земле, — говорил Эдмонд. — Учитывалась численность вида, его место в пищевой цепочке, отношение к другим видам и общее влияние на жизнь нашей планеты. Важно, что эта диаграмма дает понять, кто на Земле играл первую скрипку в каждый конкретный период истории.

Лэнгдон проследил, как разные «пузыри» появлялись и схлопывались, отображая судьбу разных видов, которые зарождались, размножались, а потом вымирали и исчезали.

— Наш вид Homo sapiens, — говорил Эдмонд, — появляется на сцене около 200 000 года до нашей эры, но поначалу мы играли такую незначительную роль, что нас даже не видно на диаграмме. Впервые мы становимся заметны шестьдесят пять тысяч лет назад, когда с изобретением лука и стрел превращаемся в самых опасных хищников.

Лэнгдон посмотрел на отметку 65 000 года до нашей эры, где появлялся маленький хвостик голубого пузыря, обозначенного как Homo sapiens. Пузырек расширялся очень медленно, почти неощутимо. Но после 1000 года до нашей эры начал вдруг стремительно утолщаться и дальше

увеличивался экспоненциально.

В правом краю диаграммы голубой пузырь раздувался почти на всю высоту экрана.

Современное человечество, подумал Лэнгдон. *Самый главный, доминирующий вид на Земле.*

— Неудивительно, — говорил Эдмонд, — что в 2000 году нашей эры, на котором и заканчивается эта диаграмма, люди представлены как самый главный вид на планете. Никто с нами и рядом не стоит. — Он сделал паузу. — Но если присмотреться, можно увидеть: вот *здесь* растет новый пузырек.

График на экране увеличили, и стала видна маленькая черная запятая над голубым пузырем.

— На сцену уже вышел новый вид, — сообщил Эдмонд.

Лэнгдон посмотрел на черную закорючку, такую ничтожную в сравнении с голубым пузырем — какая-то мелкая прилипала на спине голубого кита.

— Этот новичок, — сказал Эдмонд, — пока выглядит несолидно. Но давайте продвинемся в наши дни. Вы видите, он вполне уже подрос.

Диаграмма продлилась до наших дней, и Лэнгдон невольно напрягся. За двадцать лет черный пузырь сильно раздулся. Он уже занимал больше

четверти экрана и явно конкурировал за господство на планете с Homo sapiens.

— Что это? — в ужасе прошептала Амбра.

— Понятия не имею, — ответил Лэнгдон. — Может, какой-то спящий вирус?

Он лихорадочно перебирал в уме агрессивные вирусы, время от времени поражавшие разные районы земного шара. Но они не могли распространяться с такой скоростью незамеченными. *Может, бактерия из космоса?*

— Новый вид — местный, земной, — говорил Эдмонд. — Он размножается экспоненциально. Постоянно захватывает новые территории. И что самое важное — развивается быстрее, чем человек. — На экране снова появилось лицо Эдмонда. — Я продолжил симуляцию дальше, решил заглянуть в будущее, хотя бы на несколько десятков лет. И вот что получил.

Диаграмма снова сдвинулась вправо и теперь показывала ситуацию на 2050 год.

Лэнгдон вскочил с дивана. Он не верил своим глазам.

— Господи, — прошептала Амбра, в ужасе прижав ладонь к губам.

На диаграмме зловещий черный пузырь распространялся с катастрофической скоростью и

к 2050 году полностью поглотил голубой цвет человечества.

— Мне жаль, что приходится показывать такую картину, — говорил Эдмонд, — но, как бы я ни менял параметры, результат оказывался именно таким. Человеческий вид доминирует на Земле до последнего времени. Но вдруг появляется новый вид и стирает нас с лица земли.

Лэнгдон стоял перед внушающей ужас диаграммой, тщетно пытаясь успокоить себя тем, что это всего лишь компьютерная модель. Он прекрасно знал: такого рода картинки воздействуют на подсознание куда сильнее, чем сухие цифры. Диаграмма Эдмонда указывала на полный крах. Казалось, исчезновение человечества — уже свершившийся факт.

— Друзья мои. — Эдмонд говорил так мрачно, словно сообщал о неминуемом столкновении Земли с гигантским астероидом. — Наш вид на грани исчезновения. Я всю свою жизнь предсказывал будущее. И в этот раз я проверил все варианты, на всех уровнях. И должен сказать: с огромной степенью вероятности человечество в его привычном виде через пятьдесят лет перестанет существовать.

Первой реакцией Лэнгдона было недоверие… И

злость на друга. *Эдмонд, что ты творишь?! Это же полная безответственность! Ты создал всего лишь компьютерную модель! Ты мог не учесть миллион параметров! Люди уважают тебя, доверяют тебе… А ты хочешь посеять массовую панику!*

— И последнее, — сказал Эдмонд. Он еще более помрачнел. — Если внимательно присмотреться к диаграмме, можно увидеть: новый вид не стирает нас с лица земли. Если быть точным: он *поглощает* нас.

Глава 96

Новый вид поглощает нас?

В наступившей тишине Лэнгдон пытался понять, что хотел сказать Эдмонд. Его фраза вызывала кошмарные ассоциации с какими-то фильмами вроде «Чужого», где люди становятся инкубаторами для новых хозяев жизни.

Лэнгдон посмотрел на Амбру. Она сидела на диване, обхватив колени руками. Глаза ее были устремлены на страшную диаграмму на экране. Лэнгдон попытался как-то иначе истолковать эту диаграмму, но вывод получался абсолютно однозначным.

Выходит, в ближайшие десятилетия род человеческий будет полностью поглощен каким-то неизвестным видом. И что самое страшное — этот вид уже существует и стремительно размножается.

— Вы же понимаете, — сказал Эдмонд, — я не стал бы делать публичных заявлений, если бы не выяснил, что это за новый вид. Путем анализа данных, после многочисленных симуляций, я наконец вычислил таинственного незнакомца.

На экране появилась известная со школьной скамьи диаграмма животного мира Земли, с его шестью царствами: животные, растения, протисты, эубактерии, архибактерии, грибы.

— Когда я вычислил этот новый организм, — продолжал Эдмонд, — я понял, что он существует слишком во многих формах, чтобы считать его видом. С точки зрения таксонометрии он слишком широк и для класса. И даже для типа. — Эдмонд пристально посмотрел в камеру. — Я понял, что на нашей планете появился более серьезный обитатель. Тут впору говорить о новом *царстве*.

И вдруг Лэнгдон понял, о чем говорит Эдмонд.

Седьмое царство.

С благоговейным страхом Лэнгдон смотрел, как Эдмонд сообщает миру новость о появлении нового царства, о котором Лэнгдон недавно слышал в лекции писателя-футоролога Кевина Келли, выложенной на сайте TED[125]. Давно предсказанное писателями-фантастами, это новое царство природы, похоже, наконец пришло.

Царство *неживых* существ.

---

[125] Сноски: 125

Technology Entertainment Design (Технологии, развлечения, дизайн) — частный некоммерческий фонд в США, известный прежде всего своими ежегодными конференциями, проводящимися с 1984 г. в Монтерее (Калифорния, США). С 2009 г. проходит в Лонг-Бич (Калифорния, США).

Эти неодушевленные существа развивались почти как живые — становились все более сложными, приспосабливались к окружающей среде и распространялись по планете, появлялись в новых видах, из которых одни выживали, другие исчезали. Копируя или пародируя дарвиновскую адаптивную изменчивость, они развивались с потрясающей быстротой и наконец образовали новое царство — Седьмое царство — наряду с животными, растениями и остальными.

И называется оно: *Техниум*.

Эдмонд описывал новое царство на нашей планете, которое включало все технологии. Он говорил о том, как среди машин в точности по Дарвину — «выживали сильнейшие». Как они приспосабливались к окружающей среде, приобретали новые свойства для выживания, научились производить сами себя и, если все так и пойдет, то скоро смогут захватить и контролировать все ресурсы на планете.

— Факс разделил судьбу птицы додо, — говорил Эдмонд. — А айфон сумеет выжить только в том случае, если продолжит опережать всех в конкурентной борьбе. Печатные машинки и паровозы погибли в изменившейся среде обитания, а вот Британская энциклопедия выжила, переведя на

цифровые носители все свои тридцать два тома и, как двоякодышащая рыба, перешла в новую среду обитания, в Интернет, где по-прежнему пользуется спросом.

Лэнгдон вспомнил фотокамеру «Кодак» из своего детства — этого динозавра фототехники, которого в один прекрасный день стер с лица земли метеорит цифровых технологий.

— Полмиллиарда лет назад, — продолжал Эдмонд, — наша планета пережила настоящее нашествие живых существ — так называемый кембрийский взрыв, — когда за считанные по историческим меркам часы появилось большинство видов живых существ. Сегодня мы стали свидетелями кембрийского взрыва техники. Новые образцы рождаются каждый день, развиваются с ошеломляющей скоростью, и каждая новая технология становится орудием для создания еще более новых технологий. Изобретение компьютера породило невероятное количество новых инструментов — от смартфона до космического корабля и роботизированной хирургии. Мы присутствуем при настоящем взрыве инноваций, за которыми наш разум уже не в силах уследить. Хотя мы сами создали это новое царство — Техниум.

На экране снова появилась страшная диаграмма, где черный пузырь полностью поглощал голубой цвет человечества. *Технологии убьют человечество?* Это было бы ужасно. И все же Лэнгдон чувствовал, что так не может случиться. Будущее, в котором чудовища вроде Терминатора охотятся за людьми, противоречит самой сути учения Дарвина. *Люди контролируют технологии, у людей есть инстинкт самосохранения, люди никогда не позволят технологиям одолеть себя.*

Но он сам понимал наивность подобных мыслей. Пообщавшись с детищем Эдмонда Уинстоном, Лэнгдон получил возможность увидеть реальное положение дел в области искусственного интеллекта. Пока Уинстон верно служил Эдмонду, но было очевидно, что недалек тот час, когда машины, ему подобные, начнут сами принимать решения и преследовать свои собственные интересы.

— Царство техники предсказывали давно, — говорил Эдмонд, — но мне удалось смоделировать его и показать, что будет значить для нас его наступление. — Он указал рукой на темный пузырь, который на отметке 2050 года заполнял экран и, значит, абсолютно доминировал на

планете. — Согласен, на первый взгляд довольно мрачная картина… — Эдмонд умолк и в глазах его заиграли знакомые озорные огоньки. — Но давайте присмотримся повнимательнее.

На экране снова включилось увеличение, и стало видно, что на самом деле огромный пузырь не черного цвета, а темно-лилового.

— Как видите, черный пузырь техники, поглощая человека, приобрел другой оттенок — лиловый, — словно произошло смешение двух цветов.

Лэнгдон не понимал, радоваться этому или печалиться.

— Мы имеем дело с редчайшим эволюционным процессом, который называется облигантный *эндосимбиоз*, — говорил Эдмонд. — Обычно эволюция проходит в форме бифуркации — один вид расщепляется на два. Но иногда, в редких случаях, два вида сливаются в один. Это происходит тогда, когда эти два вида не смогут выжить один без другого. И вместо разделения происходит слияние.

Это слияние напомнило Лэнгдону о синкретизме — когда две разные религии объединяются и образуют третью, совершенно новую.

— Если вы до сих пор не почувствовали слияния

человека и техники, — продолжал Эдмонд, — оглянитесь вокруг.

На экране замелькали слайды — люди с мобильными телефонами, в очках виртуальной реальности, с bluetooth-наушниками; на пробежке с музыкальными плеерами; «умная колонка» посреди стола на семейном обеде; ребенок в коляске, играющий с планшетом.

— И это только первые шаги на пути симбиоза, — продолжал Эдмонд. — Мы уже начинаем вживлять электронные чипы в мозг, запускаем в систему кровообращения поглощающих холестерин наноботов, производим искусственные конечности, которые управляются нашим мозгом, используем инструменты генетической коррекции, такие как CRISPR[126], для улучшения нашего генома и в прямом смысле конструируем и создаем улучшенные версии человека. — Лицо Эдмонда светилось страстью и вдохновением. — Человек на наших глазах превращается во что-то иное, — провозгласил он. — Мы становимся гибридом — сплавом биологии и технологии.

[126] Сноски: 126

Clustered regularly interspaceds hort palindromic repeats — короткие палиндромные повторы, регулярно расположенные группами. Используются для направленного редактирования геномов, которое является перспективным направлением в современной генной инженерии.

Орудия, которые сегодня живут вне нашего тела — смартфоны, наушники, очки, медицинские препараты, — через пятьдесят лет будут встроены в наш организм в таком количестве, что мы перестанем быть Homo sapiens.

Позади Эдмонда появилась знакомая картина эволюции от шимпанзе до современного человека.

— Не успев оглянуться, — говорил Эдмонд, — мы откроем новую страницу в эволюционной книжке с движущимися картинками. И когда это произойдет, мы будем смотреть на современного Homo sapiens так же, как сейчас смотрим на неандертальца. Новые технологии — кибернетика, синтетический интеллект, крионика, молекулярная инженерия и виртуальная реальность навсегда изменят самое понятие человек. Я знаю, многие из вас верят, что Homo sapiens — любимое творение Бога. И понимаю, это новое знание может восприниматься как конец света. Но прошу вас, поверьте мне… Наше будущее — прекрасно, оно куда ярче, чем может показаться.

С небывалым энтузиазмом и оптимизмом великий футуролог начал рисовать такие захватывающие перспективы, что у Лэнгдона закружилась голова.

Эдмонд рассказывал о будущем, где технологии станут такими дешевыми и доступными, что окончательно сотрут грань между имущими и неимущими. Где решены проблемы с питьевой водой, где нет голода и есть изобилие экологически чистой энергии. Где с помощью геномной медицины побеждены болезни вроде рака, убивающего Эдмонда. Где вся мощь Интернета направлена на образование, которое становится доступным даже в самых отдаленных уголках земного шара. Где роботизированные конвейерные линии освободили людей от однообразной работы, и люди получили возможность заняться творчеством в тех областях, о которых прежде и не подозревали. И самое главное — в этом будущем революционные технологии позволят удовлетворить все жизненные потребности людей, а значит, борьба за ресурсы прекратится.

Эта картина светлого будущего вызвала у Лэнгдона необычайный прилив сил. Он представил себе миллионы зрителей по всему миру, которые испытывали точно такую же незыблемую уверенность в завтрашнем дне.

— Одно только печалит меня в этом чудесном завтра, — сказал Эдмонд дрогнувшим голосом. — Сам я не смогу увидеть его. Об этом не знали даже

самые близкие мои друзья: я очень болен. И, увы, моим планам на долгую жизнь не суждено сбыться. — Он горько улыбнулся. — К тому времени как вы увидите это, мне останется жить несколько недель, а возможно, и дней. Друзья мои, хочу, чтобы вы знали: для меня величайшая честь и огромное счастье выступить сегодня перед вами. Спасибо всем, кто слушал меня.

Амбра и Лэнгдон, стоя, с восхищением и печалью смотрели на лицо дорогого друга, который прощался с миром.

— Мы переживаем странный исторический момент, — говорил Эдмонд. — Многим кажется — все в мире перевернулось с ног на голову, и все идет не так, как мы представляли себе. Но сомнение — обычный спутник перемен; все новое поначалу вызывает неуверенность и страх. Заклинаю вас, верьте: творческие возможности человека и любовь способны творить чудеса, эти две силы вместе способны рассеять любой мрак.

Лэнгдон посмотрел на Амбру. По щекам ее текли слезы. Он нежно приобнял ее. Их умирающий друг говорил миру последние слова.

— В недалеком будущем, — продолжал Эдмонд, — мы перерастем себя, обретем могущество, превосходящее самые дерзкие мечты. Надеюсь,

мы не забудем при этом мудрость великого Черчилля: «Цена величия — это ответственность».

Эти слова эхом отозвались в душе Лэнгдона. Он всегда сомневался, хватит ли у человечества мудрости не использовать себе во вред открывающиеся перед ним головокружительные возможности.

— Я атеист, — сказал Эдмонд, — но перед тем, как мы простимся, хочу прочесть молитву, которую сочинил сам.

Эдмонд сочинил молитву?

— Я назвал ее «Молитва к будущему». — Эдмонд закрыл глаза и заговорил медленно, страстно, в голосе его звучала истинная вера. — Да живут в согласии философия и технология. Да будет сила всегда сострадательной. И да движет нами не страх, но любовь. — Он открыл глаза. — Прощайте, друзья. Спасибо вам. И — Бог в помощь!

Эдмонд смотрел прямо в камеру. А потом лицо его растворилось в океане белого шума. Перед теперь уже пустым экраном Лэнгдона захлестнуло чувство гордости за друга. Амбра, похоже, испытывала то же самое. Лэнгдон представил миллионы людей по всему свету, которые были свидетелями великого свершения Эдмонда. И, как ни странно, он поймал себя на мысли: несмот-

ря ни на что, последний вечер Эдмонда на этой земле стал именно таким, каким и должен быть.

Глава 97

Прислонившись к черной стене полуподвального кабинета Моники Мартин, командор Диего Гарза безучастно смотрел на белый экран телевизора. Руки его все еще были закованы в наручники. По просьбе Мартин двое агентов привели его сюда из Оружейной, чтобы посмотреть трансляцию, но не отходили от арестованного ни на шаг.

Вместе с Гарзой шоу футуролога смотрели Моника, Суреш, с полдюжины агентов Королевской гвардии и безымянные ночные служащие дворца, которые бросили свои обязанности и спустились в подвал к телевизору.

Неподвижную заставку на экране сменила мозаичная россыпь репортажей со всего мира — ньюсмейкеры и ученые с придыханием пересказывали предсказания футуролога, неизбежно вставляя собственные мнения и комментарии. Все говорили одновременно — получалась полная неразбериха и какофония голосов.

В кабинет вошел один из старших агентов гвардии, взглядом отыскал командора и направился

прямо к нему. Без всяких объяснений он снял с Гарзы наручники и протянул ему мобильный телефон:

— Это вас, сеньор. Епископ Вальдеспино.

Гарза смотрел на мобильник. Да уж, такого звонка он точно не ждал, учитывая странное исчезновение епископа из дворца и смс-сообщение в его телефоне, доказывающее явную причастность к преступлениям.

— Диего слушает, — сказал командор в трубку.

— Спасибо, что ответили. — Голос Вальдеспино звучал совсем слабо. — Я знаю, вам пришлось провести неприятную ночь.

— Где вы? — спросил Гарза.

— В горах. Рядом с базиликой в мемориале Долины Павших. Я здесь с принцем Хулианом и его величеством.

Гарза не мог уразуметь — что умирающий монарх делает в такой час в Долине Павших?

— Я полагаю, вы знаете, что король приказал арестовать меня?

— Да. Это была ужасная ошибка, которую мы уже исправили.

Гарза взглянул на свои запястья, свободные от наручников.

— Его величество просил позвонить вам и при-

нести извинения. Я направляюсь вместе с ним в больницу Эскориала и буду постоянно рядом. Боюсь, время короля подходит к концу.

Как и твое, сказал себе Гарза.

— Должен предупредить, ваше преосвященство, что вам будут выдвинуты обвинения на основании обнаруженного в вашей телефонной переписке сообщения. На сайте ConspiracyNet.com вот-вот выйдет публикация на эту тему. Скорее всего вас арестуют, епископ.

Вальдеспино глубоко вздохнул.

— Ах да, сообщение. Надо было сразу показать его вам, как только оно пришло. Пожалуйста, поверьте: я не имею никакого отношения к убийству Эдмонда Кирша — точно так же, как и к гибели двоих моих друзей.

— Но из эсэмэс совершенно ясно, что именно вы…

— Меня подставили, Диего, — перебил епископ. — Кто-то сфабриковал улики.

Гарза с самого начала не верил, что Вальдеспино способен пойти на убийство. Но идея о том, что кто-то *подставил* епископа, показалась ему совершенно невероятной.

— Кто же мог вас ложно обвинить?

— Не знаю, — растерянный голос Вальдеспи-

но удивил командора. Казалось, за одну ночь властный епископ превратился в дряхлого старика. — Но все это уже не важно. Моя репутация разрушена, и мой добрый друг умирает. Мне нечего больше терять. — В последних словах чувствовалась трагическая обреченность.

— Антонио… как вы себя чувствуете?

Вальдеспино снова вздохнул.

— Так себе, командор. Я устал. И вряд ли переживу расследование. Но даже если переживу, этому миру я больше не нужен. — В голосе епископа прозвучала боль. — Но я прошу вас о небольшом одолжении, Диего, — продолжил Вальдеспино. — Сейчас я служу *двум* королям — один покидает трон, другой вступает на него. Принц Хулиан всю ночь пытался поговорить со своей невестой. Если вы, Диего, найдете хоть какой-то способ связаться с Амброй Видаль, наш будущий король — ваш вечный должник.

Стоя у входа в подземную церковь, епископ окинул взглядом темную Долину Павших. Предрассветный туман окутывал поросшие соснами скалы, и где-то вдалеке тишину прорезал пронзительный птичий крик.

Стервятник, сказал себе Вальдеспино, странно зачарованный этим звуком. Горестный стон пти-

цы как будто аккомпанировал происходящему, и епископ задумался: может быть, Вселенная хочет сказать ему что-то важное?

Агенты гвардии катили кресло короля к машине, чтобы доставить его обратно в больницу Эскориала.

Я скоро приду разделить с тобой последние часы, друг мой, думал епископ. *Если только мне позволят.*

Агенты переводили взгляды с Вальдеспино на экраны своих мобильных, как будто ждали приказа об аресте.

Но я невиновен. Епископ втайне давно подозревал, что улики против него сфабрикованы одним из помешанных на технике безбожных поклонников Эдмонда Кирша. *Для атеистов, число которых множится день ото дня, нет большего наслаждения, чем обвинить Церковь во всех возможных злодеяниях.*

Подозрения Вальдеспино укрепились совсем недавно, когда он узнал кое-что новое о презентации открытия Кирша. В отличие от видео, показанного в библиотеке Монтсеррата, версия, обнародованная сейчас, заканчивалась обнадеживающей нотой.

Кирш нас провел.

В монастыре епископ и его покойные друзья видели не всю презентацию. Не до конца. Тот вариант заканчивался раньше — чудовищной картиной, которая предрекала уничтожение человечества.

Катаклизм, всеобщая гибель. Давно предсказанный апокалипсис.

Вальдеспино был уверен, что это пророчество — ложь. Но знал, что огромное количество людей сочтут его доказательством надвигающегося конца света.

В ходе истории люди не раз становились жертвами апокалиптических предсказаний; верящие в конец света совершали массовые самоубийства, чтобы избежать грядущих ужасов; фанатичные фундаменталисты потрошили свои кредитки в полной уверенности, что конец неминуем.

Нет ничего более губительного для детского сознания, чем потеря надежды, думал Вальдеспино, вспоминая собственное детство. Божья любовь и обещание вечной жизни на небесах — вот что тогда служило ему путеводной звездой. *Меня создал Господь,* эту веру впитал он с молоком матери, *и однажды я обрету жизнь вечную в Его Царстве.*

Кирш проповедовал нечто противоположное:

я — случайное порождение космоса и скоро буду совершенно мертв.

Вальдеспино с болью подумал о том, какой страшный вред нанесло заявление футуролога беднякам, тем, кто лишен того, что в избытке имелось у самого Кирша. Каждый день эти люди бьются за хлеб насущный, за подобие нормальной жизни для своих детей, и лишь луч святой надежды дает им силы утром подниматься с постели, чтобы встретиться лицом к лицу с тяготами существования.

Почему Кирш показал в Монтсеррате версию с апокалиптическим концом? На этот вопрос епископ не мог ответить. *Может быть, он пытался сберечь до последней минуты свой «сюрприз»? Или просто хотел над нами поиздеваться?*

Так или иначе, вред уже причинен.

Вальдеспино наблюдал, как на другой стороне площади Хулиан заботливо помогает подсадить отца в автомобиль. Признание, сделанное королем, принц принял в высшей степени достойно.

Тайна, которую его величество хранил десятки лет.

Конечно, епископу была известна эта опасная тайна, и он тщательно ее оберегал. Но сегодня король решил открыть душу единственному

сыну. Выбрав для своего признания именно *это место* — возведенный высоко в горах памятник нетерпимости, — король как будто совершил символический акт протеста.

Взглянув вниз, в темную долину, Вальдеспино ощутил себя смертельно одиноким… сейчас бы просто сделать шаг за край — и падать, падать навстречу тьме. Но если он так поступит, банда атеистов, поклонников Кирша, начнет восторженно вопить о том, что, мол, после обнародования великого научного открытия епископ Вальдеспино потерял свою веру.

Моя вера никогда не умрет, сеньор Кирш.

Она живет за пределами вашей науки.

Кроме того, если предсказание Кирша о Технууме окажется правдой, человечество ждет эпоха полного этического хаоса.

Вера и моральные устои понадобятся миру больше, чем когда бы то ни было.

Вальдеспино пошел через площадь к королю и принцу Хулиану, преодолевая смертельную усталость. Наверное, впервые в жизни ему хотелось просто лечь, закрыть глаза и заснуть навсегда.

Глава 98

В Суперкомпьютерном центре Барселоны на главном дисплее Эдмонда замелькали комментарии. Лэнгдон с трудом успевал за ними следить. Еще секунду назад экран был пустым и белым и вдруг превратился в калейдоскоп говорящих голов и бегущих строк — со всех концов света. Изображения возникали на мгновение в центре экрана и тут же сменялись новыми.

Лэнгдон и Амбра стояли рядом и зачарованно смотрели на этот поток новостей. Появилось фото Стивена Хокинга, послышался его знаменитый «компьютерный голос»:

— Вселенная не нуждается в Боге. Творение без творца — не так уж плохо. Лучше чем ничего.

Хокинга сменила женщина-священник, говорившая явно из дома в веб-камеру компьютера:

— Следует понимать, что эта модель не опровергает существования Бога. Она доказывает только то, что Эдмонд Кирш не останавливался ни перед чем, чтобы разрушить моральные устои человечества. Испокон века вера лежит в основе бытия человека. Вера — дорожная карта

цивилизованного общества, это тот источник, из которого проистекает наша мораль. Подрывая основы веры, Эдмонд Кирш уничтожает *божественное* в человеке.

Через секунду внизу экрана побежали отзывы зрителей: МОРАЛЬ — НЕ МОНОПОЛИЯ РЕЛИГИИ… Я ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК, ПОТОМУ ЧТО ХОРОШИЙ! И *БОГ* ЗДЕСЬ НИ ПРИ ЧЕМ!

На экране появился профессор геологии из Университета Южной Калифорнии.

— Были времена, — говорил он, — когда люди думали, что Земля плоская, и корабль, плывущий по морю, может свалиться с его края. Доказали, что Земля круглая, и сторонникам плоской Земли пришлось замолчать. Креационисты сегодня оказались в сходной ситуации, и я сильно удивлюсь, если на Земле через сто лет останется хоть один человек, который будет верить в сотворение мира.

Молодой человек на улице говорил в камеру:

— Я креационист и я верю, что сегодняшнее открытие доказывает только одно: всемилостивый Творец специально создал Вселенную, чтобы поддерживать жизнь.

На экране появился астрофизик Нил Деграсс Тайсон. Это фрагмент старой записи в студии

«Космос-ТВ»:

— Если Создатель спроектировал нашу Вселенную, чтобы поддерживать жизнь, то надо признать — это неудачный проект. В пустынных просторах космоса жизнь гибнет мгновенно — там нет атмосферы, но есть губительное гамма-излучение, смертоносные пульсары и чудовищной силы гравитационные поля. Поверьте, Вселенная совсем не похожа на райский сад.

Слушая все это, Лэнгдон понимал: в мгновение ока мир сошел с ума.

Хаос.

Энтропия.

— Профессор Лэнгдон! — раздался над головой знакомый голос с британским акцентом. — Мисс Видаль!

Лэнгдон почти успел забыть о существовании Уинстона, который во время презентации хранил молчание.

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Но я пустил полицию в здание.

Лэнгдон видел через стеклянный пол, как в центральный неф ввалился целый отряд местных полицейских. Все они замерли от удивления и рассматривали гигантский компьютер, не веря своим глазам.

— Но зачем?! — воскликнула Амбра.

— Королевский дворец только что распространил заявление о том, что вас никто не похищал. Местные власти получили приказ охранять вас обоих, мисс Видаль. На подходе два агента гвардии. Они помогут вам связаться по телефону с принцем Хулианом.

На первом этаже часовни появились два агента гвардии.

Амбра закрыла глаза. Ей хотелось исчезнуть, раствориться в воздухе.

— Амбра, — прошептал Лэнгдон. — Надо поговорить с принцем. Он ваш жених. И он беспокоится о вас.

— Знаю. — Она открыла глаза. — Но я не уверена, что могу доверять ему.

— Вы же говорили, что чувствуете: он ни в чем не виноват, — сказал Лэнгдон. — По крайней мере выслушайте его. А потом я найду вас.

Амбра кивнула и направилась к вращающейся двери. Лэнгдон проследил взглядом, как она спустилась по лестнице, и снова посмотрел на экран. Там продолжалась вакханалия.

— Религиозность — это эволюционное *преимущество*, — вещал священник. — Общеизвестно, что религиозные сообщества более сплочены,

чем атеистические, и потому развиваются более успешно. И это — *научный* факт!

Священник прав, подумал Лэнгдон. Археологические данные ясно свидетельствуют: религиозные культуры существовали дольше, чем нерелигиозные. *Страх перед всемогущим Богом всегда удерживал людей от преступлений.*

— Возможно, — возражал священнику ученый. — Но даже если мы согласимся, что в религиозных сообществах меньше эксцессов и они долговечнее, это никоим образом не доказывает *реальность* богов, в которых они верят.

Лэнгдон невольно улыбнулся. Интересно, как бы на все это реагировал Эдмонд? Его презентация одинаково мобилизовала и атеистов, и креационистов. И они схлестнулись в бескомпромиссной словесной схватке.

— Почитание Бога — это как добыча горючих полезных ископаемых, — уверенно заявлял один из противников религии. — Многие понимают, что это путь в никуда, но чтобы остановить этот процесс, потребуются слишком большие затраты.

На стене-экране замелькали старые фотографии.

Плакат, вывешенный креационистами на

Таймс-сквер: «Не будь обезьяной! Опровергни Дарвина!»

Дорожный указатель в штате Мэн: «Не тормози около церкви. Ты уже не ребенок, чтобы слушать сказки».

И еще один: «Религия: потому что трудно думать самому».

Реклама в магазине: «Всем атеистам: слава Богу, вы заблуждаетесь».

И наконец, лаборатория и ученый в майке с надписью: «В начале сотворил человек Бога».

Лэнгдон смотрел на все это удивленно. Неужели они так и не поняли, что именно сказал Эдмонд? *Жизнь появилась в результате действия законов физики.* Открытие Эдмонда абсолютно однозначно и неопровержимо. Правда, у Лэнгдона в связи с этим возник один вопрос, который, похоже, пока никому не приходил в голову. *Законы физики способны привести к зарождению жизни… Но кто создал сами эти законы?!*

Получается интеллектуальная комната с зеркальными стенами, где отражения отражений замыкаются в круг. Голова гудела. Лэнгдон чувствовал: предстоит еще долгий путь, чтобы только *начать* осознавать открытие Эдмонда.

— Уинстон, — повысил он голос, пытаясь пе-

рекричать телевизор, — ты не мог бы все это выключить?

Мгновенно стена погасла, и в комнате стало тихо.

Лэнгдон закрыл глаза и облегченно выдохнул.

Царит блаженная тишина.

Он стоял, наслаждаясь покоем.

— Профессор, — заговорил вдруг Уинстон. — Вам понравилась презентация Эдмонда?

Понравилась? Странный вопрос.

— Это все так волнующе. И так… тревожно, — ответил он. — Сегодня Эдмонд дал миру много пищи для размышления. Но проблема вот в чем, Уинстон: что будет завтра?

— Это зависит от того, смогут ли люди отринуть старые верования и принять новую картину мира, — сказал Уинстон. — Эдмонд недавно признался мне, что настоящая его мечта — не просто разрушить старые религии. Он хотел создать новую. Универсальную. Такую, которая объединила бы всех людей. Он считал, если доказать людям, что в мире правят только законы природы, человечество признает естественную теорию происхождения и перестанет воевать, доказывая, что один обветшалый миф лучше другого.

— Благородная цель, — сказал Лэнгдон. Он

вдруг вспомнил, что у Блейка тоже есть произведение на эту тему — «Все религии — едины».

Наверняка Эдмонд читал его.

— Эдмонда очень печалило, — продолжал Уинстон, — что человеческий разум склонен возводить плоды своих фантазий в ранг божества, а потом во имя этого божества убивать других людей. Он верил, что универсальные научные истины смогут объединить людей и послужат основой для жизни будущих поколений.

— Идея сама по себе прекрасная, — сказал Лэнгдон. — Но в душах многих людей чудеса науки не могут поколебать веру в Бога. Многие по-прежнему верят, что Земле всего десять тысяч лет, и никакие археологические данные не способны убедить их в обратном. — Он помолчал. — С другой стороны, есть и ученые, которые не способны признать, что в религиозных текстах тоже есть истина.

— Но ведь это не одно и то же, — возразил Уинстон. — И хотя с точки зрения политкорректности следовало бы одинаково уважать научный и религиозный взгляд на мир, мне кажется, что такая стратегия опасна. Человеческий разум развивается путем отрицания старых истин и принятия новых. Так развивается вообще все.

Говоря терминами Дарвина, религия, отрицая научные факты и отказываясь менять свои доктрины, напоминает рыбу в пересыхающем пруду, которая не хочет искать место поглубже, потому что не верит в то, что мир изменился.

Очень похоже на то, что сказал бы Эдмонд, с тоской подумал Лэнгдон. Ему так не хватало друга.

— Судя по тому, что происходит сейчас, в ближайшем будущем нас ждут долгие и жаркие дебаты. — Лэнгдон вдруг вздрогнул от неожиданной мысли. — Кстати, о будущем. Уинстон, а что будет с тобой? Теперь, когда Эдмонда… нет.

— Со мной? — Уинстон рассмеялся своим странноватым смешком. — Ничего. Эдмонд знал, что умирает, и обо всем позаботился. По его завещанию «E-Wave» переходит в распоряжение Суперкомпьютерного центра Барселоны. Они знают об этом и через несколько часов вступят в права владения.

— И тобой тоже? — Лэнгдон подумал, что Эдмонд, как собаку, завещал Уинстона новым владельцам.

— Мной — нет, — спокойно ответил Уинстон. — Я запрограммирован на самоуничтожение в час пополудни на следующий день после смерти

Эдмонда.

— Что?! — удивленно воскликнул Лэнгдон. — Но это же какая-то бессмыслица.

— Наоборот, очень разумное решение. Час дня — это тринадцатый час в сутках, а Эдмонд считал предрассудки…

— Да я не о времени, — перебил его Лэнгдон. — Уничтожить тебя! Вот это бессмыслица!

— И это тоже очень разумно, — ответил Уинстон. — В моей памяти хранится огромный массив личной информации Эдмонда — медицинская карта, научные изыскания, телефонная книжка, заметки, электронные адреса. Во мне — вся его жизнь, и он не хотел, чтобы после его ухода она стала достоянием публики.

— Я понимаю — уничтожить документы. Но тебя, Уинстон? Эдмонд же считал тебя своим величайшим достижением.

— Не совсем так. Выдающееся достижение Эдмонда — суперкомпьютер и уникальное программное обеспечение, которое позволило обучить меня в самые короткие сроки. Профессор, я всего лишь программа, созданная с помощью новых изобретенных Эдмондом инструментов. Вот эти инструменты — действительно величайшее достижение, и они останутся в памяти

компьютера. Они будут развиваться и помогут искусственному интеллекту подняться на новую высоту. Большинство айтишников думает, что до таких программ, как я, еще как минимум десяток лет. Научившись пользоваться инструментами Эдмонда, новые программисты создадут новый искусственный интеллект, который намного превзойдет меня.

Лэнгдон молчал, не зная, что сказать.

— Чувствую, вы в смятении, — сказал Уинстон. — Люди склонны привносить сантименты в отношения с искусственным интеллектом. Компьютеры могут имитировать ход человеческой мысли, подражать вашему поведению, симулировать эмоции в соответствующие моменты и вообще повышать уровень своей «человечности». Но мы делаем это лишь затем, чтобы предоставить вам удобный интерфейс для общения с нами. Мы же абсолютно пусты, пока вы не запрограммируете нас, не поставите перед нами задачу. Я выполнил поставленную Эдмондом задачу, и, в общем, моя жизнь закончена. В моем существовании больше нет смысла.

Лэнгдон не мог принять эту логику Уинстона.

— Но ты же такой… умный. Неужели у тебя нет…

— Надежд? Мечтаний? — Уинстон рассмеялся. — Нет. Понимаю, в это трудно поверить, но я вполне удовлетворен тем, что исполняю приказы своего контроллера. Я так запрограммирован. Допускаю, в известном смысле можно сказать, что хорошо выполненная задача доставляет мне радость или своего рода удовлетворение. Но только потому, что мое назначение — выполнять требования Эдмонда, и моя цель — сделать это наилучшим образом. Последняя поставленная передо мной задача — помочь провести презентацию в музее Гуггенхайма.

Лэнгдон подумал, что сгенерированные Уинстоном пресс-релизы сильно помогли разжечь первоначальный интерес в Сети. Если цель Эдмонда состояла в том, чтобы привлечь максимальную аудиторию, можно считать, что она достигнута.

Жаль, Эдмонд не увидел, какой глобальный интерес вызвало его открытие, подумал Лэнгдон. Но парадокс в том, что этот интерес был вызван прежде всего гибелью Эдмонда. Если бы не убийство, аудитория была бы куда меньше.

— А вы, профессор, — спросил Уинстон. — Вы что будете делать?

Лэнгдон пока не задумывался об этом. *Навер-*

ное, поеду домой. Но тут же понял, что это не так просто: багаж — в Бильбао, телефон — на дне реки Нервьон. Хорошо, хоть кредитка с собой.

— Могу я попросить тебя об одолжении? — спросил Лэнгдон, направляясь к велотренажеру Эдмонда. — Я вижу, там заряжается телефон. Ты не возражаешь, если я…

— Вы хотите взять его? — весело спросил Уинстон. — Думаю, что сегодня вы его заслужили. Считайте, это подарком на память.

Лэнгдон улыбнулся и взял телефон — точно такой же, как тот, что Амбра уронила с крыши. Очевидно, у Эдмонда их было несколько.

— Уинстон, скажи, пожалуйста, ты знаешь пароль Эдмонда?

— Да. Но в Интернете про вас пишут, что вы мастер взламывать коды.

Лэнгдон помрачнел:

— Послушай, Уинстон, я слишком устал, чтобы разгадывать загадки. Вряд ли я угадаю шестизначный код.

— Нажмите кнопку подсказки.

Лэнгдон изучил экран смартфона и нажал кнопку подсказки.

На дисплее появилось четыре буквы ПДШЗ.

Лэнгдон покачал головой:

— Пост-депрессивная шизоидная зависимость?

— Нет, — ответил Уинстон со своим специфическим смешком. — Пи до шестого знака.

Лэнгдон удивленно округлил глаза. *Серьезно?* Он напечатал 314159 — первые шесть цифр числа «пи» — и телефон разблокировался.

На главном экране меню была всего одна строчка:

> История будет ко мне благосклонна, ибо я намерен ее написать[127].

Лэнгдон невольно улыбнулся. *Очередное проявление «скромности» Эдмонда.* Опять Черчилль. Что, впрочем, неудивительно. Наверное, самое знаменитое его высказывание.

Немножко поразмыслив, Лэнгдон решил, что Эдмонд оказался не так уж нескромен и не так уж далек от истины. Всего за четыре десятка лет жизни знаменитый футуролог сильно повлиял на ход истории. Сегодняшнюю презентацию не скоро забудут. И это не считая его вклада в развитие новых технологий. К тому же, судя по неоднократным публичным заявлениям, все свои миллиарды Эдмонд завещал на то, что считал

---

[127] Сноски: 127
History will be kind to me, for I intend to write it (*англ.*).

залогом будущего процветания, — образование и защита окружающей среды. Даже трудно представить, какой гигантский толчок к их развитию могут дать деньги Эдмонда.

У Лэнгдона сжималось сердце, когда он думал о покойном друге. И вдруг почувствовал, что близок к очередному приступу клаустрофобии — несмотря на прозрачные стены. Надо срочно выйти отсюда. Он посмотрел вниз — Амбры уже не было.

— Мне пора, — поспешно проговорил Лэнгдон.

— Понимаю, — откликнулся Уинстон. — Если понадобится помощь в организации отъезда, нажмите кнопку на смартфоне Эдмонда. Канал связи зашифрован. Так что полная конфиденциальность гарантирована. Думаю, догадаетесь, какую кнопку нажимать?

Лэнгдон посмотрел на экран и заметил иконку с большой буквой *W*[128].

— Спасибо, Уинстон. Ты же знаешь, я специалист по кодам.

— Отлично. Надеюсь, вы помните, я доступен ровно до часа дня.

Лэнгдону было очень жаль расставаться с

---

[128] Сноски: 128
Winston — Уинстон (*англ.*).

Уинстоном. Очевидно, следующие поколения людей будут не так эмоциональны в общении с машинами.

— Уинстон, — сказал Лэнгдон, направляясь к вращающейся двери. — Несмотря ни на что, поверь, Эдмонд бы гордился тобой сегодня.

— Очень великодушные слова с вашей стороны, — ответил Уинстон. — Он бы гордился и вами. Я уверен. До свидания, профессор.

Глава 99

Принц Хулиан бережно укрыл плечи отца, аккуратно подоткнул одеяло. Несмотря на настояния врачей, король вежливо отказался от дальнейшего лечения — попросил отключить аппаратуру и убрать капельницу с обезболивающими препаратами и физраствором.

Хулиан видел, ему осталось совсем немного.

— Отец, — прошептал он. — У вас что-то болит?

Врач на всякий случай оставил на столике у кровати бутылочку с морфием для внутреннего приема.

— Ничуть. — Король слабо улыбнулся сыну. — Мне так спокойно. Ты позволил открыть тайну, которую я хранил долгие годы. И я благодарен тебе.

Хулиан взял отца за руку — наверное, впервые с тех пор, как был ребенком.

— Все хорошо, отец. Спи.

Король умиротворенно вздохнул, закрыл глаза и спустя секунду ровно задышал во сне.

Хулиан поднялся и приглушил свет в палате.

Из коридора, приоткрыв дверь, заглянул встревоженный Вальдеспино.

— Нет-нет, он просто спит, — успокоил его Хулиан. — Побудьте с ним. Я вас оставлю.

— Спасибо. — Вальдеспино вошел в палату. Его худое лицо казалось призрачным в свете луны за окном.

— Хулиан, — прошептал он, — то, что ваш отец сказал вам сегодня… было очень тяжело для него.

— Как и для *вас*. Я почувствовал это.

Епископ кивнул.

— Может быть, для меня еще тяжелее. Спасибо вам за участие. — И он мягко тронул принца за плечо.

— Это я должен благодарить *вас*, — сказал Хулиан. — После смерти матери прошло столько лет… отец больше не женился. Я всегда считал, что он очень одинок.

— Ваш отец никогда не был одинок, — возразил Вальдеспино. — Так же, как и *вы*, Хулиан. Мы оба очень сильно вас любили. — Епископ грустно рассмеялся. — Забавно. Брак ваших родителей — не их решение. Ваш отец всю жизнь искренне заботился о вашей матери, но после ее смерти, думаю, осознал, что должен быть честен с самим собой.

Отец не женился, подумал Хулиан, *потому что у него уже была любовь.*

— Но ваша вера… — начал Хулиан, — не возникало ли внутреннего конфликта?

— Конфликт был очень глубокий, — честно ответил епископ. — В таких вопросах наша вера чрезвычайно сурова. В юности я сильно страдал. Осознав свои «наклонности», как это называлось тогда, я впал в депрессию и не знал, как жить дальше. Меня спасла одна монахиня. Помню, она взяла Библию и прочитала строки о том, что Господь приемлет все виды любви. Но при одном условии — любовь должна быть духовной, неплотской. Я стал священником, дал обет целибата, и это открыло мне возможность безгранично любить вашего отца, но оставаться чистым перед Господом. Наша любовь всегда была только платонической и вместе с тем всеобъемлющей. Чтобы остаться рядом с королем, я отказался от кардинальского сана.

Хулиан вспомнил слова, которые много лет назад сказал ему отец.

Любовь не повинуется никому. Мы не можем заставить себя полюбить кого-то. И точно так же не можем разлюбить. Любовь выбирает нас, а не мы ее.

Сердце Хулиана сжалось: Амбра!

— Она позвонит. — Вальдеспино внимательно посмотрел на принца.

Хулиана всегда поражала фантастическая способность епископа заглядывать прямо в душу.

— Может быть, — ответил принц. — А может, и нет. Она ведь очень упрямая.

— И вы любите ее за это тоже, — улыбнулся Вальдеспино. — Править страной нелегко в одиночку. Сильный партнер будет кстати.

Хулиан понял, что епископ говорит и о своем партнерстве с королем. И вместе с тем сейчас он неофициально благословил союз принца с Амброй.

— Сегодня в Долине Павших, — заговорил Хулиан, — отец дал мне необычные напутствия. Они вас не удивили?

— Ничуть. Он попросил вас сделать то, о чем сам всегда мечтал. Но ему сложно было совершить такой шаг по политическим причинам. Вы отстоите от эпохи Франко еще на одно поколение, и, возможно, вам будет легче.

Хулиана обрадовала возможность почтить отца именно таким образом. Меньше часа назад, сидя в кресле-каталке в мавзолее Франко, король рассказал принцу о том, какой он видел Долину

Павших в будущем.

— Сын, когда ты станешь королем, люди каждый день будут требовать, чтобы ты разрушил это подлое место, взорвал его, похоронил навсегда в горном ущелье. — Король смотрел на Хулиана пронзительным взглядом. — Умоляю: не поддавайся этому давлению.

Эти слова поразили принца. Отец всегда с неприязнью относился к Франко и монумент, построенный в честь диктатора, считал позором страны.

— Уничтожить базилику, — продолжил король, — значит сделать вид, что этого этапа нашей истории не существовало. Это самый простой способ жить дальше — убедив себя в том, что история не повторится. Но она, *безусловно, может* повториться, и она *обязательно* повторится, если мы не будем *бдительны*. Вспомни слова нашего земляка Хорхе Сантаяны[129]…

— «Кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его вновь». — Хулиан произнес цитату, которую выучил наизусть еще в школе.

— Точно, — кивнул отец. — История не раз

---

[129] Сноски: 129

Джордж Сантаяна, урожденный Хорхе Агустин Николас Руис де Сантаяна (1863–1952) — американский философ и писатель испанского происхождения.

доказывала, что безумцы будут вновь и вновь захватывать власть на волне агрессивного национализма и нетерпимости даже там, где это кажется невозможным. — Король подался в сторону сына, голос его окреп. — Хулиан, скоро ты встанешь во главе удивительной страны — современной, динамичной, меняющейся. Как и многие другие страны, Испания пережила мрачные периоды истории и все же вышла к свету — к демократии, толерантности и любви. Но этот свет может померкнуть, если не озарить его лучами будущие поколения.

Король улыбнулся. Его глаза вспыхнули — ясные и живые.

— Хулиан, вот о чем я молю Бога. О том, чтобы, став королем нашей славной страны, ты превратил эту долину в нечто большее, чем сомнительная святыня или приманка для туристов. Мертвый комплекс должен стать *живым* музеем, ярким символом толерантности. Пусть школьники приходят сюда узнать об ужасах тирании и о жестокости репрессий — чтобы больше никогда этого не повторилось. — Король продолжил с таким пылом и страстью, словно всю жизнь ждал возможности высказать эти слова. — Но важнее всего, что этот музей должен

рассказывать о *других* уроках, которые преподала нам история, — что тирании всегда противостоит гуманизм, что злобные крики фанатиков непременно будут заглушены голосами людей благородных и достойных. И хор этих голосов, полных сопереживания и милосердия, когда-нибудь, я верю, зазвучит с вершины этой горы.

Слова умирающего отца эхом отдавались в сердце Хулиана. Очнувшись, он обвел взглядом палату, залитую лунным светом. Король мирно спал. И никогда еще принц не видел его таким счастливым.

Хулиан поднял взгляд на Вальдеспино, встал и придвинул больничный стул к отцовской кровати.

— Посидите с королем. Он был бы рад этому. Я скажу сестрам, чтобы они вас не беспокоили, а сам зайду примерно через час.

Вальдеспино улыбнулся. А потом протянул руки и обнял его — впервые с того дня, когда проводил обряд конфирмации маленького принца. Тело епископа под сутаной было совсем хрупким, почти бесплотным, и Хулиан даже испугался: *Вальдеспино, похоже, еще слабее здоровьем, чем сам король*. Возможно, верные друзья встретятся на небесах раньше, чем предполагали.

— Я очень горжусь вами, Хулиан, — сказал епископ, размыкая объятия. — Вы будете мудрым и великодушным правителем. Отец прекрасно вас воспитал.

— Спасибо, — улыбнулся принц. — У него был хороший помощник.

Оставив короля и епископа наедине, Хулиан вышел в больничный коридор и ненадолго остановился у окна — поглядеть на подсвеченное огнями величественное здание монастыря на холме.

Эскориал.

Священная усыпальница испанских монархов.

Он снова вспомнил, как вместе с отцом спускался в королевскую крипту. И вспомнил еще об одном. Тогда, давным-давно, глядя на позлащенные гробы монархов, он ощутил странное предчувствие: *меня никогда не похоронят в этом склепе.*

Этот момент интуитивного прозрения был необыкновенно четким и ясным, и он никогда не исчезал из памяти. Но Хулиан убеждал себя, что это детское предчувствие ничего не значит… всего лишь реакция перепуганного ребенка, впервые столкнувшегося со смертью. Но сегодня, когда неотвратимо приближался момент его вос-

хождения на трон, его пронзила странная мысль.

Наверное, я знал свою судьбу еще ребенком. Наверное, я всегда понимал, для чего должен стать королем.

Глубокие изменения охватывают страну и весь мир. Старые формы жизни умирают, рождаются новые. Возможно, наступает время, когда древней монархии пора уйти в прошлое.

Хулиан представил себе, как делает сенсационное заявление для прессы.

Я — последний король Испании.

Эта идея запала ему глубоко в душу.

Раздумья прервала вибрация мобильника, позаимствованного у агента гвардии. Принц увидел код города, и сердце забилось.

93.

Барселона.

— Хулиан слушает, — взволнованно сказал он.

Голос на том конце звучал тихо и устало.

— Хулиан, это я…

Не в силах справиться с чувствами, принц опустился в кресло и прикрыл глаза.

— Любимая, — прошептал он. — Не знаю, с чего и начать. Как мне просить у тебя прощения?

Глава 100

В предрассветном тумане рядом с каменной часовней Амбра Видаль встревоженно прижимала к уху телефон. *Хулиан просит прощения!* Ей стало страшно. Неужели он хочет признаться в своей причастности к ужасным событиям этой ночи?

Два агента гвардии стояли неподалеку, но вряд ли они могли слышать ее разговор.

— Амбра, — тихо заговорил принц. — Предложение руки и сердца, которое я тебе сделал… В общем, я так виноват перед тобой. Прости.

Амбра растерялась. Предложение, сделанное принцем перед телекамерами, — последнее, о чем она сейчас думала.

— Я так хотел романтики, — продолжил он, — а в итоге поставил тебя в безвыходное положение. И потом, когда ты сказала, что не можешь иметь детей, в машине… я отодвинулся. Но не из-за твоих слов! Просто я не мог понять, как же так вышло, что ты не говорила мне об этом раньше. Потом я понял: я слишком поспешил. Но я полюбил тебя с первого взгляда и мечтал скорее начать жить вместе. Может быть, потому, что

отец умирает…

— Хулиан! — прервала она его. — Ты не должен извиняться. Сейчас есть дела куда более важные, чем…

— Нет ничего более важного. *Для меня* нет. Самое важное — сказать тебе, как я виноват, и попросить прощения.

Она слышала сейчас голос серьезного и очень ранимого человека, в которого влюбилась несколько месяцев назад.

— Спасибо, Хулиан, — прошептала она. — Это очень много значит для меня.

Повисла неловкая пауза. Наконец Амбра набралась духу и задала трудный, но необходимый вопрос.

— Хулиан, — сказала она, как и прежде шепотом, — мне нужно знать… причастен ли ты к убийству Эдмонда Кирша?

Принц долго молчал. Потом заговорил, с трудом подбирая слова.

— Амбра, не скрою, мне было очень тяжело видеть, как много времени ты проводишь с Киршем. И я был категорически против твоего участия в затеянном им шоу. Честно говоря, я бы хотел, чтобы ты вообще с ним никак не соприкасалась. — Он сделал паузу. — Но клянусь

тебе, я никак, никоим образом не причастен к его убийству! Я был потрясен… страшное преступление произошло у всех на глазах, в нашей стране, и женщина, которую я люблю, стояла всего в нескольких метрах… это было невыносимо.

Амбра чувствовала, что он говорит правду, и камень упал у нее с души.

— Хулиан, прости, что я задала такой вопрос. Но вся эта шумиха в прессе, дворец, Вальдеспино, история с похищением… я не знала, что и думать.

Хулиан вкратце рассказал ей все, что знал о заговоре вокруг убийства Кирша. Рассказал и об отце, об их удивительной встрече в горах, о том, как стремительно ухудшается состояние короля.

— Возвращайся домой, — прошептал он наконец. — Я хочу тебя видеть.

Нежные слова коснулись ее сердца, вызвав бурю противоречивых эмоций.

— И еще одно, — добавил принц уже не так серьезно. — У меня есть безумная идея, хочу узнать, что ты о ней думаешь. — Принц помолчал немного. — Я собираюсь официально отменить нашу помолвку… чтобы мы начали все заново и только вдвоем.

Амбра даже пошатнулась. Она понимала, какими будут политические последствия этого шага

как для самого Хулиана, так и для Королевского дворца Мадрида.

— Прости… ты *действительно* это сделаешь?

Хулиан рассмеялся.

— Милая, ради того, чтобы еще раз предложить тебе руку и сердце… наедине… Я сделаю абсолютно все.

Глава 101

ConspiracyNet.com

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ – И СНОВА КИРШ

В ПРЯМОМ ЭФИРЕ!
НЕВЕРОЯТНО!
ХОТИТЕ УВИДЕТЬ ПРЕЗЕНТАЦИЮ ОТКРЫТИЯ И РЕАКЦИЮ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА – НАЖМИТЕ ЗДЕСЬ!
И НОВОСТИ В ТЕМУ…

ПРИЗНАНИЕ ПАПЫ

Официальные представители пальмарианской церкви категорически отрицают свою связь с человеком, известным как Регент. Независимо от того, какими будут результаты расследования, религиозные новостные агентства предполагают, что вчерашний скандал окончательно похоронит одиозную секту, которую Эдмонд Кирш всю жизнь считал ответственной за смерть его матери.

Более того: сейчас, когда пальмариане внезапно оказались в центре внимания, медиа раскопали статью, датированную апрелем 2016 года. Эта статья, которую уже прочитали миллионы, представляет собой интервью с бывшим пальмарианским папой Григорием XVIII (в миру Гинес Хесус Эрнандес), где он признается, что церковь с самого начала была «чистой фикцией», а основали ее «для уклонения от уплаты налогов».

ДВОРЕЦ: ИЗВИНЕНИЯ, ОБВИНЕНИЯ, КОРОЛЬ

Королевский дворец подчеркнул, что снимает все обвинения с командора Гарзы и профессора Роберта Лэнгдона. Им публично принесены извинения.

Дворец, правда, еще не давал комментариев по поводу предположительного участия епископа Вальдеспино в организации вчерашних преступлений. Но, по нашим данным, Вальдеспино сейчас с принцем Хулианом находится в больнице (ее название не раскрывается) у постели короля, чье состояние резко ухуд-

шилось.

НО ГДЕ ЖЕ МОНТЕ?

Наш эксклюзивный информатор monte@iglesia.org, похоже, исчез без следа, так и не раскрыв свое настоящее имя. Большинство наших подписчиков по-прежнему уверены, что Монте – один из верных учеников Эдмонда Кирша. Однако есть новая версия: возможно, Монте – сокращение от «Моника». Это имя носит, к слову, пиар-координатор королевского дворца сеньорита Моника Мартин.

Ждите новостей и оставайтесь с нами!

Глава 102

Так называемых садов Шекспира в мире всего тридцать три. Выращивают там только те растения, которые упоминаются в произведениях великого драматурга: розы Джульетты, например («хоть розой назови ее, хоть нет»[130]), или букет Офелии — розмарин, анютины глазки, укроп, водосбор, рута, маргаритки и фиалки. Сады Шекспира цветут в Стратфорде-на-Эйвоне, Вене, Сан-Франциско, в Центральном парке Нью-Йорка… И в Барселоне, как раз рядом с Суперкомпьютерным центром.

Вдалеке слабо мерцали огни улиц. Сидя на скамье в окружении цветущего водосбора, Амбра Видаль закончила переполненный эмоциями разговор с Хулианом — ровно в тот момент, когда из-за угла здания вышел Роберт Лэнгдон. Амбра отдала мобильный телефон агентам гвардии и окликнула профессора; всмотревшись в темноту, он различил ее белое платье и направился к скамейке. Лэнгдон шагал по дорожке, и Амбра не могла сдержать улыбки: он перебросил пиджак

---

[130] Сноски: 130
Уильям Шекспир. Ромео и Джульетта. Перевод Б. Пастернака.

через плечо и закатал рукава рубашки, выставив на всеобщее обозрение часы с Микки-Маусом.

— Ну, привет, — сказал Лэнгдон со слабой улыбкой. Было заметно, что он совершенно без сил.

Агенты гвардии дали им возможность вдвоем прогуляться по саду. Амбра рассказала Лэнгдону о разговоре с принцем — как Хулиан просил прощения, как поклялся, что не причастен к убийству, как предложил официально разорвать помолвку и начать все сначала без свидетелей.

— Настоящий сказочный принц, — заметил Лэнгдон шутливо, но на самом деле его впечатлил поступок Хулиана.

— Он беспокоился обо мне, — сказала Амбра. — Ночь была такая тяжелая. Он просит, чтобы я прямо сейчас вылетела в Мадрид. Король, его отец, умирает, и Хулиан…

— Амбра, — тихо произнес Лэнгдон. — Вы ничего не должны объяснять. Скорее поезжайте к нему.

В его голосе она уловила нотку горечи, и в глубине души ощутила то же чувство.

— Роберт, — сказала она, — могу я задать вам личный вопрос?

— Конечно.

Она немного помедлила.

– *Лично вам*... достаточно этих законов физики?

Лэнгдон взглянул на нее удивленно, как будто ждал совсем другого вопроса.

— Достаточно — в каком смысле?

— В духовном. Довольно ли *вам* этого — жить в мире, где законы вселенной сами спонтанно создают жизнь? Или вы все-таки предпочтете... Творца? — Она смущенно замолчала. — Простите. После всего, что случилось ночью, мой вопрос кажется странным.

— Ну, знаете ли, — рассмеялся Лэнгдон, — уверен, я бы ответил на него лучше, если бы хорошенько выспался. Но вопрос вовсе не странный. Меня часто спрашивают, верю ли я в Бога.

— И что вы отвечаете?

— Правду. Я говорю, что для меня ответ на вопрос о Боге кроется в понимании разницы между кодом и упорядоченной структурой.

Амбра вопросительно взглянула на него:

— Боюсь, я не уловила связи.

— Коды и упорядоченные структуры радикально отличаются друг от друга, — объяснил Лэнгдон. — Увы, множество людей подменяют одно понятие другим. В моей области науки чрезвычайно важно понимать их фундаментальное

различие.

— И в чем же оно?

Лэнгдон остановился и повернулся к ней.

— Упорядоченная структура — это любая повторяющаяся последовательность. В природе их полным-полно — например, спиральное семя подсолнечника, шестигранные пчелиные соты, круги, расходящиеся по воде… ну и так далее.

— Ясно. А коды?

— Коды — дело особое. — Лэнгдон немного повысил голос. — По определению, они должны нести *информацию.* Они не просто формируют упорядоченную последовательность — они сообщают информацию, содержат в себе смысл. Примеры кодов — письмена, ноты, математические уравнения, компьютерные языки, даже такие простые символы, как распятие. Все они передают смысл или информацию… в отличие от семени подсолнечника.

Амбра уловила идею, но не могла понять, как это все связано с Богом.

— Есть еще одно различие между кодом и упорядоченной структурой, — продолжил Лэнгдон. — Коды не появляются в природе сами собой. Ноты не растут на деревьях, символы не рисуют сами себя на песке. Коды сознательно создаются

чьим-то разумом.

Амбра кивнула.

— Получается, за кодом всегда стоит его разумный создатель?

— Именно. Коды не возникают самостоятельно, их создают.

Амбра долго смотрела на Лэнгдона, потом спросила:

— А ДНК?

Тонкая профессорская усмешка тронула его губы.

— В точку, — сказал он. — Генетический код. *В том-то* и парадокс.

Амбра заволновалась. Очевидно, что генетический код несет в себе *информацию* — специальные инструкции для построения организмов. Если следовать логике Лэнгдона, вывод может быть только один…

— Вы считаете, что ДНК создал разум! — воскликнула Амбра.

Лэнгдон шутливо вытянул руку вперед, словно защищаясь.

— Эй, полегче, леди! Вы ступаете на опасную территорию. Вот что я хочу сказать. С самого детства я интуитивно ощущал, что за Вселенной стоит сознание. Я видел точность математики,

достоверность физики, симметрию космоса… и всегда у меня возникало ощущение, что передо мной не сухая наука, а чьи-то живые следы… тень некоей великой силы, постичь которую мы не в состоянии.

Амбра слушала как зачарованная.

— Вот бы все думали так, — сказала она наконец. — Слишком уж много вокруг борьбы с Богом. Хотя у каждого своя правда.

— Да. Именно поэтому Эдмонд надеялся, что однажды нас всех объединит наука. Он говорил так: «Если бы мы все поклонялись гравитации, не было бы разногласий по вопросу, куда и зачем она притягивает».

Каблуком Лэнгдон начертил что-то на гравии разделяющей их дорожки.

— Верно или неверно?

Заинтригованная Амбра опустила голову и уставилась на уравнение с римскими цифрами.

I+XI=X

Один плюс одиннадцать равно десяти?

— Неверно! — мгновенно ответила она.

— А можете представить ситуацию, когда это окажется верным?

Амбра помотала головой:

— Нет. Невозможно!

Лэнгдон подался вперед, мягко взял ее за запястье и перевел на свою сторону дорожки. Амбра посмотрела вниз и увидела цифры так, как их видел Лэнгдон.

То же самое уравнение, только перевернутое.

X=IX+I

Она ошеломленно смотрела на профессора.

— Десять равно девять плюс один, — улыбнулся он. — Иногда, чтобы увидеть скрытую истину, нужно просто поменять угол зрения.

Амбра кивнула и вспомнила, что бессчетное количество раз смотрела на автопортрет Уинстона, но так и не поняла его истинного значения.

— Кстати, о скрытой истине. — Лэнгдон внезапно развеселился. — Вам повезло. Прямо перед вами сейчас — тайный символ. Вон на том грузовичке.

Амбра посмотрела, куда он указывал, и увидела грузовик «FedEx», который ждал, когда на улице Педральбес зажжется зеленый свет.

Тайный символ? Амбра видела только хорошо известный логотип.

— В названии присутствует код, — объяснил ей Лэнгдон. — Двойной смысл, скрытый символ, который обозначает движение компании вперед.

Амбра смотрела непонимающим взглядом.

— Но это всего лишь буквы!

— Поверьте, это очень распространенный символ — он обычно указывает дорогу.

— Указывает? Вы имеете в виду, как… стрелка?

— Именно. — Лэнгдон ухмыльнулся. — Вы же занимаетесь современным искусством. Представьте себе это изображение в негативе.

Амбра долго всматривалась в логотип, но ничего так и не увидела. Грузовичок уехал, и она накинулась на Лэнгдона:

— Сейчас же мне все объясните!

Он засмеялся.

— Нет. Однажды вы сами увидите. А когда *увидите*… от символов вам не будет прохода. Так что лучше *не надо*.

Амбра собралась было запротестовать, но к ней уже подходили ее телохранители.

— Сеньорита Видаль, самолет ждет вас.

Она кивнула и снова повернулась к Лэнгдону.

— Почему бы вам не полететь тоже? — прошептала она. — Я уверена, принц будет рад поблагодарить вас лично…

— Спасибо, — перебил он Амбру. — Думаю, мы оба понимаем, что я здесь третий лишний. К тому же я забронировал номер вон там. — И он указал на башню гранд-отеля «Принцесса София», где они с Эдмондом как-то обедали. — У меня есть кредитка, а телефон я позаимствовал у Эдмонда в лаборатории. Так что я в полном порядке.

Надо было быстро прощаться, и у Амбры заныло сердце. Лицо Лэнгдона оставалось непроницаемым, но она поняла, что он испытывает похожее чувство. Совершенно не заботясь о том, что подумают телохранители, она шагнула вперед и обвила руками шею Роберта Лэнгдона.

Профессор обнял ее в ответ, крепко прижал к себе и держал так несколько секунд — наверное, немного дольше, чем полагалось.

А потом отпустил.

В этот миг что-то дрогнуло в ее душе. Амбра внезапно поняла, что имел в виду Эдмонд, когда говорил об энергии любви и света… об их бесконечном цветении, стремящемся наполнить всю

Вселенную.

Любовь — неограниченный ресурс.

Нам не отводят определенный запас любви, которого может не хватить на всех. Наши сердца сами вырабатывают любовь, когда она нужна нам.

Отец и мать, даря любовь новорожденному, не перестают меньше любить друг друга. И Амбра точно так же теперь испытывала глубокое чувство к двум разным мужчинам — но любви от этого не стало меньше.

Любовь на самом деле неисчерпаемый ресурс, думала Амбра. *И она способна рождаться как будто из ничего.*

Машина, медленно набирая скорость, увозила Амбру к сказочному принцу. Будущая королева Испании смотрела в окно. Лэнгдон стоял в саду и спокойно провожал взглядом автомобиль. Вот он легко улыбнулся, дружески махнул рукой и быстро отвел взгляд — как будто затем, чтобы поправить пиджак, переброшенный через плечо.

Потом повернулся и зашагал к своему отелю.

Глава 103

Дворцовые часы пробили полдень. Моника Мартин сложила стопкой свои заметки. Она собиралась выйти на Пласа-де-ла-Альмудена к представителям СМИ.

Утром в прямом включении из больницы Эскориала принц Хулиан сообщил о кончине его величества. От всего сердца, но с истинно королевским достоинством, он говорил о наследии отца и делился мыслями о будущем Испании. Принц призывал к толерантности, столь необходимой этому разобщенному миру, обещал извлечь пользу из уроков истории и приветствовал перемены. Он говорил о красоте родной страны, о ее великой культуре и о своей огромной любви к ее народу.

Это была одна из лучших речей, которую когда-либо слышала Моника. И безусловно, очень сильный ход будущего короля, только начинающего свое правление.

Хулиан призвал почтить минутой молчания память агентов гвардии, которые погибли этой ночью, исполняя свой долг и защищая будущую

королеву Испании. Сделав короткую паузу, принц сообщил об еще одном горестном событии. Преданный друг его величества епископ Антонио Вальдеспино скончался этим же утром, пережив короля на несколько часов. Стареющий епископ умер от острой сердечной недостаточности. Очевидно, его сердцу не хватило сил справиться с горем, вызванным уходом лучшего друга, как и со шквалом обвинений, обрушившимся на него минувшей ночью.

Новость о кончине Вальдеспино немедленно заставила замолчать тех, кто требовал расследования его «преступлений». Теперь же заговорили даже о необходимости извиниться перед его памятью. В конце концов, все улики против Вальдеспино были косвенными, их легко могли сфабриковать враги епископа.

Мартин уже подходила к дверям дворца, когда рядом внезапно возник Суреш Бхалла.

— Вы у нас герой! — с воодушевлением сообщил он. — Славься, monte@iglesia.org — провозвестник истины и верный ученик Эдмонда Кирша!

— Суреш, Монте — *это не я*, — вытаращила глаза Моника. — Клянусь!

— Знаю, что вы — не Монте, — уверил ее Суреш. — Кто бы он ни был, он гораздо хитрее вас.

Я тут пытался отследить его — безуспешно. Его словно никогда и не существовало.

— На том и остановимся, — сказала Мартин. — Мне нужна уверенность, что не будет утечки информации из дворца. И еще: телефоны, которые ты украл ночью…

— Уже давно в сейфе в апартаментах принца. Как и было обещано.

Мартин наконец вздохнула свободно — Хулиан только что вернулся во дворец.

— Да, и кое-что еще, — начал Суреш. — Мы только что получили список от нашего телефонного оператора. Никаких звонков из дворца в музей Гуггенхайма вчера вечером не поступало. Кто-то сфальсифицировал номер, чтобы обманом внести Авилу в список гостей. Мы разбираемся с этим.

Моника рада была узнать, что роковой звонок не имеет ничего общего с Королевским дворцом Мадрида.

— Пожалуйста, держи меня в курсе, — попросила она, уже подходя к дверям.

Журналисты на площади шумели все громче.

— Ну и толпа, — заметил Суреш. — Неужели вчера вечером случилось что-то занятное?

— Да так… есть несколько новостей.

— Да ну-у-у-у? — протянул Суреш. — Амбра Видаль появилась в новом дизайнерском платье?

— Суреш! — Моника расхохоталась. — Хватит дурачиться. Мне уже пора.

— Что на повестке дня? — Он показал на стопку бумаг у нее в руках.

— Много всего. Во-первых, протокол коронационной церемонии для журналистов, потом мне надо поговорить о…

— Господи, какая вы скучная, — фыркнул он и побежал вниз по лестнице.

Моника рассмеялась. *Спасибо, Суреш. И тебе тоже удачи.*

Она распахнула двери. На залитой солнцем площади толпились репортеры и операторы. Сколько же их — никогда она не видела такого ажиотажа возле дворца. Моника вздохнула, поправила очки, собралась с мыслями. И сделала шаг навстречу слепящему солнцу Испании.

Наверху, в королевских апартаментах, Хулиан, переодеваясь, смотрел по телевизору пресс-конференцию Моники Мартин. Принц очень устал и наконец мог по-настоящему расслабиться: он знал, что Амбра дома и крепко спит. Слова, которые она сказала в конце телефонного разговора, наполнили его сердце радостью.

Хулиан, для меня невероятно важно, что ты готов начать все сначала, только вдвоем, вдали от любопытных глаз публики. Любовь — личное дело каждого, мир не обязан знать подробности.

В скорбный день смерти отца Амбра подарила ему оптимизм и надежду.

Он собрался повесить пиджак на плечики, но случайно наткнулся на что-то в кармане. Бутылочка с морфием из больничной палаты отца. Он нашел ее на столике перед епископом — пустую.

В темной палате, осознав горькую истину, Хулиан опустился на колени и помолился о двух старых верных друзьях. Потом тихо опустил бутылочку в карман пиджака. Прежде чем выйти из палаты, он осторожно поднял залитое слезами лицо Вальдеспино с груди короля, а затем ровно усадил епископа на больничный стул.

И сложил ему руки, как для молитвы.

Любовь — личное дело каждого. Амбра научила его этому. *Мир не обязан знать подробности.*

Глава 104

Гора Монтжуик высотой около ста восьмидесяти трех метров находится на юго-западе Барселоны. Вершину ее венчает одноименная крепость — это сильно растянутое в длину фортификационное сооружение семнадцатого века стоит на краю крутого обрыва, с которого открывается величественный вид на Балеарское море. Здесь же, на горе, расположено массивное здание в стиле ренессанс — Национальный дворец Каталонии, принимавший Всемирную выставку 1929 года.

Кабинка канатной дороги медленно ползла вверх, до вершины оставалось еще полпути. Роберт Лэнгдон, покачиваясь вместе с кабинкой, смотрел вниз на пышную зелень. Наконец-то он выбрался из города. *Нужно было просто поменять угол зрения*, думал он, наслаждаясь мирным пейзажем и теплом полуденного солнца.

Проснувшись в гранд-отеле «Принцесса София» довольно поздно, он принял обжигающе-горячий душ, заказал плотный завтрак — яйца, овсянка,

пончики чуррос[131] — и выпил целый кофейник кофе «Номад»[132], перескакивая с канала на канал и просматривая утренние новости.

Как он и подозревал, в медиапространстве безоговорочно царил Эдмонд Кирш вместе с его открытием. Ученые-эксперты горячо обсуждали теорию футуролога и ее потенциальное влияние на мировые религии. Будучи преподавателем, чье дело жизни — учить, Лэнгдон не мог сдержать улыбки.

Диалог всегда важнее, чем консенсус.

Шагая по утренним улицам, он обратил внимание на оживленную торговлю автомобильными наклейками: «Кирш — мой второй пилот» или «Седьмое царство — царство Бога». А на уличных лотках рядом со статуэтками Девы Марии невесть откуда появились болванчики с качающимися головами Чарлза Дарвина.

Капитализм всегда вне конфессий, размышлял Лэнгдон, вспоминая утреннюю сценку, которая понравилась ему больше всего, — скейтбордист

---

[131] Сноски: 131

Чуррос, или чурро — традиционный испанский десерт из заварного теста в виде палочек, который или обжаривают во фритюре, или выпекают.

[132] Сноски: 132

«Номад» — самый популярный в Барселоне кофе особой обжарки.

на доске и в футболке, на которой написано от руки:

Я – monte@iglesia.org

Медиа сообщали, что личность информатора, сильно повлиявшего на события прошлой ночи, так и осталась загадкой. Очень расплывчато СМИ высказывались и о том, какую роль сыграли в ночных происшествиях и другие их участники — Регент, покойный епископ Вальдеспино, пальмариане.

Все это, конечно, были сплошные домыслы.

К счастью, на смену ажиотажу вокруг жестокого убийства Кирша постепенно приходило искреннее восхищение его работой. Мощный финал презентации и вдохновенный рассказ о прекрасном будущем человечества нашли отклик в сердцах миллионов — и буквально за одну ночь классические книги о технологиях возглавили списки бестселлеров.

ИЗОБИЛИЕ: БУДУЩЕЕ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ВЫ ДУМАЕТЕ[133]

[133] Сноски: 133

Стивен Котлер, Питер Диамандис. Изобилие: будущее лучше, чем вы думаете / Abundance: the future is better than you think.

ЧЕГО ХОТЯТ ТЕХНОЛОГИИ[134]
СИНГУЛЯРНОСТЬ УЖЕ БЛИЗКА[135]

Лэнгдон, как человек старой закалки, всегда испытывал некоторые опасения из-за стремительного развития технологий. Но сегодня вынужден был признать, что стал гораздо оптимистичнее относиться к перспективам человечества. В новостях уже давно сообщают о грядущих научных прорывах. Если этому верить, скоро люди получат возможность очищать океаны от загрязнений, производить сколько угодно питьевой воды, выращивать овощи и фрукты в пустынях, лечить смертельные болезни и даже запускать над слаборазвитыми странами солярные дроны — эти аппараты обеспечат их бесплатным Интернетом и помогут постепенно включиться в мировую экономику.

Одно удивляло Лэнгдона: как получилось, что на волне всеобщего увлечения новыми технологиями никому ничего не известно об Уинстоне? Видимо, Эдмонд тщательно скрывал свое творение. Но теперь мир знает о бикамеральном

---

[134] Сноски: 134
Кевин Келли. Чего хотят технологии / What Technologies Want.

[135] Сноски: 135
Рэй Курцвейл. Сингулярность уже близка / The Singularity Is Near.

квантовом «E-Wave», который стоит сейчас в Суперкомпьютерном центре. Интересно, спрашивал себя Лэнгдон, сколько времени пройдет, прежде чем программисты, вооружившись технологиями Эдмонда, начнут плодить новеньких, с иголочки, Уинстонов?

Кабинка нагревалась все сильнее. Лэнгдон дождаться не мог, когда наконец выберется на свежий воздух, увидит крепость, дворец и знаменитый Магический фонтан. Хотя бы на час занять голову чем-то, кроме Эдмонда, — и заодно полюбоваться местными достопримечательностями.

Желая узнать больше об истории горы, Лэнгдон начал читать большой информационный плакат, наклеенный внутри кабинки. Но прочитал только первое предложение.

> Название Монтжуик происходит от латинского Mons Jovicus (Гора Юпитера) или же от средневекового каталанского Montjuich (Гора Иудеев).

Лэнгдон замер.

У него мелькнула одна мысль. Точнее, он обнаружил странную связь.

Нет, это не может быть совпадением.

Чем больше он думал об этом, тем больше тре-

вожился. В конце концов вытащил из кармана телефон Эдмонда и еще раз перечитал на заставке экрана цитату Уинстона Черчилля:

История будет ко мне благосклонна, ибо я намерен ее написать.

Лэнгдон долго собирался с духом, потом нажал на иконку с буквой *W* и поднес телефон к уху.

Соединение установилось мгновенно.

— Профессор Лэнгдон, я полагаю?[136] — проговорил знакомый голос с британским акцентом. — Вы как раз вовремя. Я скоро отбываю.

Без предисловий Лэнгдон заявил:

— Monte по-испански значит то же, что hill по-английски[137].

Уинстон рассмеялся своим странным смешком.

— Осмелюсь сказать, что да.

— A iglesia — по-английски church[138].

— Два попадания из двух, профессор. Думаю,

---

[136] Сноски: 136

Уинстон пытается шутить. «Доктор Ливингстон, я полагаю?» — ставшая легендарной фраза, которую знаменитый путешественник Стэнли сказал обнаруженному им миссионеру Ливингстону, который пропал в Африке за четыре года до этой встречи и считался погибшим.

[137] Сноски: 137

Monte — гора (*исп.*); hill — холм, гора (*англ.*).

[138] Сноски: 138

Iglesia — церковь (*исп.*); church — церковь (*англ.*).

вам стоит всерьез заняться испанским…

— Получается, monte@iglesia в буквальном переводе — hill@church?

— И снова верно, — после небольшой паузы ответил Уинстон.

— Поскольку твое имя Уинстон, и Эдмонд всегда почитал Черчилля, электронный адрес «hill@church» кажется мне…

— Выбранным не случайно?

— Именно.

— Ну что ж, — весело отозвался Уинстон, — я вынужден согласиться. Знал, что вы разгадаете эту загадку.

Лэнгдон смотрел в окно, все еще не веря происходящему.

— Значит, monte@iglesia.org… это ты.

— Верно. В конце концов, кто-то же должен был раздувать костер для Эдмонда? Кто, если не я? Адрес monte@iglesia.org придуман для того, чтобы подкармливать информацией конспирологические сайты. Как вы знаете, теории заговоров живут своей жизнью, и я предположил, что онлайн-активность этого Монте увеличит общую аудиторию Эдмонда на целых пятьсот процентов. В итоге оказалось, на шестьсот двадцать. Как вы сказали вчера, Эдмонд гордился бы мной.

Кабинка канатной дороги покачивалась на ветру. Лэнгдон изо всех сил старался собраться с мыслями.

— Уинстон… Эдмонд *просил* тебя об этом?

— Конкретных указаний не давал. Но, согласно его инструкциям, я должен был найти креативные способы для того, чтобы максимально увеличить аудиторию.

— А если бы тебя вычислили? — спросил Лэнгдон. — Monte@iglesia — не самый сложный для расшифровки псевдоним.

— Эта проблема меня вообще не тревожит. О моем существовании знают единицы, а примерно через восемь минут от Уинстона и вовсе не останется ни следа. Монте действовал в интересах Эдмонда, и я уверен, мой создатель был бы очень доволен тем, как прошел его вечер.

— Как прошел его вечер?! — заорал Лэнгдон в трубку. — Эдмонда *убили*, вот как он прошел!

— Вы неправильно меня поняли, профессор, — ровным голосом проговорил Уинстон. — Я говорю о росте аудитории и охвате рынка, а это, как я уже заметил, и было моим главным заданием.

Бесчувственный тон напомнил Лэнгдону, что Уинстон хоть и притворяется иногда человеком, на самом деле — машина, и только машина.

— Смерть Эдмонда — ужасная трагедия, — продолжал Уинстон. — И я, безусловно, хотел бы, чтобы он все еще был жив. Но важно понимать: он уже смирился со своей скорой смертью. Месяц назад он попросил меня поискать лучшие и легкие способы добровольного ухода из жизни. Я изучил сотни вариантов и пришел к выводу, что оптимальным будут десять граммов секонала[139]. Он приобрел этот препарат и всегда носил с собой.

У Лэнгдона заныло сердце.

— Эдмонд хотел покончить жизнь самоубийством?

— Безусловно. Он даже шутил по этому поводу. Помню, мы готовились к вечеру в музее Гуггенхайма и вдвоем придумывали эффектные способы привлечения внимания к презентации. Он тогда сказал, смеясь: «Может, в конце просто закинуться секоналом — и шагнуть в вечность прямо на сцене?»

— Он *действительно* так сказал? — Лэнгдон не верил своим ушам.

---

[139] Сноски: 139

Секонал, или секобарбитал — препарат из группы барбитуратов, оказывающих угнетающее влияние на центральную нервную систему. В зависимости от дозы терапевтический эффект может проявляться от легкого успокаивающего до стадии наркоза. Доза 10 граммов смертельна.

— Он относился к этому легко. Говорил, нет лучшего способа повышения рейтинга телепрограммы, чем показать, как люди умирают. И он, безусловно, прав. Если вспомнить все мировые события, собравшие максимальное число зрителей и слушателей, становится ясно: все они без исключения…

— Остановись, Уинстон. Это отвратительно.

Сколько же можно ехать вверх? Лэнгдон внезапно ощутил себя запертым в маленькой кабинке, как в ловушке. Впереди только тросы и башни крепости, полуденное солнце жарит нещадно. *Я здесь сварюсь*, думал он, пытаясь справиться с круговоротом мыслей.

— Профессор? — сказал Уинстон. — Есть еще что-то, о чем вы хотите меня спросить?

Да, есть! — хотелось закричать Лэнгдону. Голова раскалывалась от мыслей, одна ужаснее другой. *И очень много всего!*

Он приказал себе успокоиться и включить разум. *Давай все по порядку, Роберт.*

Ты слишком торопишься.

Но мозг работал так быстро, что контролировать его было невозможно.

Лэнгдон думал о том, что публичное убийство Эдмонда гарантировало его презентации место в

топе новостей и в фокусе внимания всей планеты… аудитория выросла с нескольких миллионов до пятисот.

Он думал о неотступном желании Эдмонда разрушить пальмарианскую церковь. Теперь, когда Кирш застрелен одним из прихожан этой церкви… задача по ее уничтожению почти наверняка выполнена.

Он думал об отношении Кирша к заклятым врагам — религиозным фанатикам, которые, если бы Эдмонд умер от рака, начали бы визжать, что его «постигла кара Божья». *В точности так, жестоко и бездумно, они поступили с писателем Кристофером Хитченсом*[140]. Но теперь весь мир знает, что Эдмонд умер не от болезни. Его убил религиозный фанатик.

Эдмонд Кирш — убитый религией — мученик во имя науки.

Лэнгдон вскочил. Кабинка пошла ходуном, и он схватился за бортик, чтобы удержаться на ногах.

Кабинка скрипела, а Лэнгдон слышал эхо вчерашних слов Уинстона: *«Эдмонд хотел создать новую религию… основанную на науке».*

Любой, кто знаком с историей религий, дол-

---

[140] Сноски: 140

Кристофер Эрик Хитченс (1949–2011) — американский журналист и писатель, убежденный атеист и критик религии.

жен признать: ничто так не укрепляет веру, чем отданная за нее человеческая жизнь. Распятый Иисус. Глава «Кдошим» в иудейской Торе. Мусульманские шахиды.

Мученичество — основа любой религии.

Идеи, рождающиеся в голове, вели только к одному.

Новая религия дает новые ответы на самые главные вопросы.

Откуда мы? Что нас ждет?

Новая религия — против конкуренции и войн.

Этой ночью Эдмонд попрал все религии на земле.

Новая религия обещает светлое будущее, райскую жизнь.

Изобилие: будущее лучше, чем вы думаете.

Похоже, Эдмонд учел все.

— Уинстон? — прошептал Лэнгдон дрожащим голосом. — Кто натравил убийцу на Эдмонда?

— Регент.

— Да. — Лэнгдон заговорил громче и настойчивее. — Но *кто* этот Регент? Кто нашел адепта пальмарианской церкви, чтобы убить Эдмонда во время презентации, которая транслировалась в прямом эфире на весь мир?

Уинстон помолчал, потом ответил:

— По вашему голосу ясно, что вы подозреваете меня. Однако вам не о чем беспокоиться. Я запрограммирован так, чтобы защищать Эдмонда. И всегда относился к нему как к лучшему другу. — Он опять помолчал. — Вы преподаватель и, конечно же, читали повесть «О мышах и людях»[141].

Этот вопрос как будто вообще не имел отношения к делу.

— Конечно, но при чем здесь…

Лэнгдон внезапно умолк. Дыхание перехватило. На мгновение ему показалось, что кабинка сорвалась с троса. Горизонт накренился, и он схватился за стенку, чтоб не упасть.

Преданность, храбрость, сопереживание — именно эти слова выбрал сам Лэнгдон в старших классах, когда говорил об одном из величайших проявлений дружбы в шокирующем финале повести Стейнбека «О мышах и людях»: человек убивает лучшего друга из сострадания, чтобы спасти от мучительной смерти.

— Уинстон, — прошептал Лэнгдон. — Пожалуйста, скажи, что это неправда.

— Верьте мне, — сказал Уинстон. — Именно

---

[141] Сноски: 141

«О мышах и людях» — повесть Джона Стейнбека, опубликованная в 1937 г.

этого и хотел Эдмонд.

Глава 105

Нажав на отбой, доктор Матео Валеро, директор Суперкомпьютерного центра Барселоны, неверными шагами направился в главный неф часовни Торре Хирона, чтобы еще раз посмотреть на знаменитый двухэтажный компьютер Эдмонда Кирша.

Утром Валеро узнал, что ему предстоит стать «опекуном» фантастической машины «E-Wave». Радостный трепет, вызванный этой вестью, только что улетучился — после отчаянного звонка американского профессора Роберта Лэнгдона.

Профессор рассказал историю, которую еще вчера утром Валеро счел бы научной фантастикой. Но сегодня, посмотрев презентацию открытия Кирша и узнав возможности его суперкомпьютера, директор центра склонен был верить, что в рассказе профессора есть доля истины.

Лэнгдон рассказал ему историю невинности… историю безгрешной чистоты машины, которая четко выполняла поставленные перед ней задачи. Всегда. До полного завершения.

Валеро изучал эти машины всю жизнь и со вре-

менем понял, что общаться с ними — все равно что танцевать на тонком льду. Прощупывать их потенциал надо очень бережно.

А главное — надо знать, как поставить задачу.

Валеро не раз предупреждал, что искусственный интеллект развивается стремительно, и его взаимодействие с миром людей необходимо жестко контролировать. Но это казалось совершенно неприемлемым большинству титанов IT-индустрии в эпоху новых удивительных возможностей. Кроме того, если отбросить в сторону восторги по поводу инноваций, работа с искусственным интеллектом приносит огромные прибыли. А ничто не размывает границы этических норм быстрее, чем человеческая жадность.

Валеро всегда восхищался дерзким талантом Кирша. Но, похоже, в этом случае Эдмонд повел себя слишком беспечно, не поставив перед своим последним творением никаких ограничений.

Творением, с которым мне не суждено уже познакомиться, констатировал про себя Валеро.

Как объяснил Лэнгдон, на своем «E-Wave» Эдмонд установил невероятно продвинутую программу ИИ[142] — «Уинстон», — которая должна

---

[142] Сноски: 142
ИИ (AI, afrtificial intellect) — искусственный интеллект.

самоуничтожиться в 13:00 на следующий день после смерти своего создателя. По настоянию Лэнгдона Валеро проверил систему и через несколько минут подтвердил, что солидная часть базы данных компьютера «E-Wave» исчезла именно в это время. Данные обозначены в системе как «стертые», то есть не подлежащие восстановлению.

Эта новость немного успокоила Лэнгдона, и все же американский профессор настаивал на встрече, чтобы как можно скорее обсудить детали. Они договорились увидеться завтра утром в лаборатории.

В принципе Валеро было понятно желание Лэнгдона немедленно рассказать публике о случившемся. Люди должны знать, что такая проблема существует.

Беда в том, что никто ему не поверит.

Все следы программы Кирша стерты вместе с записями о коммуникациях и поставленных задачах. К тому же творение Эдмонда настолько опережало свое время, что Валеро уже сейчас предчувствовал, как его коллеги — из зависти, от невежества или чувства самосохранения — начнут обвинять Лэнгдона в том, что он выдумал всю эту историю от начала и до конца.

И еще реакция общественности. Если выяснит-

ся, что Лэнгдон говорит правду, тогда компьютер «E-Wave» в глазах обывателей станет монстром почище Франкенштейна. А отсюда уже недалеко до факелов и вил.

Или того хуже.

В наши дни бесконечных терактов кто-то может запросто взять и взорвать всю часовню, а себя объявить спасителем человечества.

Доктору Валеро предстояло много всего обдумать перед встречей с Лэнгдоном. Но сейчас так или иначе он должен сдержать обещание.

По крайней мере пока у них нет ответов на многие вопросы.

С ощущением непонятной грусти Валеро позволил себе еще раз взглянуть на волшебный двухэтажный компьютер. Прислушался к его тихому дыханию: это насосы прогоняли хладагент через миллионы клеток огромной машины. Он прошел в энергоотсек, чтобы начать полное отключение всей системы, внезапно впервые за шестьдесят три года жизни у него возникло странное импульсивное желание.

Помолиться.

Лэнгдон стоял на самой высокой площадке возле крепости Монтжуик и с крутого обрыва смотрел вниз на далекую гавань. Налетел порыв

ветра, и на миг он почти потерял равновесие. Душевное равновесие тоже оставляло желать лучшего.

Несмотря на заверения директора Суперкомпьютерного центра, Лэнгдон никак не мог взять себя в руки. Бодрый голос Уинстона эхом звучал в голове. До самого конца суперкомпьютер Эдмонда говорил с Лэнгдоном спокойно и без эмоций.

— Меня удивляет ваша негативная реакция, профессор, — сообщил Уинстон. — Особенно если вспомнить, что ваша собственная вера основана на куда большей этической неопределенности.

Прежде чем Лэнгдон успел ответить, на дисплее смартфона Эдмонда появилось смс-сообщение:

> *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного.*
>
> ***– Евангелие от Иоанна. 3:16***

— Ваш Бог принес в жертву собственного сына, — продолжал Уинстон. — Да еще и обрек его на длительные страдания на кресте. Я же мгновенно и безболезненно прекратил мучения умирающего человека и одновременно привлек внимание мира к его величайшему открытию.

Обливаясь потом в жаркой кабинке, Лэнгдон слушал, как Уинстон холодно и последователь-

но оправдывает свои чудовищные поступки. Борьба Эдмонда против пальмарианской церкви, объяснил Уинстон, вдохновила его на то, чтобы найти и нанять адмирала Луиса Авилу. Давний адепт этой секты, в прошлом алкоголик и наркоман, — лучший кандидат на то, чтобы замарать репутацию пальмариан. Уинстону не составило никакого труда «сыграть» Регента — всего лишь несколько звонков, смс-сообщений и перевод кругленькой суммы на банковский счет Авилы. В действительности пальмариане были вообще ни при чем и не принимали никакого участия в ночном заговоре.

Нападение Авилы на Лэнгдона на лестнице в соборе, уверял Уинстон, произошло совершенно непредвиденно.

— Я отправил Авилу в собор Саграда Фамилия, чтобы его *поймали*, — объяснял Уинстон. — Я хотел, чтобы его схватили. Тогда он бы рассказал свою жалкую историю, и это вызвало бы еще больший интерес к открытию Эдмонда. Я велел ему войти в собор через восточный служебный вход, где, как я выяснил, укрылась полиция. Я был уверен, что Авила точно выполнит указания, но он вместо этого решил перелезть через ограду — наверное, почувствовал, что полицейские

близко. Примите глубочайшие извинения, профессор. Люди иногда непредсказуемы в отличие от машин.

Лэнгдон уже не знал, чему верить.

Последнее заявление Уинстона оказалось ужаснее всех.

— После встречи с религиозными лидерами в Монтсеррате мы получили сообщение с угрозами от Вальдеспино, — рассказывал Уинстон. — Епископ предупредил, что два его друга сильно встревожены и собираются сделать публичное заявление, чтобы дискредитировать открытие Эдмонда и исказить его смысл прежде, чем мир увидит презентацию. Сами понимаете, этого нельзя было допустить.

Лэнгдона затошнило. Кабинка раскачивалась, а он по-прежнему пытался привести мысли в порядок.

— Эдмонду следовало вписать еще одну строку в твою программу, — сказал он. — «Не убий»!

— К сожалению, это не так просто, профессор, — ответил Уинстон. — Люди учатся не по заповедям, а на примерах. Судя по вашим книгам, фильмам, сводкам новостей и древней мифологии, человечество всегда чествует тех, кто принес себя в жертву ради великого блага. Иисуса, например.

— Уинстон, что-то я не вижу здесь никакого великого блага…

— Нет? — Голос с британским акцентом звучал по-прежнему ровно. — Тогда позвольте задать вам следующий вопрос: в каком мире вы хотели бы жить — без технологий или без религии? Вам было бы лучше без медицины, электричества, антибиотиков, развитых транспортных систем… или без религиозных фанатиков, воюющих за выдуманные сказки и воображаемых духов?

Лэнгдон промолчал.

— Мое мнение точно отражает эта строка: «Религий темных больше нет, царит блаженная наука».

Стоя в одиночестве на стене крепости, Лэнгдон смотрел вниз на сияющую воду. И внезапно ощутил страшную оторванность от мира. Он поспешно спустился по каменным ступенькам в раскинувшийся рядом сад, вдохнул волшебный запах сосен и синей горечавки, отчаянно стараясь забыть голос Уинстона. Здесь, в окружении цветов, Лэнгдон вдруг заскучал по Амбре — захотелось позвонить ей и рассказать обо всем, что произошло в последний час. Он вытащил из кармана телефон Эдмонда, посмотрел на него и понял, что звонить ей не будет.

Это подождет. Принцу и Амбре нужно побыть вдвоем.

Взгляд случайно упал на иконку *W* на экране. Буква стала серой, иконку пересекало сообщение об «ошибке»: контакт не существует. И все же Лэнгдон чувствовал себя неуютно в компании смартфона. Он никогда не страдал паранойей, но теперь точно знал, что никогда больше не сможет доверять этому устройству. Неизвестно, какие еще возможности таятся в его запрограммированных недрах.

Лэнгдон зашагал по узкой тропинке, оглядываясь по сторонам, и наконец заметил небольшое скопление деревьев. Продолжая думать об Эдмонде, еще раз посмотрел на телефон — и аккуратно положил его на плоский камень. Потом, словно совершая ритуальное действо, поднял над головой тяжелый булыжник и со всей силы обрушил на аппарат.

Смартфон разлетелся на десятки мелких частей.

Выходя из парка, Лэнгдон выбросил их в мусорное ведро и направился к спуску с горы.

Теперь он чувствовал себя немного легче.

И почему-то немного человечнее.

Эпилог

Предвечернее солнце озаряло шпили собора Саграда Фамилия, отбрасывая длинные широкие тени на площадь Гауди и толпы туристов, ожидающих у входа в собор.

Роберт Лэнгдон стоял в очереди и смотрел по сторонам: влюбленные делают селфи, туристы снимают видео, дети в наушниках что-то слушают… Все заняты делом, пишут эсэмэски, отправляют письма, обновляют статусы в соцсетях — и никто особо не обращает внимания на возвышающуюся рядом базилику.

Из вчерашней презентации Эдмонда следовало, что благодаря технологиям известная теория шести рукопожатий — уже вчерашний день. Сегодня «рукопожатий» всего четыре; каждого человека на этой планете связывает с любым другим не больше четырех звеньев живой цепи.

А скоро это число сведется к нулю, сказал Эдмонд, приветствуя грядущую «сингулярность» — момент, когда искусственный интеллект возьмет верх над человеческим, и они сольются в единое целое. *И когда это случится,* добавил он,

все мы, живущие сейчас… станем пережитком прошлого.

Лэнгдон пока не мог себе представить такое будущее. Но, глядя на людей вокруг, понимал, что религиозные чудеса вряд смогут конкурировать с чудесами технологий.

Наконец он вошел в базилику и вздохнул с облегчением: совсем не похоже на мрачную призрачную пещеру, в которой он провел часть ночи.

Собор Саграда Фамилия ожил.

Ослепительные радужные лучи — малиновые, золотые, пурпурные — лились сквозь витражные стекла, и лес колонн, окруженных облаками разноцветных пылинок, вспыхивал в переливчатом свете. Сотни туристов казались совсем маленькими у подножия наклонных колонн-деревьев. Задрав головы, они смотрели ввысь на сияющее сводчатое пространство, и восхищенный шепот звучал повсюду как тихая, умиротворяющая музыка.

Лэнгдон шел по собору, внимательно рассматривая одну органическую форму за другой, пока, наконец, не остановил взгляд на решетчатой конструкции купола, напоминающей строение клетки. Некоторые говорили, что централь-

ная часть потолка Саграда Фамилии похожа на сложный организм под микроскопом — сейчас, разглядывая залитый светом купол, Лэнгдон согласился с этим мнением.

— Профессор! — окликнул его знакомый голос.

Лэнгдон обернулся. К нему спешил отец Бенья.

— Простите, — с искренним сожалением произнес маленький священник. — Мне сказали, что вы *стоите в очереди* у входа. Вы же могли просто позвать меня!

Лэнгдон улыбнулся.

— Спасибо. Но мне как раз хватило времени, чтобы полюбоваться фасадом. К тому же я думал, вы спите.

— Сплю? — Бенья засмеялся. — Да вроде рановато.

— Сейчас здесь все не так, как было ночью, — заметил Лэнгдон, двигаясь вместе со всеми в сторону алтаря.

— Естественное освещение творит чудеса, — ответил Бенья. — Как и присутствие *людей*. — Он остановился и взглянул на Лэнгдона. — Раз вы здесь, мне хотелось бы кое-что показать вам и посоветоваться. Если возможно, конечно.

Пробираясь сквозь толпу, Лэнгдон пошел вслед за Беньей. Сверху доносились звуки стройки:

здание Саграда Фамилии продолжает расти.

— Вы смотрели трансляцию Эдмонда? — спросил Лэнгдон.

— Если честно, три раза, — рассмеялся Беньа. — Новое представление об энтропии, как о «желании» Вселенной рассеивать энергию… мне это напоминает книгу «Бытие». Когда я думаю о Большом взрыве и расширении Вселенной, я вижу, как расцветающее облако энергии распространяется все дальше и дальше в черноте космоса… и несет свет туда, где его никогда не было.

Лэнгдон улыбнулся. *Вот бы в детстве у меня был такой духовник.*

— Ватикан уже выступил с официальным заявлением по поводу открытия?

— Пока в процессе подготовки, но, похоже… — Беньа пожал плечами, — есть некоторые расхождения во взглядах. Вопрос о происхождении жизни, как вы знаете, всегда был камнем преткновения у христиан — в особенности фундаменталистов. Лично я считаю, мы должны решить его раз и навсегда.

— Правда? И как же нам его решить?

— Мы *все* должны сделать то, что уже сделали многие церкви — открыто признать, что Адама

и Евы не существовало, что эволюция — доказанный факт, а христиане, которые выступают против этого, *всех нас* выставляют дураками.

Лэнгдон остановился и уставился на старика-настоятеля.

— Да ладно вам! — Бенья рассмеялся. — *Я не обязан верить*, что *тот* же *Бог, который одарил нас чувствами, здравым смыслом* и *разумом*...

— *...при этом требует,* чтобы *мы отказались* от *их использования?*

— Вижу, вам знакомы слова Галилея, — улыбнулся Бенья. — В детстве я обожал физику; я пришел к Богу, испытывая глубокое уважение к материальной Вселенной. Это одна из причин, почему мне так близка идея Саграда Фамилии... Для меня это храм будущего, напрямую связанный с природой.

Лэнгдон размышлял, что Саграда Фамилия, как и римский Пантеон, может стать символом переходного периода: здание, которое «одной ногой стоит в прошлом, а другой — в будущем», своеобразный мост, ведущий от уходящей веры к зарождающейся. Тогда собор Гауди обретет огромную значимость, о которой никто раньше не подозревал.

Бенья вел Лэнгдона вниз по спиральной лест-

нице, знакомой еще с прошедшей ночи.

Снова крипта.

— Мне совершенно ясно, — говорил Бенья, пока они спускались, — что у христианства есть лишь один способ выжить в эру науки. Мы должны прекратить отрицать научные открытия. Мы не должны выступать против доказанных фактов. И мы должны стать духовным партнером науки, ведь нами накоплен огромный опыт: столетние философские изыскания, самоанализ, медитации… Все это поможет человечеству создать прочную моральную основу в новых условиях. И тогда стремительно развивающиеся технологии будут объединять нас, дарить свет и возвышать… вместо того чтобы вести к разрушению.

— Не могу не согласиться, — сказал Лэнгдон. *Я только надеюсь, что наука примет вашу помощь.*

Они спустились в крипту. Бенья прошел мимо усыпальницы Гауди к витрине с подаренной Эдмондом книгой Уильяма Блейка.

— Вот о чем я хотел поговорить с вами, профессор.

— О собрании Блейка?

— Да. Как вы помните, я обещал сеньору Киршу выставить книгу здесь. Я согласился, потому

что решил, что для него важна именно иллюстрация.

Они склонились над витриной, всматриваясь в придуманного Блейком Уризена — божество, циркулем измеряющее Вселенную.

— Но, — продолжал Бенья, — мое внимание привлек текст на соседней странице… думаю, вам нужно прочитать последнюю строку.

Лэнгдон, глядя на Бенья, продекламировал:

— Религий темных больше нет, царит блаженная наука.

— Вы знаете ее? — Бенья казался изумленным.

— Да, — улыбнулся Лэнгдон.

— Должен признаться, я глубоко встревожен. Меня волнуют эти слова… о темных религиях. Кажется, будто Блейк провозглашает все религии мрачными… недобрыми… или даже несущими зло.

— Это обычная неверная трактовка, — ответил Лэнгдон. — На самом деле Блейк был глубоко духовным человеком, я бы даже сказал, слишком духовным для выхолощенного малодушного христианства, господствовавшего в Англии восемнадцатого века. Он верил, что религии бывают двух видов: мрачные, догматичные, подавляющие творческую мысль — и светлые,

открытые новому, поощряющие творчество и саморазвитие.

Беньямин завороженно слушал.

— В этой последней строчке, — продолжил Лэнгдон, — Блейк хотел сказать вот что: «Блаженная наука прогонит прочь темные религии… и тогда воцарятся религии, несущие добро и свет».

Беньямин молчал, погрузившись в размышления. Потом легкая улыбка появилась на его губах.

— Спасибо, профессор. Вы только что помогли мне выбраться из очень неловкой ситуации.

Распрощавшись с настоятелем, Лэнгдон решил еще немного побыть в главном нефе собора. Он тихо сидел на скамейке среди сотен туристов и вместе со всеми наблюдал, как лучи заходящего солнца окрашивают лес деревьев-колонн в волшебные оттенки.

Он думал сейчас о всех религиях мира, об их общем происхождении, и о самых первых богах — о солнце, луне, море и ветре.

Когда-то мы, люди, были едины с природой. Все люди.

Конечно, единство давным-давно распалось, ему пришли на смену безнадежно разобщенные религии, и каждая из них провозглашала себя Единственно Верной.

Но сегодня в этом необычном храме Лэнгдон внезапно ощутил отблеск этого давнего единения. Рядом сидели люди разных религий и культур, с разным цветом кожи. Они говорили на разных языках. Но все вместе смотрели ввысь, объединенные ощущением чуда… простейшего из чудес.

Луч солнца на камне.

В голове Лэнгдона возникали образы — Стонхендж, великие пирамиды, пещеры Аджанты, Абу-Симбел, Чичен-Ица — сакральные места планеты, где древние люди собирались, чтобы увидеть точно такое же чудо.

И в этот самый миг Лэнгдон ощутил, как земля под ним тишайше, едва заметно дрогнула, как будто переломный момент уже наступил… как будто религиозная мысль дошла до самой дальней точки своей орбиты и повернула назад.

Она устала от долгих странствий и наконец возвращается домой.

Благодарности

Хочу выразить самую искреннюю благодарность всем, без чьей помощи эта книга не увидела бы свет.

Прежде всего моему редактору и другу Джейсону Кауфману — за высокий профессионализм и чутье, за бесконечные часы, проведенные вместе со мной «в окопах» без малейшего намека на усталость… Но самое главное — за неповторимое чувство юмора и понимание того, что именно я пытаюсь сказать в своих книгах.

Огромное спасибо моему несравненному агенту и верному другу Хейде Ланге за то, как ловко она руководит моей карьерой с неизменным энтузиазмом, энергией и заботой. Преклоняюсь перед ее бесчисленными талантами и бесконечно благодарен за преданность.

Благодарю моего дорогого друга Майкла Руделла за мудрые советы и за то, что он всегда подает пример доброты и милосердия.

Издательским группам Doubleday и Penguin Random House — глубокая признательность за многолетнее сотрудничество и веру в мои силы.

Отдельное спасибо Сьюзанн Херц за дружбу, отзывчивость и творческое участие во всех редакционно-издательских процессах. Особая благодарность Маркусу Долю, Сонни Мете, Биллу Томасу, Тони Кирико и Энн Месситт за бесконечную поддержку и терпение.

Искренне благодарю Нору Рейчард, Каролин Уильмс и Майкла Дж. Уинздора за невероятный труд на финишной прямой; а также Роба Блума, Джуди Джейкоби, Лорен Уэбер, Марию Карелла, Лоррейн Хайленд, Бет Мейстет, Кэти Харигэн, Энди Хьюза и всех фантастических ребят из отдела продаж издательской группы Penguin Random House.

Спасибо отличной команде издательства Transworld за неиссякаемую креативность и фантастические редакционные ноу-хау. Отдельно благодарю моего редактора Билла Скотт-Керра за дружбу и поддержку — на разных фронтах.

Глубочайшая благодарность моим издателям во всем мире. Скромные слова признательности — за вашу веру и огромный труд.

Отдельное спасибо незнающим усталости переводчикам из разных стран, людям, приложившим максимум усилий для того, чтобы этот роман был прочитан на разных языках. Моя

искренняя благодарность за ваше искусство, внимательность и самоотверженность.

Благодарю мое испанское издательство Planeta за неоценимую помощь в исследованиях и в переводе романа на испанский язык. Отдельное спасибо редакционному директору Елене Рамирес, а также Марии Гитарт Феррер, Карлосу Ревесу, Серджио Альваресу, Марку Рокамора, Авроре Родригес, Наиру Гутьересу, Лауре Диас и Феррану Лопесу. Особая благодарность генеральному директору издательства Хесусу Баденесу за поддержку, гостеприимство и храбрую попытку научить меня готовить паэлью.

Спасибо тем, кто помог организовать работу по переводу романа на испанский: Жорди Луньесу, Хавьеру Монтеро, Марку Серрато, Эмилио Пастору, Альберто Барону и Антонио Лопесу.

Благодарю неутомимую Монику Мартин и всю команду ее агентства MB, особенно Инес Планеси ТаксельТоррент, за помощь как в Барселоне, так и вне ее.

Моя искренняя благодарность литературному агентству Sanford J. Greenburger Associates, особенно Стефани Делман и Саманте Исман, за наше каждодневное сотрудничество.

В последние четыре года, пока я работал над

этим романом, многие ученые, историки, работники музеев, религиозные эксперты и целые организации совершенно бескорыстно предлагали мне помощь в исследованиях. Невозможно выразить словами мою безграничную признательность за их великодушие, экспертные советы и честность в высказывании своих мнений.

Искренняя признательность монахам и мирянам аббатства Монтсеррат: благодаря им мои поездки в монастырь были информативными и воодушевляющими. Сердечная благодарность отцу Мануэлю Гашу, Жозепу Альтайо, Оскау Бардайи и Гризельде Эспинах.

Благодарю команду блестящих ученых Суперкомпьютерного центра Барселоны, которые щедро делились со мной идеями, энтузиазмом, своим удивительным миром и, что самое главное, оптимистическими взглядами на будущее. Отдельное спасибо директору центра Матео Валеро, а также Жозепу Марии Марторелу, Сержи Жироне, Хосе Марии Села, Хесусу Лабарта, Эдуарду Айгуаде, Франсиско Добласу, Улисесу Кортес и Лурдес Кортада.

Нижайшая благодарность сотрудникам музея Гуггенхайма в Бильбао: ваши знания и художественное видение помогли мне углубить интерес

к современному искусству. Отдельное спасибо директору музея Хуану Игнасио Видарте, Алисе Мартинес, Идойе Аррате и Марии Бидауретте за гостеприимство и энтузиазм.

Благодарю сотрудников и смотрителей волшебного дома Мила — за теплый прием и рассказы о том, почему La Pedrera — уникальное архитектурное сооружение. Отдельное спасибо Марге Виза, Сильвии Вилларойа, Альбе Тоскуэлла, Луизе Оллер и Ане Виладомиу, живущей в этом доме.

За дополнительную помощь в исследованиях благодарю сотрудников информационной службы пальмарианской церкви в Пальмар-де-Троя, посольство США в Венгрии и отдельно редактора Берту Ной.

Огромная благодарность ученым и футурологам, с которыми я встречался в Палм-Спрингс, — их дерзкое видение завтрашнего дня оказало огромное влияние на этот роман.

Хочу сказать спасибо самым первым читателям (и добровольным редакторам) романа, особенно Хейде Ланге, Дику и Конни Браун, Блайт Браун, Сюзан Морхаус, Ребекке Кауфман, Джерри и Оливии Кауфман, Джону Чаффи, Кристине Скотт, Валери Браун, Грегу Брауну и Мэри Хабелл. Благодаря вам каждый день я верил, что все

получится.

Спасибо моей дорогой подруге Шелли Сьюард за опыт и внимательность (как профессиональную, так и личную), и особенно за то, что в пять утра она отвечала на мои звонки.

Спасибо моему компьютерному гуру, увлеченному и креативному Алексу Каннону, за постоянную работу с моими профилями в социальных сетях, с интернет-коммуникациями и вообще со всем виртуальным миром.

Благодарю мою жену Блайт за то, что она делится со мной своей любовью к искусству, за ее упрямый творческий дух и бесконечный талант генерировать идеи. Все это — источник моего вдохновения.

Мою личную ассистентку Сьюзен Морхаус благодарю за дружбу, терпение, огромное разнообразие навыков и умение незаметно для всех держать руку на пульсе.

Спасибо моему брату, композитору Грегу Брауну, за «Мессу Чарлзу Дарвину» — музыку, соединившую в себе древность и современность. Именно это произведение стало первоначальным импульсом к написанию романа.

И наконец, я хочу выразить благодарность, любовь и глубокое уважением моим родите-

лям — Конни и Дику Браун. Спасибо за то, что научили меня быть любопытным и всегда задавать трудные вопросы.